A detailed historical map of Saint-Petersburg, Russia, showing the city's layout along the Neva River. The map includes various districts and landmarks, with labels in French such as 'Isle', 'L'Apothicairerie', 'La Petite Neva R.', 'Grande', 'Neva R.', 'Quartier', 'la Fonderie', and 'La Fontanka R.'. The map is rendered in a light, sepia tone.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

5

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2015

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR HISTORY OF MATERIAL CULTURE

BULLETIN

№ 5

RESCUE ARCHAEOLOGY

ST. PETERSBURG

2015

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 5

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2015

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

Ответственный редактор, составитель Н. Ф. Соловьева

Технический редактор, оформитель С. Л. Соловьев
Корректор Е. С. Молчанова
Перевод: А. В. Гилевич

Бюллетень Института истории материальной культуры Российской Академии наук:
(охранная археология). [№] 5 / науч. ред. Н. Ф. Соловьева;
ИИМК РАН. – СПб.: Изд-во ООО «Периферия», 2015. – 250 с. : ил.

Bulletin of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences:
(rescue archaeology). [№] 5 / ed. by N. F. Solovyova;
IHMC RAS. – SPb.: Publishing House ООО «Periphery», 2015. – 250 pp. : ill.

ISBN 978-5-9907149-7-7

Периодическое издание посвящено охранно-археологической деятельности ИИМК РАН по изучению культурного наследия России. Пятый номер бюллетеня представляет результаты археологических исследований объектов культурного наследия Санкт-Петербурга и его окрестностей, а также других регионов России, которые были осуществлены Отделом охранной археологии ИИМК РАН в сотрудничестве с другими научными, образовательными и государственными организациями в 2012–2014 гг.

Издание предназначено для историков, археологов, государственных служащих, частных предпринимателей и широкого круга читателей, заинтересованных в научной и достоверной информации об истории России и состоянии памятников ее культуры.

This periodical is dedicated to the rescuing and archaeological activities of the Institute for the History of Material Culture (IHMC) RAS in studies of the cultural heritage of Russia. The fifth issue of the Bulletin presents the results of archaeological investigations of the cultural heritage of St. Petersburg and its surroundings, as well as other regions of Russian Federation, carried out in 2012–2014 by the Department for Rescue Archaeology of IHMC RAS in collaboration with other scientific, educational and public organizations.

This publication is intended for historians, archaeologists, government employees, private entrepreneurs and a wide circle of readers interested in reliable scientific information on history of Russia and the state of the monuments of its culture.

ISBN 978-5-9907149-7-7

**УДК 902/904
ББК 63.4**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
<i>Археологические исследования в Санкт-Петербурге и его пригородах</i>	
Археологическое обследование в усадебном парке поселка Шапки	13
<i>Ст. А. Васильев, С. А. Семенов</i>	
Курганно-жальничный могильник у деревни Бегуницы. Предварительные работы по определению современного состояния, сохранности и границ памятника	19
<i>С. А. Семенов, Ст. А. Васильев, А. Е. Носов</i>	
Исследования территории дворцового комплекса «Нижняя дача» в парке Александрия ГМЗ «Петергоф» в 2012–2013 гг.	25
<i>С. А. Семенов, И. А. Гарбуз, И. И. Еремеев</i>	
Предварительные археологические исследования на пересечении Среднего пр. и 7-й линии Васильевского острова	49
<i>С. А. Семенов, Д. Д. Ёлишин, А. М. Смирнов</i>	
Предварительные археологические исследования по адресу: Тележная ул., д. 32	57
<i>С. А. Семенов, А. М. Смирнов</i>	
Охранные археологические исследования по адресу: Свердловская наб., д. 12	63
<i>Р. В. Филиппенко</i>	
<i>Археологические исследования на Северо-Западе России</i>	
Археологическое изучение Ивангородского посада. Раскоп № 1	89
<i>А. В. Курбатов</i>	
Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ в 2012–2013 гг.	107
<i>Е. Р. Михайлова, Д. Н. Мурзенков, В. Ю. Соболев, И. И. Тарасов, И. А. Федоров, К. В. Шмелев</i>	
<i>Археологические исследования в регионах России</i>	
Охранные работы Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Иджим в 2014 г.	123
<i>С. В. Александров, Н. А. Боковенко, А. Ю. Городилов, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков</i>	
Охранные археологические исследования в Новокубанском и Успенском районах Краснодарского края в 2014 г.	163
<i>А. А. Иванов, Е. И. Нарожный, С. Л. Соловьев</i>	
Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Ээрбек в 2014 г.	193
<i>М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, Т. Р. Садыков, Вл. А. Семенов</i>	

Междисциплинарные исследования

**Обувь первых строителей Петербурга
(по материалам раскопок на ул. Сытнинской в 2013–2014 гг.)225**
А. В. Курбатов

**Первые строители Петербурга:
некоторые результаты изучения скелетных останков
из коллективных захоронений в районе ул. Сытнинской239**
И. Г. Ширококов, Е. Н. Учанева

Список сокращений249

Список авторов250

CONTENTS

Preface	9
<i>Archaeological Investigations in St. Petersburg and its Suburbs</i>	
Archaeological survey in the country house in the village of Shapki	13
<i>St. A. Vasilyev, S. A. Semenov</i>	
Kurgan-and-Zhalnik cemetery near the village of Begunitsy. Preliminary examination of the present-day state of preservation and limits of the site	19
<i>S. A. Semenov, St. A. Vasilyev, A. E. Nosov</i>	
Surveys of the area of the palace assemblage of «Nizhnyaya Dachа» in the Aleksandria Park in the State Museum Preserve «Peterhof» in 2012–2013	25
<i>S. A. Semenov, I. A. Garbuz, I. I. Ereemeev</i>	
Preliminary archaeological investigations at the intersection of Sredniy Avenue and the 7th Line of the Vasilyevsky Island	49
<i>S. A. Semenov, D. D. Jolshin, A. M. Smirnov</i>	
Preliminary archaeological investigations in the area of 32, Telezhnaya Str.	57
<i>S. A. Semenov, A. M. Smirnov</i>	
Rescue archaeological investigations in the area of 12, Sverdlovskaya Quay, Saint Petersburg	63
<i>R. V. Filippenko</i>	
<i>Archaeological Investigations in Northwestern Russia</i>	
Archaeological investigation of Ivangorod Posad. Excavation No. 1	89
<i>A. V. Kurbatov</i>	
Field investigations of the Prof. G. S. Lebedev Laboratory of Archaeology, Historical Sociology and Cultural Heritage, St. Petersburg State University, in 2012–2013	107
<i>E. R. Mikhaylova, D. N. Murzenkov, V. Yu. Sobolev, I. I. Tarasov, I. A. Fedorov, K. V. Shmelev</i>	
<i>Archaeological Investigations in Russian Regions</i>	
Rescue investigations of the Sayan Archaeological Expedition of IHMC RAS in the River Idzhim valley in 2014	123
<i>S. V. Aleksandrov, N. A. Bokovenko, A. Yu. Gorodilov, I. P. Lazaretov, A. V. Polyakov</i>	
Rescue archaeological investigations in the Novokubansky and Uspensky regions of Krasnodarsky Krai in 2014	163
<i>A. A. Ivanov, E. I. Narozhnyy, S. L. Solovyev</i>	
Investigations of the Tuva Archaeological Expedition of IHMC RAS in the River Eerbek valley in 2014	193
<i>M. E. Kihunovskaya, N. A. Lazarevskaya, T. R. Sadykov, Vl. A. Semenov</i>	

Interdisciplinary Studies

**Footwear of the first builders of St. Petersburg
(materials from excavations at Sytninskaya Str. in 2013–2014)225**
A. V. Kurbatov

**The first builders of St. Petersburg:
some results of studies of the skeletal remains
from collective burials in the area of Sytninskaya Str.239**
I. G. Shirobokov, E. N. Uchaneva

List of Abbreviations249

List of Authors250

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Объект археологического наследия – частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки»¹.

Объекты археологического наследия, как неотъемлемая часть культурного наследия Российской Федерации, являются государственной собственностью и охраняются государством в соответствии с законом Российской Федерации от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Согласно действующему законодательству любой хозяйствующий субъект обязан до начала землеустроительных работ принять меры к выявлению и сохранению объектов археологического наследия на территории, уходящей под хозяйственное освоение. «Спасательные археологические полевые работы – работы по сохранению объектов археологического наследия в случае невозможности обеспечить их физическую сохранность, проводимые методами научных исследований объектов археологического наследия с полным или частичным изъятием археологических предметов из раскопов в целях их сохранения и получения научных знаний»².

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории материальной культуры Российской академии наук» (ИИМК РАН) уже более полутора веков (с начала работы Императорской археологической комиссии в 1859 г.) проводит спасательные археологические исследования на всей территории государства. Результаты работ публиковались в виде монографий и статей в различных отечественных и зарубежных

изданиях. В последние годы в связи с повышением строительной активности и увеличением объемов охранно-спасательных работ института появилась необходимость регулярной публикации их результатов. Так, в 2010 г. появился первый выпуск ежегодника «Бюллетень ИИМК РАН. Охранная археология».

Настоящий, пятый, выпуск посвящен археологическим исследованиям 2014 г., которые были проведены в рамках гражданско-правовых договоров с хозяйствующими субъектами на проведение охранно-спасательных археологических мероприятий в зонах хозяйственного освоения территорий.

В 2014 г. ИИМК РАН заключил 42 таких договора. Виды проведенных работ тесно связаны с требованиями законодательства: составление исторических справок по объектам; разведывательные археологические исследования на предмет выявления наличия культурного слоя; наблюдения за земляными работами хозяйствующих субъектов; составление проектов организации археологических работ; охранно-спасательные археологические раскопки; составление разделов проектов по сохранению объектов культурного наследия для Главгосэкспертизы РФ.

География проведения охранно-спасательных археологических работ ИИМК РАН традиционно обширна – от Тувы до Выборга и Краснодарского края, от Кольского полуострова до Крыма. Большинство исследований проводилось на территории Ленинградской области, Санкт-Петербурга и его окрестностей (30 договоров).

Раскопки, проведенные в 2014 г. в исторической части города, дополнили источниковедческую базу ранней истории Санкт-Петербурга. При кажущемся изобилии письменных источников XVIII в. многие стороны быта и материальной культуры людей недавнего прошлого во многом остаются неизвестными. Это в полной мере относится к истории такого «молодого» города, как Санкт-Петербург. Проведенные Институтом истории материальной культуры в последние годы широкомасштабные археологические исследования исторического центра города принесли большой объем новой информации.

¹ Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации, утвержденное постановлением бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 27 ноября 2013 г. № 85, введение.

² Там же.

Одним из важнейших событий полевых сезонов двух последних лет стало открытие двух кладбищ первых строителей Санкт-Петербурга, относящихся к первому десятилетию XVIII в. Результаты раскопок кладбища, обнаруженного в 2013 г. в старейшей части города – на Петроградской стороне, на пересечении Большой Посадской и Малой Монетной ул., опубликованы в предыдущих выпусках «Бюллетеня ИИМК РАН»³.

В 2014 г. также на Петроградской стороне, рядом с Петропавловской крепостью, на Сытнинской ул. было найдено еще одно кладбище начала XVIII в., включавшее коллективные захоронения. Всего выявлено 255 скелетов. Захоронения, вероятно, связаны с эпидемией. Гробы найдены в единичных случаях. Почти все тела, завернутые в грубую ткань, были в три слоя в два ряда сложены в ямы. Как показали исследования антропологов, здесь, в отличие от кладбища на Посадской ул., похоронены люди, привезенные со всей европейской части России. Выражение «Петербург построен на костях» обрело материальное выражение.

Археологические разведки на окраине исторического района города выявили культурный слой XVIII – первой половины XIX в., в котором зафиксированы разновременные деревянные конструкции XVIII – начала XIX в. Часть объектов можно предположительно связать с поселением, существовавшим до основания Петербурга.

Благодаря полученной базе данных сотрудники отдела охранный археологии ИИМК РАН приступили к разработке электронной археологической карты Санкт-Петербурга, куда будет внесена информация о наличии культурного слоя и его состоянии, исходя из полученных результатов исследований.

Масштабные археологические полевые работы проводились в Ленинградской области, где заново были обследованы 50 выявленных ранее объектов культурного наследия, составлены их топопланы, описаны характеристики. Продолжены

³ Городилов А. Ю., Седых В. Н. Монетные находки в контексте раскопок по адресу: Санкт-Петербург, ул. Большая Посадская, д. 12 // Бюллетень ИИМК РАН. СПб., 2014. № 4. С. 379–386; Лапшин В. А., Городилов А. Ю. Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 году (раскоп 1) // Бюллетень ИИМК РАН. СПб., 2013. № 3. С. 25–34; Лапшин В. А., Глухов В. О. Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2012 году (раскоп 2) // Бюллетень ИИМК РАН. СПб., 2013. № 3. С. 35–40.

археологические исследования разведывательного характера в Тихвине, в поселках Студеное, Волосово и др. В Ивангороде Кингисеппского района продолжались археологические раскопки, связанные с реставрацией Ивангородской крепости.

Сотрудники ИИМК РАН совместно с Русским географическим обществом продолжили археологические исследования острова Гогланд.

Уже четвертый год ведутся масштабные археологические исследования в Республике Тыва и Красноярском крае в зоне строительства железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино. В результате разведывательных археологических работ ИИМК РАН в 2009–2011 гг. вдоль линии проектируемой железной дороги было выявлено 89 памятников археологии. Поскольку железная дорога должна пройти непосредственно через территории памятников или в угрожающей близости от них, перед проектировщиками, застройщиками, научным и культурным сообществом была поставлена задача не допустить, чтобы пострадало уникальное культурно-историческое наследие регионов. В итоге в 2011 г. ИИМК РАН разработал программу мероприятий по сохранению объектов культурного наследия в зоне строительства, а Русское географическое общество по инициативе его президента С. К. Шойгу объявило старт крупнейшему многолетнему проекту «Археолого-географическая экспедиция “Кызыл–Курагино”», предназначенному для российских и зарубежных студентов и молодежи, желающих принять участие в археологических экспедициях на трассе будущей железной дороги в качестве волонтеров.

Начиная с 2011 г. и по настоящее время археологи ИИМК РАН и волонтеры РГО при финансовой поддержке ТЭПК проводят раскопки археологических памятников, чтобы, изучив их, дать возможность строителям приступить к сооружению железнодорожной магистрали. В результате работ экспедиций уже накоплен бесценный материал по древним культурам региона от палеолита до средневековья, который значительно обогатит отечественную науку в сфере изучения истории Центральной Азии.

Благодаря проекту Русского географического общества впервые в истории новостроечной археологии страны одновременно с раскопками осуществляется культурно-просветительная деятельность: специалисты-археологи ведущих научных учреждений читают лекции сотням волонтеров РГО со всего мира, а волонтеры оказывают неоценимую помощь археологам при проведении раскопок и

одновременно, знакомясь с географией, историей и культурой региона, осознают необходимость беречь культурно-историческое наследие нашей цивилизации.

Проект РГО «Археолого-географическая экспедиция “Кызыл–Курагино”» получил высокую оценку общества. В декабре 2014 г. он стал победителем конкурса проектов РГО в номинации «Природное и культурное наследие России». На средства полученной премии РГО коллектив занятых в проекте специалистов ИИМК РАН издал научно аннотированный фотоальбом «Дорога длиной в тысячелетия...», посвященный уже полученным результатам охранно-спасательных археологических мероприятий, проводимых в зоне строительства железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино. На страницах альбома можно найти информацию об истории проекта строительства железной дороги в Туву, получить сведения об исследованных археологических памятниках разных эпох от палеолита до средневековья на территории Южной Сибири и Центральной Азии, увидеть фотографии и рисунки уникальных находок, сделанных петербургскими археологами и их коллегами из Кызыла, Москвы и Новосибирска, которые участвовали в проекте, и узнать о работе и повседневной жизни волонтеров Русского географического общества.

Неотъемлемой частью комплексных археологических работ являются антропологические и палеозоологические исследования, анализ полученных артефактов. «Бюллетень ИИМК РАН» традиционно публикует статьи, посвященные таким исследованиям, не стал исключением и пятый выпуск.

Н. Ф. Соловьева

Археологические исследования в Санкт-Петербурге и его пригородах

Археологическое обследование в усадебном парке поселка Шапки

Ст. А. Васильев, С. А. Семенов

В октябре 2014 г. силами сотрудников Отдела охранной археологии ИИМК РАН проведено обследование участка землеотвода под строительство биатлонно-лыжного комплекса на территории усадебного парка «Шапки» (Нижний) в пос. Шапки Тосненского района Ленинградской области (рис. 1).

Шапки как название местности и селения впервые упоминаются в «Переписной окладной книге Водской пятины» 1500 г. Шапкинская волость числилась в Ярвосельском погосте. В XV–XVI вв. существовал так называемый Шапецкий ям на Ореховой дороге. В начале XVIII в. находившиеся на этом месте пустоши Петр I пожаловал князю Василию Владимировичу Долгорукому. Стараниями князя здесь была обустроена мыза и деревня Шапки. В 1747 г. императрица Елизавета Петровна подарила шапкинские земли для строительства усадьбы своему духовнику протоиерею Ф. Я. Дубянскому. В 1786 г. на средства его сына, Я. Ф. Дубянского, была построена православная церковь Покрова Пресвятой Богородицы, после чего Шапки приобрели статус села и получили официальное наименование – Покровское. После смерти Якова Федоровича в 1807 г. Покровское досталось его младшему сыну Федору Яковлевичу.

В 1817 г. часть имения купил военный губернатор Санкт-Петербурга А. Д. Балашов, который на месте скромной усадьбы создал представительную барскую загородную резиденцию. За 20 лет А. Д. Балашов на 32 десятинах построил усадьбу с господским домом, службами, хозяйственными заведениями. К северу и юго-западу от хозяйственных построек раскинулся обширный пейзажный парк на выткнутой гряде холмов. В парке вырыли небольшой пруд по названию Верхний, с островком и на берегу поставили каменное здание библиотеки (рис. 2). На южной границе участка, примыкавшего к постройкам, развели огороды, фруктовые сады и построили оранжерею.

После смерти А. Д. Балашова помещьем владели его сыновья. В 1874 г. единственным хозяином поместья стал Петр Александрович Балашов. Тогда был сделан подробный план усадьбы в связи с тем, что владелец включил в ее состав лесной массив у озера Мельничного, превращенный в лесопарк (рис. 3). В 1884 г. П. А. Балашов продал поместье купцу и биржевому маклеру Ф. И. Петрокино. Предприимчивый новый владелец в 1907 г. начал строительство железнодорожной ветки до Тосно для перевозки песка, щебня и леса в Петербург. При прокладке подъездного железнодорожного пути в имении Шапки в 1910 г. был найден клад шведских медных монет (1/4 эре королевы Кристины 1633–1654 гг.) весом 29 фунтов.

С 1912 по 1917 г. имением Шапки владела графиня Ирина Васильевна Воронцова-Дашкова. Сразу после приобретения поместья она устроила временную церковь в здании библиотеки, так как Покровский храм сгорел еще в мае 1911 г. Церковь на историческом месте по заказу владелицы стали восстанавливать сразу по проекту А. П. Аплаксина и закончили только в 1918 г. В 1936 г. Покровский храм был закрыт, а в 1944 г. взорван отступающими немецкими войсками. Его руины были разобраны в 1967 г. Вполне вероятно, что на его месте могли сохраниться существовавшие храмовые погребения владельцев усадьбы (Отчет ИАК, 1913. С. 196; Лапшин, 1995. С. 152; Яковлев, 1999. С. 12–13; Мурашова, Мыслина, 2010. С. 217–242).

В настоящее время парк усадьбы занимает 43 га местности, примыкающей к пос. Шапки. Пейзажный парк расположен на холмах и склонах со спланированными дорожками, видовыми площадками и прудом с двумя островками. Два небольших пруда имеются в южной части Верхнего парка. Из строений сохранились развалины оранжереи и перестроенная под храм библиотека (рис. 4).

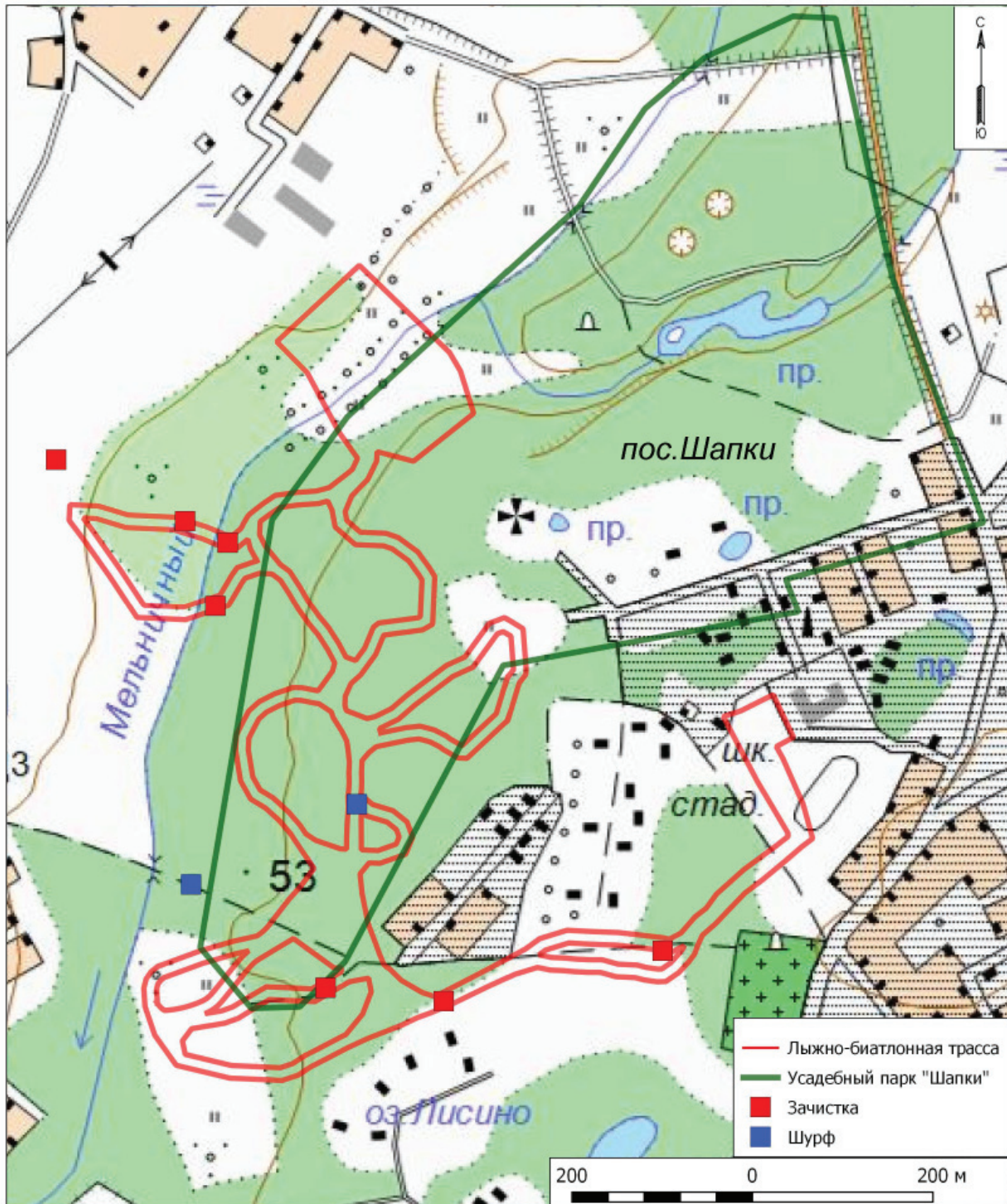

Рис. 1. План трассы проектируемого биатлонно-лыжного комплекса в пос. Шапки
Тосненского района Ленинградской области

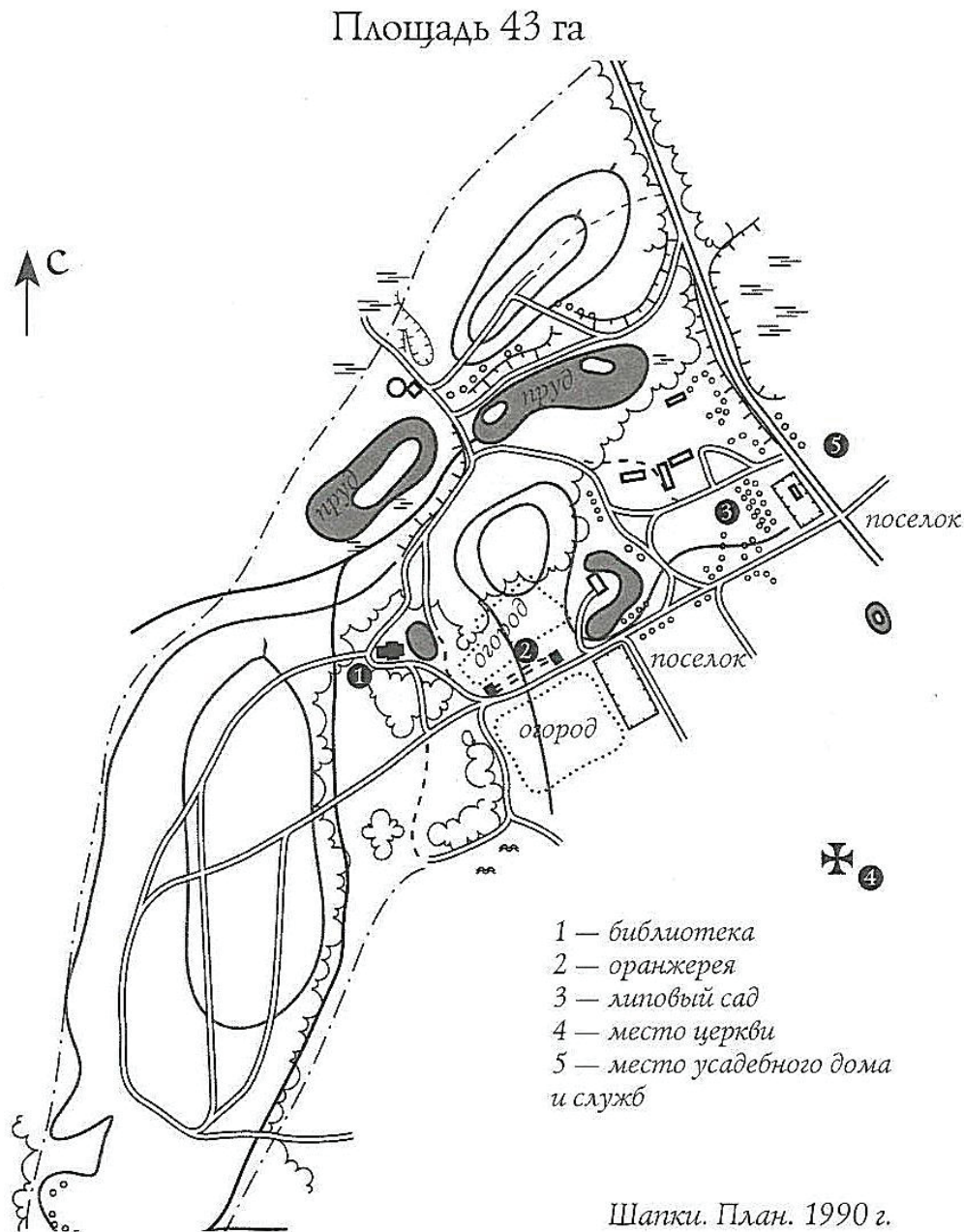

Рис. 2. План усадебного парка в пос. Шапки 1990 г. (Мурашова, Мыслина, 2010. С. 217)

Несмотря на то, что парковые насаждения активно вырубались как в военное, так и в послевоенное время, в зоне строений сохранились ряды лип возрастом 140 лет и группы елей возрастом 180 лет, на севере вдоль прогулочных дорог – остатки рядов елей, сосен и лип возрастом 120 лет. Парк сильно зарос самосевом. Вытянутая гряда на юго-востоке покрыта лесом возрастом 40–70 лет с преобладанием березы. Усадебный парк Шапки представляет собой пример пейзажного парка XIX в. в живописной

местности (Учетная карточка реестра объектов культурного наследия от 09.12.1991 г.).

Проектируемая полоса отвода для строительства лыжно-биатлонного комплекса проложена преимущественно по существующим грунтовым дорожкам усадебного парка Шапки (Нижний), захватывая также три участка поймы ручья Мельничный в северной, западной и южной частях землеотвода за границами парка. Лыжная база,

Рис. 4. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в пос. Шапки в здании бывшей усадебной библиотеки (с августа 1992 г.). Вид с запада

Рис. 5. Нижний пруд в усадебном парке пос. Шапки. Вид с юго-запада

Рис. 6. Усадебный парк Шапки, парковая дорожка. Вид с юго-запада

встречаются задернованные перекопы и воронки от снарядов времен Великой Отечественной войны. В северо-восточной части участка землеотвода, в 60 м к западу от нынешней Покровской церкви (бывшей помещицкой библиотеки), по краю верхней террасы проложена линия окопов и укреплений того же времени. Правый берег ручья Мельничного – относительно крутой залесенный склон, переходящий наверху в заброшенное пахотное поле, активно застраиваемое дачами.

При проведении обследования по маршруту полосы отвода были сделаны видовые фотографии, отражающие современное состояние территории. Отдельное внимание уделялось осмотру обнажений бортов грунтовых дорожек, открытым полянам и всхолмлениям древних береговых террас долины ручья Мельничного. В перспективных для обнаружения археологических памятников местах, в соответствии с договором, было заложено два шурфа размерами 2 × 2 м, общей площадью 8 кв. м, и сделано семь вертикальных зачисток обнажений грунта по проектной линии лыжной трассы (рис. 1).

Согласно результатам обследования местности, биатлонно-лыжная трасса частично совпадает с сетью существующих грунтовых дорожек на территории Нижнего парка, а также проходит по участку заболоченной поймы ручья Мельничного. При этом проектная полоса отвода не затрагивает территорию и постройки усадебного парка Шапки (Верхний), а ближайшая усадебная постройка –

церковь Покрова Пресвятой Богородицы (бывшая усадебная библиотека) – расположена на расстоянии более 120 м от границы землеотвода. Памятники археологии, а также остатки архитектурных объектов (фундаменты, стены), имеющие отношение к усадебным постройкам XIX в., на обследованной территории не обнаружены.

Источники и литература

- Лапшин В. А., 1995. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2: Восточные и северные районы. Л.
- Мурашова Н. В., Мыслина Л. П., 2010. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Тосненский район. СПб.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1909–1910 гг., 1913. Отдел II: Случайные находки и приобретения. С.-Петербургская губерния. СПб.
- Учетная карточка реестра объектов культурного наследия от 09.12.1991 г. Главк охраны памятников, Ленинградская область, Тосненский район, д. Шапки.
- Яковлев В. Г., 1999. Шапки. Краеведческий очерк. Тосно.

Курганно-жальничный могильник у деревни Бегуницы. Предварительные работы по определению современного состояния, сохранности и границ памятника

С. А. Семенов, Ст. А. Васильев, А. Е. Носов

По запросу Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия правительства Ленинградской области силами сотрудников Отдела охранной археологии ИИМК РАН в декабре 2014 г. проведены предварительные исследования по определению современного состояния и границ объекта культурного наследия федерального значения «Старые Бегуницы. Курганная группа, 230 насыпей X–XIV вв.» (Решение Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 г.). Памятник расположен в Волоховском районе Ленинградской области, в 45 км к юго-западу от г. Красное Село, в 21 км к юго-востоку от крепости Копорье, в 145 м к северу от автомагистрали М11 (Е20) «Нарва» (Санкт-Петербург – Нарва), на южной окраине д. Старые Бегуницы. Юго-восточную часть могильника занимает старое кладбище (рис. 1).

Впервые могильник, вероятно, раскапывался Л. К. Ивановским в 1873 г. Позднее А. А. Спицын в своей работе по исследованиям Л. К. Ивановского поместил изображение зооморфной (или орнитоморфной?) подвески «из Бегунич» (рис. 2), опубликованной первоначально в атласе финно-угорских древностей И. Р. Аспелина (Спицын, 1896. С. 120. Табл. XIII: 5; *Aspelin, 1876–1878. Fig. 1189*). В Национальном музее Финляндии сохранилась коллекция находок из раскопок курганов близ д. Бегунич в 1873 г., «по паспортным данным четко отождествляемой с д. Бегуницы» (Рябинин, 1981. С. 28).

В 1973 г. памятник зафиксирован, а в 1974–1978 гг. исследован Е. А. Рябининым (1974. Л. 5; 1976. С. 211–212; 1981), который раскопал 52 кургана XI – начала XIII в. (рис. 3). По совокупности вещевого материала, в могильнике выделяются ранние насыпи XI – начала XII в., диаметром 8–10 м и высотой 0,80–1,50 м, а также позд-

ние курганы конца XII – начала XIII в., преобладавшие на периферии и определившие верхнюю хронологическую границу перехода к захоронениям в подкурганных могильных ямах. В могильнике присутствуют погребения, совершенные как по обряду ингумации с восточной и западной ориентировкой костяков, так и по обряду кремации. Опираясь на результаты раскопок, исследователь пришел к заключению, что основная масса погребений (с восточной ориентировкой костяков) принадлежит неславянскому финно-угорскому населению. Захоронения с западной ориентировкой погребенных свидетельствуют о несколько более позднем, по сравнению с финно-угорским населением, оседании здесь древнерусских поселенцев. Погребения, в особенности с восточной ориентировкой костяков, сопровождались разнообразным погребальным инвентарем: монетами, украшениями, бытовыми изделиями как финно-угорских и прибалтийских, так и древнерусских типов.

В результате обследования могильника в 2014 г. были определены его примерные границы. Общая площадь памятника составила 57649 кв. м, его протяженность с северо-запада на юго-восток достигает около 384 м, с северо-востока на юго-запад – 136–212 м. Как было установлено, в настоящее время на территории памятника ведутся строительные работы: недавно в его северо-восточном углу было возведено строение (дом) и установлено ограждение участка размерами 90 × 32 м (рис. 4). На юго-западной границе могильника расположены огороженные частные усадьбы (рис. 5).

Исследования показали, что название памятника, обозначенное в федеральном реестре как «Курганная группа, 230 насыпей X–XIV вв.», не вполне отражает его характер и количественный состав погребальных комплексов. Как нам представ-

Рис. 1. Курганно-жальничный могильник у д. Бегуницы на карте Ленинградской области

Рис. 2. Зооморфная подвеска «из Бегунич»
(Спицын, 1896. Табл. XIII: 5)

ляется, исходя из наличия на территории этого археологического памятника не только курганных, но и жальничных погребальных комплексов (рис. 6), его следует относить к типу курганно-жальничных могильников. Жальничные погребения были отмечены уже в полевых отчетах Е. А. Рябина, а также на его полевых планах 1973 и 1977 гг. (Рябинин, 1974; 1977), где в юго-восточной части памятника, возле старого кладбища, отчетливо видны погребения с подквадратными каменными оградками, отмеченные буквой «Ж», и овальные могилы с большими камнями в головах и ногах погребенных. В полевом отчете 1973 г. исследователь указал, что жальничные комплексы круглой и прямоугольной формы занимают восточную оконечность могильника (Рябинин, 1974. Л. 5). Однако в официальном названии памятника жальники не упоминаются, поскольку они не были раскопаны Е. А. Рябиным, а в публикациях освещались лишь итоги раскопок курганных насыпей. В полевом отчете 1977 г. исследователь отмечал, что вопрос о жальниках не получил окончательного ответа, так как каменные оградки погребений могли сооружаться местным населением и в более позднее время. Позднее он

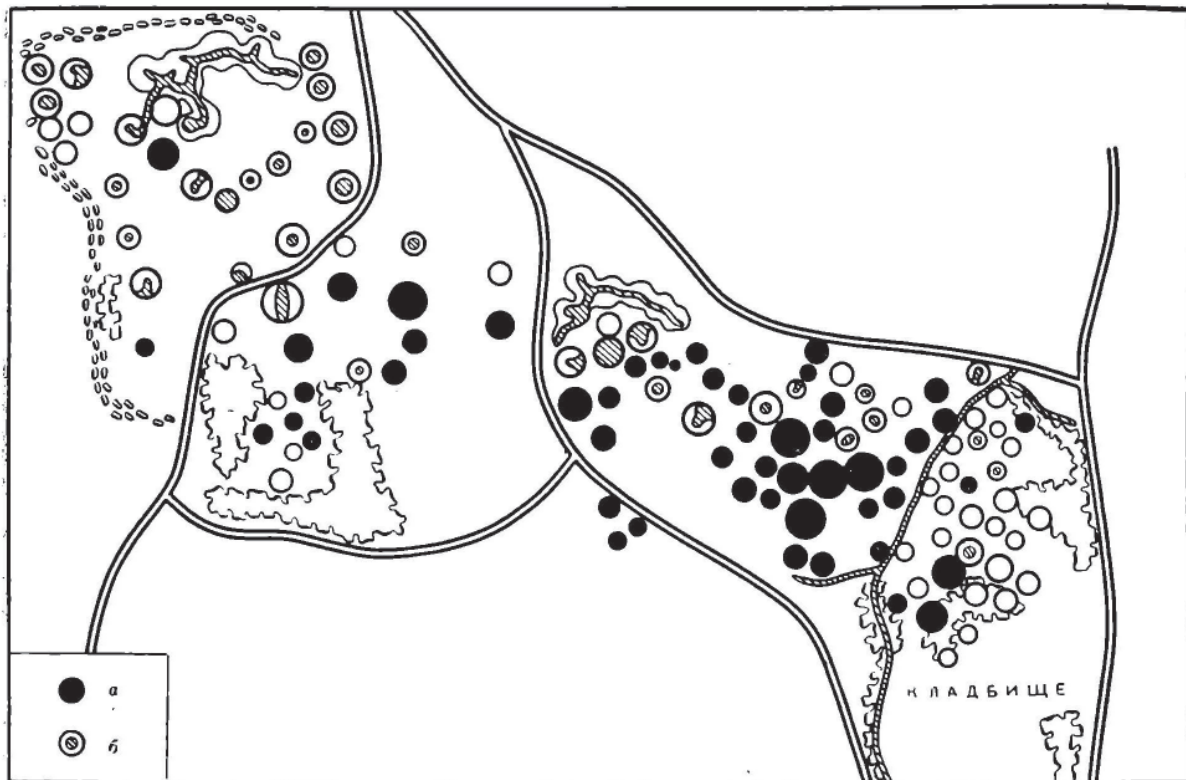

Рис. 3. План курганных насыпей могильника у д. Бегуницы 1977 г., без указания жальничных погребений:
а – курганы, раскопанные экспедицией; б – разрушенные и поврежденные насыпи (Рябинин, 1981)

Рис. 4. Частные строения на территории курганно-жальничного могильника у д. Бегуницы. Вид с северо-востока (точка съемки 1). Фотография 2014 г.

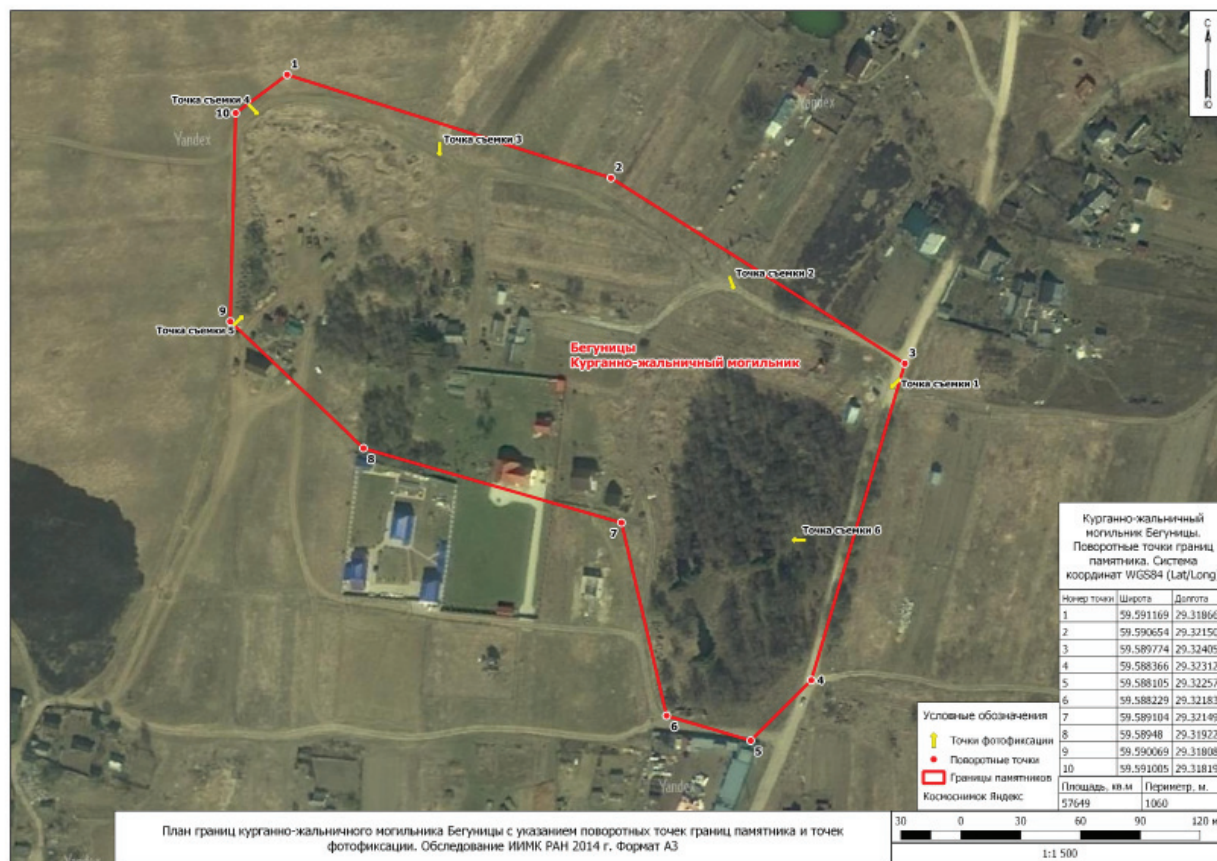

Рис. 5. План границ курганно-жальничного могильника у д. Бегуницы с указанием поворотных точек границ памятника

Рис. 6. Курган в юго-восточной части (на старом кладбище) курганно-жальничного могильника у д. Бегуницы. Вид с востока (точка съемки 6). Фотография 2014 г.

пришел к выводу, что курганы-жальники, равно как и жальничные могилы, вообще отсутствуют на памятнике (Рябинин, 2001. С. 30), хотя такое утверждение противоречит плану могильника, приведенному исследователем в полевом отчете 1977 г. (Рябинин, 1977). Во всех последующих публикациях Е. А. Рябинин определял этот памятник как курганную группу у д. Бегуницы, что и было отражено в федеральном реестре объектов культурного наследия. Между тем, по нашему мнению, не стоит исключать возможность наличия в могильнике грунтовых погребений с каменными обкладками, которые до сих пор остаются неизученными.

Следует отметить, что в источниках приводится разное количество погребальных комплексов на территории памятника. В полевом отчете 1973 г. Е. А. Рябинин сообщает, что могильник состоит из 230 курганов и жальничных комплексов, и отмечает их на плане памятника (Рябинин, 1974. Л. 5). Позднее, в полевом отчете 1977 г., Е. А. Рябининым указано, что могильник состоит из 143 курганных насыпей, однако в последующих публикациях упоминается всего лишь 130 насыпей (Рябинин, 1977. Л. 9; 1981. С. 29; 2001. С. 143). Между тем на плане памятника 1977 г. (Рябинин, 1977) отмечено 117 раскопанных и сохранившихся курганов и около 38 жальничных могил

(рис. 7). В свою очередь, В. А. Лапшин (1990. С. 89. № 663) сообщает о 230 погребальных комплексах: курганах высотой 0,30–2,20 м и диаметром 3–10 м, с каменными обкладками в основании и жальничных погребениях с круглыми и прямоугольными оградками. Точное количество сохранившихся курганных насыпей и жальничных могил в настоящее время неизвестно и требует уточнения.

В письме, отправленном нами в Департамент государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия правительства Ленинградской области, предлагается переименовать памятник, обозначив его как «Бегуницы. Курганно-жальничный могильник» в соответствии с археологической картой Ленинградской области, изданной В. А. Лапшиным в 1990 г. (Лапшин, 1990. С. 89. № 663).

В заключение отметим, что, согласно результатам исследований, проведенных Отделом охранной археологии ИИМК РАН в 2014 г., могильник Бегуницы в настоящее время находится в аварийном состоянии и под угрозой полного уничтожения, о чем направлено уведомление в Департамент государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия правительства Ленинградской области.

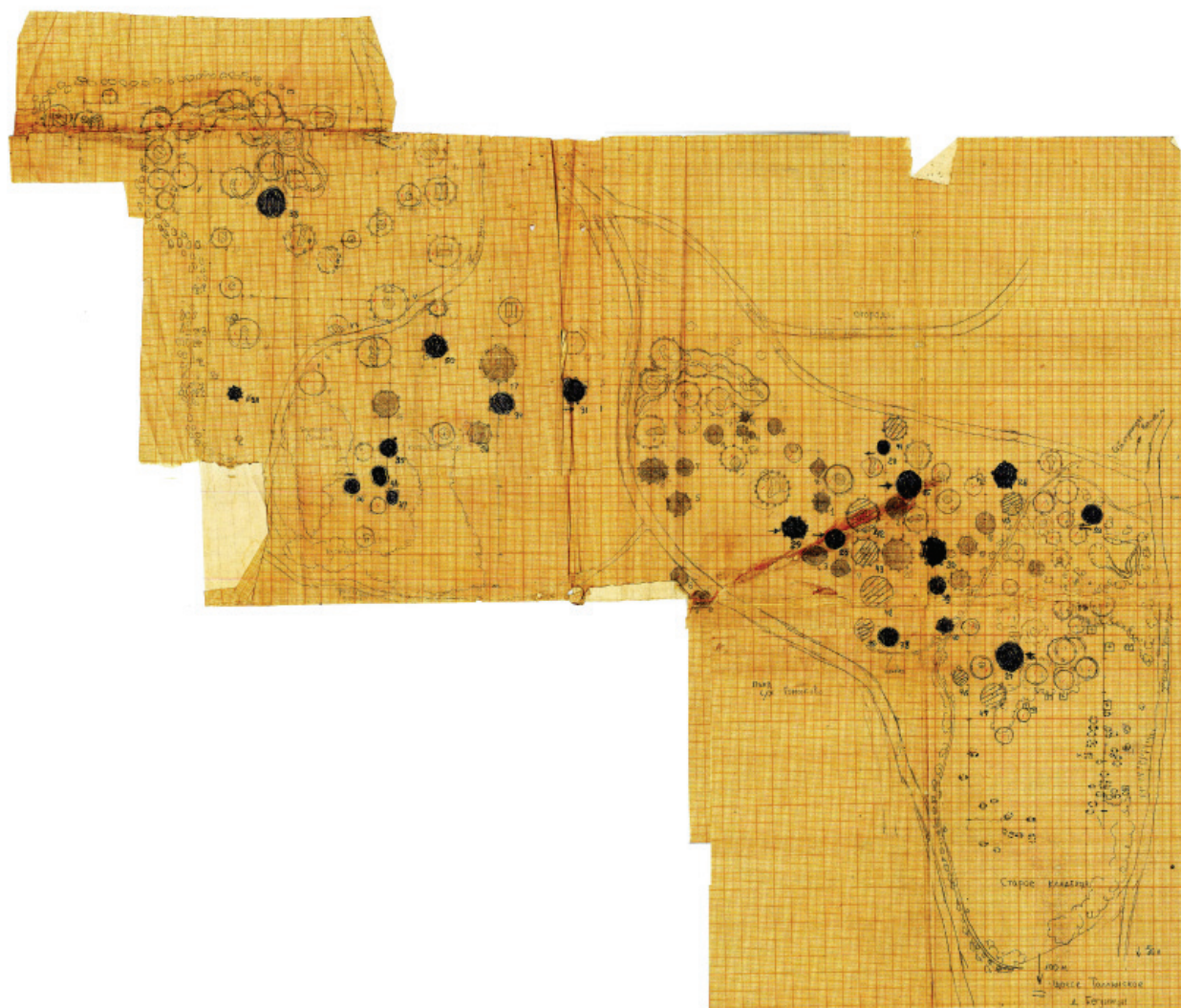

Рис. 7. Полевой план курганно-жальничного могильника у д. Бегуницы 1977 г. (Рябинин, 1977)

Источники и литература

- Лапшин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 1: Западные районы.
- Рябинин Е. А., 1974. Отчет о полевых исследованиях Ижорского отряда Северо-западной археологической экспедиции в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5228.
- Рябинин Е. А., 1976. Археологические памятники Вотской земли // СА. № 1.
- Рябинин Е. А., 1977. Отчет об археологических исследованиях Ижорского отряда Ленинградской экспедиции ЛОИА АН СССР // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 26 (полевой отчет), 29 (чертежи).
- Рябинин Е. А., 1981. Славяно-финно-угорские взаимоотношения в Вотской земле (по материалам работ Ижорской экспедиции) // КСИА. № 166.
- Рябинин Е. А., 2001. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб.
- Спицын А. А., 1896. Курганы Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. № 20.
- Aspelin J. R., 1876–1878. Antiquites du Nord Finno-Ougries. Helsingfors. Vol. 2–4.

Исследования территории дворцового комплекса «Нижняя дача» в парке Александрия ГМЗ «Петергоф» в 2012–2013 гг.

С. А. Семенов, И. А. Гарбуз, И. И. Еремеев

В декабре 2012 – феврале 2013 г. археологической экспедицией Отдела охранной археологии ИИМК РАН было проведено архитектурно-археологическое исследование территории дворцового комплекса «Нижняя дача», расположенной в северо-восточной части парка Александрия ГМЗ «Петергоф» (рис. 1). Археологические работы заключались в комплексном обследовании архитектурных сооружений и исторического ландшафта парка, прилегающего к территории Нижней дачи, с целью получения информации о первоначальной планировочной структуре участка, уточнения исторического рельефа, местоположения и габаритов утраченных зданий и сооружений, конструктивных особенностей дорожных покрытий, определения состояния фундаментов построек для проведения последующих реставрационных мероприятий.

Александрия и Нижняя дача Николая II остаются наименее исследованными участками Петергофского паркового ансамбля. В раннее время этому способствовал статус парка как императорской резиденции, закрытой для посторонних. После революции тема Александрии долго не пользовалась популярностью по политическим причинам, вследствие чего сведения об Александрии и Нижней даче в краеведческих очерках неполны (см., например: Пыляев, 2008; Чернобережская, 2008; Горбатенко, 2013). Основная информация, необходимая для историко-археологических изысканий, хранится в архивах. Интерес представляют очерки истории Александрии, сохранившиеся в архиве ГМЗ «Петергоф», написанные отставным фонтанным мастером титулярным советником Т. С. Чудиновым (1928; б/д). Довольно сомнительный с этической точки зрения очерк С. С. Гейченко (1934) о Нижней даче посвящен главным образом быту семьи последнего императора. Большой полнотой отличается историческая справка А. В. Шеманского (1940), однако она изобилует множеством неточностей, особенно

в части истории, касающейся территории будущей Александрии в XVIII в. Наиболее полным справочным исследованием является обзорная работа А. А. Белова, по определению самого автора, «конспективного характера» (Белов, 1998. С. 2). Истории строительства Нижней дачи посвящена неопубликованная работа Д. С. Никитиной (1998), а также историческая справка, составленная ЗАО «Собор», к рукописи «Нижняя дача в парке Александрия в Петергофе. Концепция воссоздания», любезно предоставленная нам дирекцией музея.

В последние годы проекты реконструкции Нижней дачи инициировали научную деятельность и привели к появлению нескольких серьезных исследований, в том числе и археологических (Бойцова, 2009; Каргопольцев, 2010; Каргопольцев и др., 2005, 2011). Значительный объем информации о быте императорской семьи имеется на интернет-сайтах, содержащих фотографии начала XX в., сделанные в Александрии приближенными Николая II. Сбор информации о жизни царской семьи на Нижней даче – тема отдельного большого исследования. Наконец, непосредственное отношение к истории Александрии имеет работа Ю. В. Кольцова (2010) о судьбе Петергофского десанта.

В истории Александрии прослеживаются две генеральные сюжетные линии. Первая из них связана с бытом царской фамилии, вторая – с историей Балтийского флота и Кронштадтской военно-морской базы. Обе эти линии завершаются трагически в годы Первой и Второй мировых войн. Все это характеризует комплекс Нижней дачи в историко-архитектурном пространстве Петергофа как мемориальный, нежели развлекательный.

Древнейшей археологической находкой из района Петергофа является клад арабских сереб-

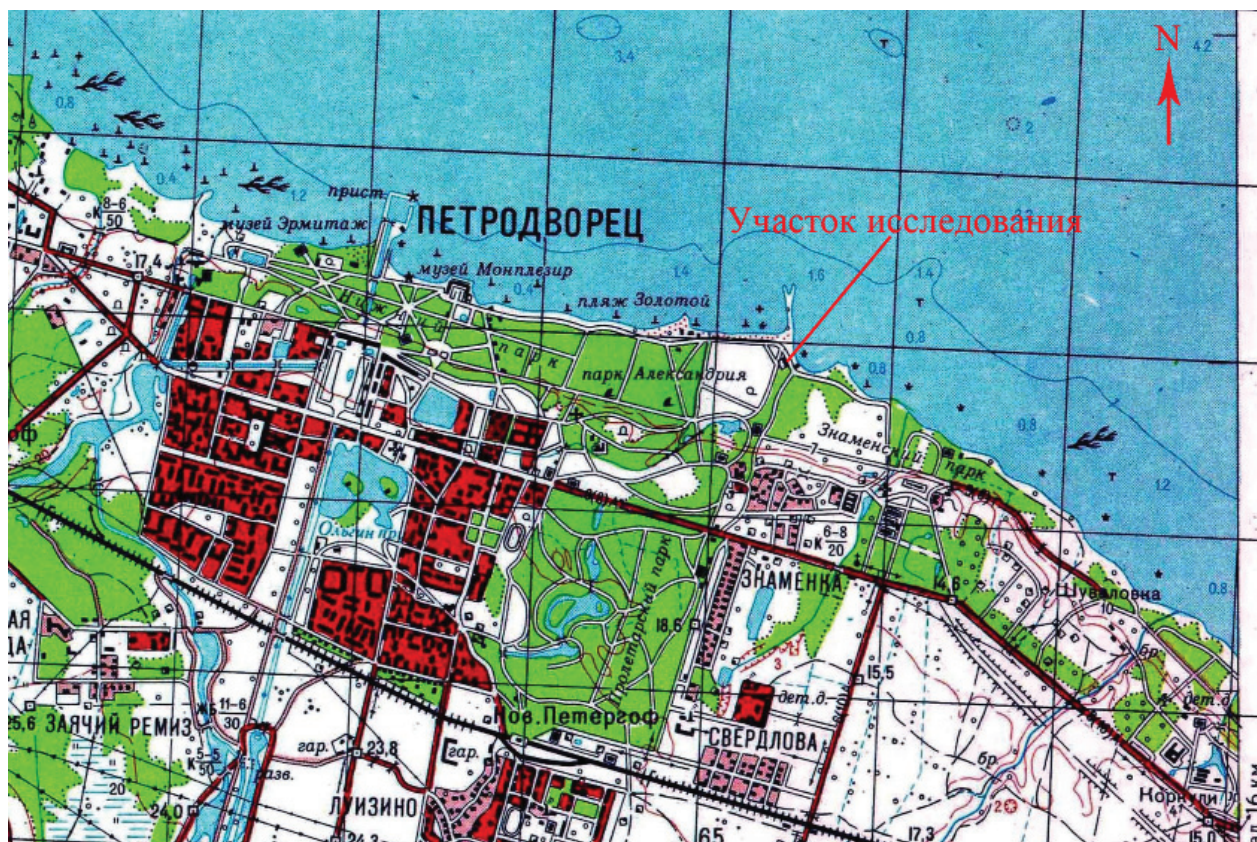

Рис. 1. Петергоф 2012–2013. Участок исследования в парке Александрия

ряных монет, найденный в начале лета 1941 г. Обстоятельства и точное место находки остаются невыясненными. Известно лишь, что сокровище было обнаружено где-то в районе Нижнего парка, на первой приморской террасе, возле какой-то дачи (Лебедев, 2002. С. 21). В 1966 г., сменив нескольких владельцев, клад поступил в ГИМ. На тот момент в нем насчитывалось 82 куфических и сасанидских монеты, хотя известно, что в кладе первоначально было не менее 98 монет. Дата чеканки младшей монеты клада – 804/805 г. Петергофский клад уникален большим количеством знаков, нанесенных на монеты их владельцами. Среди процарапанных граффити встречены: греческое имя Захариас, образец скандинавского рунического письма, арабские надписи. Ни в одном из известных кладов куфического серебра не найдено столько монет с граффити, их исследованию посвящена обширная научная литература (Добровольский и др., 1982, 1991; Мельникова и др., 1984; Лапшин, 1990; Лебедев, 2002).

Рассматривая вопрос о местонахождении клада, можно предположить, что в раннем средневековье в прибрежной части Александрии могли

быть устроены корабельные стоянки или кратковременные поселения. Один из таких пунктов, вероятно, стал местом сокрытия клада. В связи с этим особо следует обратить внимание на берег ручья, возле которого находилась недостроенная усадьба А. Д. Меншикова. Этот участок представляется наиболее перспективным для поисков средневекового культурного слоя. Также с большой долей вероятности можно увязать район сокрытия клада с сухопутной дорогой, издавна проходившей по краю второй береговой террасы. В любом случае уникальная находка свидетельствует о необходимости тщательного наблюдения за земляными работами в прибрежной части Петергофа ввиду возможного обнаружения следов раннесредневековых поселений и стоянок. Согласно археологической карте Ломоносовского района Ленинградской области, средневековые памятники концентрируются главным образом у северных отрогов ижорского плато (Лапшин, 1990. С. 79). Вместе с тем исследования последних лет в районе Усть-Луги показали, что побережье Финского залива в этот период не пустовало, а было занято населением, занимавшимся преимущественно рыбной ловлей и обслуживанием торгового пути.

Еще до основания Петербурга на низкой первой береговой террасе располагались временные рыбо-ловецкие стоянки и разного рода промысловые сооружения (коптильни для рыбы и т. п.), а по краю высокой второй береговой террасы Финского залива проходила дорога, вдоль которой протянулась цепь поселений.

В 1714–1720-х гг. местность будущей Александрии принадлежала графу Я. В. Брюсу, построившему здесь первый каменный дворец (Горбатенко, 2013. С. 302). На нижней террасе был разбит сад. К востоку от дачи Я. В. Брюса располагалась деревянная усадьба прапорщика лейб-гвардии Данилы Чевкина. В 1726 г. дача Я. В. Брюса и несколько соседних участков оказались в руках А. Д. Меншикова (Горбатенко, 2013. С. 303), который начал строительство нового пышного дворца на правом берегу ручья, прорезавшего вторую береговую террасу. После опалы и ссылки А. Д. Меншикова строительные работы были остановлены. Дворец постепенно разрушался и разбирался местными жителями.

В 1728–1733 гг. территорией будущей Александрии владели князья Долгорукие, также не сумевшие освоить эти земли. Участок запустел и получил название «долгоруковых пустых мест» (Пыляев, 2008. С. 413). Поселения и пахотные угодья располагались в этот период на высокой береговой террасе. Нижняя терраса была полностью занята лесом. Около середины XVIII в. на ней появились две дороги, которые и в настоящее время, став парковыми аллеями, определяют пространственную планировку Александрии.

В 1730-х гг. территория, примерно соответствовавшая современной Александрии, перешла в дворцовое ведомство и получила статус императорского Зверинца. Она была обнесена палисадом, а на верхней террасе поставлена охотничья беседка – «Темпль». К 1748 г. Зверинец был поделен на три прямоугольных участка. Северо-восточный сектор, на котором позже будет построена Нижняя дача, полностью был занят лесом. Здесь содержались росомахи, бобры, песцы, кабаны, барсы, буйволы, олени, тигры и другие редкие животные. Наибольшее внимание уделялось Зверинцу в царствование Анны Иоанновны (1730–1740), увлекавшейся охотой.

При Екатерине II Зверинец пришел в упадок, а в начале XIX в. был ликвидирован. Часть его, расположенная на верхней террасе и по берегам ручья, была отдана под огороды лейб-гвардии Драгунскому полку вплоть до 1825 г. (Шеманский,

1940. С. 3). Вся нижняя терраса Александрии была занята густым лесом.

Парк Александрия основан в 1825 г., когда территория бывшего Зверинца была подарена Александром I великому князю Николаю и получила название «собственной его величества дачи Александрии» (в честь супруги Николая I Александры). До 1917 г. Александрия оставалась частным владением императорской семьи, а с 1825 г. начинается преобразование леса на нижней приморской террасе в парк: вместо елок, ольхи и осины высаживаются благородные породы лиственных деревьев (Белов, 2000. Л. 1). После закладки Коттеджа нижняя терраса была расчищена и превращена в луг.

Первым архитектурным сооружением на этом месте стала башня оптического (семафорного) телеграфа Кронштадской телеграфной линии, построенная в 1833–1834 гг. И. И. Шарлеманем и инженером П. Шато. Система станций телеграфа соединяла императорскую усадьбу с Кронштадтом и в конечном итоге с Зимним дворцом в Петербурге¹. Постройка представляла собой прямоугольное в плане четырехэтажное здание. Фундамент был сложен из камня и бутовой плиты, на котором была выложена «кирпичная стенка толщиной в два кирпича, вышиною в один аршин» (Никитина, 1998. С. 3). Стены башни бревенчатые с дощатой обшивкой. Площадка балкона и крыша были покрыты свинцом. На вершине башни находилась мачта с подвижной металлической конструкцией семафора. Тогда же, по распоряжению

¹ В царствование Николая I был создан особый Комитет при Военном министерстве для рассмотрения предлагаемых к использованию в России оптических телеграфов. С 1827 по 1833 г. комитет рассмотрел множество проектов русских и иностранных изобретателей: капитан-лейтенанта Чистякова, купца Щегорина, генерала Карбоньера, Ферье, Леру, Тонеля, Шато, Ганона и др. Для постройки в России выбрали оптический телеграф, разработанный бывшим сотрудником К. Шаппа инженером Жаком Шато. В России его называли Петром. Конструкция его телеграфа намного проще, чем у Шаппа: для визуальной передачи использовалась всего одна «семафорная штанга», напоминавшая Т-образную стрелку, на трех концах которой в темное время суток зажигались фонари. «Стрелка» могла вращаться и принимать восемь различных фиксированных положений. В их сочетаниях закодированы отдельные буквы, цифры и целые фразы. Шато разработал не только конструкцию самого телеграфа, но и словарь кодов для составления посланий – «Устав телеграфическим сигналам» (Маценков, Орлов, 2008).

Николая I, на участке берега напротив башни был сооружен откос из булыжного камня для защиты от наводнений и подвижек льда в зимнее время. Это сооружение отмечено на нескольких планах Александрии 1840-х – начала 1880-х гг., хранящихся в Архиве ГМЗ «Петергоф».

Близ башни оптического телеграфа, к юго-востоку от нее, в те же годы была поставлена мачта морского телеграфа. Эти средства связи позволяли императору отдавать распоряжения во время морских маневров и сыграли некоторую роль в военном противостоянии англо-французской эскадры и русского флота на Кронштадтской минно-артиллерийской позиции в 1854–1855 гг. В 1838–1839 гг. вблизи телеграфной башни к юго-востоку от мачты морского телеграфа появились кухня и столовая, сложенные из булыжного камня (Белов, 1998. С. 42).

До нас дошло довольно много изображений телеграфной башни в Александрии (некоторые из них демонстрируются в недавно открытом музее «Императорская телеграфная станция» в Петергофе). В частности, башня оптического телеграфа Александрии в рабочем состоянии показана на известной картине Франца Крюгера, изображающей императора Николая I возле Коттеджа. Дошедшие до нас фотографии башни относятся к тому времени, когда семафор на ее вершине был уже демонтирован.

В 1850-е гг. с распространением электрического телеграфа семафорный выходит из употребления. В течение некоторого времени в башне оптического телеграфа в Александрии размещалась станция новейшего электромагнитного телеграфа Башня неоднократно ремонтировалась. В дальнейшем ветшающее помещение перестало удовлетворять нуждам новой службы. В 1858 г. на верхней террасе Александрии было построено здание новой телеграфной станции, сохранившееся до настоящего времени. Башня оптического телеграфа в Александрии была разобрана в 1885 г. перед строительством Нижней дачи (Белов, 1998. С. 43).

Изображения мачты морского телеграфа на гравюрах и акварелях хорошо известны. Планы северо-восточной части Александрии помещают это сооружение к юго-востоку от башни оптического телеграфа. На территории соседнего имения Знаменка в 1846 г. А. И. Штакеншнейдером был построен павильон павильон Ренелла, в готическом стиле (Белов, 1998. С. 57). Эта постройка составляла единый архитектурный ансамбль с башней телеграфа, богатой декоративным убранством, и мачтой

морского телеграфа с флагштоком. Павильон Ренелла существовал еще в начале XX в., о чем свидетельствует ряд фотографий императорской семьи, сделанных в 1900-х гг. В настоящее время от павильона сохранилась часть фундамента и ведущая к нему сильно размытая дамба.

Для строительства Нижней дачи требовалась значительная территория. Чтобы не нарушать сложившийся парковый ландшафт перед Коттеджем, для этой цели был выделен участок дачи Знаменка, принадлежавшей великому князю Николаю Николаевичу. К Александрии также была присоединена полоса земли с ведущей к побережью дорогой и часть берега с прибрежной дорогой. На этом участке впоследствии разместились караулка и служебные постройки. Канал, по которому вытекала вода из пруда перед Коттеджем, был заключен в трубу и засыпан.

Распоряжение Александра III о сносе башни оптического телеграфа и о строительстве на его месте каменной дачи с башней для цесаревича Николая Александровича относится к февралю 1882 г. Весной того же года архитектором А. О. Томишко царю было представлено несколько проектов. Первоначально планировалось построить двухэтажное здание с четырехэтажной башней.

В дальнейшем первоначальный замысел Александра III претерпел существенные изменения. Требования к размерам и назначению постройки возросли: теперь планировалось возвести на берегу залива не парковый павильон, а просторный дворец, где императорская семья могла бы проводить летние месяцы. Этой идее соответствовал второй вариант проекта, разработанный тем же архитектором и утвержденный 29 мая 1882 г. Отстроенный Нижний дворец (Северный корпус) был освящен 16 июня 1886 г. (Никитина, 1998. С. 12).

После усовершенствований первоначального проекта основной корпус Нижней дачи представлял собой четырехэтажное здание с шестизэтажной башней-донжоном, украшенной балюстрадой и увенчанной высоким шпилем-флагштоком (рис. 2; 3). Башня занимала юго-западный угол постройки. На северном фасаде, на уровне второго этажа, имелась лоджия, выделенная аркадой. В лоджию вела каменная лестница. На западном фасаде располагался полукруглый в плане двухэтажный выступ с полуциркульными окнами второго этажа. На уровне третьего этажа, на выступе, располагался балкон, перекрытый легким навесом. Еще один балкон имелся на южном фасаде дворца. Парадный подъезд находился с южной

Рис. 2. А. О. Томишко. Общий вид Нижней дачи со стороны залива. 1897 г. Акварель.
Архив ГМЗ «Петергоф», ПДМП. Инв. № 1252

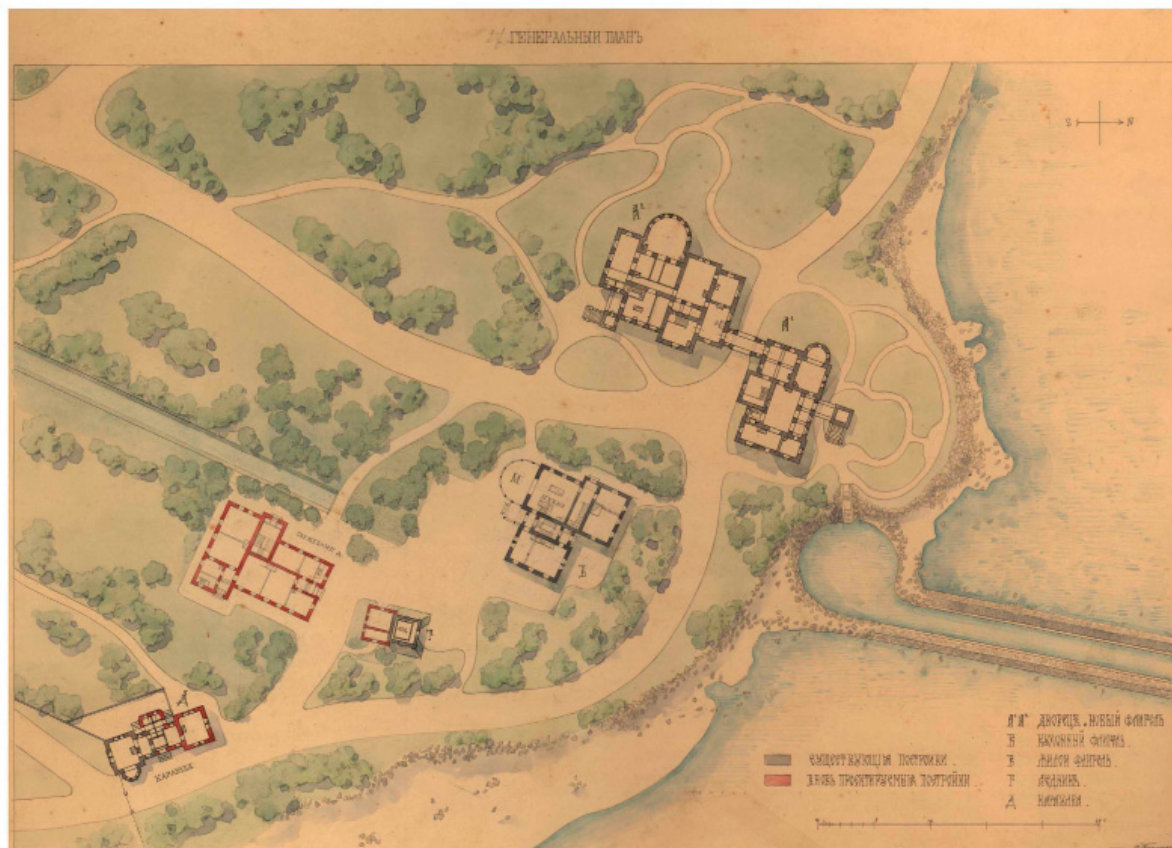

Рис. 3. А. О. Томишко. Генеральный план строений Нижней дачи. 1890-е гг. Акварель.
Архив ГМЗ «Петергоф», ПДМП. Инв. № 1261

стороны здания. Цоколь здания и замковые камни были выполнены из розового гранита, нижний этаж облицован серой путиловской плитой. Стены кирпичные, покрытые полихромным кирпичом двух оттенков – желтого и терракотового. Детали парадного подъезда и декоративной отделки фасадов выполнены из светло-серого бременского песчаника (Бойцова, 2009). Дворец имел печное отопление и водопровод.

В 1880-х гг. на газоне перед южным фасадом Нижней дачи были установлены стволы двух пушек, привезенных из Севастополя (Белов, 1998. С. 50). Позднее, после постройки Детского корпуса, одна из этих пушек была перемещена к лестнице гавани для шлюпок и служила членам императорской семьи излюбленным местом для позирования перед фотографом.

После коронации Николая II и его женитьбы в конце 1894 г. Нижняя дача становится постоянной летней резиденцией. В связи с различными семейными событиями сооружения Нижней дачи неоднократно перестраивались. Наиболее крупная перестройка здания произошла после 1895 г. и связана с возведением детской половины дворца. В результате этого появился южный корпус, соединенный с основным зданием трехэтажным коридором с проездной аркой. Проект южного корпуса также выполнен архитектором А. О. Томишко (рис. 3). Строительство нового здания и галереи было завершено весной 1897 г. Здание было выполнено из тех же материалов и в том же стиле, что и первоначальный северный корпус.

Южный корпус в плане был близок к прямоугольнику и имел четыре этажа. С запада к основному объему примыкал полукруглый двухэтажный эркер с открытым балконом (Детский балкон). С южной стороны располагалась терраса с Г-образной в плане двухпролетной наружной лестницей. Первоначально открытая терраса позднее была перекрыта легким навесом. В парадном вестибюле располагался водяной лифт, поднимавшийся до третьего этажа.

Еще на первом этапе строительства на территории дачи со стороны Знаменки была выстроена караулка с парадными воротами (рис. 3). В 1898 г. здание было увеличено: к нему пристроили помещение для дежурного офицера. Позади караулки разместился обнесенный забором хозяйственный двор с четырьмя сараями и навесом для дров. К юго-востоку от основных построек разместили псарню, а перед караулкой была оборудована просторная площадка для экипажей. К востоку от нее, за оградой Нижней

дачи, был возведен деревянный барак для матросов, к которому в 1910 г. сделана пристройка для квартиры матроса Деревенько («дядьки» цесаревича Алексея).

В 1883–1884 гг. А. О. Томишко построил служебный дом и кухню. Первоначально двухэтажный кухонный домик состоял из двух объемов, соединенных переходом. В 1895 г. у кухни появился дополнительный флигель. В 1899 г. здание было перестроено: возведена новая каменная лестница и выполнен ряд мелких изменений. На южном фасаде здания появился застекленный железный балкон (Бойцова, 2009. С. 10). В 1897–1898 гг. по проекту А. О. Томишко к востоку от кухонного домика был построен трехэтажный дом для прислуги с водонапорной башней, подававшей воду в гидравлический лифт и обеспечивавшей работу водопровода во всех зданиях Нижней дачи. В комплекс построек входил также ледник (старый и новый, построенный в 1898 г.) и навес для байдарки, катанием на которой император увлекался в дни отдыха.

Одной из последних построек на Нижней даче было довольно элегантное отхожее место, выполненное из бетона, на территории хозяйственного дворика при караулке. Туалет предназначался для рабочих, занятых обустройством сооружений и парка при даче.

В Архиве ГМЗ «Петергоф» находится несколько вариантов проекта гавани для шлюпок, выполненных архитектором Л. Семеновым в 1892 г. В результате долгого выбора был утвержден проект длинного мола с каналом и гаванью, в которую с площадки перед лестницей северного корпуса спускалась узкая каменная лестница. В 1895–1897 гг. работы по сооружению канала и дамбы до морского фарватера вело Морское ведомство. Длина дамбы составила 150 саженьей. Канал заканчивался у дворца гаванью-ковшом со стенами ряжевой конструкции, обшитыми в два слоя досками (рис. 4). По гребню ковша были устроены мостки с перилами.

В 1898 г. на Нижней даче были усовершенствованы дороги, разбиты новые клумбы, проведены работы по подсыпке берега, проложены магистрали для отвода сточных вод. Последние обновления комплекса построек связаны с электрификацией Нижней дачи, осуществленной в 1908–1910 гг., когда на ее территории появился трансформаторный киоск, сохранившийся до наших дней.

На протяжении первых пяти лет после постройки Нижняя дача служила гостевым домом

Рис. 4. Комплекс построек Нижней дачи в Александрии, 1910-е гг. Архив ГМЗ «Петергоф», ПДМП. Инв. № 744

для приближенных к императорской фамилии. С 1895 г. Нижняя дача стала любимой загородной резиденцией царской семьи, чему в немалой степени способствовала изолированность ее от внешнего мира, рождавшая иллюзию защищенности. Здесь родились три дочери Николая II – Татьяна, Мария

и Анастасия – и цесаревич Алексей. Нижняя дача, предназначенная для семейного отдыха, не являлась парадной резиденцией, официальных приемов здесь не бывало. Тем не менее с ней связан ряд выдающихся исторических событий. Здесь Николаем II был подписан манифест о вступлении России в мировую войну (Гейченко, 1934. С. 6) и некоторые другие важные документы.

История Нижней дачи в советский период – это история гибели памятника. Сохранилось очень мало документов этого времени. Территория бывшей императорской дачи являлась «вымороженным» имуществом с сомнительным политическим прошлым и часто меняла ведомственную принадлежность. В 1918–1920 гг. Нижняя дача находилась в ведении Народного комиссариата государственных имуществ. В 1920–1932 гг. она отошла к Наркомату просвещения. В 1932–1940 гг. дача оказалась у Ленинградского городского совета депутатов трудящихся (а именно, в ведении Управления культурно-просветительскими мероприятиями). Накануне войны Александрией распоряжалась дирекция Петергофских дворцов-музеев и парков (Шеманский, 1940. С. 3–6).

До 1936 г. Нижняя дача была «дворцом-музеем», рассказывающим о частной жизни последнего императора (Шеманский, 1940. С. 8). Несмотря на частичное разграбление, интерьер жилых комнат продолжал сохраняться. Позже часть помещений дворца была отдана под дома отдыха (Никитина, 1998. С. 21). Именно к этому времени относятся фотографии, на которых Новый дворец обнесен деревянным забором-штакетником с предупреждающими табличками. Во дворце и соседних корпусах располагались дом отдыха Союза печатников и база отдыха ленинградского отделения Союза профсоюзов (Петергоф и Ораниенбаум, 1937; Кольцов, 2010. С. 78). Также имеется информация, пока еще не подкрепленная архивными источниками, что в конце 1930-х гг. Нижняя дача была предоставлена дому отдыха НКВД. По всей видимости, единственной постройкой, относящейся к советскому времени, следует считать фонтан, сооруженный в южной части территории дачи во второй половине 1930-х гг. (Каргопольцев и др., 2011. С. 62). В эти годы дача заметно обветшала. Исчезли севастопольские пушки – памятники русской воинской славы, от одной из которых остался лишь пустой постамент, встречающийся на фотографиях 1920-х гг.

В конце июля 1941 г. санаторий ЦК Союза полиграфической промышленности был отдан в ведение Медико-санитарного отдела Краснознаменного Балтийского флота, и в нем разместился дом от-

дыха для выздоравливавших после ранений летчиков ВВС КБФ, просуществовавший там менее двух месяцев (Кольцов, 2010. С. 79). К Петергофу подходил фронт. Немецкие части, как известно, вошли в петергофские парки с востока, зайдя в тыл укрепрайону, построенному на линии Английских прудов.

Александрию обороняла 1-я Отдельная бригада морской пехоты КБФ, из-за потерь сведенная в батальон численностью около 300 человек. К восточной границе парка моряки отошли из-под Стрельны вечером 20 сентября под сильным давлением частей немецкой 1-й пехотной дивизии. Утром 21 сентября бой шел на восточной границе парка, которая из-за оврага и канала (сыгравшего в какой-то момент роль противотанкового рва), выходящего к заливу на территории Нижней дачи, представляла некоторые удобства для обороны. Морякам удалось отбить атаку четырех танков, пытавшихся прорваться в Нижний парк через Никольские ворота Александрии. В первой половине дня немцы овладели Нижней дачей, но не смогли там закрепиться и к 16 часам были выбиты (Жигарев, 1971. С. 44).

По данным бывшего начальника оперативной части штаба 1-й Отдельной бригады, 22 сентября бой в Александрии продолжался. Моряки, имевшие уже опыт боевых действий на суше и полевую артиллерию, воевали хорошо. Имеются данные о захвате ими 28 пленных и шести пулеметов (Жигарев, 1971. С. 44). О тяжелых боях между Петергофом и Стрельной упоминается и в боевых документах 1-й пехотной дивизии.

Несколько по-иному описаны события в дошедших до нас гражданских документах, в которых сообщалось, что «к 23 часам 21 сентября обстановка на территории Петергофских дворцов-музеев стала напряженной» (Отчет о состоянии Петергофских дворцов-музеев, 1941. Л. 5). Территория Александрии в этот период начала подвергаться минометному и пулеметному огню. К утру 22 сентября, согласно «Отчету», немцы заняли часть парка. Советские войска продолжали удерживать оборонительную линию примерно по ул. Аврова. Похожим образом описывает события командующий оборонявшей Петергоф 8-й армии В. И. Щербаков, вспоминая 21 сентября как день боя за Стрельну (Щербаков, 1996. С. 71). Как бы то ни было, 22 сентября немцы заняли почти весь Новый Петергоф, и возникла угроза того, что советские войска в Александрии будут окружены и прижаты к заливу. В этой ситуации находившимся на нижней террасе морякам не оставалось ничего другого, кроме отхода на

западный берег Английских прудов. По всей видимости, Нижняя дача была оставлена ими в ночь на 22 сентября.

Таким образом, документы свидетельствуют о том, что в сентябре боевые действия на территории Александрии велись около суток – с утра (или со второй половины дня?) 21 сентября до второй половины дня 22 сентября 1941 г. Сложно определить, какие повреждения получил в этих боях комплекс построек Нижней дачи. По крайней мере, ни Коттедж, ни вагон Николая II в перестрелках и обстрелах не пострадали (Отчет о состоянии Петергофских музеев, 1941. Л. 5 об., 6). В «Отчете» сообщается, что территория Александрии оказалась на момент оставления ее сотрудниками сильно изрыта траншеями, щелями и блиндажами (Отчет о состоянии Петергофских музеев, 1941. Л. 6 об.).

Однако позднее на территории Нижней дачи произошли следующие события. В 4.30 утра 5 октября 1941 г. в Александрию был высажен десант моряков (около 500 человек) с целью отбить Петергоф при поддержке наступавших с запада войск 8-й армии. Трагическая судьба десанта, оставшегося без поддержки и уничтоженного на побережье Александрии в течение нескольких часов, наиболее достоверно и подробно описана в книге Ю. В. Кольцова (2010). Нижняя дача стала одним из участков скоротечного боя утром 5 октября и, судя по всему, так и не была взята десантниками (Грищинский, 1971. С. 105; Платонов, 2005. С. 270; Кольцов, 2010). Судя по немецкой военной кинохронике того времени, после разгрома десанта Нижняя дача стала пунктом сбора пленных моряков. Вне всякого сомнения, в этом районе могут находиться братские захоронения, обнаружение которых следует ожидать при проведении реставрационно-археологических работ. В парковых ландшафтах Нижней дачи до сих пор хорошо заметны следы последней войны.

О войне в восточной части Финского залива в 1941–1944 гг. известно немного. Согласно имеющимся сведениям, захваченный участок побережья немцы использовали для минирования фарватера, затапливая на нем груженные минами лодки. На немецком берегу одно время базировались легкие катера, с помощью которых немцы пытались помешать сообщению между Ленинградом, Кронштадтом и Ораниенбаумским плацдармом. На петергофско-стрельнинское побережье неоднократно осуществлялись диверсионные вылазки из Кронштадта, из которых наиболее известная – это взрыв кронштадскими водолазами петергофской пристани с помощью отбуксированной к берегу морской

мины. Определенную роль в этих действиях могли сыграть и причальные сооружения Нижней дачи. Известно, что на территории Нижней дачи немцы разместили гарнизон охраны побережья (Кольцов, 2010. С. 218). Какое-то время оборону побережья Александрии держали эстонские части.

В течение трех блокадных лет немцы превратили Нижнюю дачу в мощный узел береговой противодесантной обороны. В нескольких помещениях первого этажа были оборудованы пулеметные доты, перекрывавшие огнем все подходы к дворцу. Оконные проемы при этом были заложены бревнами и забетонированы. Оставлялись лишь амбразуры в верхней части окна. Следы этих фортификационных работ сохраняются и в настоящее время. Первый этаж с внешней стороны в некоторых местах был дополнительно укреплен дерево-земляными конструкциями, которые видны на послевоенных фотографиях. Территория Нижней дачи была обведена окопом с пулеметными гнездами (частично сохранился с юго-западной стороны участка). Возле береговой аллеи к западу от Нижней дачи была установлена двухорудийная артиллерийская батарея. Бетонные основания с остатками металлического крепления морских орудий возвышаются здесь до наших дней. На башне дворца, откуда прекрасно просматривались Кронштадт и гавань, разместились немецкие артиллерийские наблюдатели и корректировщики. Близ Нижней дачи вдоль аллеи, ведущей к Адмиральскому домику, под прикрытием столетних парковых дубов были сооружены блиндажи. Территория дачи была окружена минными полями и проволочными заграждениями.

Все это привело к тому, что Нижняя дача служила на протяжении блокады постоянной мишенью для советской артиллерии и авиации. На послевоенных снимках хорошо видны следы попаданий снарядов в башню и Детский корпус дворца со стороны Кронштадта и Ораниенбаума. При отступлении немцы взорвали часть своих фортификационных сооружений и складов боеприпасов, размещавшихся во дворце и рядом с ним. О мощном взрыве внутри здания свидетельствует характер повреждений стен Нижней дачи, прорезанных трещинами сверху донизу. Таким образом, к концу войны зданию были нанесены тяжелейшие повреждения.

Уникальную информацию о ландшафтах парка Александрия после завершения боевых действий несут планы, выполненные в 1945 г. парковыми таксаторами (Материалы к инвентаризации, 1945). Помимо состояния зеленых насаждений ими фик-

сировались разнообразные следы войны: остатки фортификационных сооружений (траншеи, блиндажи, проволочные заграждения), воронки, а также временные постройки, огороды и прочие следы антропогенного воздействия на ландшафты, не характерные для парков.

В 1961 г.² руины Нижней дачи и две разрушавшиеся служебные постройки были взорваны. От дворца сохранились лишь фундаменты, часть цокольного этажа и арка перехода, соединявшего старый и новый корпуса. Гребной канал был засыпан песком, шлюпочная гавань превратилась в болото. Кухня, служебный корпус и ледник были уничтожены полностью.

В 2003 и 2005 гг. по заказу ГМЗ «Петергоф» на территории Нижней дачи в парке Александрия экспедицией НИИКСИ СПбГУ проводились разведочные архитектурно-археологические работы (Каргопольцев, 2010; Каргопольцев и др., 2005, 2011), в ходе которых были исследованы: лестница причала (шурфы LIII–LVI), конструкция аллеи (дорожек) (шурфы LVII–LVIII), садовый фонтан (шурфы CXXXIII–CXLV), кухонный флигель (шурфы CXLVI–CXLVII, CXLVIII–CLXII, CLXIII–CLXIV, CXLV) (рис. 5).

Исследования 2012–2013 гг.

К моменту начала археологических работ 2012–2013 гг. территория исследования представляла собой огороженный металлическим забором участок парка, примыкающий северной частью к Финскому заливу, с отдельными сохранившимися постройками и руинами дворцового комплекса. Сохранилось здание Караульного помещения с чугунными въездными воротами и Швейцарский домик. Место, где, согласно историческим планам, располагалось здание Служебного корпуса и Ледник, полностью покрыто высоким отвалом частично задернованного строительного мусора. Северная часть Кухонного корпуса также оказалась завалена мощным слоем строительного мусора. Границы южной части Кухонного корпуса были определены при археологических работах в 2003–2005 гг.: на современной поверхности фиксировались вскрытые основания разрушающихся каменных стен. Южнее Кухонного корпуса располагался фонтан, раскопанный в 2003–2005 гг., стенки которого, находясь в открытом виде, постепенно разрушались.

Основное здание Нижней дачи сохранилось на уровне первого этажа, оконные проемы которого

² По другим данным, подрыв руин был произведен в 1963 г. (Каргопольцев и др., 2011).

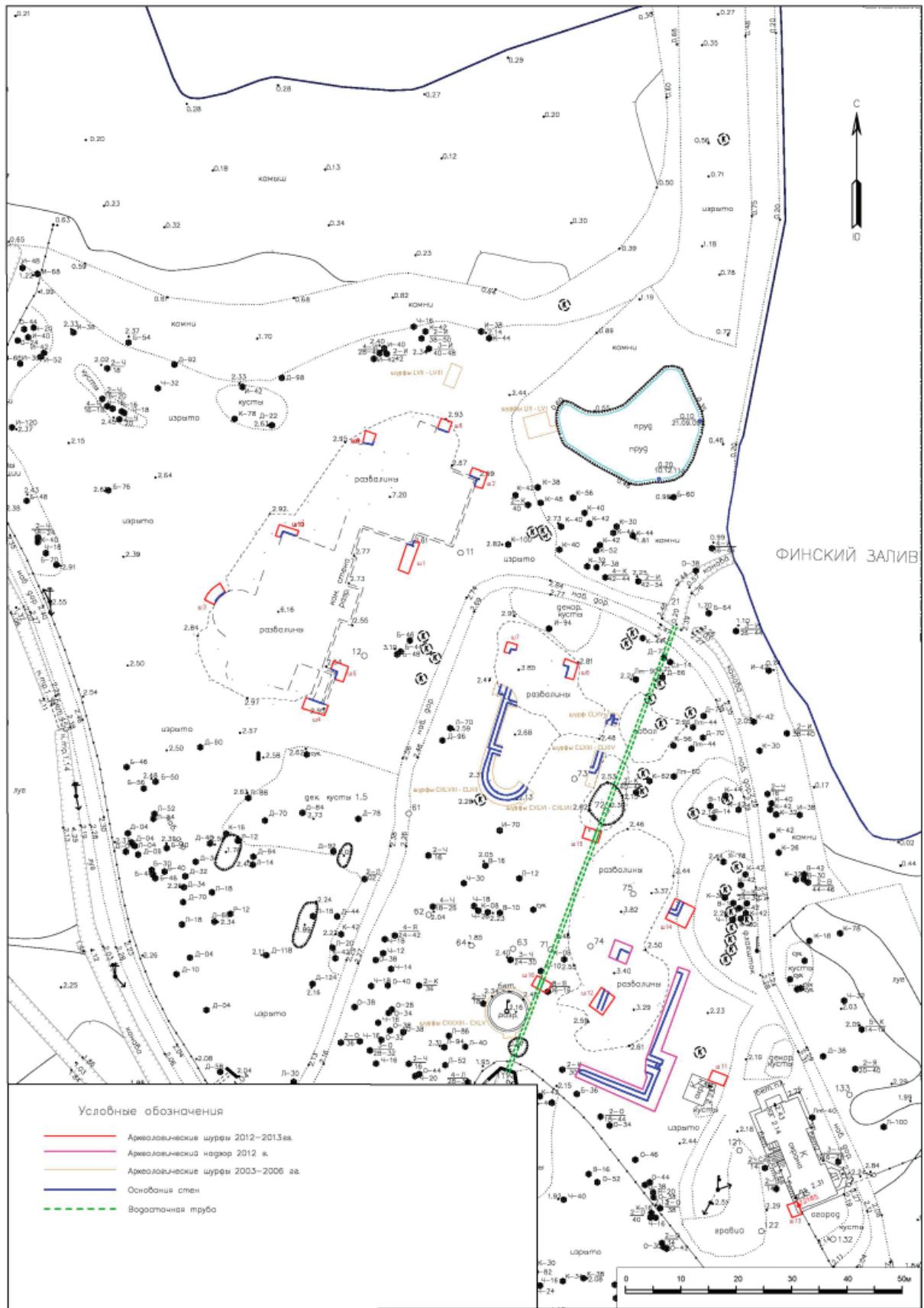

Рис. 5. Петергоф 2012–2013. Общий план шурфов на участке исследований

забетонированы в период войны. Внутри здания расположены сплошные завалы из кирпичных стен, снаружи северо-западная и юго-восточная части здания Нижней дачи засыпаны строительным мусором и слоем разрушения, образовавшимся в результате взрыва 1961 г. Кроме руин и строительного мусора, на участке исследования хорошо видны следы воронок от снарядов периода Великой Отечественной войны. Береговая линия заболочена и покрыта высоким камышом. Пристань, набережная и канал для шлюпок полностью разрушены.

На территории дворцового комплекса «Нижняя дача» зимой 2012–2013 гг. выкопаны 16 разведочных шурфов общей площадью 125 кв. м, а также велось археологическое наблюдение за механической расчисткой Служебного корпуса от завалов мусора на площади 119 кв. м (рис. 5). В результате этих работ было уточнено местоположение Кухонного (шурфы 7, 8) и Служебного (шурф 12) корпусов, Ледника (шурф 14), определена стратиграфия и мощность культурного слоя, а также изучены особенности каменных фундаментных конструкций здания Нижней дачи (шурфы 1–6, 9, 10), Кухонного (шурфы 7, 8) и Служебного (шурф 12) корпусов, Швейцарского домика (шурф 11) и Караульного помещения (шурф 13). Как было установлено, при строительстве применялись три типа каменных конструкций фундаментов. Первый тип: фундамент сложен на цементном растворе из обработанных известняковых блоков в основании и двух рядов кладки из хорошо отесанных известняковых блоков правильной прямоугольной формы по верхнему уровню (шурфы 3–5, 10 на участке Нижней дачи и шурф 12 у Служебного корпуса). Второй тип: фундамент сложен на цементном растворе из обработанных известняковых блоков подпрямоугольной формы (шурфы 1, 2, 6, 9 на участке Нижней дачи). Третий тип: фундамент сложен на цементном растворе из гранитных валунов с известняковыми камнями (шурфы 7, 8 у Кухонного корпуса). В ходе работ также были прослежены остатки подземных инженерных коммуникаций, связанных с периодом функционирования дворцового комплекса (шурфы 2, 9, 10), определено местоположение центральной ливневой трубы (шурфы 15, 16), обнаружен более ранний строительный горизонт в виде остатков деревянных сооружений (шурфы 1, 5) и фрагмента бутового фундамента (шурф 6), изучен вещественный материал (245 предметов полевой описи). В результате исследований выяснена стратиграфия культурных напластований с уровня современной дневной поверхности на отметках 2,09–3,12 м БС до глубины 0,17 м БС. В ряде шурфов прослежен материковый слой на отметках 0,49–1,86 м БС, а также древняя погребенная почва на отметках 1,56–2,64 м БС.

Нижняя дача

Руины дворца были исследованы в восьми шурфах, расположенных с северной, южной, восточной и западной сторон.

Шурф 1, размерами 2 × 6 м, находился у восточной стороны Нижней дачи, на углу, перпендикулярно проезду под аркой (рис. 5). В нем открыт угол фундамента Нижней дачи, сложенного из плоских подпрямоугольных блоков пудожского известняка, скрепленных цементным раствором (второй тип кладки) (рис. 6). В шурфе также обнаружены горизонтальные деревянные перекрытия и остатки бревенчатой конструкции более раннего строительного горизонта, не относящегося к комплексу дворцовых сооружений. В верхнем слое засыпки найдены следы пожара. Культурный слой поврежден поздними перекопами под инженерные коммуникации и остатками чугунного колодца, заложенного кирпичом. Коммуникации можно отнести к двум хронологическим периодам. В засыпке находились

Рис. 6. Петергоф 2012–2013. Нижняя дача. Шурф 1. Фрагмент фундамента дворца. Вид с юго-востока

фрагменты водопроводных керамических труб XIX в., разрушенных при прокладке более поздних чугунных труб. В составе находок, обнаруженных в слое строительного мусора, следует отметить декоративные шпиастровые (цинковый сплав) львиные головы, некогда украшавшие фасад Нижней дачи (рис. 7). На одной из них после реставрации удалось проследить остатки светло-коричневой краски. Вероятно, головы львов были выкрашены в цвет облицовочного кирпича здания. Из шурфа также происходят барельефная шпиастровая человеческая голова, архитектурная деталь из фигурных кирпичей, голенище валенка, кованый гвоздь.

Шурф 2, размерами 2,90 × 2,90 м, находился у восточной стороны Нижней дачи, на углу, на расстоянии 14,20 м к северо-востоку от шурфа 1 (рис. 5). В нем открыта часть фундамента Нижней дачи, сложенного из плоских подпрямоугольных блоков пудожского известняка, скрепленных цементным раствором (второй тип кладки) (рис. 8). В шурфе также прослежены инженерные коммуникации XIX в., времени функционирования

Нижней дачи, составленные из керамических труб, сходящихся в керамический колодец, который перекрыт круглой чугунной крышкой с прямоугольным основанием (рис. 8). Судя по клеймам «НОВЪ», керамические трубы выполнены на заводе в г. Боровичи Новгородской губернии в конце XIX – начале XX в. (рис. 9). В шурфе найдены фрагменты керамики и стеклянных изделий, фигурный светло-глиняный кирпич, красноглиняные кирпичи с клеймами «А.Н.» и «БАУШЕВЪ» (рис. 10).

Шурф 3, размерами 4,00 × 1,90 м, находился у западной стороны Нижней дачи, на расстоянии 49 м к юго-западу от шурфа 2 (рис. 5). В нем открыта часть фундамента Нижней дачи, сложенного из плоских подпрямоугольных блоков пудожского известняка, скрепленных цементным раствором (первый тип кладки) (рис. 11). Верх фундамента, залегающий на уровне погребенной почвы XIX в., сложен из двух рядов тонких плит. В шурфе прослежен пологий склон фундаментной канавы, укрепленный светло-зеленой глиной. По фасаду фундамента обнаружены два вертикально забитых

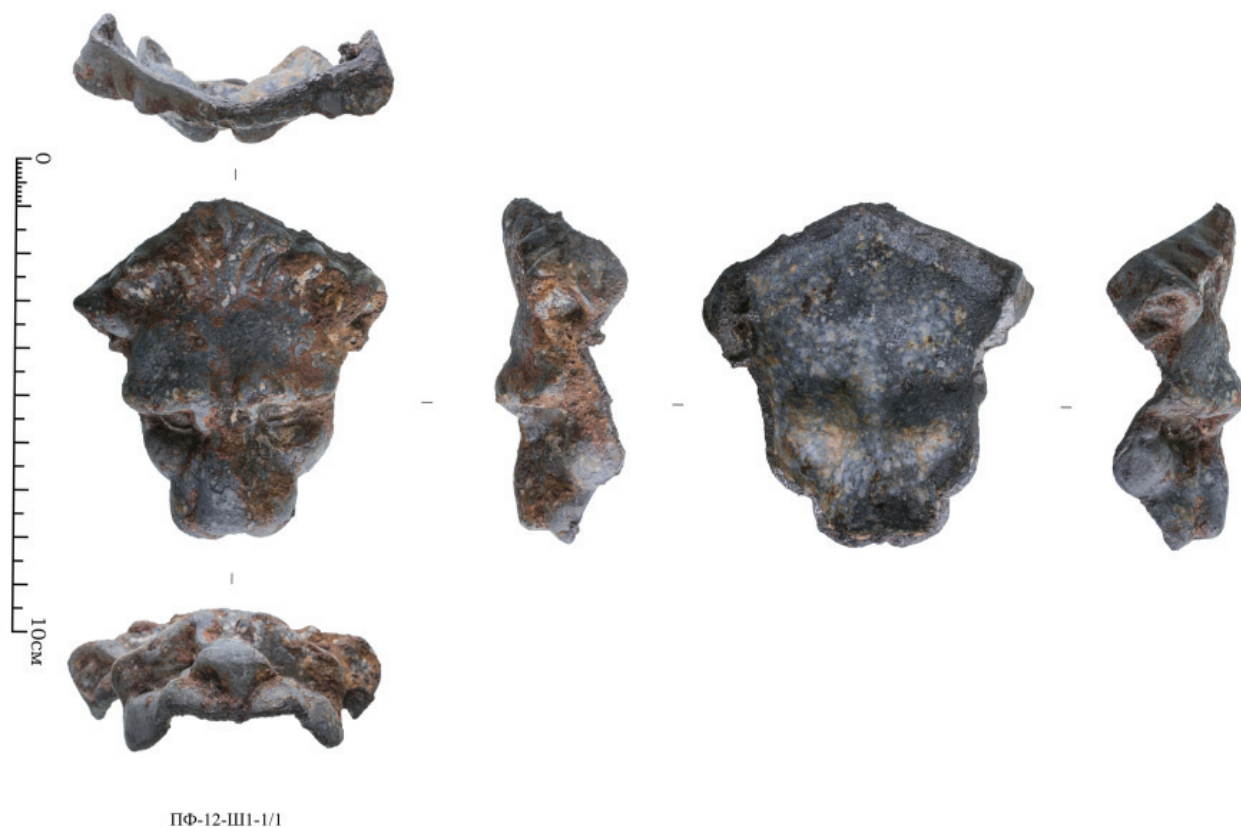

Рис. 7. Петергоф 2012–2013. Нижняя дача. Шурф 1. Декоративные шпиастровые львиные головы

Рис. 8. Петергоф 2012–2013. Нижняя дача. Шурф 2. Фрагмент фундамента дворца и керамические трубы системы водоотведения. Вид с севера

Рис. 9. Петергоф 2012–2013. Нижняя дача. Шурф 2. Клеймо на керамической трубе «ЗАВОДЪ НОВЪ БОРОВИЧИ 2»

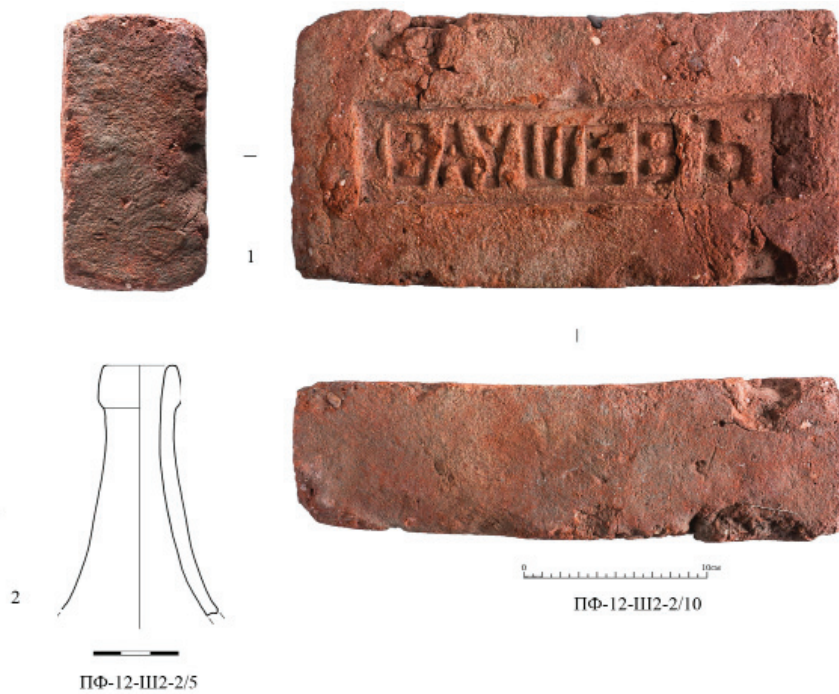

Рис. 10. Петергоф 2012–2013. Нижняя дача. Шурф 2. Находки: 1 – кирпич с клеймом «БАУШЕВЪ»;
2 – фрагмент стеклянной бутылки

Рис. 11. Петергоф 2012–2013. Нижняя дача. Шурф 3. Фрагмент фундамента дворца. Вид с запада

(разметочных?) деревянных кола. В заполнении фундаментной канавы встречались гранитные валуны. В шурфе удалось открыть основание фундамента, расположенного на глубине 1,44 м, ниже уровня грунтовых вод на отметке 1,26 м БС. Из шурфа происходят 18 находок: красноглиняные кирпичи с клеймами «Д.З.» и «ПЕТЕРГОФЪ МОРЪ и Ко», архитектурные детали, облицовочная плитка, дверные накладки, фрагмент керамического сосуда.

Шурф 4, размерами 4,30 × 2,00 м, находился у южной стороны Нижней дачи, перед входной лестницей, на расстоянии 23,50 м к юго-востоку от шурфа 3 (рис. 5). В нем открыт участок фундамента Нижней дачи, сложенного из плоских подпрямоугольных блоков пудожского известняка, скрепленных цементным раствором (первый тип кладки). В отличие от верха фундамента, его основание сложено из пудожского камня без лицевой шлифовки. В шурфе прослежен участок древней погребенной почвы, залегавшей ниже уровня дневной поверхности XIX в. и нарушенной фундаментной канавой и траншеей для укладки кабеля. У фасада фундамента обнаружен вертикально забитый (разметочный?) деревянный кол, аналогичный колам из шурфа 3. Из шурфа происходят семь находок: красноглиняный кирпич с клеймом «ПЕТЕРГОФЪ МОРЪ и Ко» (рис. 12), облицовочная плитка, кованые гвозди, механизм железного замка.

Шурф 5, размерами 2,90 × 2,80 м, находился у восточной стороны Нижней дачи, на углу, на расстоянии 4,90 м к северо-востоку от шурфа 4

(рис. 5). В нем открыт участок фундамента Нижней дачи, сложенного из плоских подпрямоугольных блоков пудожского известняка, скрепленных цементным раствором (первый тип кладки). В отличие от верха фундамента, его основание сложено из пудожского камня без лицевой шлифовки. В шурфе прослежен ранний строительный горизонт в виде двух небольших параллельных бревен (на отметках 1,62–1,68 м БС), диаметром 0,12–0,20 м, положенных на уровне материка, перекрытых слоем пожара и мощением из красного кирпича и уложенных в один слой на участке размерами 0,64 × 0,77 м. На уровне материка обнаружены три ямы, размерами 1,09 × 0,40 × 0,32 м (№ 1), 0,25 × 0,16 × 0,14 м (№ 2), 0,33 × 0,25 × 0,20 м (№ 3). Две последние, возможно, служили для установки столбов. Остатки деревянной конструкции, открытые у восточной стороны Нижней Дачи, связаны со строительным горизонтом, предшествовавшим возведению дворцового императорского комплекса в последней четверти XIX в. Из шурфа происходят 13 находок: чугунная сковорода, железный топор, крепление карниза из цветного металла, винтовочный патрон, стеклянная бусина, фрагменты фарфоровой и красноглиняной посуды.

Шурф 6, размерами 2,14 × 2,00 м, находился у северной стороны Нижней дачи, на углу, на расстоянии 46 м к северо-востоку от шурфа 5 (рис. 5). В нем обнаружена часть фундамента Нижней дачи, сложенного из плоских подпрямоугольных блоков пудожского известняка, скрепленных цементным раствором (второй тип кладки). Фунда-

Рис. 12. Петергоф 2012–2013. Нижняя дача. Шурф 4. Кирпич с клеймом «ПЕТЕРГОФЪ МОРЪ и Ко»

мент был открыт на глубину на отметке 1,04 м БС. В шурфе прослежен ранний строительный горизонт, представленный остатками угла бутового фундамента (на отметках 1,90–2,03 м БС), сложенного из необработанных гранитных валунов размерами 1,50 × 0,80 м, ориентированного по направлению к берегу Финского залива, к северу от Нижней дачи, и, очевидно, не имевшего отношения к дворцовому комплексу. Из шурфа происходят 35 находок: фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды, сосудов из каменной массы, красноглиняной посуды (рис. 13), фрагменты изделий из стекла, гильза от винтовки, кованый железный гвоздь, крепеж оконный (?) из цветного металла.

Шурф 9, размерами 2,27 × 2,04 м, находился у северной стороны Нижней дачи, на углу, на расстоянии 11,27 м к северо-востоку от шурфа 6 (рис. 5). В нем обнаружен участок фундамента Нижней дачи, сложенного из плоских подпрямоугольных блоков пудожского известняка, скрепленных цементным раствором (второй тип кладки). Фундамент открыт на глубину до отметки 1,22 м БС (ниже уровня грунтовых вод). В шурфе найден фрагмент керамической трубы ливневой канализации XIX в., ранее зафиксированной в шурфе 2. Из шурфа происходят шесть находок: фрагмент керамической облицовочной плитки, обломок красноглиняного сосуда, кованый железный костыль, фрагмент оконной фурнитуры из цветного металла, гильза от винтовочного патрона.

Шурф 10, размерами 2,13 × 3,69 м, находился у западной стороны Нижней дачи, на углу, на расстоянии 19,60 м к юго-западу от шурфа 9 (рис. 5). В нем обнаружена пирамидальная конструкция фундамента, сложенного из плоских подпрямоугольных блоков пудожского известняка, скрепленных цементным раствором (первый тип кладки). Фундамент открыт на глубину 1,50 м до отметки 1,29 м БС (ниже уровня грунтовых вод). В слое коричневой супеси на отметках 1,68–1,81 м БС найдена керамическая труба ливневой канализации XIX в., ранее зафиксированной в шурфах 2 и 9. Из шурфа происходят четыре находки: фрагмент фарфорового блюдца, обломки напольной керамической плитки и основание керосиновой лампы.

Кухонный корпус

Возле Кухонного корпуса было выкопано два шурфа. Шурф 7, размерами 1,92 × 1,94 м, находился у северо-западного угла Кухонного корпуса, а шурф 8, размерами 2,56 × 2,99 м, – у его северо-восточного угла (рис. 5). В них открыты

участки бутового фундамента Кухонного корпуса, сложенного из слегка обработанных гранитных валунов, скрепленных цементным раствором. Поверх валунов – плоские подпрямоугольные блоки пудожского известняка с хорошо ошлифованной лицевой поверхностью (третий тип кладки). Фундамент открыт на глубину до отметки 1,54 м БС, его высота вместе с цоколем достигала 1,20 м. В шурфе 7 прослежен слой глины, вероятно служивший гидроизоляцией фундамента. В южной части шурфа 8 открыты два горизонта мощения: нижний, на отметках 1,98–2,27 м БС, сложен из плиток пудожского камня, верхний, на отметках 2,54–2,66 м БС, – из ошлифованных квадратных каменных плит со стороной 0,70 м. Пространство между отмосткой и основанием стены заполнено мелкими кусками гранита. Из шурфа 7 происходят 17 находок: фрагменты изделий из стекла, керамики, фарфора (рис. 14), обрывок ткани, кованые железные гвозди, костыль и другие артефакты.

Служебный корпус

Шурф 12, размерами 3,00 × 3,97 м, находился у западной стороны Служебного корпуса, по центру основания стены, на расстоянии 55,50 м к югу от шурфа 8 (рис. 5). В нем обнаружен участок фундамента, длиной 4,06 м и шириной 0,90 м, сложенного из плоских подпрямоугольных блоков пудожского известняка, скрепленных цементным раствором (первый тип кладки). Фундамент открыт на глубину 1,68 м до отметки 0,56 м БС. У фасада фундамента обнаружены вертикально забитые колы, аналогичные колам из шурфов 3 и 4. Поверх фундамента на отметках 2,20–2,24 м БС лежал один ряд кирпичной кладки стены (на отметках 2,26–2,31 м БС). К востоку от стены, на отметках 2,12–2,21 м БС, прослежен пол внутреннего помещения Кухонного корпуса, покрытый цементной стяжкой, уложенной поверх желтого песка. Под полом, на отметках 2,08–2,09 м БС, вдоль стены обнаружена железная труба диаметром 0,05 м. В юго-западной части шурфа прослежено основание стены, вдоль которой залежали остатки деревянной конструкции с фрагментом керамической трубы XIX в.

Археологическое наблюдение велось за механической расчисткой основания стен Служебного корпуса от завалов мусора, в результате чего в основном были установлены углы здания и характер кладки его стен, сложенных из красных кирпичей с клеймами «И.М.П.». В ходе наблюдения собрано 11 находок: обломки напольных плиток и печных изразцов, фрагменты сосудов из каменной массы и стекла, обломки фарфоровой и фаянсовой посуды.

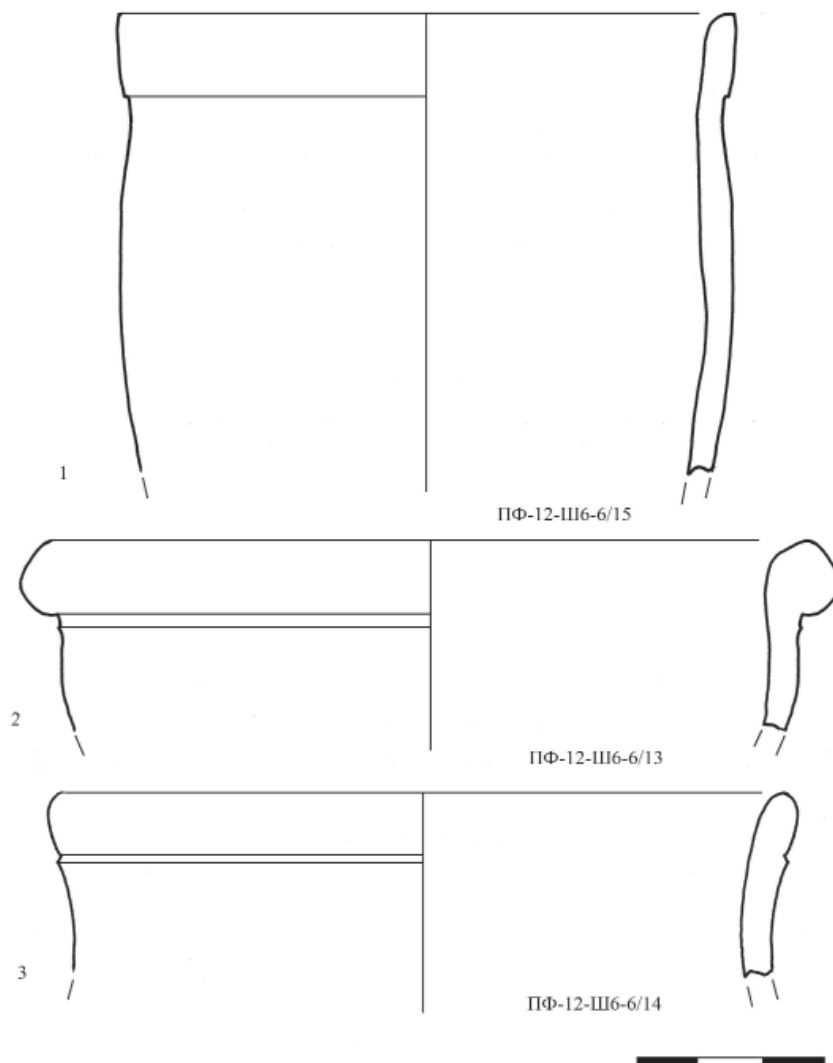

Рис. 13. Петергоф 2012–2013. Нижняя дача. Шурф 6. Находки: 1–3 – керамика

Швейцарский домик

Шурф 11, размерами 1,98 × 2,97 м, находился у северной стороны Швейцарского домика, на углу, на расстоянии 22,24 м к юго-востоку от шурфа 12 (рис. 5). В нем обнаружены две металлические трубы, вероятно, для силовых кабелей от бывшей трансформаторной подстанции. На уровне материка найдены доски. Культурный слой нарушен поздними перекопами. Из шурфа происходят 13 находок: красноглиняное грузило, фрагменты керамической, фаянсовой и фарфоровой посуды (рис. 15), изделия из железа.

Караульное помещение

Шурф 13, размерами 1,99 × 2,46 м, находился у южной стороны Караульного помещения, на углу, на расстоянии 24,40 м к юго-востоку от шурфа 11 (рис. 5). В нем обнаружены два силовых кабеля. Культурный слой нарушен поздними пере-

копами. Под дерном, на отметках 1,93–2,10 м БС, прослежено мощение из ошлифованных каменных плит, размерами 0,53 × 0,66 × 0,08 м, вплотную примыкавшее к стене Караульного помещения. В заполнении траншеи, выкопанной для прокладки силового кабеля, была найдена фарфоровая тарелка Императорского фарфорового завода с клеймом Александра III. Всего из шурфа происходят 12 находок: стеклянная чернильница, фрагменты фарфоровой, фаянсовой и керамической посуды (рис. 16), кованый железный гвоздь.

Ледник

Шурф 14, размерами 4 × 4 м, находился у юго-восточной стороны Ледника, перекрытого мощным слоем разрушений, на углу, на расстоянии 53,20 м к северо-западу от шурфа 13 и на расстоянии 17 м к северо-востоку от шурфа 12

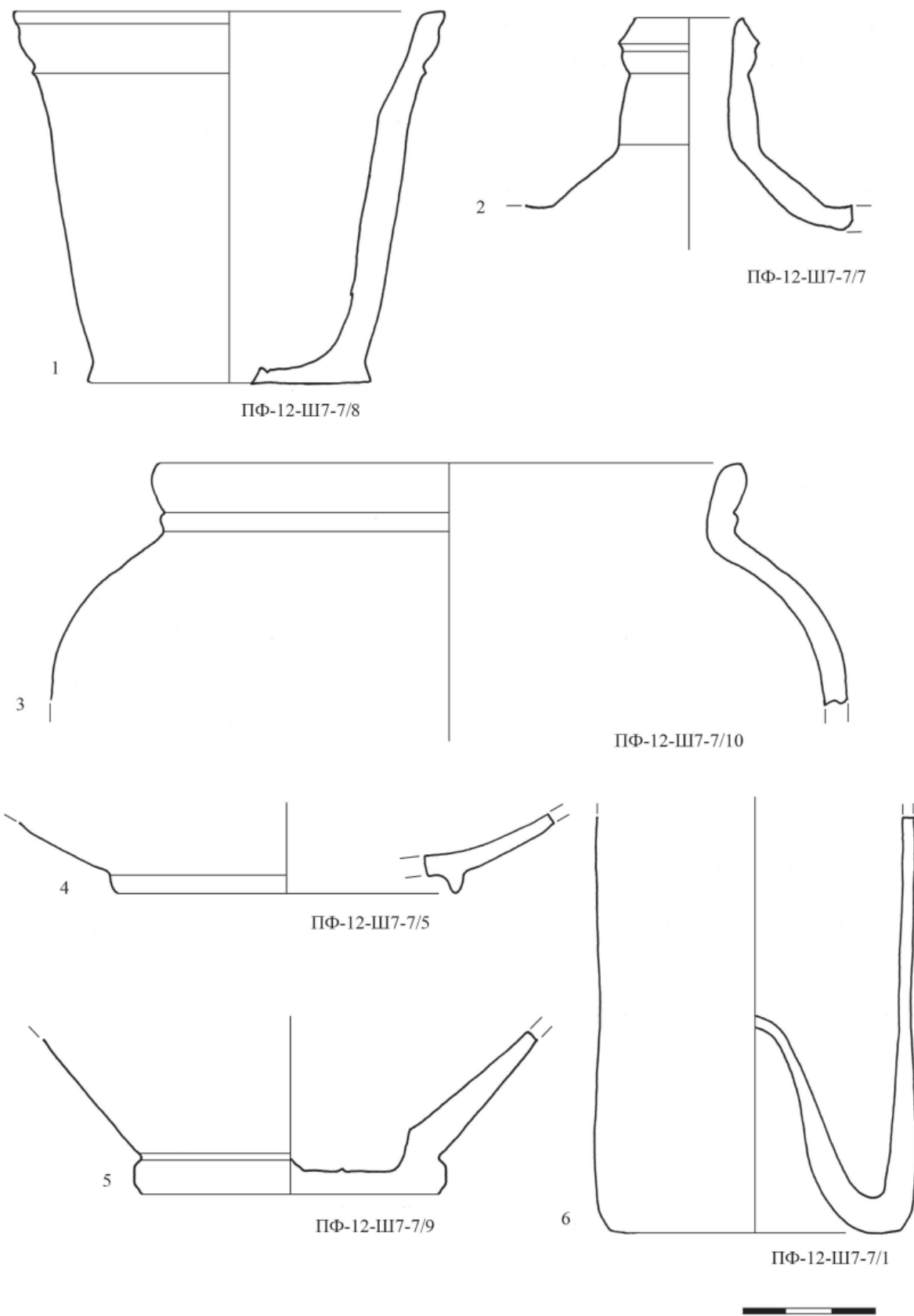

Рис. 14. Петергоф 2012–2013. Кухонный корпус. Шурф 7. Находки: 1, 3, 5 – керамика; 2 – каменная масса; 4 – фарфор; 6 – стекло

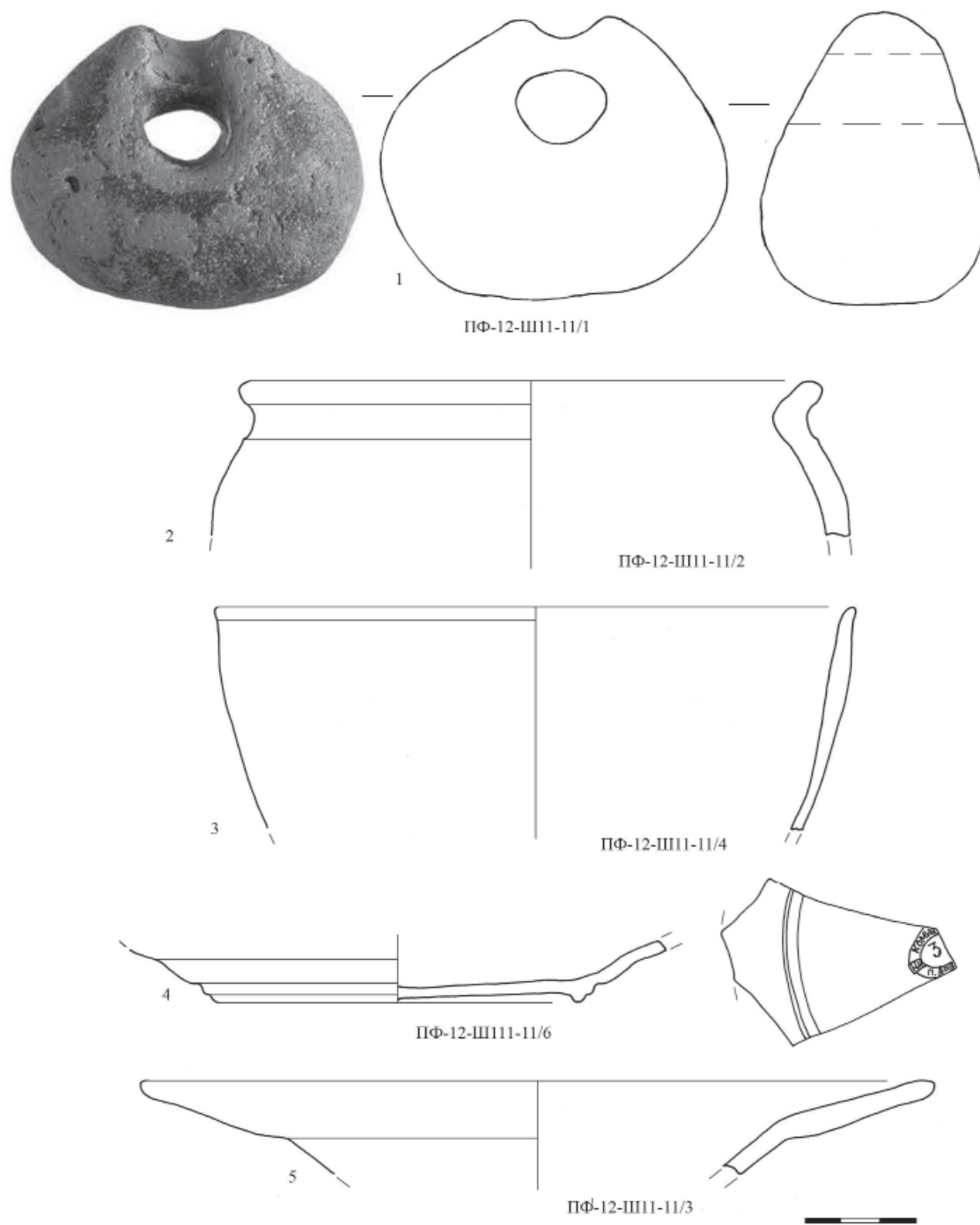

Рис. 15. Петергоф 2012–2013. Швейцарский домик. Шурф 11. Находки: 1 – керамическое грузило; 2 – керамика; 3, 4 – фарфор; 5 – фаянс

(рис. 5). В нем открыт угол фундамента Ледника, сложенного из обработанных известняковых плит на растворе (второй тип кладки) (рис. 17). Внутренняя часть сооружения была заполнена слоем мусора, кирпичным боем и крупнозернистым песком с включениями целых красных кирпичей. Фундамент, шириной 0,70 м, открыт на высоту 1,26 м. По периметру фундамента местами прослежено мощение из небольших гранитных валунов, залегающих на глубине 0,40 м от современной дневной поверхности, на отметках 2,03–2,10 м БС, на уровне дневной поверхности времени функционирования Ледника. На вымостке найдена медная монета 1938 г., несколько каменных шаров для игры в крокет и другой массовый археологический материал (изделия из стекла, фарфора, фаянса, строительная керамика, гильзы и др.). Всего из шурфа происходят 65 находок (рис. 18; 19).

Ливневая труба диаметром 0,60 м исследована в шурфах 15 и 16, размерами 2,00 × 3,00 м каждый (рис. 5). Она уложена под слоем засыпки, на отметках 0,75–0,77 м БС (шурф 15) и 0,77–0,80 м БС (шурф 16), с учетом уклона местности в сторону Финского залива. Труба является частью действующей системы водоотведения, сооруженной в последней четверти XIX в. В шурфе 15 на уровне залегания трубы на отметках 0,35–0,56 м БС открыты остатки каменного мощения дренажной канавы, использовавшейся для водоотведения в более ранний период. Из шурфов происходят 27 находок: осколки стеклянных бутылок, кованые железные гвозди и костыли, фрагменты керамической, фарфоровой и фаянсовой посуды.

Находки

Коллекция археологических находок представлена фрагментами архитектурных деталей, обломками керамической, фарфоровой, фаянсовой и стеклянной посуды, строительной керамики, изделиями из металла и органических материалов. Общее количество находок составило 245 ед.

Кухонная и столовая керамическая посуда – наиболее массовая категория находок – представлена обломками венчиков, донцев и стенок красноглиняных сосудов с коричневой и зеленой поливами. Также найдены части бутылок из так называемой каменной массы (рис. 14: 2). Фаянсовая и фарфоровая посуда представлена обломками расписных сосудов, мисок, тарелок, блюдец, бокалов, чашек. Особо следует отметить находку фаянсовой кружки с шахматной росписью и подглазурной маркой коричневого цвета в виде щита с короной и надписью «Kolo Freudenreich». Кружка была изготовлена на фабрике Фрейденрейха, основанной в 40-х гг.

XIX в. в городе Коло в предместье Варшавы (рис. 18: 1). Особого внимания заслуживает находка фарфоровой тарелки с золотым вензелем «А II» (Александр II) под императорской короной на бордюре и зеленой подглазурной маркой «А III 89» (Александр III) на дне (рис. 16: 1). Такие клейма ставились на изделиях Императорского фарфорового завода в Санкт-Петербурге.

Строительная керамика представлена фрагментами печных изразцов с белой поливой, напольными плитками с синей и полихромной росписью, строительными красноглиняными кирпичами с клеймами «БАУШЕВЪ» (рис. 10:1), «ПЕТЕРГОФЪ МОРЪ и Ко» (рис. 12), «А.М» (заводчик А. Миронов, 1879–1885 гг.), «Д.З.-16» (заводчик Д. Захаров, 1870–1880 гг.), печными кирпичами. Кирпичи с клеймами «ПЕТЕРГОФЪ МОРЪ и Ко» выпускались на заводе Н. Ф. Морина, построенного в 1885 г. в дер. Знаменка Петергофского уезда. Завод, изготовлявший кирпичи с клеймами «БАУШЕВЪ», принадлежал И. А. Баушеву и находился в дер. Бобыльская Ораниенбаумской волости. Завод был основан в 1894 г. и просуществовал до 1914 г. Выявленные в ряде шурфов керамические ливневые трубы маркированы клеймами «ЗАВОД НОВЪ БОРОВИЧИ», что говорит об изготовлении этих труб в г. Боровичи Новгородской губернии в конце XIX – начале XX в. (рис. 8; 9).

Изделия из камня представлены архитектурными деталями, такими как балясина, и шарами для игры в крокет (рис. 19).

Стеклянные изделия в основной своей массе представлены фрагментами винных бутылок, чернильниц и колб, выполненных из зеленого и прозрачного стекла. В единственном экземпляре найдена бусина бирюзового цвета.

Железные и чугунные изделия, изделия из цветных металлов – это в основном кованые четырехгранные гвозди и костыли, фрагменты скобяных изделий, столовые приборы, фурнитура. Особо отметим посеребренную медную чайную ложку и декоративные львиные головки из шпиаатра (рис. 7). Отдельную категорию находок составляют патроны и гильзы от огнестрельного оружия времен Великой Отечественной войны.

Еще одна категория находок – монеты – представлена советскими медными монетами (в том числе 3 копейки 1938 г.).

Изделия из органических материалов представлены куском ткани и крышками деревянных бочек.

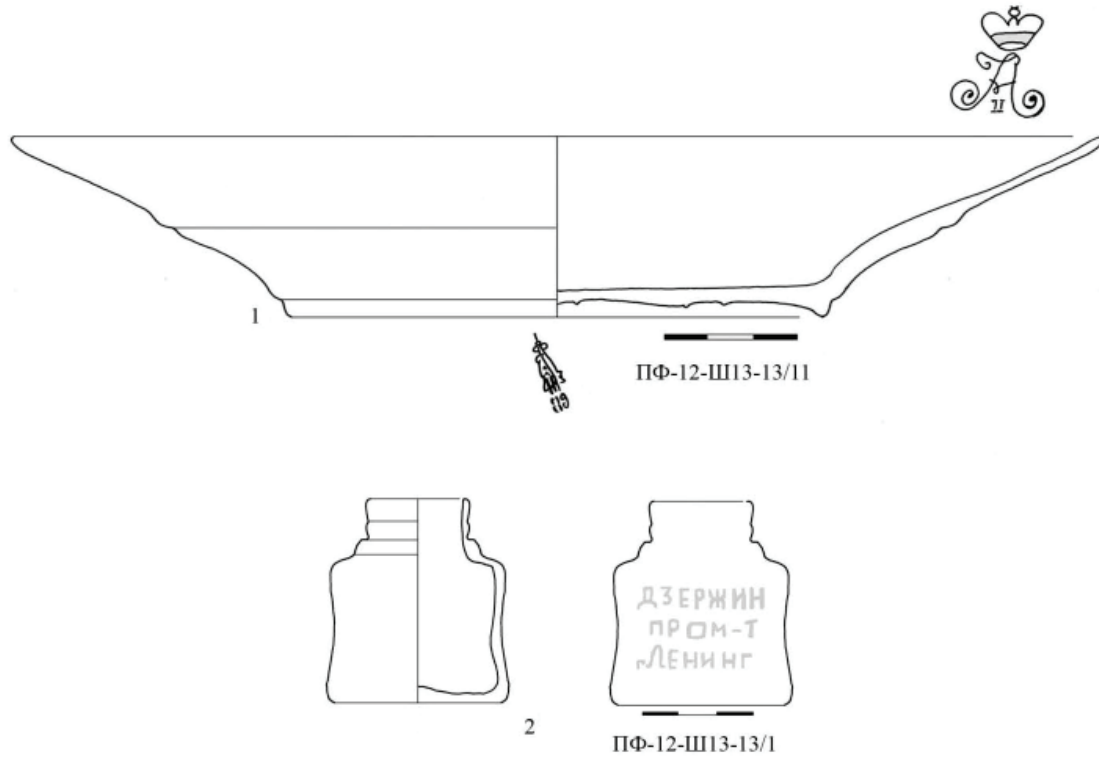

Рис. 16. Петергоф 2012–2013. Караульное помещение. Шурф 13. Находки: 1 – тарелка Императорского фарфорового завода; 2 – чернильница (стекло)

Рис. 17. Петергоф 2012–2013. Ледник. Шурф 14. Фрагмент фундамента. Вид с востока

Рис. 18. Петергоф 2012–2013. Ледник. Шурф 14. Находки: 1–5 – фаянсовая и фарфоровая посуда

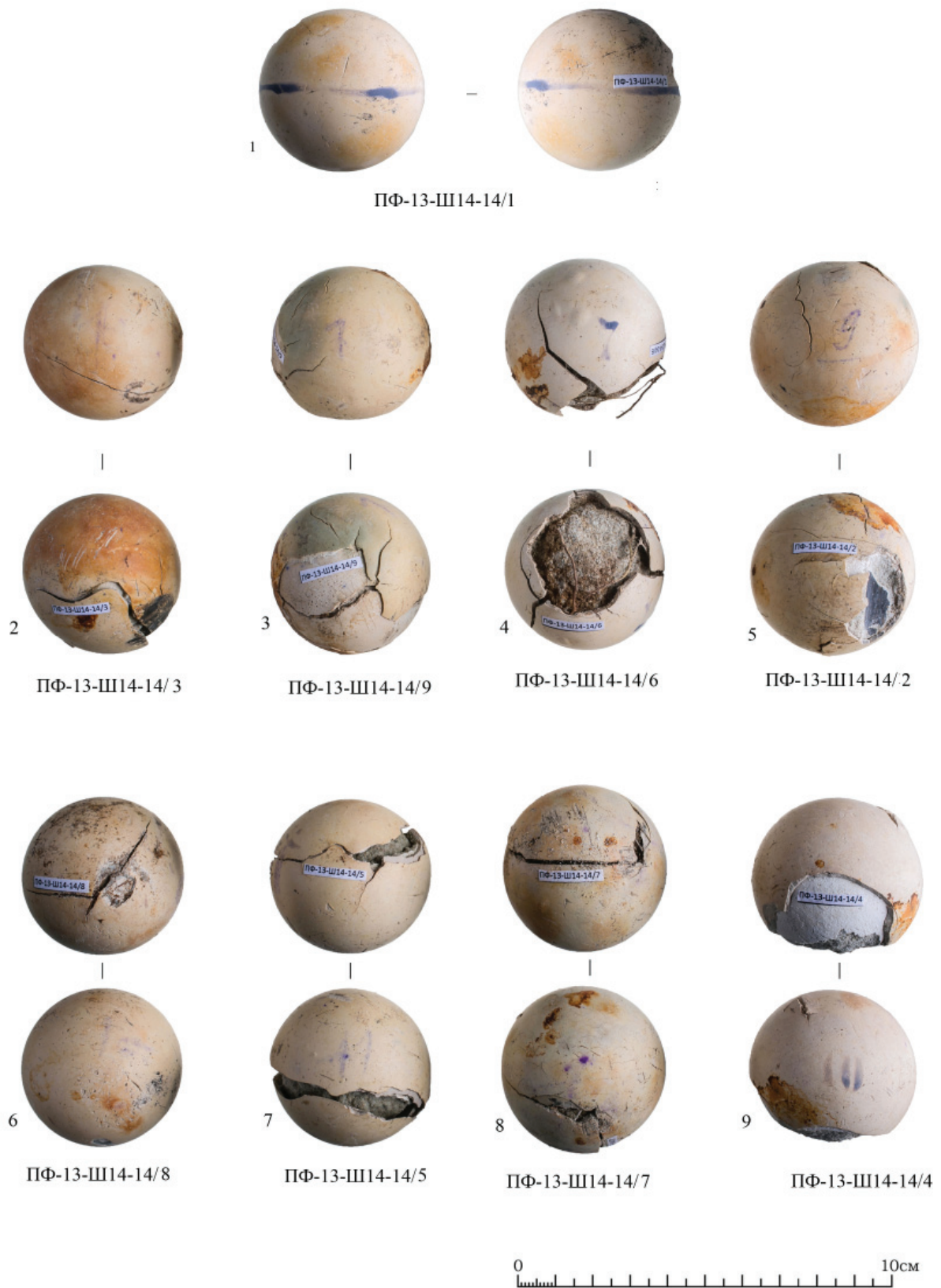

Рис. 19. Петергоф 2012–2013. Ледник. Шурф 14. Находки: 1–9 – каменные шары для игры в крокет

Отдельно отметим глиняное рыболовецкое грузило; такие грузила были хорошо известные еще с эпохи средневековья (рис. 15: 1). Однако основная масса археологического материала может быть датирована в пределах последней четверти XIX – первой четверти XX в.

Источники и литература

- Белов А. А., 1998. Собственная ее величества дача Александрия. Хроника строительства и факты истории. Архив ГМЗ «Петергоф». Р-478.
- Белов А. А., 2000. Парк Александрия. Начальный этап развития (1826–1833 гг.) // Архив ГМЗ «Петергоф», Р-130а.
- Бойцова Е. В., 2009. Этапы формирования комплекса Нижней дачи в Петергофе // Последние Романовы и императорские резиденции в конце XIX – начале XX века. Материалы научной конференции. СПб.
- Гейченко С. С., 1934. Нижний дворец. Дача Николая II (1895–1914 гг.) // Архив ГМЗ «Петергоф». Р-282а.
- Горбатенко С. Б., 2013. Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель. СПб.
- Грищинский К. К., 1971. На катерах к Петергофу // Ораниенбаумский плацдарм. Л.
- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К., 1991. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л.
- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Рождественская Т. В., 1982. Новая находка граффити на куфической монете // Вестник Ленинградского университета (серия история, язык, литература). Вып. 1. № 2.
- Жигарев Я. С., 1971. В боях у побережья // Ораниенбаумский плацдарм. Л.
- Каргопольцев С. Ю., 2010. Археологические исследования в Петергофе. Методика и результаты работ 2001–2009 гг. // История Петербурга. № 1(53).
- Каргопольцев С. Ю., Каргопольцев М. Ю., Седых В. Н., 2005. Археологические раскопки в Петергофе (итоги работ 2001–2004 гг.) // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб.
- Каргопольцев С. Ю., Каргопольцев М. Ю., Седых В. Н., 2011. Архитектурно-археологические исследования комплекса Нового дворца в Петергофской Александрии // Реликвия. № 24.
- Кольцов Ю. В., 2010. Петергофский десант. СПб.
- Лапшин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 1: Западные районы.
- Лебедев Г. С., 2002. Петергофский клад начала IX века как источник по ранней истории Руси // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб.
- Материалы к инвентаризации зеленых насаждений в парке Александрия, 1945 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». Д-2102.
- Маценков С., Орлов В., 2008. Главная станция оптического телеграфа Российской империи // Наука и жизнь. № 8.
- Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В., 1984. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. М.
- Никитина Д. С., 1998. Нижний дворец в парке Александрия. История строительства // Архив ГМЗ «Петергоф». Р-469.
- Отчет о состоянии Петергофских дворцов-музеев и парков к 20 часам 22 сентября 1941 года // Архив ГМЗ «Петергоф». Д-485.
- Петергоф и Ораниенбаум. 1937. Л.
- Платонов А. В., 2005. Трагедии Финского залива. М.
- Пыляев М. И., 2008. Старый Петербург. История былой жизни столицы Российской империи. М.
- Чернобережская Е. П., 2008. Стрельна и Петергоф. Подробный путеводитель. СПб.
- Чудинов Т. С., 1928. Исторические факты дачи Ея Императорского Величества Александрии // Архив ГМЗ «Петергоф». Р-110.
- Чудинов Т. С., б/д. О дубовом дереве в бывшем зверинце, что ныне дача Александрия // Архив ГМЗ «Петергоф». Р-109.
- Шеманский А. В., 1940. Первичный паспорт парка Александрия в Петергофе // Архив ГМЗ «Петергоф». Р-101.
- Щербаков В. И., 1996. На приморских флангах (воспоминания командарма). СПб.

Предварительные археологические исследования на пересечении Среднего пр. и 7-й линии Васильевского острова

С. А. Семенов, Д. Д. Ёлшин, А. М. Смирнов

В мае 2014 г. археологическая экспедиция Отдела охранной археологии Института истории материальной культуры Российской академии наук провела предварительное археологическое обследование на участке планируемого строительства, расположенного по адресу: Санкт-Петербург, Василеостровский район, пересечение Среднего пр. и 7-й линии Васильевского острова у станции метро «Василеостровская» (рис. 1). Работы на данном участке проводились на основании договора с ЗАО «Торгово-деловой центр “Василеостровский”» в связи с проектируемым строительством торгово-развлекательного центра.

По архивным и картографическим данным, освоение участка началось довольно рано. На плане Санкт-Петербурга И. Б. Зихгейма 1738 г. он уже был разделен на два владения. На первом из них по красным линиям Среднего пр. и 7-й линии показано деревянное угловое квадратное в плане здание. На соседнем участке слева видны два деревянных здания (рис. 2).

Судя по Плану «столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших оного проспектов (план Махаева)» 1753 г., исследуемый участок по-прежнему состоял из двух владений. На одном из них, кроме углового здания, показаны два деревянных строения в центральной зоне: одно по 7-й линии, другое по границе с соседним участком слева. На территории другого владения, в южной его части, отмечены два здания, ориентированные на дополнительные проезды, существовавшие в то время между 7-й и 8-й линиями. Судя по плану, вдоль 6-й, 7-й, 8-й линий и Среднего пр. к 1753 г. сложилась плотная городская деревянная застройка.

На «Аксонметрическом плане Сент-Илера» (1770-е гг.) изучаемый участок по-прежнему состоит из двух владений, одному из которых (Средний пр.

и 7-я линия) принадлежит угловое одноэтажное деревянное жилое здание с вальмовой кровлей, а также служебные постройки (рис. 3). Другое владение также характеризуется усадебной застройкой, к которой относится жилой дом по Среднему пр. и службы в глубине участка. На противоположной стороне Среднего пр. и по 6-й линии располагалась деревянная жилая застройка, а дополнительные проезды между линиями были застроены.

К концу XVIII в. между улицами-линиями в основном сформировалась внутриквартальная секционная застройка. Ситуация кардинально изменилась с начала XIX в. Судя по «Подробному плану столичного города С.-Петербурга, снятому по масштабу 1:4200 под начальством генерал-майора Ф. Ф. Шуберта», к 1828 г. деревянная застройка на исследуемой территории сменяется каменной. Изучаемый участок состоял из трех домовладений – № 192, 193, 194. На участке № 193 обозначен угловой, Г-образный в плане дом. На участке № 192 вдоль Среднего пр. показано П-образное в плане строение с каменными флигелями во дворе и деревянной служебной постройкой.

В «Атласе тринадцати частей Санкт-Петербурга» Н. И. Цылова 1849 г. исследуемый участок состоял из нескольких владений, принадлежавших Воскресенскому девичьему монастырю (№ 29), Делобель (№ 47), Карнеевой (№ 45), Гедде (№ 43), Сысоеву (№ 27). В первой половине XIX в. несколько западнее исследуемого участка, на углу Среднего пр. и 9-й линии, начал формироваться комплекс построек табачной фабрики «Лаферм».

Первый этаж двухэтажного каменного церковного дома, стоявшего на исследуемом участке в конце XIX в., был арендован для магазина золотых и серебряных вещей, книжного и часового магазина, фотоателье, москательной лавки, белошвейной

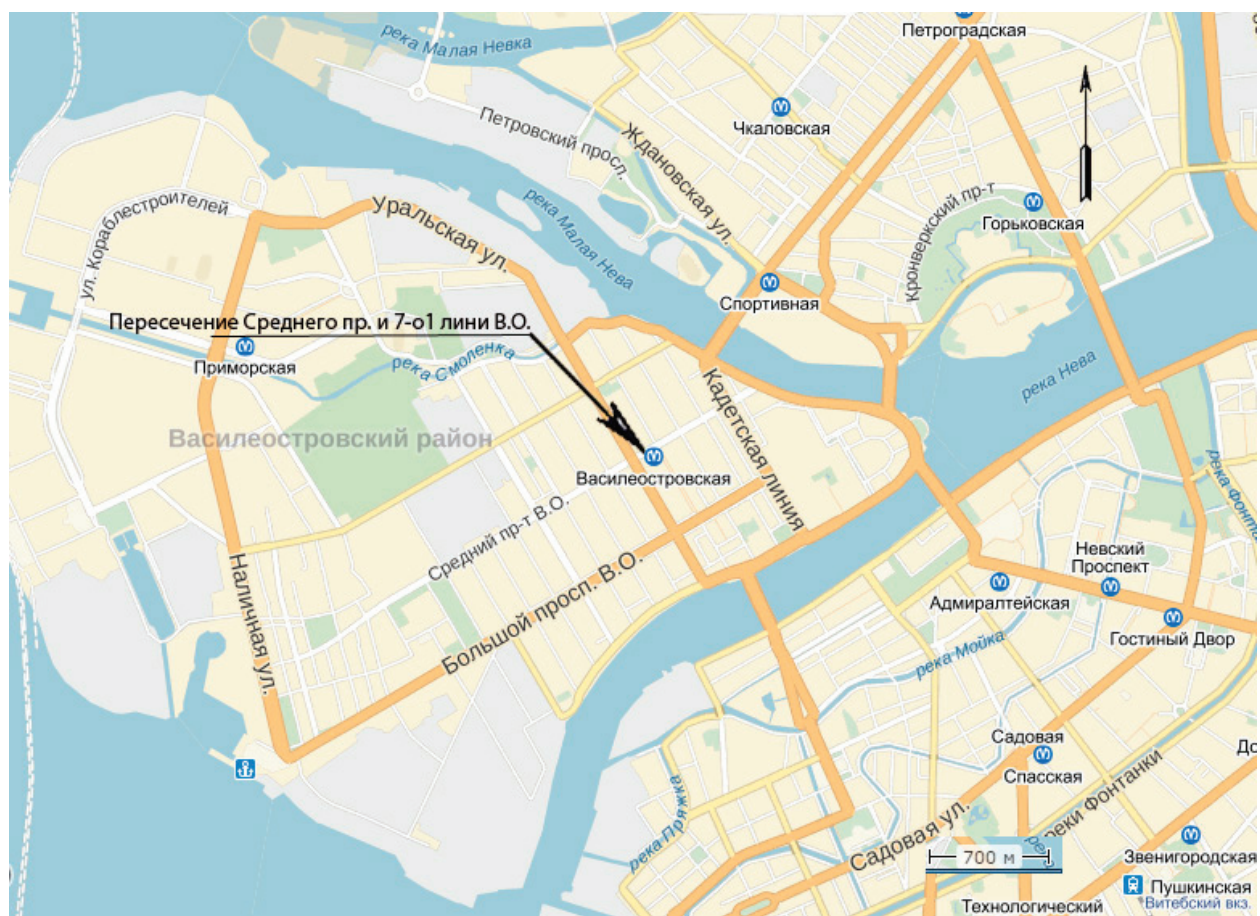

Рис. 1. ВО7л-2014. Карта Санкт-Петербурга с указанием участка исследования по адресу: Санкт-Петербург, Василеостровский район, пересечение Среднего пр. и 7-й линии Васильевского острова (URL: <http://maps.yandex.ru>)

мастерской, лавки Калининского пивоваренного завода, чайного магазина, фруктовой и сливочной лавки. Судя по плану Санкт-Петербурга, изданному по указу Городской думы (1904 г.), на этом же участке по-прежнему существовал каменный дом с внутренним двором. Согласно плану 1934 г., на изучаемом участке сохранилась застройка первой трети XIX в., частично измененная в конце этого столетия – начале следующего: по-прежнему существовал церковный угловой, Г-образный в плане дом на Среднем пр. и 7-й линии, в котором располагались торговые заведения и фотоателье; вдоль Среднего пр. расположено П-образное в плане строение с каменными флигелями во дворе; на 7-й линии стояли два дома с внутренними дворами. Все эти постройки были разобраны после 1962 г., а на их месте сооружена станция метрополитена «Василеостровская», открывшаяся 3 ноября 1967 г.

В ходе предварительного археологического обследования территории было заложено четыре шур-

фа, размерами 2×2 м, общей площадью 16 кв. м: в ее западной части расположены шурфы 1–3, в восточной – шурф 4 (рис. 4). Общая площадь обследуемого участка составила 2155 кв. м.

Шурф 1

Шурф 1, площадью 4 кв. м и глубиной 1,40 м, заложен между зданием вестибюля станции метро «Василеостровская» и домом № 34 по Среднему пр. Современная дневная поверхность лежала на отметках 3,02–2,94 м БС, дно шурфа – на уровне 1,60 м БС. Под асфальтовой подушкой залегал мощный слой строительного мусора с битыми кирпичами, который относился ко времени разборки зданий в 1960-х гг. (см. шурф 2). В восточном борту шурфа хорошо заметен большой блок кладки (судя по кривизне, фрагмент арки или свода), сложенный из кирпичей, размерами $0,27 \times 0,13 \times 0,07$ м, без клейм на известковом растворе оранжевого цвета. По всей вероятности, это перемещенные остатки кирпичной постройки

Рис. 2. ВОЛ-2014. Участок исследования на плане И. Б. Зихгейма 1738 г.

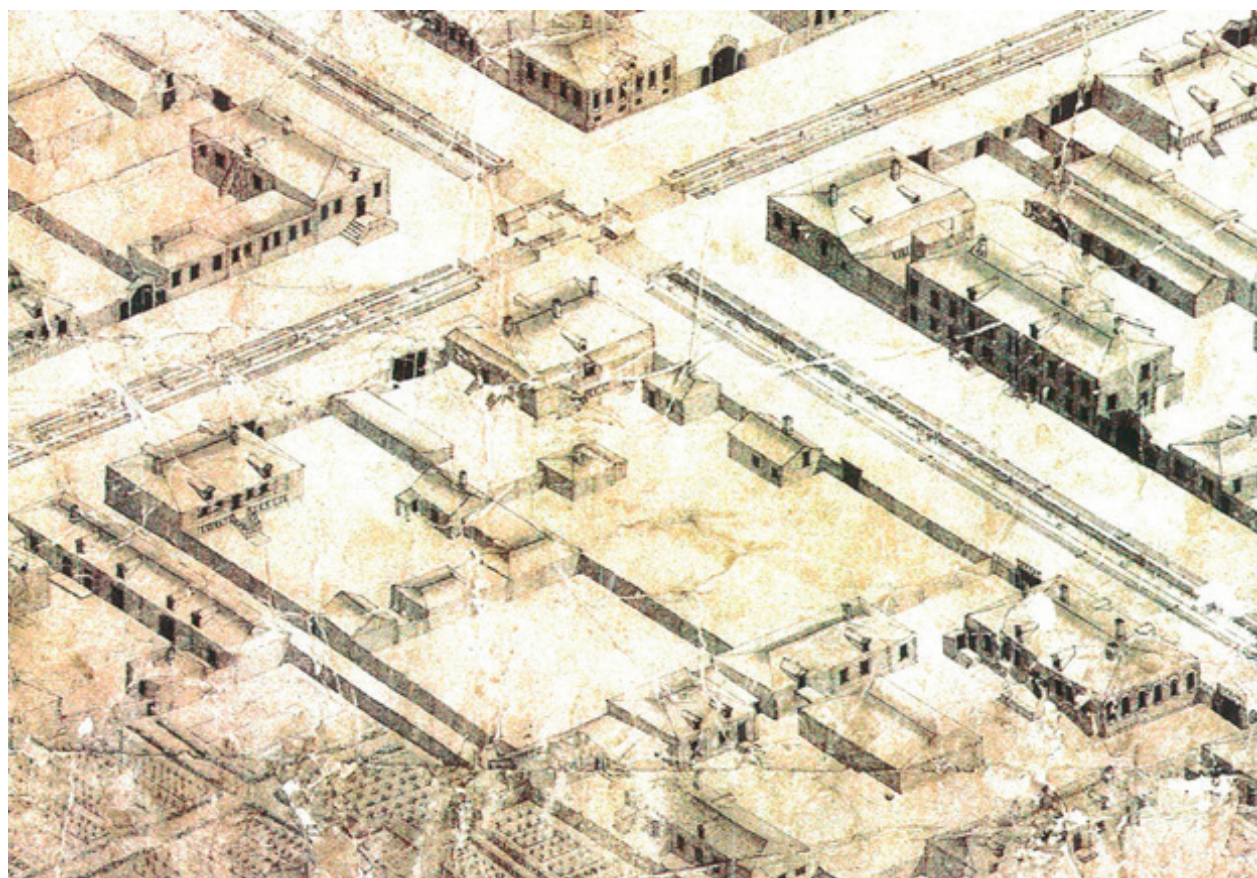

Рис. 3. ВОЛ-2014. «АксонOMETрический план Сент-Илера» (1770-е гг.). Фрагмент

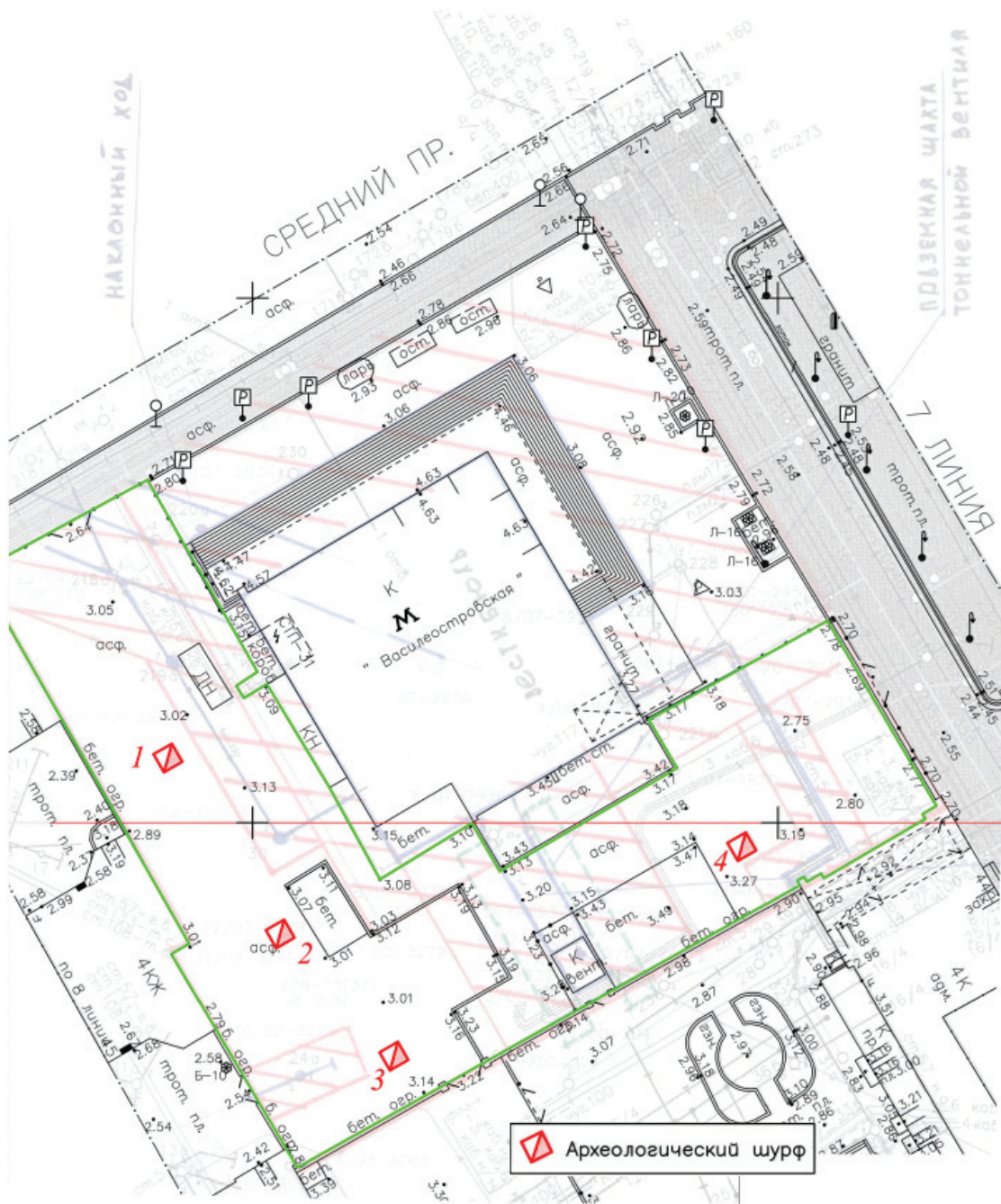

Рис. 4. ВО7л-2014. Схема расположения археологических шурфов на исследуемом участке

первой половины XIX в., на что указывает отсутствие клейм на кирпичках. Она стояла на участке вплоть до времени строительства станции метро.

В южной части шурфа обнаружены четыре прямоугольных каменных плиты, размерами около 0,55 × 0,40 м, которыми был замощен пол небольшого подвального или полуподвального помещения, устроенный на отметках 1,63–1,66 м БС. Южная и западная стенки помещения сложены из известняковых плит толщиной 0,15–0,20 м. Кладка южной стенки весьма небрежная: в нижней части использованы кирпичи и плиты разной толщины. Западная стенка сохранилась на высоту двух плит, ее северная часть разрушена при устройстве бетонной конструкции, установленной на кирпичной подкладке. С северной стороны помещение было ограничено стенкой, сложенной из тонких плит неправильной формы, также поврежденной при устройстве бетонной конструкции. Толщина стены составила 0,40 м. В юго-восточном углу шурфа открыты остатки сильно разрушенной каменно-кирпичной конструкции из толстых известняковых плит и рядов кирпичей с клеймами «СЛЕПУШКИНЫХЪ», сделанных на заводе Николая и Александра Михайловичей Слепушкиных в 1870–1880-х гг. Судя по их расположению, конструкция могла представлять собой лестницу-спуск в вышеописанное помещение. Небольшие размеры шурфа и разрушение конструкций XIX в. более поздними коммуникациями не позволяют уверенно реконструировать первоначальный облик помещения, происходившие в нем перестройки, а также его назначение. Можно лишь предположить, что спуск и помещение изначально вели в подвальную часть этого здания, но затем были засыпаны и перекрыты вымосткой вдоль фасада здания, остатки которой прослежены в шурфе на отметках 2,17–2,25 м БС.

В северо-западной части шурфа в слое темно-серой гумусированной супеси найден фрагмент стебля белоглиняной «голландской» курительной трубки XVIII – середины XIX в.

Шурф 2

Шурф 2, площадь 4 кв. м и глубиной 1,60 м, заложен в юго-западной части исследуемого участка между южным углом вестибюля станции метро «Василеостровская» и стеной дома № 32 по Среднему пр. Современная дневная поверхность лежала на отметках 3,04–2,96 м БС, дно шурфа – на отметках 1,60–1,42 м БС. После снятия слоев асфальта, щебеночно-песочной подсыпки и серой гумусированной супеси со строительным мусором и битыми кирпичами на уровне 2,00 м БС был

прослежен верх кирпичной стены шириной 0,85 м, пересекавшей шурф по линии юго-восток – северо-запад. Кладка сохранилась на высоту 0,55 м, на восемь рядов, и установлена на каменный фундамент. Прослежен один ряд фундамента, высотой 0,15 м, сложенного из плит и валунов, выступавшего от стены на 0,20 м. Стена состоит из двух плотно состыкованных друг с другом частей. Судя по стратиграфии, стена была сооружена во рву, который после этого был засыпан. На плане Ф. Ф. Шуберта 1828 г. уже на этом же месте в начале XIX в. находилась оконечность западного дворового флигеля каменного здания. Однако, судя по кирпичам из кладки стены с клеймами «СЛЕПУШКИНЫХЪ», обнаруженную кладку можно датировать не ранее 1870-х гг.

В перемешанном слое найдены кирпичи с клеймами разного времени: «СЛЕПУШКИНЫХЪ» и «С» (Н. М. и А. М. Слепушкины, 1870–1880-е гг.), «Н.М.С.» (Н. М. Слепушкин, 1890–1900-е гг.), «Богдановичъ» (А. Е. Богданович, 1897–1917 гг.), подкова («Подкова» Е. И. Спечинской, 1897–1917 гг.), «А.П.» (1890-е гг.), «МОЙКА», а также два венчика красноглиняных сосудов и венчик фаянсового сосуда с белой поливой внутри и с полихромной росписью снаружи.

В восточной части шурфа прослежен слой серой гумусированной супеси, прилегающий к фундаменту, после выборки которого до уровня 1,65 м БС обнаружен деревянный настил – дощатый пол двухчастной деревянной постройки (рис. 5). Анализ стратиграфических разрезов показал, что деревянная постройка была нарушена фундаментным рвом. Таким образом, деревянное строение и перекрывавший ее гумусированный слой появились не позднее 20-х гг. XIX в. Между тем в состав находок с пола постройки входили два фрагмента стеблей и обломок чашки белоглиняной «голландской» курительной трубки, фрагменты бело-, красно-, сероглиняных и стеклянных сосудов, фаянсовой и фарфоровой посуды, фрагменты красноглиняной черепицы, которые могут быть датированы XVIII–XIX вв.

Шурф 3

Шурф 3, площадь 4 кв. м и глубиной 1,20 м, заложен в южной части исследуемого участка. Современная дневная поверхность лежала на отметках 2,90–2,82 м БС, дно шурфа – на отметках 2,00–1,70 м БС. После снятия слоев асфальта, щебеночно-песочной подсыпки и серой гумусированной супеси со строительным мусором и битыми кирпичами на отметках 2,41–2,25 м БС обнаружены остатки капитальной стены шириной

Рис. 5. ВО7л-2014. Шурф 2. Стена фундамента и нарушенная деревянная постройка. Вид с юго-востока

0,65 м, стоявшей на фундаменте, который был сложен из известняковых плит толщиной около 0,10 м на известковом растворе и выступал от стены на 0,06 м. Верх цоколя находился на уровне 2,25 м БС. Выше прослежены остатки каменно-кирпичной кладки стены. На кирпичах имеются клейма «СЛЕПУШКИНЫХЪ». На уровне 2,07 м БС вдоль фундамента с западной стороны открыт ряд кирпичей.

Большую часть шурфа занимала кладка из кирпичей, сложенная по ложковой системе на известковом растворе на отметках 1,90–2,06 м БС по линии северо-запад – юго-восток (рис. 6). В южном углу шурфа открыта подобная кладка толщиной в один кирпич, ориентированная по линии северо-восток – юго-запад. Кирпичи имеют клейма «СЛЕПУШКИНЫХЪ» и «С». Поверх кладки был расположен кирпичный под печи диаметром 0,75 м. На кирпичах встречены клейма «ЛВВОВЪ». Открытые в шурфе конструкции южной пристройки дворового флигеля, отсутствующей на плане 1828 г., датируются кирпичами с клеймами «СЛЕПУШКИНЫХЪ» (1870–1880-е гг.). В перемешанном слое найдены кирпичи с клеймами

разного времени: «К.К.<3.>» (1850–1860-е гг.), «СЛЕПУШКИНЫХЪ», «С» (1870–1880-е гг.), «П.Беляева» (1860–1917 гг.), «Н.С.Л.».

Шурф 4

Шурф 4, площадью 4 кв. м и глубиной 1,90 м, заложен в восточной части исследуемого участка между вестибюлем станции метро «Василеостровская» и стеной дома № 44 по 7-й линии. Современная дневная поверхность лежала на отметках 3,16–2,99 м БС, дно шурфа – на отметках 1,21–1,13 м БС. После снятия слоя асфальта была обнаружена бетонная плита толщиной 0,20 м и шириной 0,90 м, лежавшая на подсыпке из чистого песка, по-видимому, относящаяся к системам метрополитена. В восточной части шурфа открыта небрежная бутовая кладка фундамента Г-образной формы, высотой 0,65–0,80 м (5–7 рядов), сложенного из грубо обколотых известняковых плит на материковом песке на отметках 1,80–2,05 м БС (рис. 7). В западной части на фундаменте сохранилась часть стены, сложенная из камней на известковом растворе до уровня 2,17 м БС. Судя по плану 1934 г., в этом месте находился дворовый флигель каменного здания, выходявшего фасадом

Рис. 6. ВО7л-2014. Шурф 3. План поверхности кирпичного свода

Рис. 7. ВО7л-2014. Шурф 4. Кладка фундамента из известняковых плит. Вид с юго-востока

на 7-ю линию, часть которого, вероятно, была открыта в шурфе.

В слое строительного мусора найдена монета медного сплава достоинством 2 копейки 1898 г. В гумусированном слое со щепой обнаружены кованый железный гвоздь, фрагменты стеклянных сосудов, обломки фаянсовой и фарфоровой столовой посуды, фрагмент красноглиняного изразца со следами белой поливы и голубым орнаментом, пять обломков красноглиняных сосудов – двух мисок и трех цветочных горшков. Светлоглиняная посуда представлена фрагментами семи сосудов. В слое погребенной почвы найден кованый железный гвоздь, фрагменты красноглиняных изразцов со следами белой поливы, обломок стеклянного сосуда, стенки красноглиняного и сероглиняного сосудов. Все вещественные находки можно датировать XVIII – началом XX в.

Судя по полученным данным, можно заключить, что исследуемый участок по адресу: Санкт-Петербург, Василеостровский район, пересечении Среднего пр. и 7-й линии Васильевского острова у станции метро «Василеостровская», входил в зону хозяйственного освоения не позднее первой трети XVIII в. Деревянная застройка участка отмечена уже на плане И. Б. Зихгейма в 1738 г., а к 1828 г. она сменяется каменной. Строения на исследуемой территории были снесены при строительстве вестибюля станции метро «Василеостровская». В ходе археологических работ были обнаружены фрагменты каменных фундаментов и сооружений XIX в. (шурфы 1–4), культурный слой и остатки деревянных построек XVIII в. (шурфы 2 и 4), слои погребенной почвы первой половины XVIII в. (шурф 4).

Предварительные археологические исследования по адресу: Тележная ул., д. 32

С. А. Семенов, А. М. Смирнов

В июне 2014 г. археологической экспедицией Отдела охранной археологии Института истории материальной культуры Российской академии наук было проведено предварительное археологическое обследование на участке планируемого строительства, расположенного по адресу: Санкт-Петербург, Центральный район, Тележная ул., д. 32 (рис. 1). Работы на данном участке проводились на основании договора с ООО «Тележная 32» в связи с проектируемым строительством.

Судя по архивным и картографическим данным, несмотря на то что освоение окружающей территории началось довольно рано, задолго до основания Петербурга, исследуемый участок оставался практически незастроенным вплоть до нашего времени. На карте города 1737 г. на данном участке не отмечены не только какие-либо строения, но и не размечены участки городской планировки, однако уже указаны строения Александро-Невского монастыря и некоторые улицы (рис. 2). На плане 1753 г. Тележная ул. обозначена как Новая Перспективная, в это время в ее состав была включена современная Гончарная ул. С 1821 по 1829 г. улица носила название Малая Невская. Современное название известно с 1836 г. Уже в конце XVIII в. по обе стороны от Невского тракта, начиная от нынешней пл. Восстания и практически до Александро-Невского монастыря, тянулись торговые ряды. В них шла торговля телегами, шорными и другими изделиями, необходимыми для гужевого транспорта. По четной стороне современной Тележной ул. располагались тележные ряды Торговой пл., от которых и ведется название улицы. На плане Ф. Ф. Шуберта 1828 г. на территории исследования обозначены огороды и дворовые участки домов, расположенных вдоль Невского пр. (рис. 3). На карте 1860 г. изучаемая территория по-прежнему свободна от строений. На карте 1904 г. на этом месте не указано ни

строений, ни границ каких-либо участков. В конце 1970–1980-х гг. на исследуемой территории размещалась автобаза, а в настоящее время расположена станция техобслуживания автомобилей.

В ходе предварительного археологического обследования на территории планируемого строительства было заложено четыре шурфа размерами 2×2 м и два шурфа размерами 2×4 м, общей площадью 32 кв. м (рис. 4). Шурфы 1, 6, 7 и 8 были заложены вдоль Тележной ул., шурф 3 – в центральной части площадки, шурфы 2, 4 и 5 – вдоль северо-восточной границы участка.

Шурф 1

Шурф 1, площадью 4 кв. м и глубиной 2,30 м, заложен в южной части исследуемого участка между зданием администрации существующей станции техобслуживания автомобилей и современным зданием по адресу Тележная ул., д. 34. Современная дневная поверхность лежала на отметках 7,16–6,95 м БС, дно шурфа – на уровне 4,86 м БС. Под слоем современной почвы мощностью 0,10 м прослежена нивелировочная подсыпка из извести толщиной 0,30 м. Ниже залегали слои гумусированной супеси со строительным мусором. Верхняя часть слоя строительного мусора толщиной 0,90 м насыщена битыми кирпичами, кусками железа и известкового раствора. Нижняя часть шурфа – темно-коричневая гумусированная супесь. На глубине 1,30 м от современной дневной поверхности в юго-восточной части шурфа обнаружен верх фундамента из кирпичей и бутового камня. На фундаменте найдена монета медного сплава – 3 копейки 1929 г.

Шурфы 2–8

Шурфы 2–8 располагались в центральной части исследуемой территории. Современная дневная поверхность лежала на отметках 6,93–7,51 м БС, дно шурфов – на уровне 2,10 м БС (в шурфах 4 и 5;

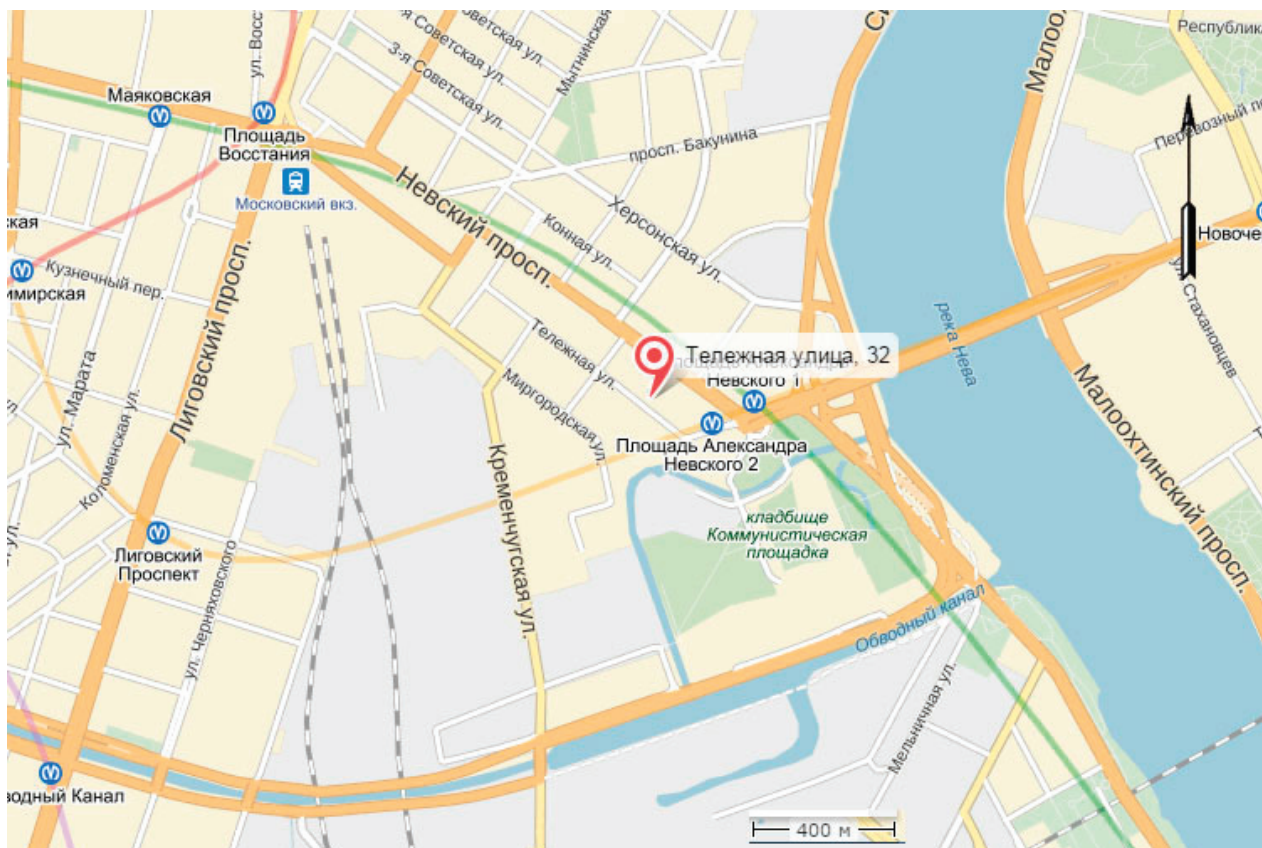

Рис. 1. Тележная ул., д. 32. Место расположения работ на карте Центрального района Санкт-Петербурга (URL: <http://maps.yandex.ru>)

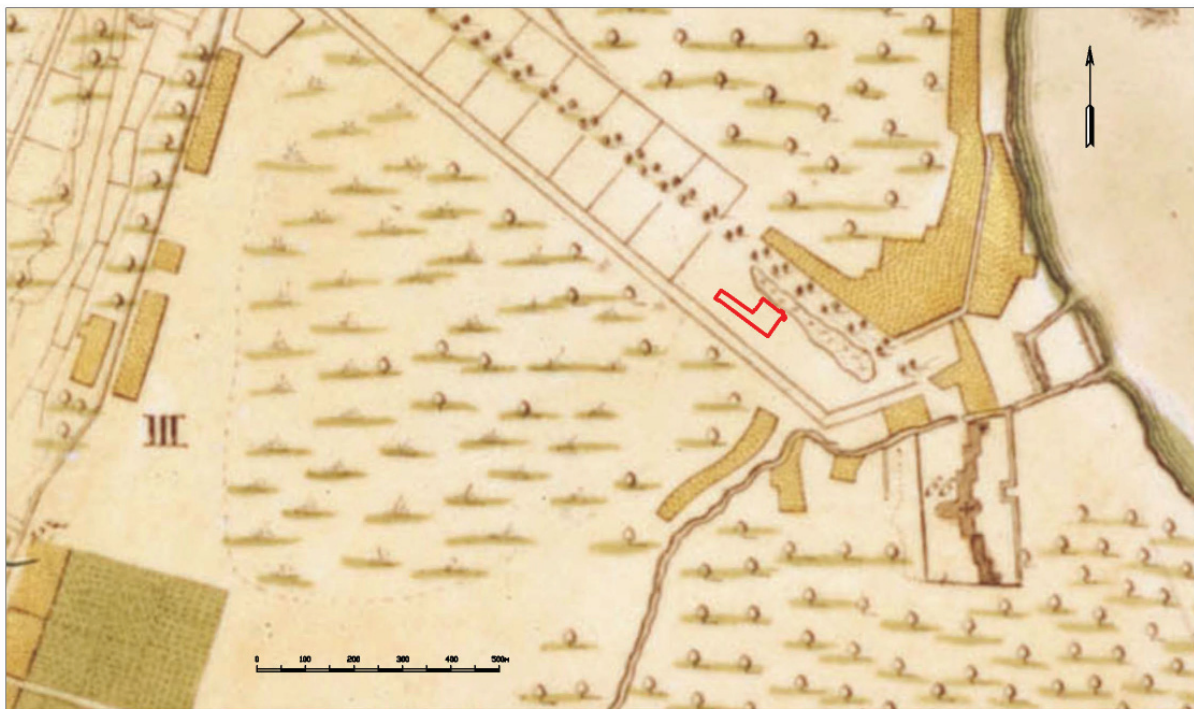

Рис. 2. Тележная ул., д. 32. Расположение исследуемого участка на плане 1737 г.

Рис. 3. Тележная ул., д. 32. Расположение исследуемого участка на плане Ф. Ф. Шуберта 1828 г.

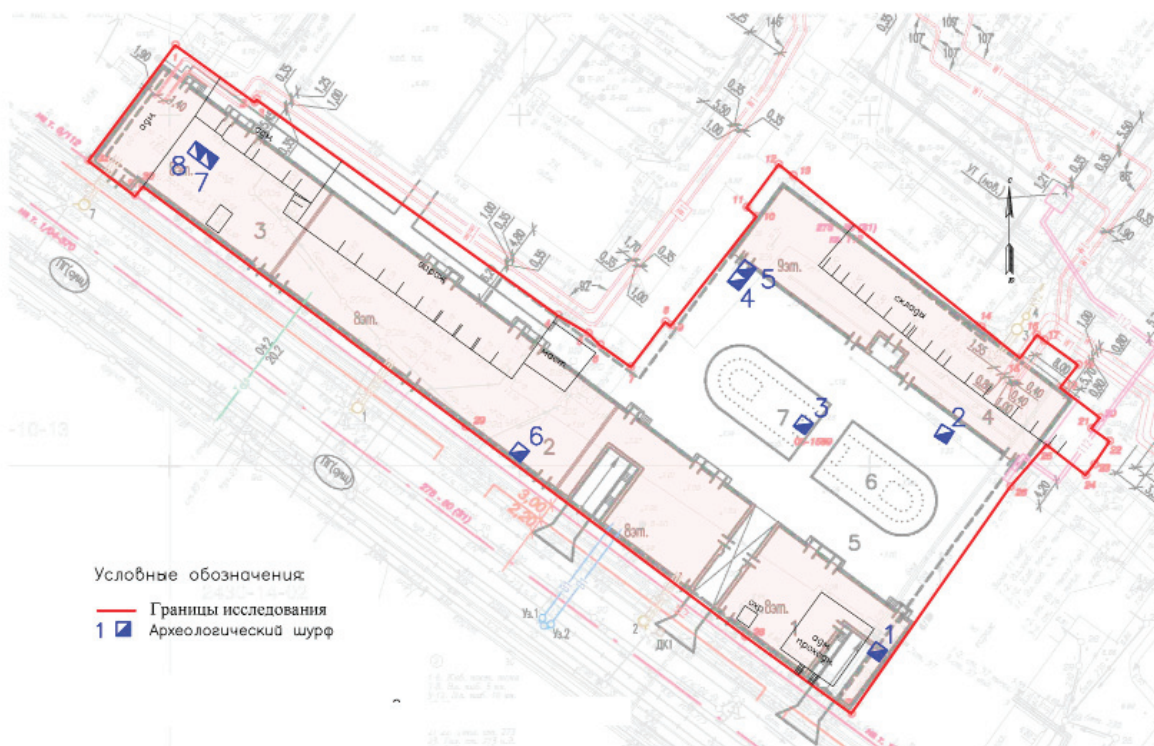

Рис. 4. Тележная ул., д. 32. Схема расположения шурфов на плане объекта

рис. 5) и 2,60 м БС (шурф 2). Материк – серо-желтая супесь – залегает на уровне 5,00 м БС (шурф 2) и 4,63 м БС (шурф 6). Стратиграфия всех шурфов следующая: современное покрытие – асфальт с песчано-щебеночной подсыпкой мощностью 0,10–0,15 м или дерн и современная почва толщиной до 0,20 м (шурфы 4, 5 и 6); слой строительного мусора XIX – начала XX в. толщиной от 0,90 (шурфы 7 и 8) до 1,30 м (шурф 4 и 5); темно-коричневый гумусированный слой супеси с навозом, корнями деревьев и щепой толщиной от 0,80 (шурфы 4 и 5) до 1,30 м (шурф 7 и 8); материк – серо-желтая супесь.

Археологический материал, собранный в ходе проведения работ, в целом может быть датирован XIX – началом XX в. В составе 254 артефактов представлена керамическая посуда, строительная и облицовочная керамика, фаянсовые и фарфоровые изделия, изделия из стекла, изделия из железа, монеты.

Керамическая посуда – самая массовая категория находок, включающая кухонную, столовую и тарную посуду. В ходе работ собрана коллекция из 50 фрагментов красноглиняной и белоглиняной керамики (миски, горшки, цветочные горшки), часть из которых покрыта поливой разных цветов:

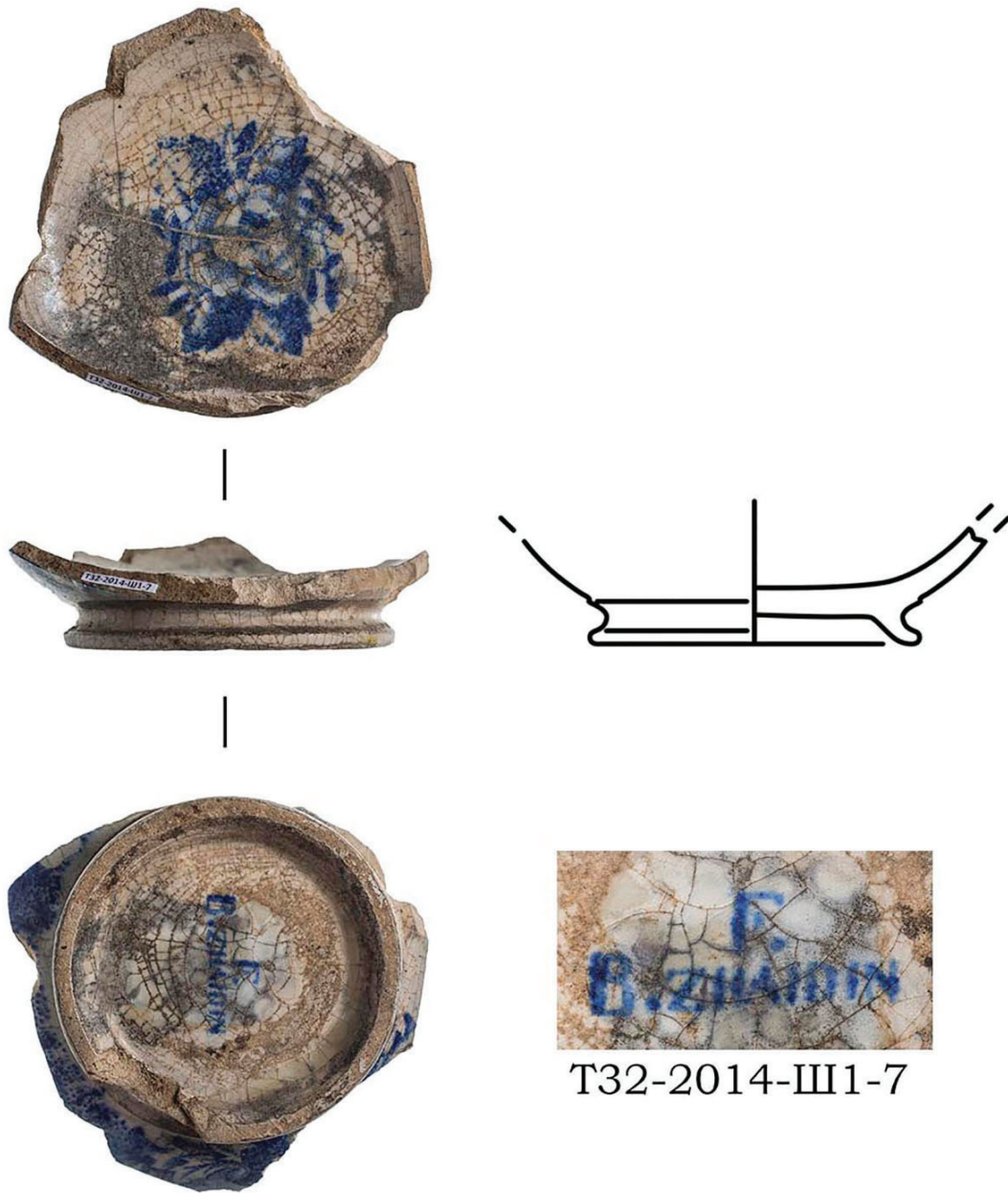
коричневой, желтой, зеленой. В отдельную группу можно выделить два фрагмента бутылок из так называемой каменной массы. На одной стенке виден оттиск «65».

Строительная и облицовочная керамика. В шурфах 3, 4 и 5 были встречены обломки гладких печных изразцов XIX в., покрытых белой поливой.

Фарфоровые и фаянсовые изделия также одна из самых массовых категорий находок. Найденные в шурфах материалы представлены в основном экземплярами XIX–XX вв.: фрагментами тарелок, чашек, чайников и др. (всего 54 экземпляра). Ряд изделий имело клейма производителей. На дне фарфорового блюда встречено надглазурное клеймо темно-коричневого цвета в виде двуглавого орла и надписи «фабрики М. С. Кузнецова въ Риге», на фрагменте фарфоровой чашки – надглазурное полихромное клеймо: на бирюзовом фоне бежевой и черной краской нанесено изображение двуглавого орла, сверху на бежевой ленте надпись «ВЪ С.ПЕТЕРБУРГЪ», снизу – «БРАТЪЕВЪ КОРНИЛОВЫХЪ»; на дне сосуда (фаянсового?) – подглазурное клеймо синего цвета «F. V ZHAIDIN», принадлежавшее в XIX в. фабрике Н. Жадина в Речицах Бронницкого уезда (рис. 6).

Рис. 5. Тележная ул., д. 32. Шурфы 4 и 5. Стратиграфия северо-западной стенки

T32-2014-Ш1-7

0 10см
T32-2014-Ш1-7

Рис. 6. Тележная ул., д. 32. Фрагмент фаянсового сосуда, изготовленного в XIX в. на фабрике Н. Жадина в Речицах Бронницкого уезда

Изделия из стекла представлены большим количеством стенок и горлышек различных сосудов (32 ед.), в основном зеленого стекла, сильно патинированных – бутылок, штофов, миниатюрных сосудов. На донца некоторых бутылок нанесена маркировка – литые выпуклые буквы и цифры «П-39 КМБЗ 0,75» (Константиновский механизированный бутылочный завод). На стенке одного сосуда встречены литые буквы «[м]ин вода».

Изделия из железа. К этой категории относились четырехгранные кованые гвозди.

Монеты представлены тремя экземплярами: монета медного сплава 3 копейки 1929 г., монета медного сплава 1 копейка 1812 г., серебряная монета 15 копеек 1898 г.

Изделия из дерева представлены катушкой и пуговицей.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы: исследуемая территория на протяжении XVIII–XIX вв. не была застроена; в ходе работ не выявлено следов капитальных конструкций, мостовых и прочих объектов культурного наследия; на протяжении XVIII–XIX вв. она была занята садами и огородами; культурный слой (помимо садовых земель) представлен нивелировочной засыпью из строительного мусора конца XIX – XX в.

Охранные археологические исследования по адресу: Свердловская наб., д. 12

Р. В. Филиппенко

В ноябре 2014 г. археологической экспедицией Отдела охранной археологии ИИМК РАН по договору с ООО «Девелопмент – СПб» проводилась археологическая разведка по адресу: Санкт-Петербург, Свердловская наб., д. 12 (рис. 1; 2). Исследованный участок Калининского района ограничен Свердловской наб., Арсенальной ул., Кондратьевским пр. и ул. Ватутина и в настоящее время частью территории металлургического производственного объединения ОАО «Красный выборжец». Главной задачей являлось обследование прибрежной линии Свердловской наб., а целью исследования – выявление объектов археологического наследия, сбор сведений о них и планирование мероприятий по обеспечению их сохранности. В результате в восьми разведочных шурфах общей площадью 32 кв. м открыты участки булыжного мощения, руинированная фундаментная кладка, деревянные конструкции и участки культурного слоя, содержавшие находки XVIII – начала XX в.

В границах этого участка расположены три постройки, вошедшие в список вновь выявленных объектов культурного наследия: дом управляющего (деревянное здание на набережной), производственное здание (ЦЛО и амбулатория), дом культуры завода «Красный выборжец» (Приказ председателя КГИОП № 15 от 20.02.2001 г.).

Дом управляющего (дом Шарлье) представляет собой постройку, выполненную в стиле модерн. По своему внешнему виду он близок сооружениям дачной (усадебной) архитектуры конца XIX – начала XX в. Производственное здание (ЦЛО и амбулатория) представляет собой несколько соединенных между собой кирпичных корпусов, построенных в стиле архитектуры промышленных зданий конца XIX – начала XX в. Дом культуры

завода «Красный выборжец» возведен по проекту архитектора Д. Л. Кричевского в 1939–1941 гг. в стиле сталинского классицизма.

Участок, ставший объектом исследования, расположен на землях, которые были освоены еще в средневековый период. Во время шведского владычества, в XVII в., они входили в состав владений государственного наместника Стена фон Стенхаузена. На картах первой трети XVIII в. эта территория отмечена как незастроенная. Основные хозяйственные объекты Выборгской стороны того времени располагались западнее. Вплоть до середины XIX в. единственным промышленным объектом между современными ул. Ватутина и Арсенальной ул. была прядильная (канатная) фабрика, расположенная несколько восточнее современной Арсенальной ул. (рис. 3), построенная не позднее 1737 г. и просуществовавшая на этом месте до 30-х гг. XIX в. К востоку от нее в конце XVIII – начале XIX в. возникли дачные участки. Исследованный участок располагался в границах дач Миницкой и Молчанова (рис. 4).

Во второй половине XIX в. правый берег Невы между современными ул. Ватутина и Арсенальной ул. постепенно приобрел облик промышленной окраины Петербурга. В это время земли, занятые ранее частными дачами, постепенно были застроены промышленными предприятиями, основанными владельцами дачных участков (рис. 5). К концу XIX в. на этой территории возникли два крупных промышленных предприятия, принадлежавших Обществу меднопрокатного и трубного завода, ставшего в советское время основой объединения «Красный выборжец» (рис. 6), и Обществу машиностроительного и механического завода «Феникс» (в советское время часть станкостроительного завода им. Я. М. Свердлова).

Рис. 1. Красный выборжец 2014. Место исследования на карте Санкт-Петербурга (URL: <http://maps.yandex.ru>)

Рис. 2. Красный выборжец 2014. План участка исследования

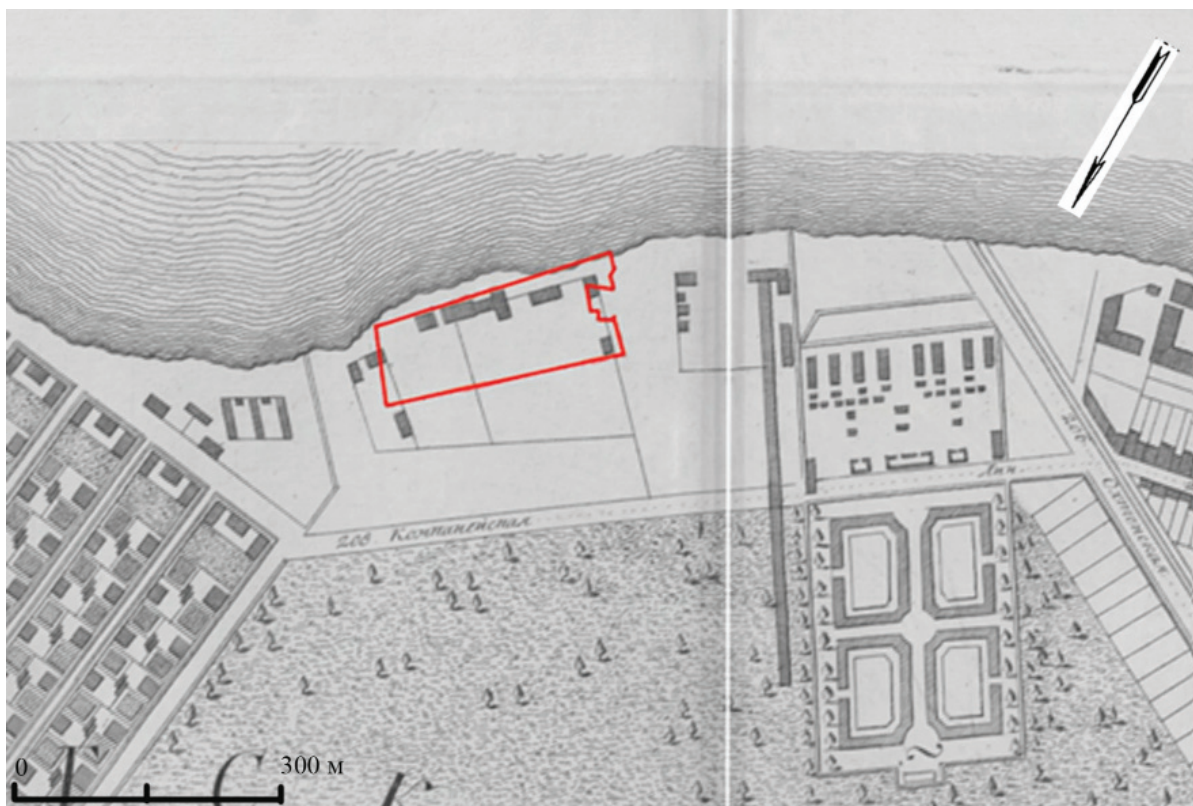

Рис. 3. Красный выборжец 2014. Фрагмент плана Санкт-Петербурга 1753 г. И. Ф. Трускотта. Исследованный участок обозначен красным контуром

Рис. 4. Красный выборжец 2014. Фрагмент плана Санкт-Петербурга 1824 г. Паршинева. Исследованный участок обозначен красным контуром

Рис. 5. Красный выборжец 2014. Фрагмент плана Санкт-Петербурга 1906 г. Исследованный участок обозначен красным контуром

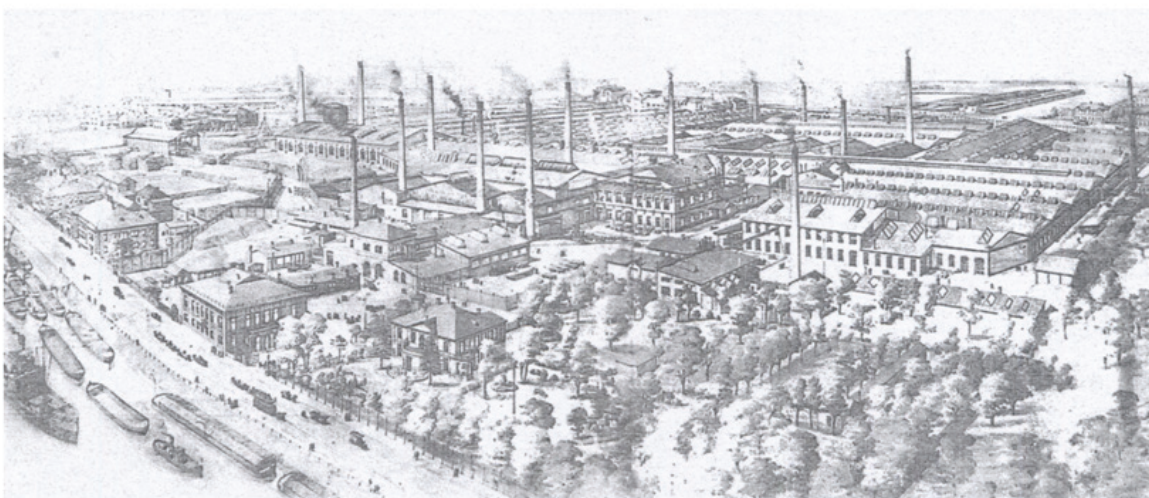

Рис. 6. Красный выборжец 2014. Общий вид завода Общества меднопрокатного и трубного завода («Бывший Розенкранц») в 1896 г. (Боженкова, 2002. С. 17)

Исследованный участок расположен на территории завода Общества меднопрокатного и трубного завода, основанного в 1857 г. Ф. Ф. Гошем. В 1863 г. он перешел во владение Розенкранца. В 1881 г. завод был акционирован, его владельцем стало Общество меднопрокатного и трубного завода «Бывший Розенкранц». В 1918 г. завод национализировали, а с 1922 г. он стал называться Ленинградский государственный медеобработывающий завод «Красный выборжец» (Михайлов, 1957; «Красный выборжец», 1978).

Некоторые из построек на исследованной территории (дом управляющего, дом с мезонином и др.) появились еще до основания завода в 1857 г. и перешли в собственность заводчиков от прежних владельцев дачных участков. Датировка этих сооружений затруднительна. Анализ картографических материалов конца XVIII – первой половины XIX в. позволяет датировать эти здания в пределах 1849–1856 гг. Большинство других построек завода были возведены в конце XIX – XX в. В течение этого периода, особенно в советское время, заводские строения неоднократно перестраивались.

Особый интерес среди этих объектов представляет дом управляющего, сохранившийся в перестроенном виде до нашего времени. Его строительство следует отнести к 1849–1856 гг. В 1912 г. он был капитально перестроен. Датировка дома управляющего концом XVIII в. (Штиглиц, 2008. С. 49; Яковенко, 2010. С. 30) основана на легендарных сведениях и не имеет серьезной доказательной базы. Производственные корпуса (ЦЛО и амбулатория) были построены в 1912–1915 гг.

Археологические исследования

Шурф 1 (рис. 2; 7), размерами 2×2 м, был заложен на западной стороне участка, в сквере у здания дома управляющего. В ходе работ прослежена следующая стратиграфия культурных отложений. Под современным гумусным слоем, толщиной 0,11 м, залегал слой серо-коричневой супеси с включениями современного строительного мусора, мощностью 0,54 м. Ниже выявлен слой плотной темно-коричневой супеси толщиной 0,11 м, на уровне которого прослежены границы двух современных хозяйственных ям. Яма 1, размерами $1,14 \times 0,39$ м, открыта у западной стенки шурфа, ее дно выявлено на уровне 4,00 м по Балтийской

Рис. 7. Красный выборжец 2014. Шурф 1. Зачистка на уровне материка. Вид с юга

системе высот (далее БС). Яма 2, размерами 0,81 × 0,54 м, обнаружена у восточной стенки, ее дно прослежено на уровне 4,64 м БС. Заполнение ямы состояло из серо-коричневой супеси с включениями современного строительного мусора, при разборке которого найден вещественный материал рубежа XIX–XX вв. (рис. 8: 1, 3, 4, 5; 9: 6).

Под слоем темно-коричневой супеси залегал слой серой супеси толщиной 0,56 м, внутри которого прослежена прослойка, толщиной 0,15 м, состоявшая из обломков кирпичей, известковой

штукатурки и окатанных камней. В слое серой супеси найдена вилка из медного сплава (рис. 8: 1), фрагмент румпы красноглиняного изразца, фрагмент плосковидного светильника (рис. 8: 2), которые могут быть датированы концом XIX в. На уровне серой супеси у южной стенки шурфа прослежены границы ямы 3 размерами 0,48 × 1,60 м, дно которой обнаружено на уровне 3,82 м БС. Заполнение ямы состояло из темно-серой супеси, перекрывавшей слой плотной темно-коричневой супеси толщиной 0,20 м, при разборке которого найдены два фрагмента белоглиняной керамики

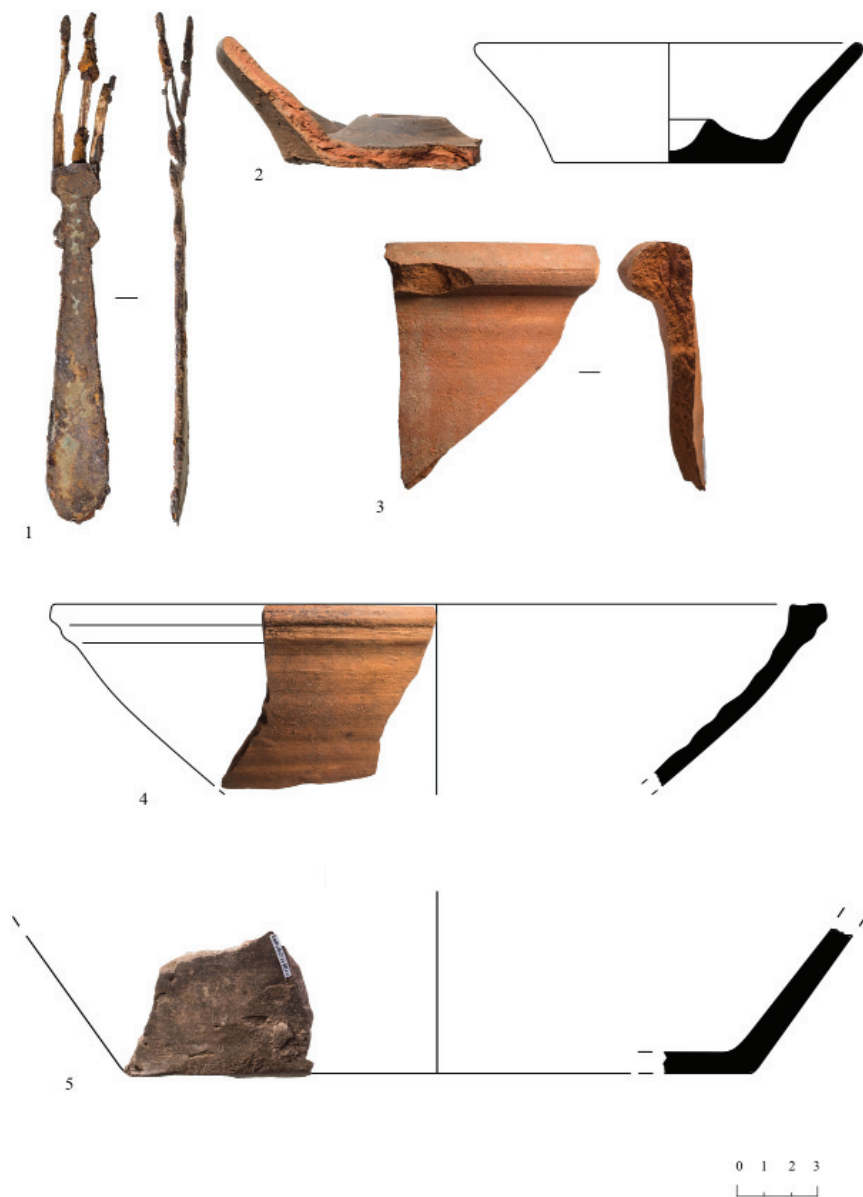

Рис. 8. Красный выборжец 2014. Находки из шурфа 1. Вилка: 1 – КрВыб-2014-ШП-1. Красноглиняная керамика: 2 – КрВыб-2014-ШП-2; 3 – КрВыб-2014-ШП-3; 4 – КрВыб-2014-ШП-4; 5 – КрВыб-2014-ШП-5

XVIII–XIX вв. Ниже прослежена супесь желтого цвета с горизонтальными серыми прослойками толщиной 0,25 м. Материк залегал на отметках 4,28–4,32 м БС.

Шурф 2 (рис. 2; 10–12), размерами 2 × 2 м, заложен на западной стороне участка, в сквере у здания дома управляющего. В ходе работ выявлена следующая стратиграфия культурных отложений. Под современным гумусным слоем, толщиной 0,18 м, залегал слой серой супеси мощностью до 0,80 м, подстилавшийся слоем серо-

желтой супеси толщиной 0,30 м, с обломками кирпичей, при разборке которого найдены обломки красноглиняной керамики, фрагмент красноглиняной плитки, фрагмент изразца, обломки стеклянных бутылей, распиленная кость животного, фрагменты фаянсовой посуды (рис. 13) рубежа XIX–XX вв. Ниже залегал слой темно-серой супеси мощностью до 0,80 м, в котором найдены три обломка белоглиняных сосудов. В основании этого слоя прослежен слой крупнозернистого песка светло-коричневого цвета толщиной 0,48 м, на уровне которого открыт участок мостовой (?)

Рис. 9. Красный выборжец 2014. Находки из шурфа 1. Изделия из стекла: 1 – КрВыб-2014-Ш1-11; 2 – КрВыб-2014-Ш1-10; 3 – КрВыб-2014-Ш1-9; 4 – КрВыб-2014-Ш1-8. Красноглиняная керамика: 5 – КрВыб-2014-Ш1-5. Изделие из фаянса: 6 – КрВыб-2014-Ш1-7

Рис. 10. Красный выборжец 2014. Шурф 2. Зачистка на уровне материка. Вид с юго-востока

шириной 0,24–0,30 м, сложенной из окатанного камня диаметром 0,07–0,15 м и пересекавшей шурф по линии северо-восток – юго-запад. К участку мощения примыкали две деревянные балки диаметром 0,10–0,15 м, а в юго-восточном углу шурфа обнаружена деревянная свая диаметром 0,32 м. Слой крупнозернистого песка лежал на материке, представлявшего собой темно-серую плотную супесь с включением ожелезнений.

Шурф 3 (рис. 2; 14), размерами 2 × 2 м, заложен на западной стороне участка, в сквере у здания дома управляющего». В ходе работ выявлена следующая стратиграфия культурных отложений. Под современным гумусным слоем, толщиной 0,06 м, залегал слой темно-желтой супеси мощностью до 0,50 м, которую подстилал слой желтой супеси толщиной 0,33 м, нарушенный современной траншеей шириной 0,90–0,96 м. Она пересекала шурф по линии северо-запад – юго-восток и была заполнена темно-серой супесью с включением строительного мусора. На дне траншеи, прослеженном на отметках 4,50–4,53 м БС, обнаружена чугунная труба диаметром 0,10 м. Под слоем желтой супеси на отметках 4,75–4,91 м БС

залегал материк, представлявший собой плотную однородную желтую супесь с включением ожелезнений.

Шурф 4 (рис. 2; 11; 15; 16), размерами 2 × 2 м, заложен на восточной стороне участка, на территории завода «Красный выборжец». В ходе работ выявлена следующая стратиграфия культурных отложений. Под современным гумусным слоем залегали слои шлака и строительного мусора мощностью до 0,71 м, на уровне которых обнаружена фундаментная кладка, пересекавшая шурф по линии северо-восток – юго-запад и нарушенная у южной стенки, по всей видимости, поздним перекопом. Кладка сложена из грубо обработанных известняковых блоков шириной 0,33–0,40 м, высотой около 0,10 м, сохранилась на высоту 0,71 м. У западной стенки на уровне 4,65 м БС обнаружена деревянная свая диаметром 0,29 м. Под слоем строительного мусора залегал слой светло-коричневой супеси толщиной 0,38 м, в основании включавший обломки кирпичей. Материк, прослеженный на отметках 4,78–4,81 м БС, представлял собой плотную светло-желтую супесь с включением ожелезнений.

Условные обозначения

①		Асфальт	②3		Серая супесь с включениями строительного мусора и шлака
②		Слой битого кирпича	②4		Темно-серая супесь
③		Щебень	②5		Серо-коричневая мешаная супесь со строительным мусором и кирпичной крошкой
④		Шлак	②6		Серо-коричневая супесь
⑤		Песок	②7		Светло-коричневая супесь
⑥		Техногенный слой (строительный мусор)	②8		Коричневая мешаная супесь с кирпичной крошкой
⑦		Бетон	②9		Коричневая супесь с включениями угля и веток
⑧		Трубы XX в.	③0		Темно-коричневая супесь
⑨		Металлические конструкции	③1		Темно-коричневая супесь с вкраплениями серой супеси
⑩		Камни (известняк)	③2		Гумус
⑪		Булыжники, валуны	③3		Корни дерева и мешаная серо-коричневая супесь со строительным мусором
⑫		Кабели	③4		Известковый раствор
⑬		Дерево, ветки, древесный тлен	③5		Кирпичная крошка
⑭		Кирпичи	③6		Дневная поверхность
⑮		Булыжное мощение	③7		Материковая супесь
⑯		Уволь	③8		Выбранная яма, траншея
⑰		Зола с включениями угля	③9		Линия дна раскопа
⑱		Крупнозернистый песок	④0		Высотная отметка
⑲		Желтая супесь			
⑳		Темно-желтая супесь			
㉑		Светло-серая супесь			
㉒		Серая супесь			

Рис. 11. Красный выборжец 2014. Условные обозначения

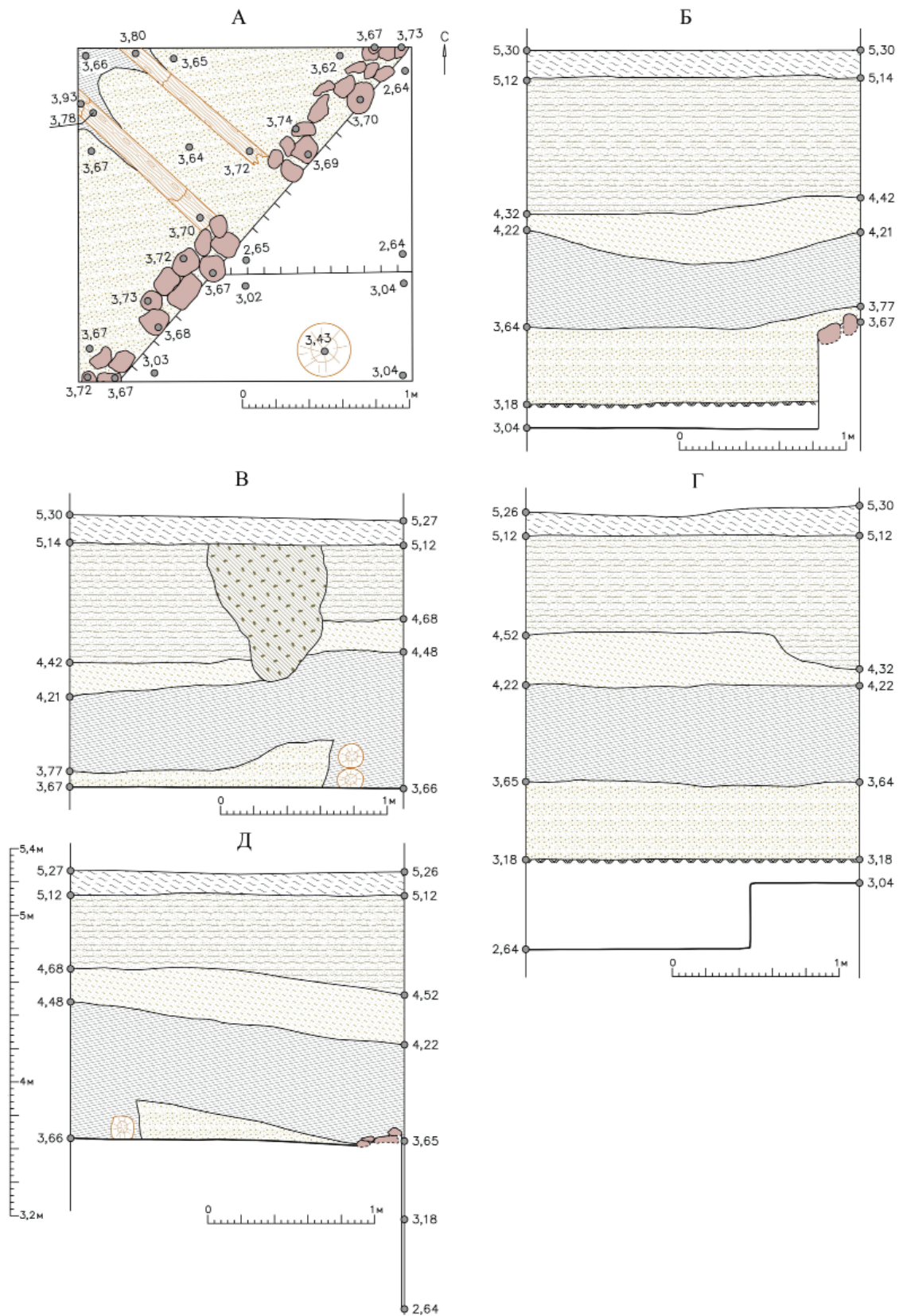

Рис. 12. Красный выборжец 2014. Шурф 2: А – план на уровне материка; Б – южная стенка; В – западная стенка; Г – восточная стенка; Д – северная стенка

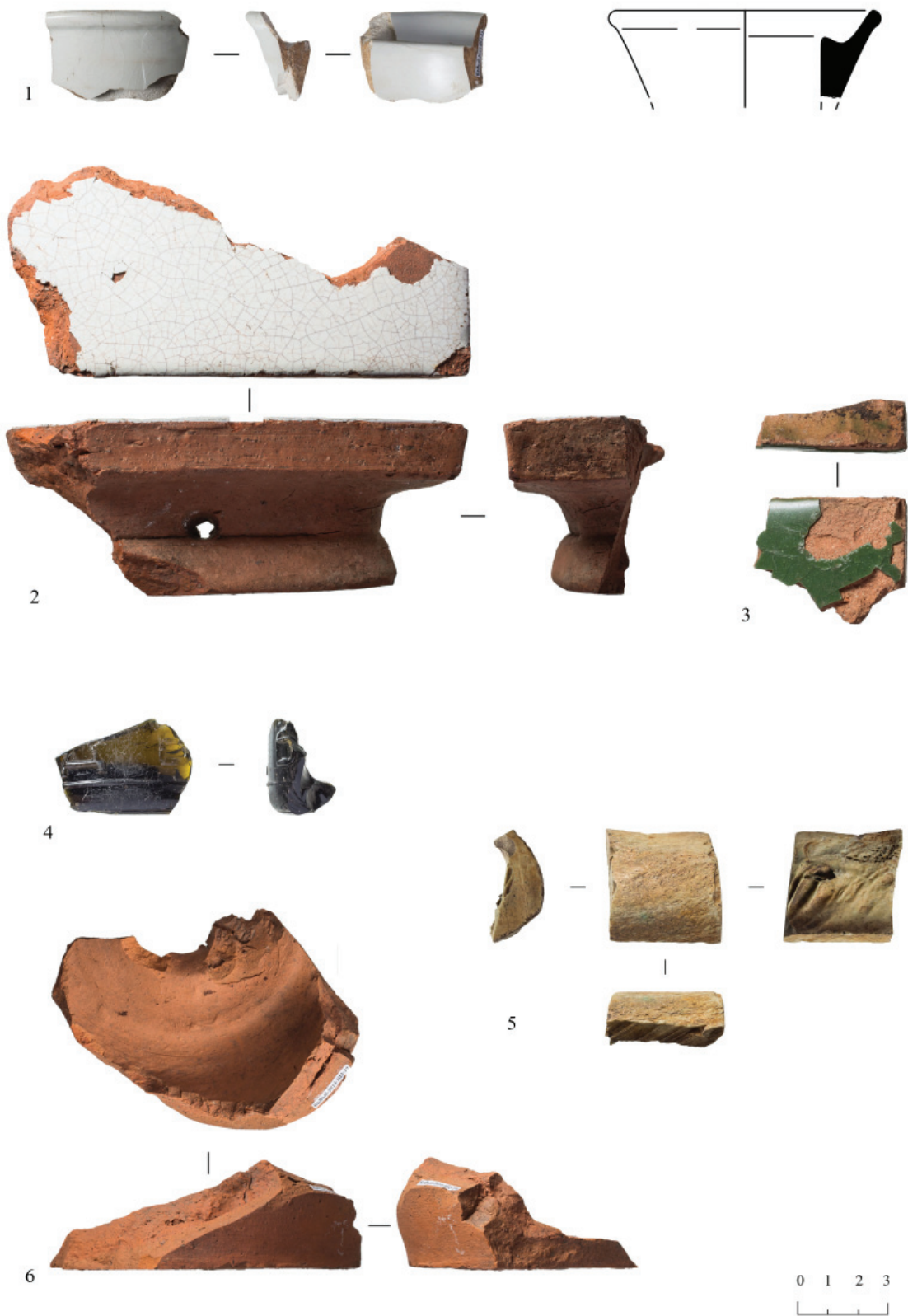

Рис. 13. Красный выборжец 2014. Находки из шурфа 2. Изделие из фаянса: 1 – КрВыб-2014-Ш2-21. Изразец: 2 – КрВыб-2014-Ш2-18. Изделие из стекла: 4 – КрВыб-2014-Ш2-22. Кость: 5 – КрВыб-2014-Ш2-23. Красноглиняная керамика: 3 – КрВыб-2014-Ш2-20; 6 – КрВыб-2014-Ш2-19

Рис. 14. Красный выборжец 2014. Шурф 3. Зачистка на уровне материка. Вид с востока

Рис. 15. Красный выборжец 2014. Шурф 4. Зачистка на отметках 4,80–5,52 м БС. Вид с запада

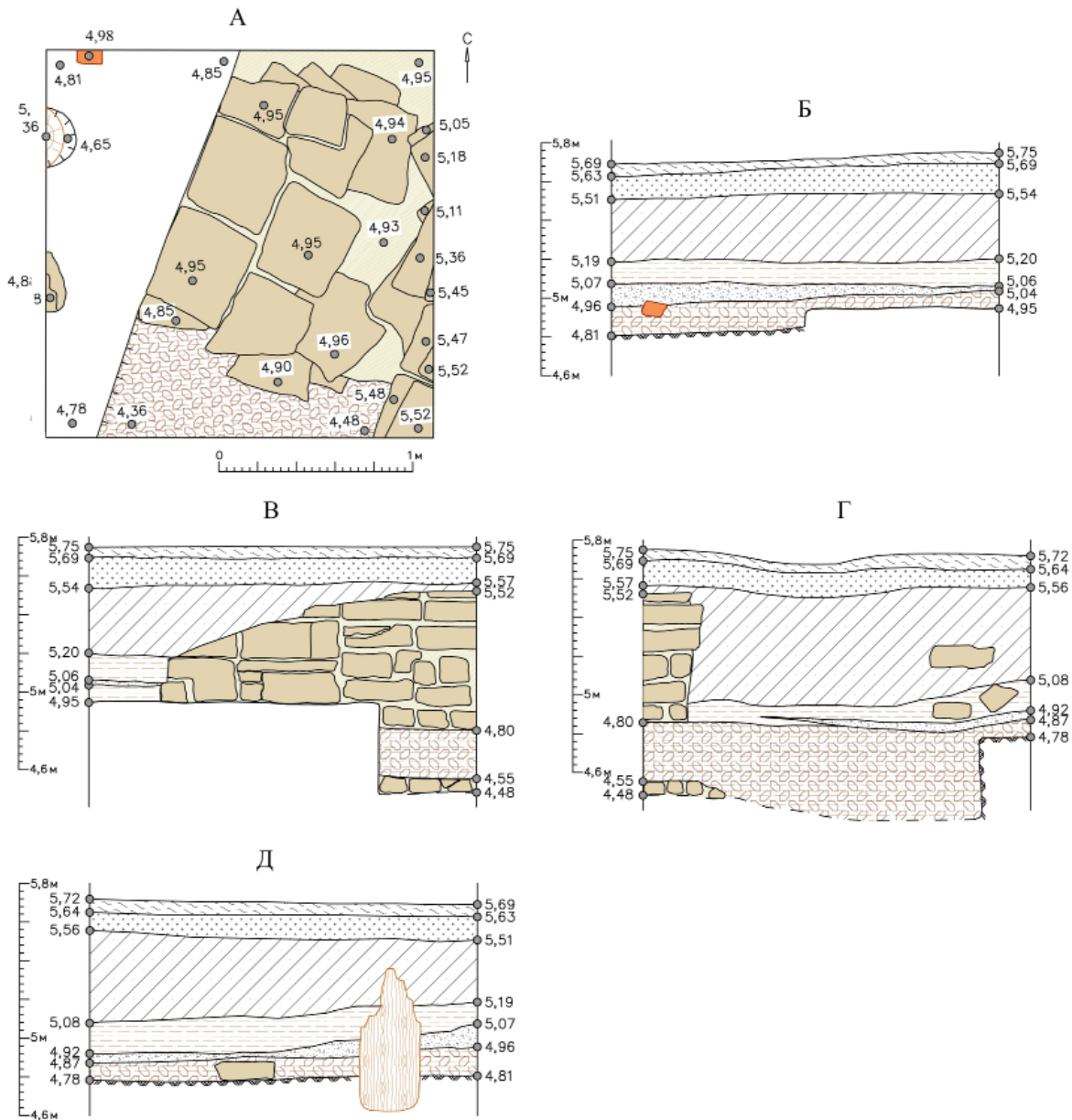

Рис. 16. Красный выборжец 2014. Шурф 4: А – план на уровне материка; Б – северная стенка; В – восточная стенка; Г – южная стенка; Д – западная стенка

Находки происходят из слоя строительного мусора. В их составе представлены: обломок красноглиняного сосуда (рис. 17: 2), фрагмент красноглиняного изразца, обломок стеклянного сосуда (рис. 17: 3), два фрагмента фарфоровой посуды (рис. 17: 1, 5) и обломок фаянсовой посуды (рис. 17: 4), которые датируются XIX–XX вв.

Шурф 5 (рис. 2; 11; 18–20), размерами 2 × 2 м, заложен на восточной стороне участка, на территории завода «Красный выборжец». В ходе

работ выявлена следующая стратиграфия культурных отложений. Под современным гумусным слоем залегал слой серо-коричневой супеси с включением современного строительного мусора толщиной 0,34 м, который подстилал слой строительного мусора с включением шлака толщиной 0,53 м. В этом слое обнаружен настил, сделанный из двух досок шириной 0,10 м и толщиной 0,07 м и пересекавших шурф по линии северо-запад – юго-восток. Под строительным мусором залегал слой битых кирпичей мощностью 0,34 м,

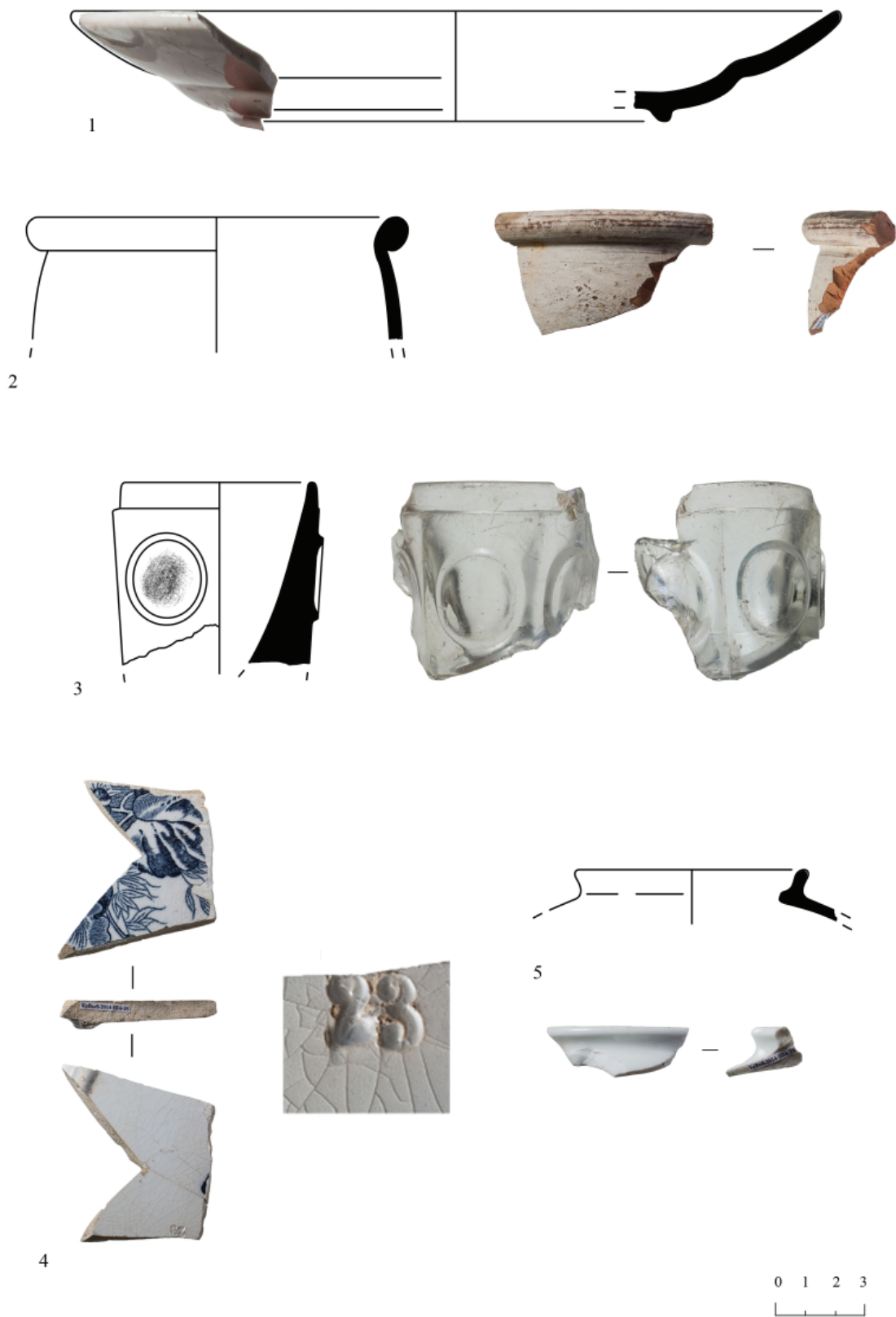

Рис. 17. Красный выборжец 2014. Находки из шурфа 4. Изделия из фарфора: 1 – КрВыб-2014-Ш4-34, 5 – КрВыб-2014-Ш4-33. Красноглиняная керамика: 2 – КрВыб-2014-Ш4-36. Изделие из стекла: 3 – КрВыб-2014-Ш4-32. Изделие из фаянса: 4 – КрВыб-2014-Ш4-35

Рис. 18. Красный выборжец 2014. Шурф 5. Булыжная мостовая. Вид с востока

Рис. 19. Красный выборжец 2014. Шурф 5. Технологическая траншея с деревянным дренажным коробом. Вид с юго-востока

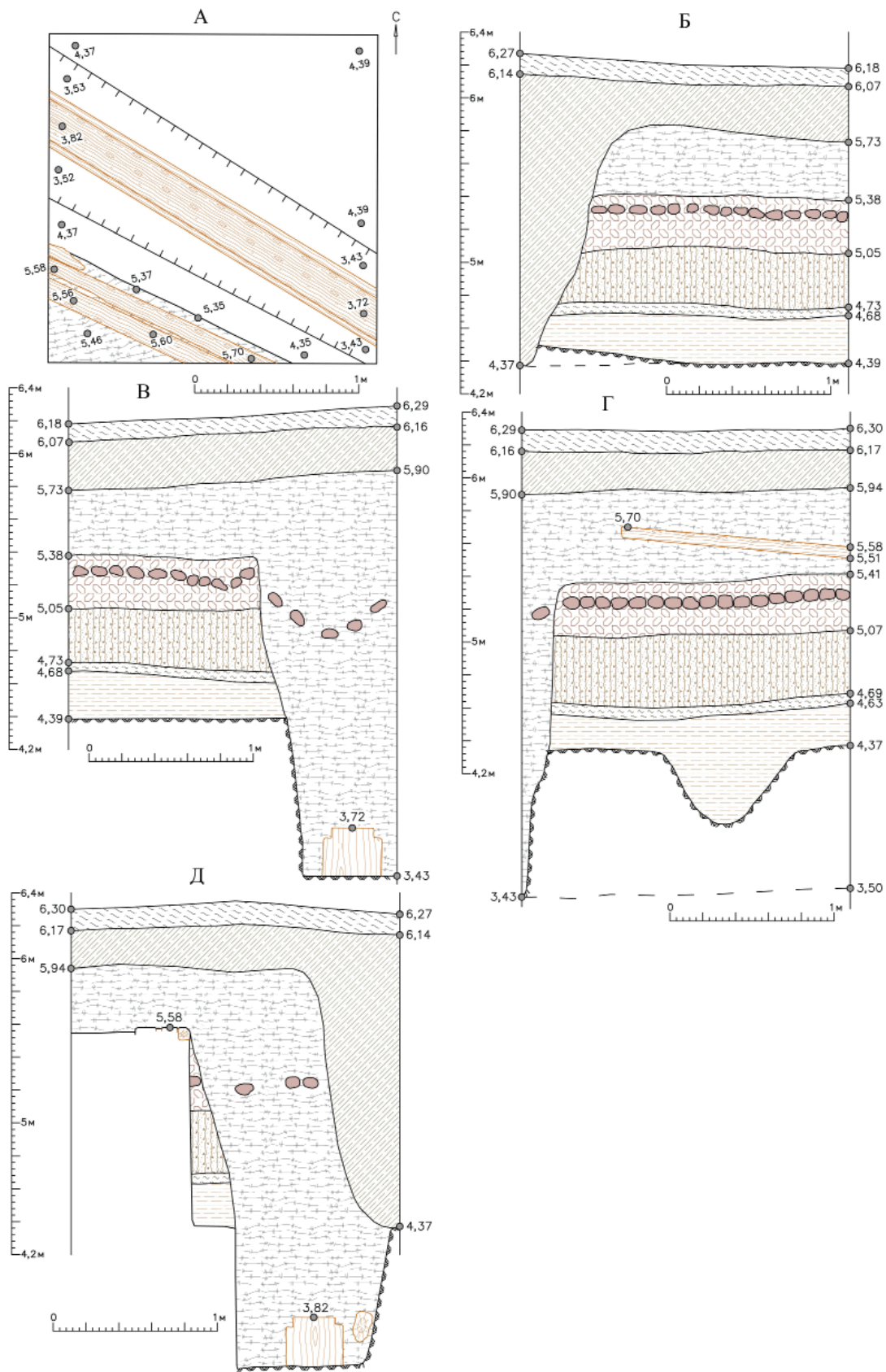

Рис. 20. Красный выборжец 2014. Шурф 5: А – план на уровне материка; Б – северная стенка; В – восточная стенка; Г – южная стенка; Д – западная стенка

на уровне которого открыта булыжная мостовая, сложенная из камней диаметром 0,09–0,12 м; поверх нее проходила канава, шириной 0,50–0,80 м и глубиной 0,30–0,43 м, пересекающая шурф по линии северо-запад – юго-восток. Ниже залегал слой коричневой супеси с включением битых кирпичей и строительного мусора, толщиной 0,38 м, в котором прослежена траншея шириной 1,60 м, пресекавшая шурф по линии северо-запад – юго-восток и заполненная строительным мусором с включением шлака. На дне траншеи, прослеженном на отметках 3,43–3,45 м БС, обнаружен дощатый дренажный короб шириной 0,29 м, пересекавший шурф по линии северо-запад – юго-восток. Под коричневой супесью залегал слой темно-коричневой супеси толщиной 0,06 м, перекрывавший слой предматериковой светло-коричневой супеси толщиной 0,67 м. Материк, прослеженный на отметках 4,37–4,39 м БС, представлял собой плотную светло-желтую супесь с включением ожелезнений.

Из слоя шлака и заполнения траншеи происходили следующие находки: 11 обломков красноглиняных цветочных горшков и кухонной посуды с коричневой, зеленой и черной поливой (рис. 21: 1–3), фрагмент сероглиняного сосуда и четыре обломка белоглиняных сосудов (рис. 22: 3, 4), пять фрагментов красноглиняных изразцов с белой поливой, фрагмент сосуда из каменной массы. Изделия из стекла представлены обломком рюмки (рис. 22: 5), фрагментом сосуда и бутылки (рис. 22: 6). Также найдены четыре обломка фаянсовых сосудов (рис. 21: 6; 22: 1) и три обломка фарфоровой посуды (рис. 21: 4, 5; 22: 2). Изделия из металла представлены кованым железным гвоздем и медным цоколем лампы накаливания. Все находки датируются рубежом XIX–XX вв.

Шурф 6 (рис. 2; 23), размерами 2 × 2 м, заложен в центре участка. В ходе работ выявлена следующая стратиграфия культурных отложений. Под асфальтобетонным покрытием и слоем щебня обнаружена булыжная мостовая, нарушенная современными траншеями. Булыжник был уложен в слой песка толщиной 0,17 м, который подстилал слой серо-коричневой супеси с включением битых кирпичей и современного строительного мусора с прослойкой шлака, общей толщиной 0,50 м. На этом уровне обнаружена траншея шириной 1,53 м, пресекавшая шурф по линии запад – восток, устроенная для прокладки линии электрического кабеля. У западной стенки шурфа в этом же слое открыта еще одна траншея шириной 0,63 м, со стальной трубой диаметром 0,10 м, пересекавшей шурф по линии север – юг. Ниже прослежен слой темно-коричневой супеси толщиной 0,27 м, ко-

торый подстилал слой серой супеси с прослойкой из битых кирпичей, толщиной 0,53 м. На этом уровне в юго-восточном углу шурфа открыта яма 1, округлой формы, заполненная темно-коричневой супесью. Дно ямы устроено на уровне 4,10 м БС. В ее заполнении найдены фрагменты красноглиняных сосудов, обломок фаянсового сосуда, фрагменты красноглиняной черепицы. В северо-западном углу шурфа открыта яма 2, подпрямоугольной формы, заполненная темно-коричневой супесью. Дно ямы было устроено на уровне 4,71 м БС. В ее заполнении найдены мундштуки белоглиняных курительных трубок, обломок стеклянного флакона, пластина и заклепка из медного сплава, фрагмент красноглиняного сосуда. Под слоем серой супеси залегал слой темно-коричневой супеси толщиной 0,20 м, который подстилал слой желтой супеси толщиной 0,28 м. Материк, прослеженный на отметках 4,89–4,66 м БС, представлял собой плотную светло-желтую супесь с включением ожелезнений.

В шурфе найдены три обломка красноглиняной керамики с темно-зеленой поливой (рис. 24: 1–3), два фрагмента красноглиняной черепицы, мундштуки белоглиняных курительных трубок (рис. 24: 8), обломок горлышка стеклянного флакона (рис. 24: 4), обломок фаянсового сосуда (рис. 24: 5), пластина и заклепка из медного сплава (рис. 24: 6, 7). Фрагменты красноглиняной черепицы и мундштуки белоглиняных курительных трубок, найденные в заполнении ям 1 и 2, могут быть датированы XVIII в. Остальные находки относятся уже к XIX–XX вв.

Шурф 7 (рис. 2; 11; 25–27), размерами 2 × 2 м, заложен в центре участка, на автомобильной парковке. В ходе работ выявлена следующая стратиграфия культурных отложений. Под асфальтобетонным покрытием и слоем щебня в западной половине шурфа обнаружена булыжная мостовая, сделанная из камней диаметром 0,09–0,20 м, уложенных в слой песка толщиной 0,25 м. Ниже залегал слой темно-серой супеси толщиной 0,45 м, который подстилал слой серой супеси. В северо-западной половине шурфа в слое серой супеси обнаружен деревянный настил, сбитый из пяти продольных и двух поперечных досок шириной 0,25–0,27 м и протянувшийся по линии северо-восток – юго-запад. Под серой супесью прослежен слой темно-коричневой супеси толщиной 0,35 м, который подстилал слой желтой супеси толщиной 0,20 м. Материк, выявленный на отметках 4,51–4,55 м БС, представлял собой плотную светло-желтую супесь с включением ожелезнений.

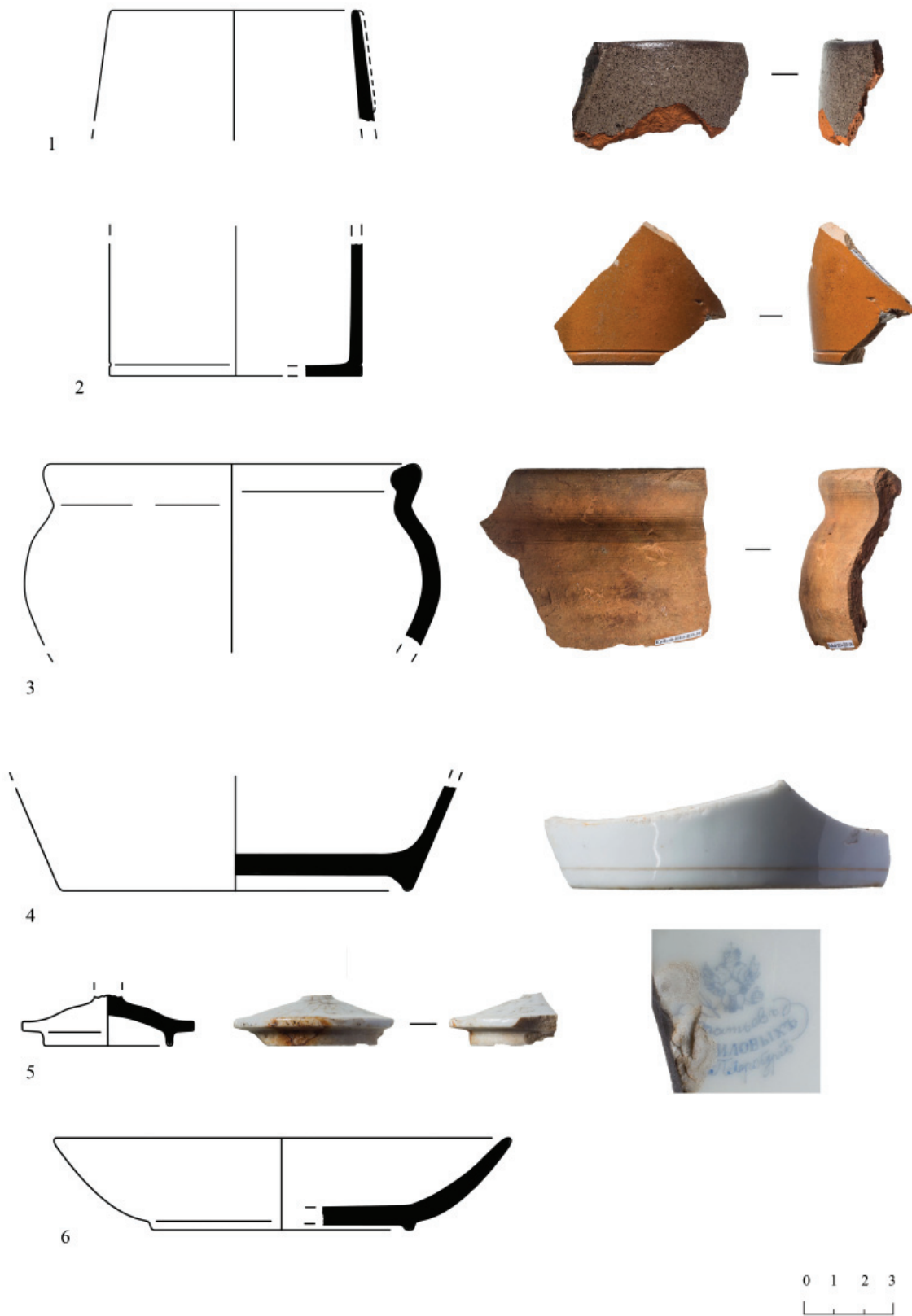

Рис. 21. Красный выборжец 2014. Находки из шурфа 5. Красноглиняная керамика: 1 – КрВыб-2014-Ш15-50; 2 – КрВыб-2014-Ш15-49; 3 – КрВыб-2014-Ш15-38. Изделия из фарфора: 4 – КрВыб-2014-Ш15-45; 5 – КрВыб-2014-Ш15-47. Изделие из фаянса: 6 – КрВыб-2014-Ш15-42

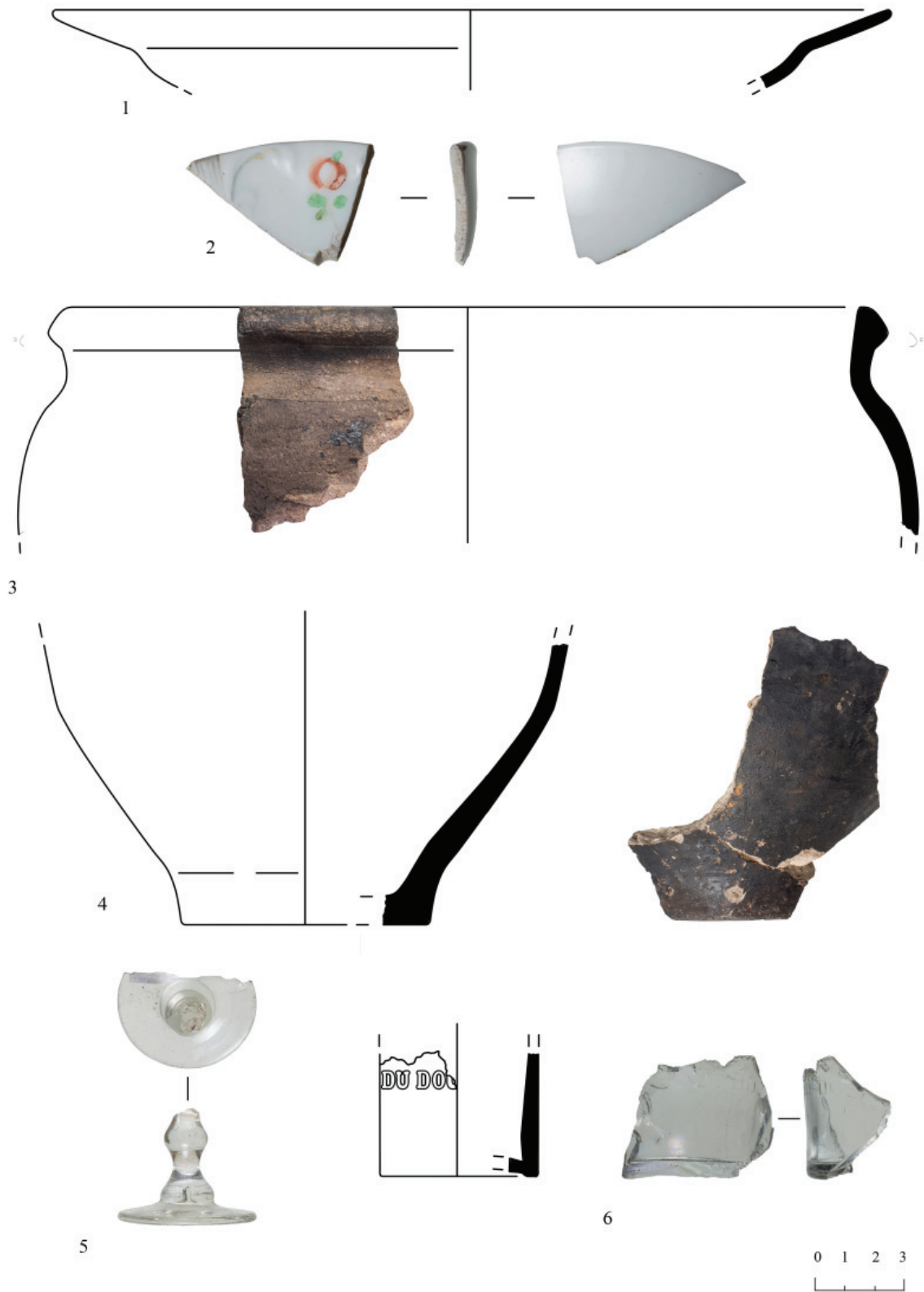

Рис. 22. Красный выборжец 2014. Находки из шурфа 5. Изделие из фаянса: 1 – КрВыб-2014-Ш5-48. Изделие из фарфора: 2 – КрВыб-2014-Ш5-43. Белоглиняная керамика: 3 – КрВыб-2014-Ш5-52; 4 – КрВыб-2014-Ш5-56. Изделия из стекла: 5 – КрВыб-2014-Ш5-44; 6 – КрВыб-2014-Ш5-53

Рис. 23. Красный выборжец 2014. Шурф 6. Зачистка на уровне материка. Вид с запада

Находки происходят из слоя темно-коричневой супеси, в их составе: десять обломков красноглиняной керамики, садовой и кухонной посуды с желтой и зеленой поливой (рис. 28: 1), 12 фрагментов белоглиняной керамики, два обломка мундштуков и чашка белоглиняных курительных трубок (рис. 28: 3–5), обломок сосуда из фаянса, пуговица из медного сплава (рис. 28: 7) и два кованых железных гвоздя. Чашка и мундштуки белоглиняных курительных трубок могут быть датированы XVIII в., остальные находки относятся уже к XIX–XX вв.

Шурф 8 (рис. 2; 29; 30), размерами 2 × 2 м, заложен в центре участка, на автомобильной парковке. В ходе работ выявлена следующая стратиграфия культурных отложений. Под асфальтом и слоем щебня в юго-западной половине шурфа обнаружена булыжная мостовая, сложенная из камней диаметром 0,09–0,20 м в слое светло-коричневой супеси толщиной 0,53 м. В основании мостовой в слое светло-коричневой супеси открыта прямоугольная конструкция из трех досок длиной 0,86–1,01 м и шириной 0,12–0,13 м. В юго-западном углу шурфа обнаружена яма подпрямоугольной

формы, заполненная супесью коричневого цвета с включением веток, древесного угля и золы. Под слоем светло-коричневой супеси залегал слой супеси коричневого цвета толщиной 0,76 м, который подстилал слой плотной темно-коричневой супеси, толщиной 0,19 м, в котором найдена медная монета «деньга», отчеканенная в России в 1731 г. (рис. 28: 6). Ниже залегал слой желтой супеси с прослойками супеси серого оттенка, толщиной 0,08–0,25 м. Материк представлял собой плотную светло-желтую супесь с включением ожелезнений.

Подводя итоги археологических исследований, можно сделать следующие выводы. Участки булыжного мощения в шурфах 5–8 были обнаружены под слоями современного асфальтобетонного покрытия и щебня и представляли собой дневную поверхность начала – второй половины XX в. на территории завода Розенкранца и «Красный выборжец». Руинированная фундаментная кладка в шурфе 4, перекрытая мощными слоями современного строительного мусора и шлака, может относиться к разрушенным фабричным корпусам завода «Красный выборжец» во время его перестройки в 70-е гг. XX в. Деревянный дренажный короб в шурфе 5 является

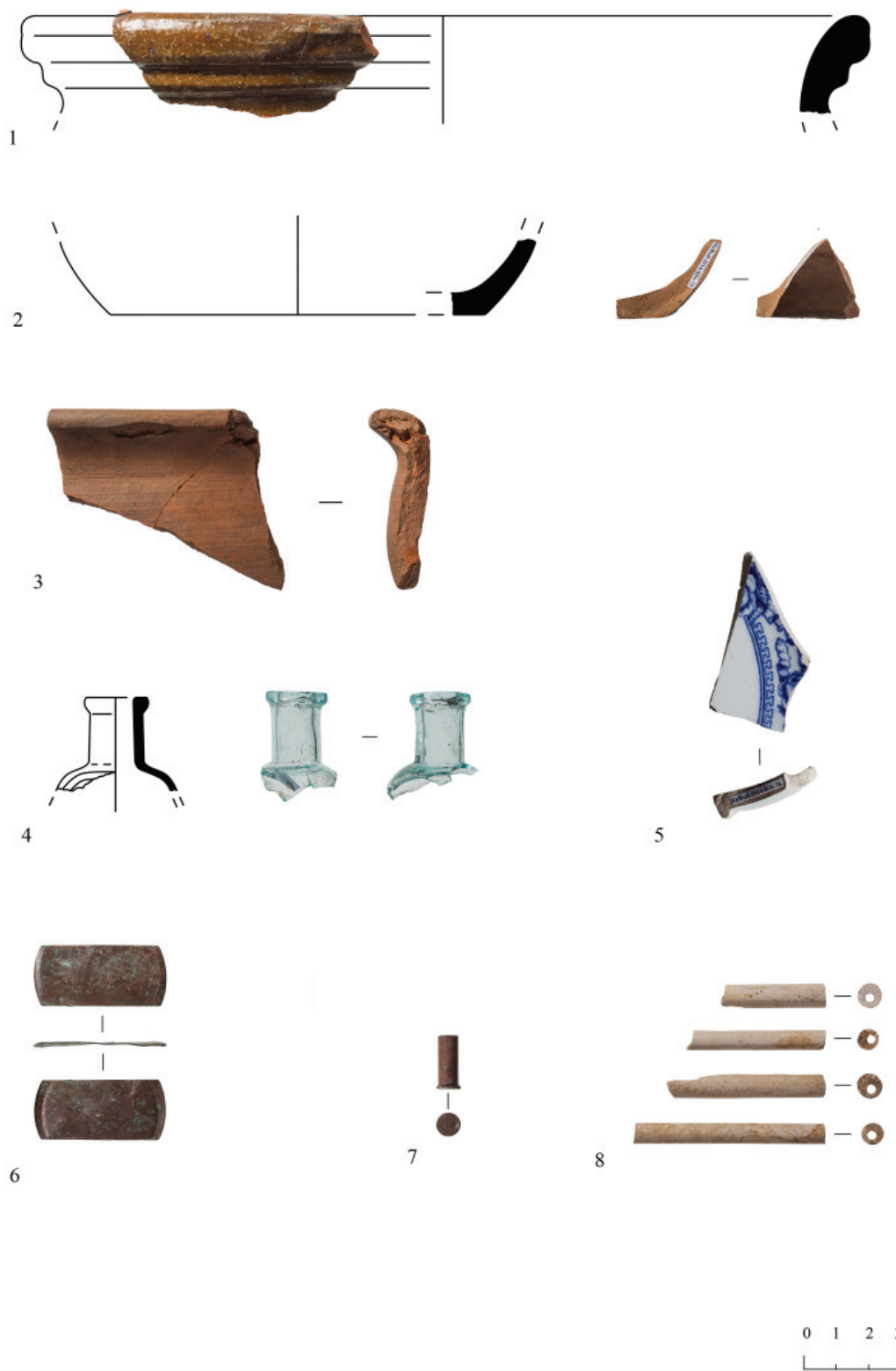

Рис. 24. Красный выборжец 2014. Находки из шурфа 6. Красноглиняная керамика: 1 – КрВыб-2014-Ш6-74; 2 – КрВыб-2014-Ш6-75; 3 – КрВыб-2014-Ш7-81. Изделие из стекла: 4 – КрВыб-2014-Ш6-78. Изделие из фаянса: 5 – КрВыб-2014-Ш6-76. Изделия из цветного металла: 6 – КрВыб-2014-Ш6-79; 7 – КрВыб-2014-Ш6-80. Мундштуки белоглиняных курительных трубок: 8 – КрВыб-2014-Ш6-77

Рис. 25. Красный выборжец 2014. Шурф 7. Зачистка на отметках 5,52–5,59 м БС.
Бульжная мостовая. Вид с юга

Рис. 26. Красный выборжец 2014. Шурф 7. Деревянный настил. Вид с востока

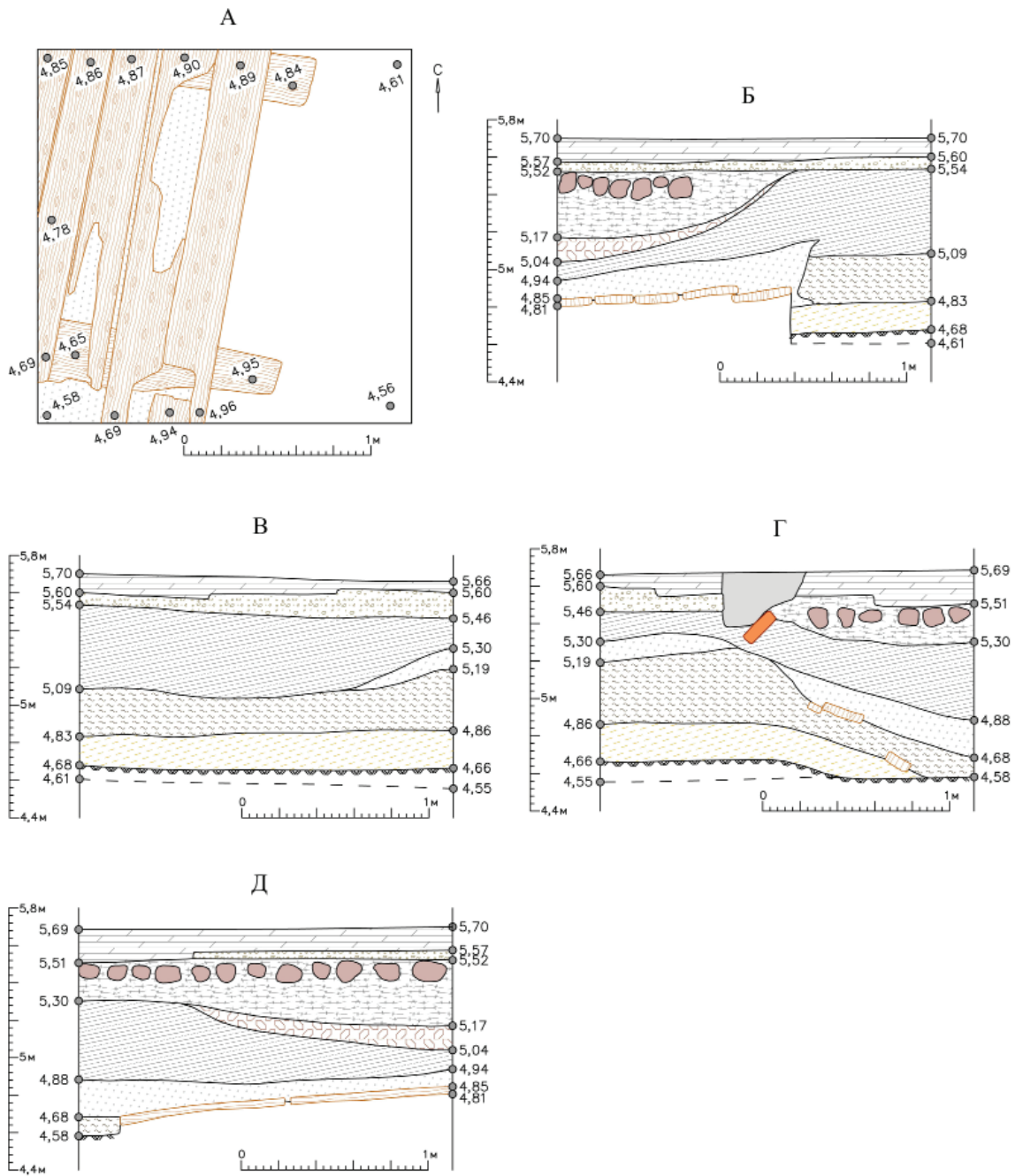

Рис. 27. Красный выборжец 2014. Шурф 7: А – план на уровне материка; Б – северная стенка; В – восточная стенка; Г – южная стенка; Д – западная стенка

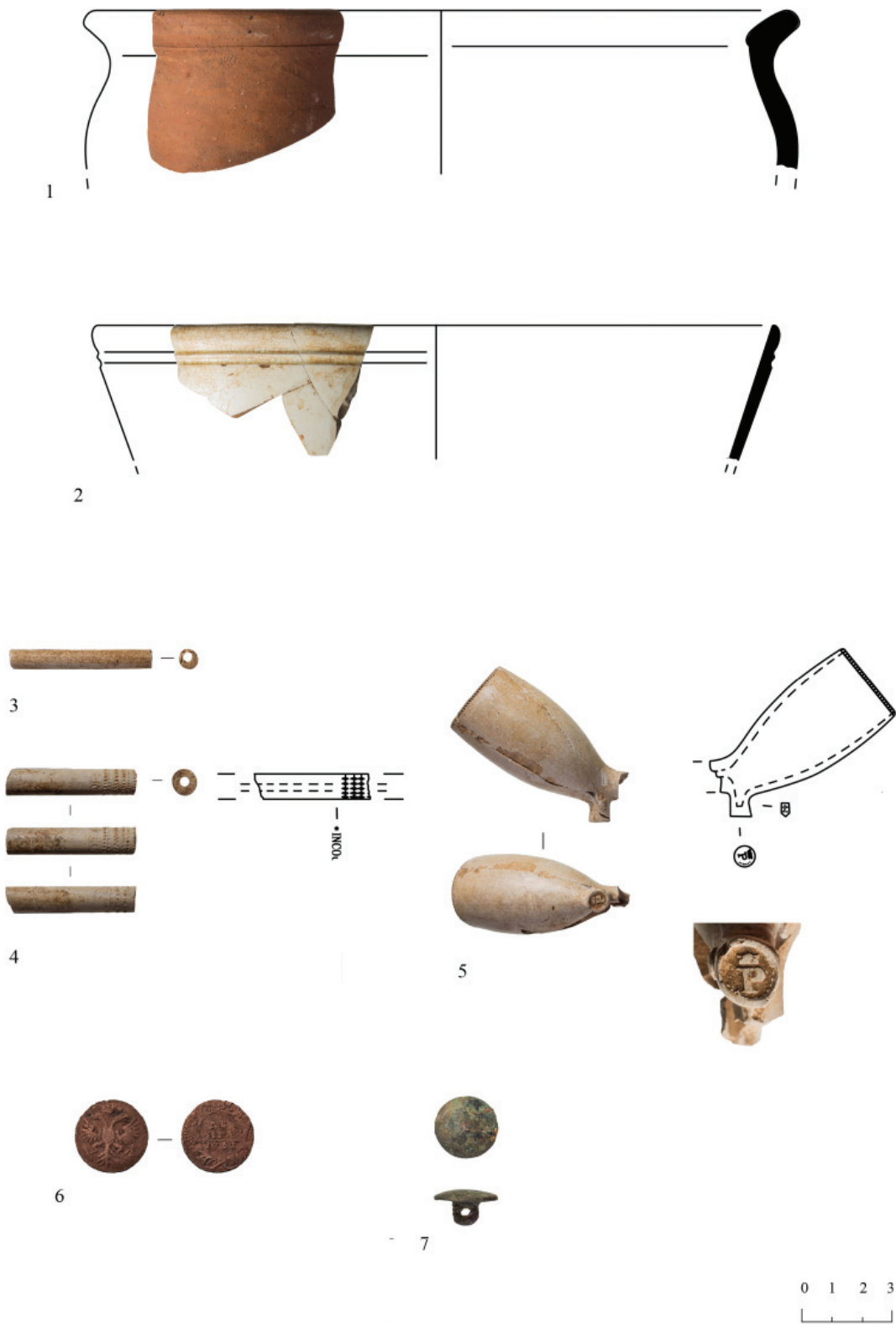

Рис. 28. Красный выборжец 2014. Находки из шурфов 7 и 8. Красноглиняная керамика: 1 – КрВыб-2014-Ш7-83. Изделие из фаянса: 2 – КрВыб-2014-Ш7-88. Мундштуки белоглиняных трубок: 3 – КрВыб-2014-Ш7-84; 4 – КрВыб-2014-Ш7-85. Чашка трубки: 5 – КрВыб-2014-Ш7-86. Монета: 6 – КрВыб-2014-Ш8-95. Пуговица: 7 – КрВыб-2014-Ш7-87

Рис. 29. Красный выборжец 2014. Шурф 8. Зачистка на отметках 5,48–5,53 м БС.
Бульжная мостовая. Вид с юга

Рис. 30. Красный выборжец 2014. Шурф 8. Зачистка на уровне материка. Вид с запада

частью системы водоотведения завода Розенкранца конца XIX – начала XX в. Деревянный настил в шурфе 7 и фрагменты деревянных конструкций с участком мощения в шурфе 3 находились в слоях, граничащих с предматериковой желтой супесью. Глубина залегания выявленных конструкций позволяет относить их к раннему этапу освоения участка – к XVIII – первой половине XIX в.

Культурные напластования на исследованном участке условно делятся на две зоны. К одной из них, расположенной на территории предприятия «Красный выборжец», относятся слои современного строительного мусора и отходы металлургического производства в виде шлака, под которыми открыта фундаментная стена и траншея с деревянным дренажным коробом (шурфы 4 и 5). Другая зона приходится на территорию, прилегающую к современному предприятию (шурфы 1–3, 6–8) и включающую сад дома управляющего (Старый клуб) и автостоянку. Стратиграфические наблюдения показали, что эта территория использовалась не в производственных целях, а в качестве парка. Культурные напластования характеризуются чередованием слоев супесей коричневых и серых оттенков, на фоне которых выделяются два слоя темно-коричневой плотной супеси, разделенных между собой светло-серой илистой супесью. Темно-коричневая супесь представляет собой дневную поверхность на разных этапах существования участка, а серая супесь является результатом наводнения. Так, в слое темно-коричневой супеси на отметках 4,45–4,54 м БС найдены вещественные материалы XVIII – начала XIX в., а в слое темно-коричневой супеси на отметках 4,91–5,06 м БС – вещественные материалы уже рубежа XIX–XX вв.

Источники и литература

Боженкова М. И., 2002. Твердый сплав. СПб.

«Красный выборжец». История Ленинградского производственного объединения по обработке цветных металлов / литературная запись Б. А. Черткова. Л., 1978.

Михайлов Г., 1957. Страницы истории // Столетие. К юбилею завода «Красный выборжец». Л.

Штиглиц М., 2008. «Домик на окраине» // Историческая недвижимость. № 3(4).

Яковенко В., 2010. Дом бельгийского консула // Консул. № 3(22).

Археологические исследования на Северо-Западе России

Археологическое изучение Ивангородского посада. Раскоп № 1

А. В. Курбатов

Введение

До 1987 г. работы Ивангородской экспедиции Института истории материальной культуры РАН под руководством В. П. Петренко в основном охватывали площадь самой Ивангородской крепости, тогда как поселение под стенами крепости, по сути, оставалось «белым пятном» (Петренко, 1991. С. 61 сл.; Петренко, Стеценко, 1985. С. 104 сл.). Тем не менее к этому времени удалось установить мощность и степень сохранности культурного слоя на различных участках посада, а также выявить местонахождение каменного века в районе «гавани».

В 1987–1990 гг. в рамках проекта по составлению историко-архитектурного опорного плана Ивангорода и определению границ археологических охраняемых зон был выполнен комплекс исследований посада, включавший раскоп № 1 площадью 80 кв. м в районе «гавани», 21 шурф общей площадью 138 кв. м (площадь каждого от 3 до 20 кв. м) и 14 стратиграфических разрезов. Раскопками охвачены поймы р. Наровы к северу и востоку от крепости, высокие и пониженные участки коренного правого берега реки (Петренко, Курбатов, 1990. Рис. 1). В 1991 г. были заложены шурфы № 22–24 у подножия скального выхода севернее крепости и разрез № 15, а в 1993 г. изучены культурные отложения в траншее по Псковской ул. на протяжении более 60 м и на пустыре севернее нее (Курбатов, 1991. Л. 3, 11–15; 1993). Краткий обзор археологического изучения посада был опубликован автором (Курбатов, 2002. С. 69 сл.).

Таким образом, археологическое изучение посада охватило практически все участки средневековой застройки. Выявлены наиболее перспективные места для последующих широкомасштабных работ в плане сохранности древних слоев. Прежде всего, это культурные отложения

мощностью до 2 м по трассе Псковской ул., в которых прекрасно сохранились органические материалы и участок, занятый огородами в районе «гавани». В настоящей работе предлагается полная публикация материалов раскопа № 1 (рис. 1).

Описание работ

Раскоп, площадью 80 кв. м, заложен в пойменной зоне р. Нарова на расстоянии 240 м к северо-востоку от крепости, в 140 м к северу от ближайшей точки Кингисеппского шоссе и в 75 м от ближайшей точки берега р. Нарова, вблизи Рыбацкой наб. (рис. 1). Он занимает участок с перепадом высот на отметках от +0,06 до –0,25 м от условного репера (относительная отметка +0), который соответствует абсолютному значению высоты от Кронштадтского футштока +7,85 м. Раскоп ориентирован углами по странам света с отклонением сторон на 23°, что обусловлено положением дороги и огородных участков. Раскопная сетка квадратов имеет буквенные индексы А–Ж и цифровые от 0 до 4, с маркировкой квадратов с северо-востока (рис. 2).

Большая часть раскопа в настоящее время занята огородом. Задернованными к моменту раскопок были кв. Д–Е0–3. Культурные напластования представляют гумусированный песок различной интенсивности окраски с включением современного строительного мусора. Мощность отложений колеблется от 0,20–0,60 м на кв. В–Д0, В–Е1–2 до 0,85–1,35 м на кв. А2–4, А–Б0–2, Б2, а на квадратах с остатками построек мощность слоя достигала 2 м. Материк представлен светло-желтым песком.

Современная хозяйственная деятельность нарушила культурные отложения на глубину 0,30–0,40 м. Отмечен ряд перекопов Нового и Новейшего времени (XIX–XX вв.) на кв. Б'2, В–Д0, Д–Е1–2. В них найдены части красноглиняных (с поливой и

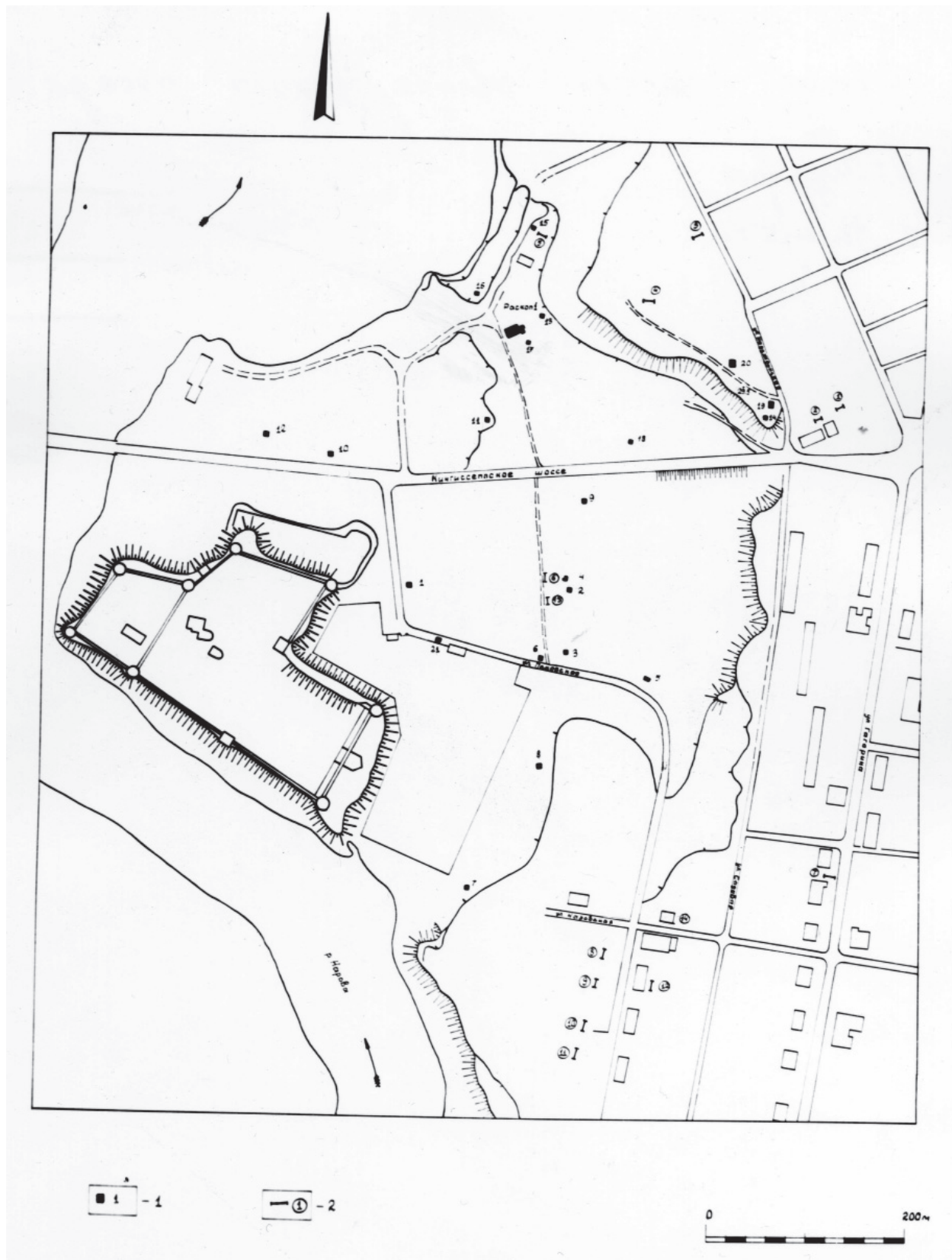

Рис. 1. Ивангородский посад. Схема с местами исследований: 1 – шурфы; 2 – зачистки. Нумерация на схеме соответствует номеру шурфа и зачистки в тексте. Раскоп № 1 подписан на схеме

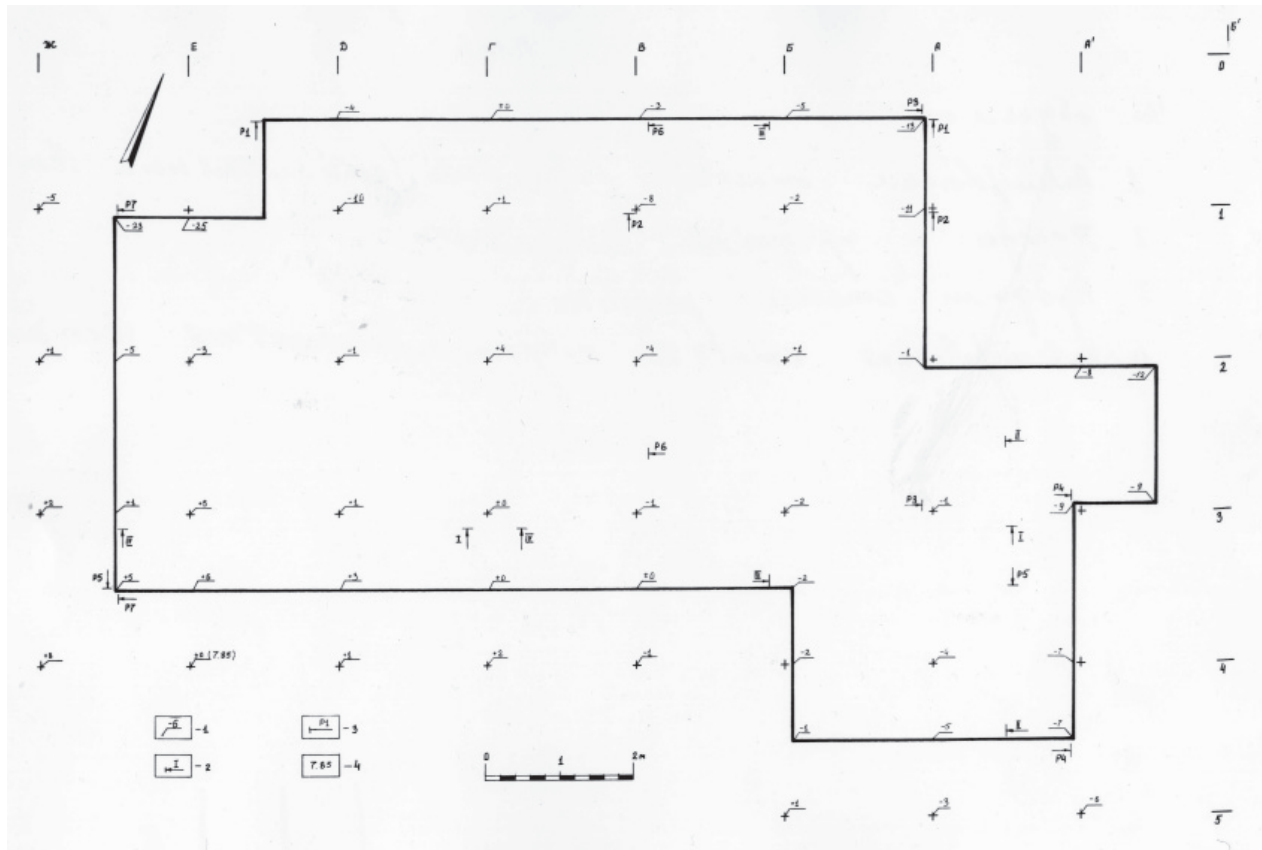

Рис. 2. Ивангородский посад. Раскоп № 1. Уровень современной поверхности: 1 – относительные нивелировочные отметки поверхности; 2 – нумерация и положение разрезов и профилей; 3 – нумерация профилей стенок раскопа; 4 – абсолютная нивелировочная отметка поверхности

штамповкой) сосудов, кованые и волоченные гвозди, кости животных. К самому позднему времени относится перекоп на кв. E2–3.

Характеристика исследованных объектов

В процессе раскопок исследовались разновременные объекты. Планиграфия и стратиграфия слоев и прослоек на участке раскопок дает возможность выделить не менее трех групп объектов, отражающих специфику освоения участка на разных хронологических этапах. В пласте 1, насыщенном камнями известняковых пород и кирпичом (рис. 3: I), встречены остатки столбовых ям: квадратной формы со стороной 0,50 м на кв. В1 с сохранившейся забутовкой из камней и кирпича, на одном кирпиче стояло клеймо – «ключ» с вписанными литерами; подквадратной формы размерами 0,50 × 0,45 м; неправильной формы размерами 0,60 × 0,45 м на кв. Д1.

Более светлое заполнение этих ям отчетливо выделялось на фоне слоя. Все они ориентированы углами по странам света. На кв. Г–Д1–2 отмечен

развал камней с мелкими углями, вытянутый по линии север – юг, размерами 3,20 × 1,60 м. В развале найден жернов диаметром 0,32 м (рис. 3: I). Другое пятно с углями и строительным раствором зафиксировано на кв. Б–В1–2. Оно имело неправильную форму, вытянутую по линии север – юг, размерами 2,15 × 1,40 м. В южной половине раскопа на кв. А'–Д3 и А'4 прослежена концентрация камней, кирпичей и строительного раствора и выступающая часть сооружения с ненарушенной кладкой на кв. В3.

После разборки однородного коричневого слоя культивированной почвы (пласт 2) обозначились контуры различных объектов. На кв. В–Д0 прослежены две параллельные борозды, скорее всего, позднего происхождения, ориентированные по линии запад – восток с некоторым отклонением (рис. 3: II). На кв. Д0 открыта столбовая яма, квадратная в плане, со стороной 0,38 м. На кв. А'2 раскрыты остатки кирпичной кладки (забутовки?) размерами 0,80 × 0,60 м и высотой 0,45 м, сложенной из шести рядов кирпичей на растворе оранжевого

Рис. 3. Ивангородский посад. Раскоп № 1. Планиграфия объектов: I – на уровне пласта 1;
II – на уровне пласта 2.

Условные обозначения: 1 – светло-коричневый гумус; 2 – коричневый гумус; 3 – темно-коричневый гумус;
4 – песок; 5 – перекоп; 6 – материк; 7 – отдельный камень; 8 – камень с лицевым фасом;
9 – мелкие камни, галька; 10 – уголь; 11 – разрушенный уголь; 12 – зола; 13 – строительный раствор;
14 – кирпичи; 15 – валун; 16 – обожженный камень; 17 – глиняная обмозка;
18 – реконструируемые части объектов; 19 – нивелировочные значения объектов;
20 – жернов

цвета. Кирпич в основном фрагментированный, ручной лепки, из красножгущей глины, слоистый, размерами $0,26 \times 0,13 \times 0,06$ м, $? \times 0,105 \times 0,045$ м, $? \times 0,12 \times 0,06$ м, $? \times 0,130 \times 0,075$ м. В южной половине раскопа более определенно проступили фрагменты верхней части кладки постройки, с которой, вероятно, связаны развалы камней на кв. А–Б1–2, А–Д3. Развал камней на кв. В–Г1–2 включает, кроме колотого бутового камня, перекаленные валуны гранитных пород размерами от $0,10 \times 0,15$ м до $0,26 \times 0,28$ м.

На раскопе (в пласте 3) также раскрыты остатки строения, каменные стены которого сложены на известковом растворе (рис. 4: I). Оно состояло из двух внутренних пространств, разделенных кладкой. На кв. А–Г2 выявлены проемы в кладке, оформленные плитами с лицевым фасом. На кв. В–Г1–2 зафиксировано прокаленное песчаное основание развала жженных валунов и плитняка. Обожженное пятно имеет неправильную форму, размерами $2,60 \times 2,70$ м и связано с остатками разрушенной печи постройки на кв. А–В0–1. При разборке пласта 4 на кв. А–В1, В0 и Г1 также прослежены контуры четырех столбовых ям размерами $0,32 \times 0,34$ м, $0,40 \times 0,38$ м, $0,42 \times 0,45$ м и $0,80 \times 0,94$ м. На кв. Г–Д1–2 и Е1 на глубинах от $-0,46$ до $-0,54$ м залегал материковый песок. На кв. В–Д0–2, Е1–2 уровень материка колебался от $-0,46$ до $-0,56$ м, понижаясь в северо-восточном направлении (рис. 4: II). Перед проемом на кв. А–В0–2 прослежены пятна четырехугольной формы, заполненные темно-коричневым гумусированным песком с включением угля и строительного раствора и перекрытые развалом перекаленных камней и обугленного дерева.

После разборки культурного слоя (пласт 5) на кв. Б², А²–4, А–В0–3, В–Е2–3 на уровне материка (рис. 5: I) прослежена серия столбовых ям квадратной (со стороной $0,32$ – $0,36$ м) и круглой формы (диаметром $0,16$ м), а также несколько объектов на кв. А0–1, Б0, Б¹–А², А³–4. Перед проемом в кладке каменной постройки на кв. А–Б2 обнаружен ступенчатый спуск. Ступенька, вырезанная в материковом песке, длиной $0,70$ м, выложена плитами в один ряд без раствора. На кв. В–Г2–3 открыта яма, заполненная рядами обгоревших стволов лиственных деревьев диаметром $0,08$ – $0,15$ м.

После разборки культурного слоя (пласт 6) открыты ямы в западном помещении каменной постройки и выбрано заполнение восточного помещения (рис. 5: II). Материковый песчаный слой на кв. Б², А²–4, А–В0–2 залегал на отметках от $-1,08$ до $-1,46$

м. Внутри западного помещения материк обнаружен на отметках от $-1,42$ до $-1,59$ м, а в восточном помещении – на уровне $-1,99$ м. Каменная постройка по северо-западному фасаду открыта на длину $11,80$ м, по северо-восточному фасаду – $3,50$ м. Стены помещений толщиной $0,80$ – $1,20$ м сохранились на высоту до $3,40$ м. На существование сводчатого перекрытия указывают сохранившиеся пяточные камни кладки свода, фрагмент рухнувшего свода, зафиксированный в разрезе, и профиль стен (рис. 6). Кладка сложена из известняковых плит разных размеров. Внутренние фасады стен выполнены тщательнее наружных, особенно в основании постройки (рис. 7).

В стене устроен дверной проем шириной $1,10$ м, сохранившийся на высоту $2,70$ м (рис. 8). Порог сложен из трех слоев камней на растворе. К входу вела ступенька шириной $0,20$ м, вырезанная в материке и выложенная плитами.

Западное помещение постройки, длиной в чистоте $5,10$ м, образовано стенами, толщиной $0,60$ – $0,65$ м, которые сохранились на высоту $0,60$ – $1,30$ м, сложенными преимущественно из плит размерами $0,50 \times 0,60$ м и толщиной $0,25$ – $0,30$ м, иногда поставленных «на иконку», и валунов размерами $0,24 \times 0,28$ м (рис. 6: II). В восточной части помещения устроен дверной проем шириной $1,05$ – $1,08$ м, сохранившийся на высоту $0,90$ м. При расчистке каменной постройки из разных мест кладки взяты восемь образцов строительного раствора (см. приложение).

В западном помещении открыты столбовая яма диаметром $0,16$ м и объекты на кв. Д–Е3 и В–Г2–3, перекрытые стенами постройки (рис. 5: II). На кв. Б–В0 обнаружено овальное в плане сооружение, заглубленное в материк на $0,13$ – $0,38$ м, со ступенчатым входом в восточной части, заполнение которого – слои темно-гумусированного песка, золы, угля.

На кв. А0–1 открыто сооружение, глубиной $0,22$ – $0,33$ м, прямоугольной в плане формы с вертикальными стенками, прослеженными на высоту $0,60$ м, и плоским дном (рис. 9: III). Заполнение состоит из чередующихся прослоек гумусированного и стерильного песка, с включениями золы, угля и глины.

На раскопе на уровне материка зафиксировано 17 столбовых ям, одна из которых круглой формы, диаметром $0,16$ м, остальные квадратной формы. Они относятся к разным периодам хозяйственного освоения участка. Можно предположить, что некоторые из них связаны с сооружением каменной постройки.

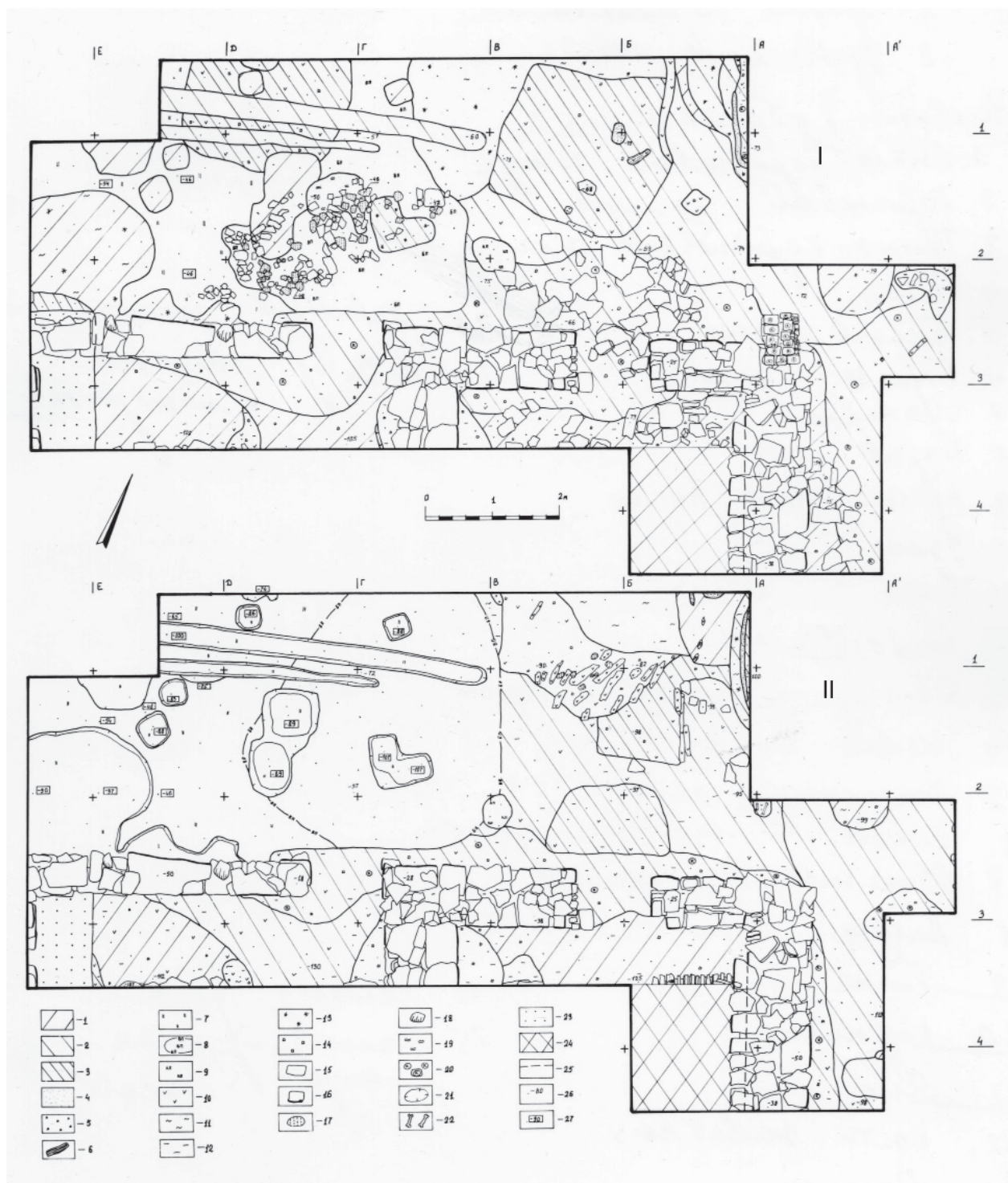

Рис. 4. Ивангородский посад. Раскоп № 1. Планиграфия объектов: I – на уровне пласта 3;
II – на уровне пласта 4.

Условные обозначения: 1 – светло-коричневый гумус; 2 – коричневый гумус; 3 – темно-коричневый гумус;
4 – песок; 5 – белый песок; 6 – горелое дерево; 7 – материк; 8 – бурый песок; 9 – красноватый песок;
10 – уголь; 11 – зола; 12 – строительный раствор; 13 – разрушенный уголь; 14 – мелкие камни, галька;
15 – отдельный камень; 16 – камень с лицевым фасом; 17 – обожженный камень; 18 – валун; 19 – глина;
20 – кирпичи; 21 – яма; 22 – кости животных; 23 – перекоп; 24 – неисследованный участок;
25 – реконструируемые границы объектов; 26 – нивелировочные значения объектов;
27 – нивелировочные отметки материка

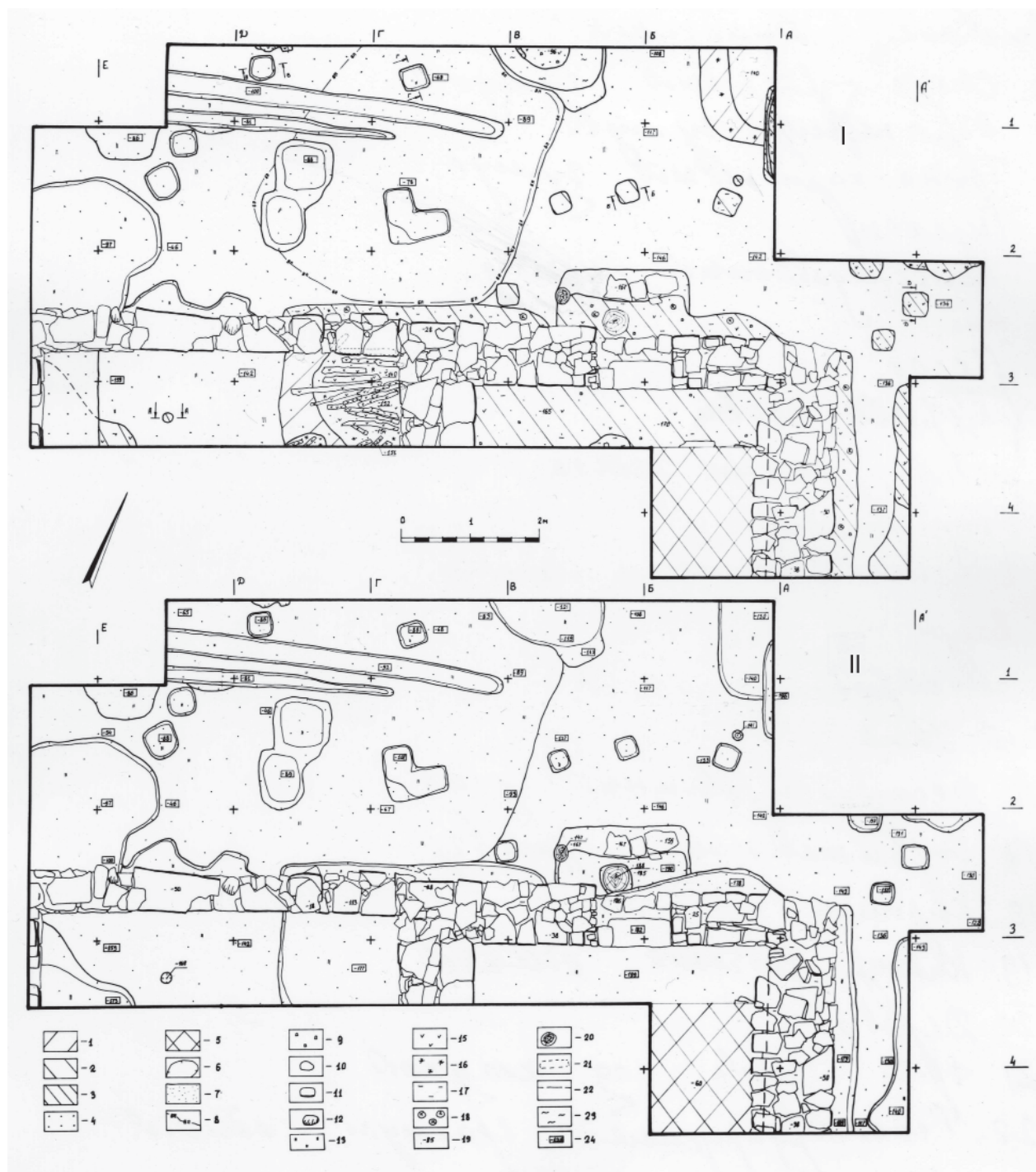

Рис. 5. Ивангородский посад. Раскоп № 1. Планиграфия объектов: I – на уровне пласта 5; II – на уровне пласта 6.

Условные обозначения: 1 – светло-коричневый гумус; 2 – коричневый гумус; 3 – темно-коричневый гумус; 4 – перекоп; 5 – неисследованный участок; 6 – яма; 7 – песок; 8 – граница бурого песка; 9 – мелкие камни, галька; 10 – отдельный камень; 11 – камень с лицевым фасом; 12 – валун; 13 – материк; 15 – уголь; 16 – разрушенный уголь; 17 – строительный раствор; 18 – кирпичи; 19 – нивелировочные значения объектов; 20 – дерево; 21 – фрагменты дерева под кладкой; 22 – реконструируемые границы объектов; 23 – зола; 24 – нивелировочные значения материка

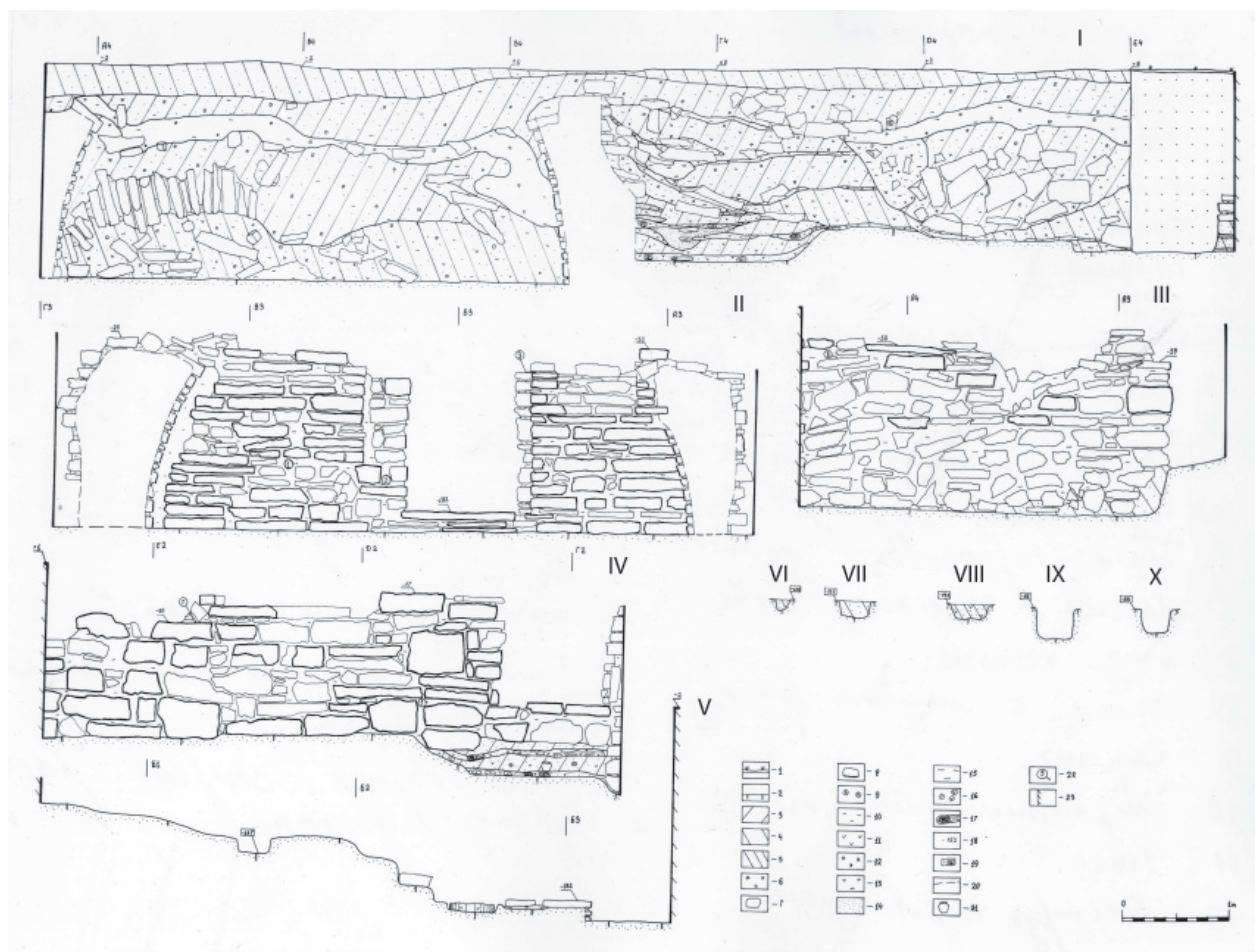

Рис. 6. Ивангородский посад. Раскоп № 1. Разрезы, фасады, профили: I – разрез 5; II – фасад I; III – фасад II; IV – фасад IV; V – профиль III; VI – разрез А; VII – разрез Б; VIII – разрез Д; IX – профиль В; X – профиль Г.

Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – материк; 3 – светло-коричневый гумус; 4 – коричневый гумус; 5 – темно-коричневый гумус; 6 – мелкие камни, галька; 7 – отдельный камень; 8 – камень с лицевым фасом; 9 – кирпичи; 10 – строительный раствор; 11 – уголь; 12 – разрушенный уголь; 13 – глиняная обмазка; 14 – песок; 15 – зола; 16 – угольные конкреции; 17 – дерево; 18 – нивелировочные значения объектов; 19 – нивелировочные отметки по матерiku; 20 – неисследованный участок; 21 – номер образца строительного раствора; 22 – граница раскопа

Рис. 7. Ивангородский посад. Раскоп № 1. Каменная постройка. Вид с северо-востока

Рис. 8. Ивангородский посад. Раскоп № 1. Каменная постройка. Входной проем. Вид с северо-запада

Состав находок и вопросы хронологии

Коллекция индивидуальных находок из раскопа № 1 составляет 406 ед., большая часть которых найдена в верхней части культурных напластований (рис. 10; 11). Верхние горизонты культурного слоя на исследованном участке вследствие длительной хозяйственной деятельности содержат значительное количество предметов быта XIX–XX вв.: гвозди, фрагменты вещей из металла, стекла и пластмассы. В составе находок стоит отметить бронзовый нагрудный жетон второй половины XIX в. (рис. 12: 3). Ряд предметов, в том числе курительные трубки, можно отнести еще к XVII–XVIII вв., тогда как большая часть железных изделий и других находок (пряслице, оселки) известны как предметы длительного употребления в период средневековья и Нового времени. В их составе следует выделить обломки трубок типа *Walter Rajli*, костяную рукоять ножа, каменную бусину (?), фрагмент глиняного рукомыльника с зооморфным носиком, жернов,

бронзовую книжную накладку, пряжку, накладку-трилистник, замок, коромысло весов (?), деталь подсвечника (?), многочисленные находки гвоздей, обувных подковок, железных скоб и пластин, ножи, ножницы, дверные (сундучные) кольца, конские подковы, дверные (?) накладки (рис. 13; 14). В составе керамических изделий отметим изразцы с черной поливой, фрагменты рукомыльников, сероглиняный сосуд с волнистым орнаментом. Время бытования красноглиняных изразцов с черной или темно-коричневой поливой определяется по находкам такого рода изделий в Нарве середины XVII в. (Vunk, 2006. P. 75 ff.).

Находок в нижних слоях значительно меньше. Большинство предметов концентрируется на кв. А–Б2, вблизи дверного проема каменной постройки, а также внутри ее западного помещения. В их составе следует отметить топор, наверхие, ножницы, фрагменты позднезейских сосудов, фрагмент

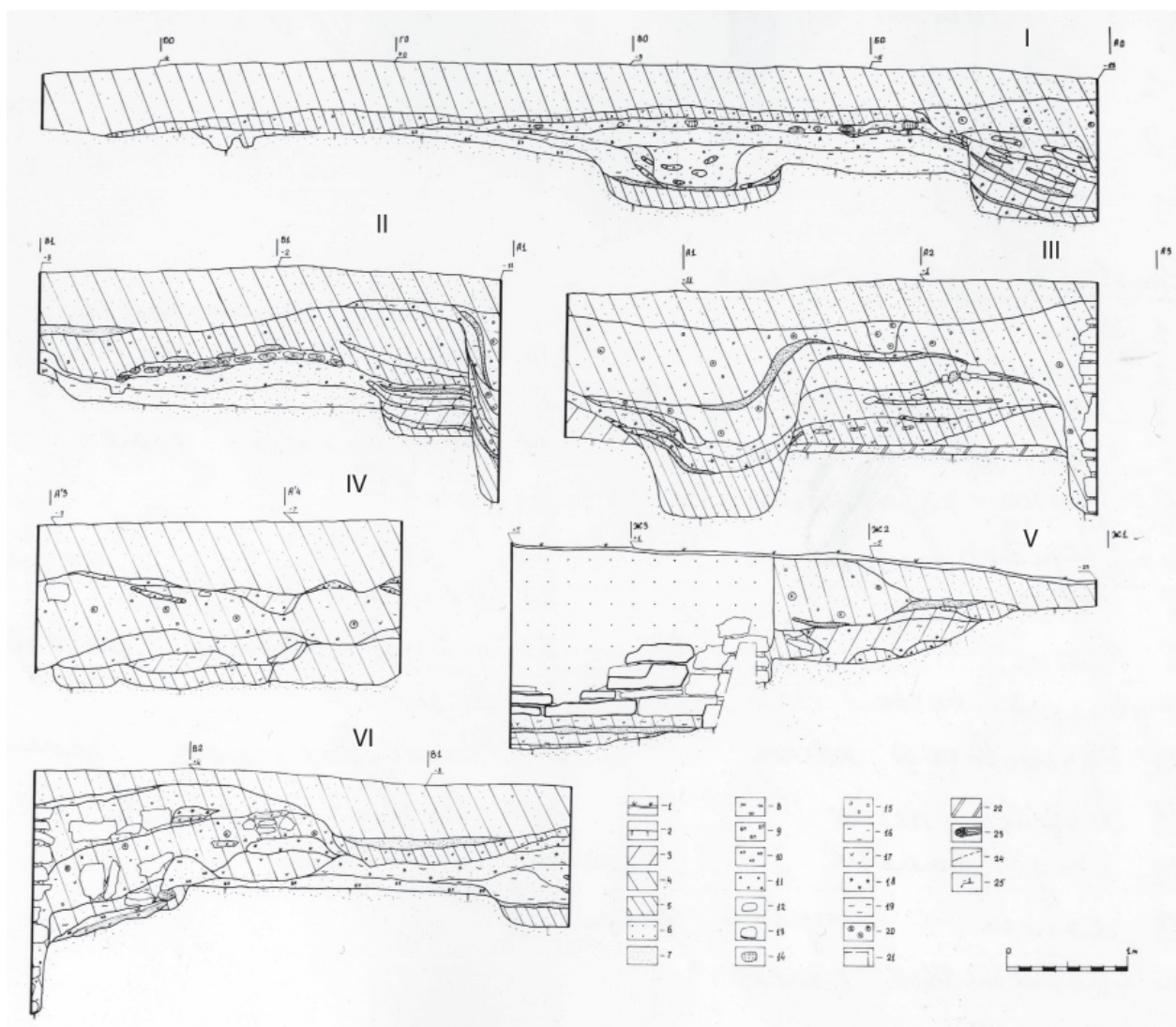

Рис. 9. Ивангородский посад. Раскоп № 1. Разрезы: I – разрез 1; II – разрез 2; III – разрез 3; IV – разрез 4; V – разрез 7; VI – разрез 6.

Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – материк; 3 – светло-коричневый гумус; 4 – коричневый гумус; 5 – темно-коричневый гумус; 6 – перекоп; 7 – песок; 8 – глина; 9 – бурый песок; 10 – красноватый песок; 11 – белый песок; 12 – отдельный камень; 13 – камень с лицевым фасом; 14 – обожженный камень; 15 – мелкие камни, галька; 16 – строительный раствор; 17 – уголь; 18 – деструктурированный уголь; 19 – зола; 20 – кирпичи; 21 – неисследованный участок; 22 – слой предматерика слабогумусированный; 23 – дерево; 24 – реконструируемые границы объектов; 25 – нивелировочные отметки

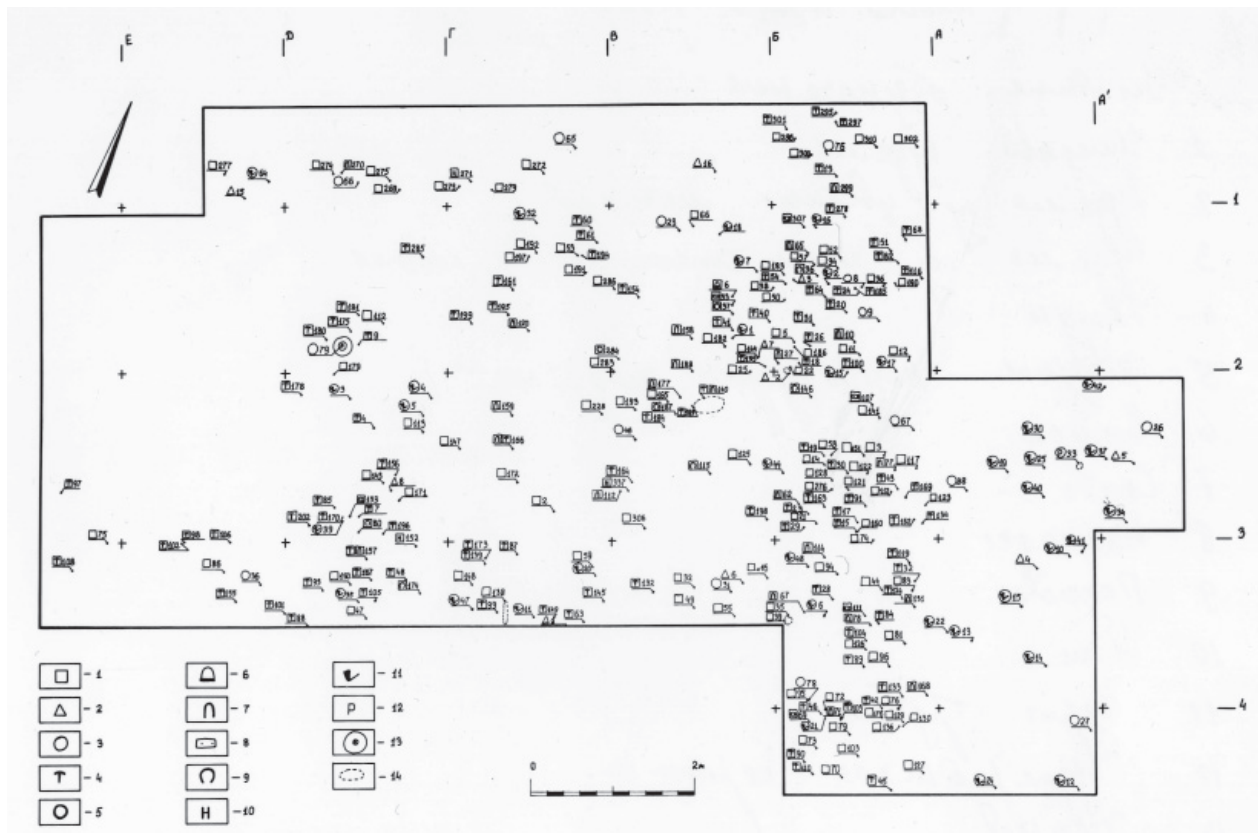

Рис. 10. Ивангородский посад. Раскоп № 1. Распределение индивидуальных находок. Слои 1–3.

Условные обозначения: 1 – железные изделия; 2 – изделия из цветных металлов;

3 – изделия из глины, стекла, кости, камня; 4 – гвозди; 5 – железное кольцо (дверное, сундучное);

6 – замок; 7 – скоба; 8 – накладка; 9 – подкова; 10 – нож; 11 – курительная трубка;

12 – позднерейнская керамика; 13 – жернов; 14 – скопления предметов

костяной рукояти, гвозди, скобы и обломки курительных трубок (рис. 15).

Керамика из культурного слоя раскопа № 1 сопоставима по категориям и формам с керамическим комплексом из крепости. В составе 1089 обломков керамики представлены 838 ед. сероглиняной, 206 ед. красноглиняной и 45 ед. белоглиняной посуды. Преобладают бытовые горшки стандартных пропорций, также встречены фрагменты фляг с зеленой поливой, обломки лощеных сосудов, фрагменты горшков с волнистым орнаментом, которые характерны для керамического комплекса крепости конца XV – XVII в. (Петренко, Кильдюшевский, 1989. С. 37–40. Рис. 7–9; Петренко и др., 2013. С. 253 сл.). Сероглиняная (рис. 16) и белоглиняная керамика также найдена в ряде объектов.

На основании археологических материалов, полученных на раскопе № 1, можно выделить как минимум три этапа застройки посада в райо-

не Рыбачьей наб. В раннем периоде застройки (XVI в.) относятся: материковая яма на кв. В–Г2–3, деревянная постройка на кв. А–Б0–1, в которой находилась печь, столбовые ямы на кв. Г1, сооружение, от которого осталась яма, частично разобранный на кв. Д–Е3. Ко второму этапу застройки относятся: каменное сооружение на кв. А'2–4, А–В2–3 с западной пристройкой на кв. В–Е2–3, серия столбовых ям на кв. А'2, А1 и Б1–2. К третьему периоду относились столбовые ямы на кв. В–Г0 и Д1. Объекты второго и третьего этапов могут быть датированы XVII–XIX вв.

Выводы

Анализ письменных данных, отражающих историю развития оборонительных укреплений Ивангородской крепости, а также планировочной структуры посада проведен в работах В. В. Косточкина, Е. А. Кальюнди и А. Соома. Исследователи полагали, что до 1492 г., т. е. еще до закладки крепости, на месте будущего посада существовало «Новое село», отмеченное летописа-

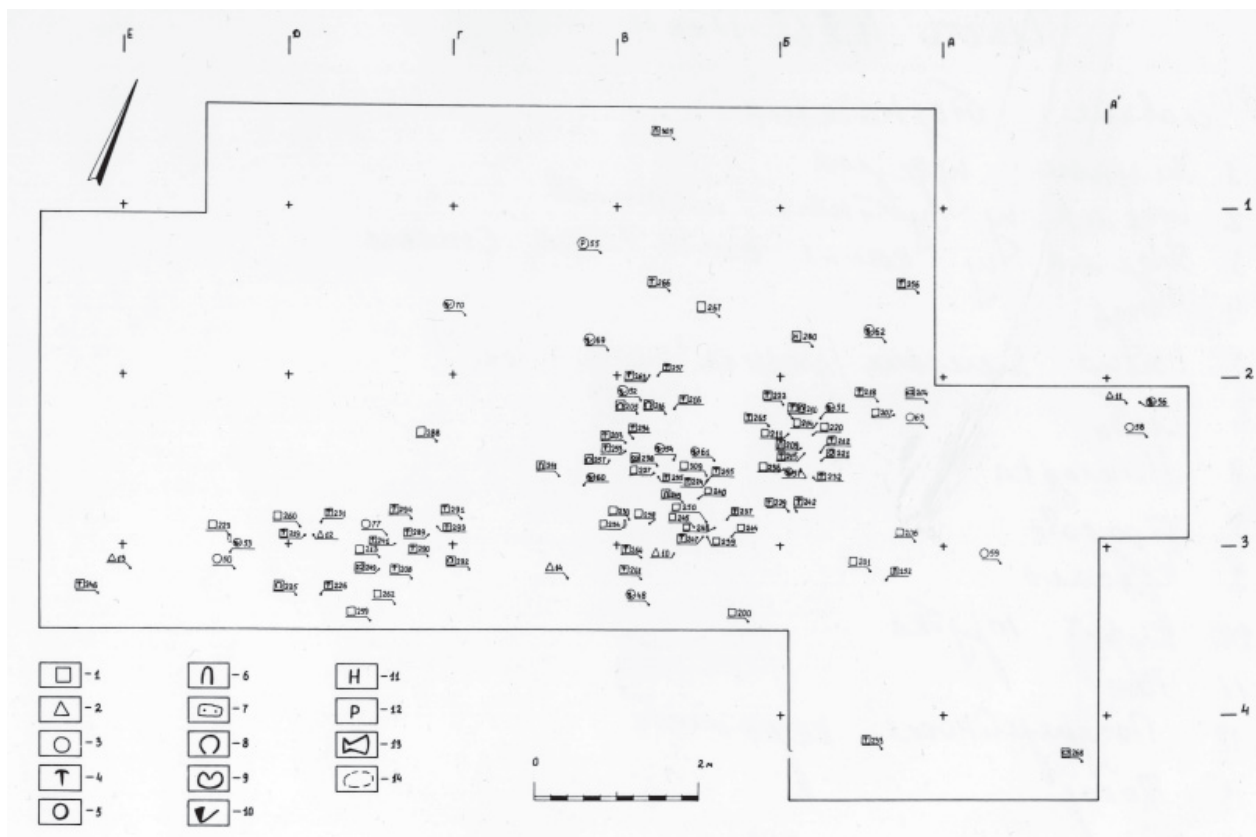

Рис. 11. Ивангородский посад. Раскоп № 1. Распределение индивидуальных находок. Слои 4–6. Условные обозначения: 1 – железные изделия; 2 – изделия из цветных металлов; 3 – изделия из камня, кости, глины, стекла; 4 – гвоздь; 5 – кольцо; 6 – скоба; 7 – накладка; 8 – подкова; 9 – кресало; 10 – курительная трубка; 11 – нож; 12 – позднезейская керамика; 13 – топор; 14 – скопления предметов

Рис. 12. Ивангородский посад. Раскоп № 1. Бронзовые изделия: 1 – накладка; 2 – книжная накладка; 3 – нагрудный жетон; 4 – фрагмент пряжки

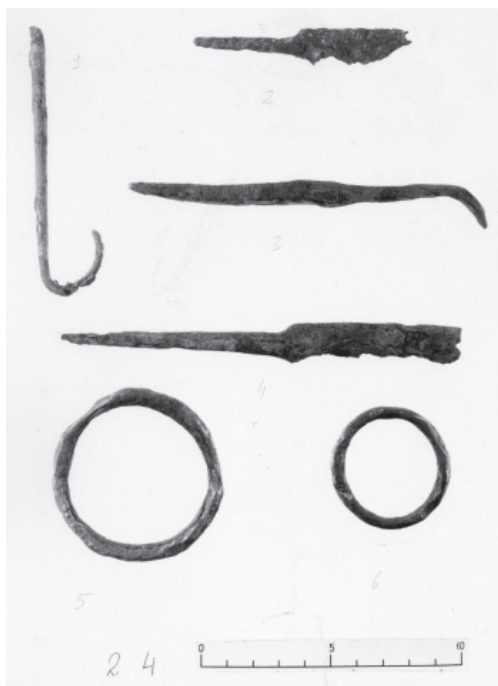

Рис. 13. Ивангородский посад. Раскоп № 1.
Железные изделия: 1 – фрагмент ножниц; 2,
4 – нож; 3 – инструмент (шило?); 5, 6 – кольцо

Рис. 15. Ивангородский посад. Раскоп № 1.
Железные изделия: 1 – топор;
2 – тесак; 3 – навершие

Рис. 14. Ивангородский посад. Раскоп № 1.
Железные изделия: 1 – замок; 2, 5, 7 – изделие?;
3 – ножницы; 4 – скоба;
6 – дверная петля (накидная); 8 – нож

Рис. 16. Ивангородский посад. Раскоп № 1.
Гончарный сероглиняный сосуд из заполнения
материковой ямы на кв. В-Г2-3

ми под 1471, 1473 и 1483 гг. (ПСРЛ, 1907. С. 165; Псковские летописи, 1955. С. 193; ПСРЛ, 1949. С. 330). Новгородские писцовые книги в конце XV в. отмечают две деревни, лежавшие, видимо, в пойме р. Наровы – у «гавани», а также на краю коренного берега (НПК, 1886. С. 230). Первая деревня в XVI в. стала частью городского посада, и ее можно отождествлять с историческим Заболоцким концом, отмеченным в новгородской писцовой книге под 1571 г. (Косточкин, 1961. С. 267). Наименование конца, скорее всего, подсказано расположением участка «за протокой» или за заболоченным местом, который показан на шведском плане 1681 г. Переувлажнение почвы, а в отдельные периоды и ее заболачивание наблюдалось на пустыре между Кингисеппским шоссе и Псковской ул. до недавнего времени. Наличие здесь древней протоки подтверждают и данные геологического бурения (Косточкин, 1952. С. 235, 236).

Эта «деревня» и была частично исследована в районе Рыбацкой наб. в 1990 г. в раскопе № 1. Здесь обнаружены части оснований наземных деревянных построек, развал печи, наборы керамических форм и индивидуальных находок. Отметим жернов из песчаника, топор, ножницы, ножи, костяную рукоять и др. (Петренко, Курбатов, 1990. Л. 8–16. Рис. 4, 5, 22–26). В керамическом комплексе преобладает сероглиняная керамика (840 обломков), включая фрагменты плоских фляг с зеленой поливой, так называемых воинских, образцов с лощением, сосудов с орнаментальным поясом из волнистых линий или отдельных горизонтальных полос. Формы и отделка сосудов, состав теста и другие технологические признаки соответствуют керамическому набору из раскопок крепости конца XV – XVI в. (Петренко, Кильдюшевский, 1989. С. 37–40. Рис. 7–9; Петренко и др., 2013. С. 253 сл.). Керамика Ивангорода этого времени имеет сходство с материалами городов и крепостей северо-западных рубежей России XV–XVII вв.: Пскова, Орешка, Копорья, Корелы.

Следует отметить, что керамический комплекс Ивангородской крепости имеет большое сходство с керамической продукцией Пскова в силу своеобразной истории строительства крепости и заселения посада. Надо полагать, что основная часть строителей и мастеров, поселившихся в крепости и посаде, происходила из самого Пскова, а также пригородов и сел Псковской земли. Это отразилось в названии одной из первых улиц посада – Псковской. Поэтому все самые распространенные в быту формы горшков и других типов сосудов в Ивангороде, в пропорциях близкие позднейшим «чугункам», можно считать подражаниями псковским формам (рис. 16). Возможно, они и были

изготовлены псковскими мастерами, а затем привезены на западную границу для продажи.

К изделиям псковских гончаров можно относить и специфическую посуду – плоские фляги, покрытые зеленой «муравчатой» поливой, которые в отечественной научной литературе иногда называют «воинскими». Специальное изучение таких сосудов показало, что наибольшее количество подобных фляг найдено именно в Пскове. Кроме того, здесь же в слоях XVI–XVII вв. встречается много сосудов иных форм, покрытых зеленой, так называемой муравчатой поливой. Данное обстоятельство подтверждает местное производство фляг и других сосудов с «муравчатой» поливой. Псковские фляги составляют особую разновидность этого типа сосудов и среди других являются наиболее ранними по времени изготовления. Исходя из имеющихся археологических материалов, можно предполагать кратковременное изготовление зеленых поливных фляг именно в Пскове, при этом, скорее всего, их делали только в одной мастерской на протяжении нескольких лет (не более 10–15 лет). Мастер, чей талант и фантазия дали жизнь особому виду керамической продукции, в конце XVI в. или в самом начале XVII в. переехал в Москву. Возможно, что переехали и его ученики, которые вскоре начали делать фляги других форм – плоские и из другого сырья – белой каолиновой глины. Именно такие формы плоских фляг на тонких ножках стали наиболее распространенными в московском регионе и позднее были преобразованы в кумганы. Самые известные из них – изделия Гжели – производятся с XVIII в. и по настоящее время (Гжель, 1982).

Причину переезда псковских мастеров в Москву надо видеть в пограничном положении Пскова и постоянной опасности военных действий в период Смутного времени, а также в связи с несколькими годами неурожая, сопровождавшимися резким удорожанием питания в Пскове и даже голодом. К псковским катаклизмам этого времени относятся и эпидемии. Так, по записям в «Новом летописце», Псков и Ивангород в 1595 г. поразил «великий мор», и там уцелели очень немногие жители. Летописец особо подчеркнул – Псков настолько вымер, что пришлось заселять его людьми из других городов (Курбатов, 2013а. С. 337 сл.).

Наиболее сильное влияние Пскова на материальную культуру раннего Ивангорода отмечается в кожевном деле (Курбатов, 2013б. С. 478 сл.).

Ивангородский посад в XVII–XVIII вв., а возможно и в XVI в., охватывал как пойменную зону вокруг крепости, так и край коренного берега

с его пониженными участками, где в зачистках встречены керамические формы этого времени, в частности сероглиняные горшки с волнистым орнаментом по тулову, сопоставимые с посудой XVI–XVII вв. из крепости. Культурный слой на берегу р. Наровы, маркирующий раннее поселение, выделяется тонкой прослойкой над материком и в заполнении отдельных ям.

Полученные в последние годы археологические данные не позволяют полностью представить жизнедеятельность посада Ивангорода в XVI–XVII вв. и его динамику. Тем не менее стало ясно, что жизнь на посаде не прекращалась после 1649 г., как это представлял Арендт Соом (Soom, 1937. S. 315), считая, что в это время был полностью претворен в жизнь указ шведского короля, предписывавший ивангородцам переселиться на нарвскую сторону. Данная акция была результатом многолетней настойчивости нарвских купцов и направлена против ивангородских купцов, составлявших им серьезную конкуренцию. Но планы «срыть посад до основания» не осуществились. Об этом, в частности, говорят и грамоты шведского короля Карла XI, направленные русским жителям Нарвы и Ивангорода в 1662 и 1664 гг., с разрешением селиться где угодно и с предписанием нарвскому фогту вернуть отобранные у ивангородцев дворы. Оживление торговой деятельности на ивангородской стороне отмечают и королевские указы 1674 и 1676 гг., согласно которым нарвским купцам разрешалось открывать здесь питейные заведения (Петров, 1901. С. 176–179). Вероятно, именно оживлению торговли в это время соответствуют находки шведских монет 30–60-х гг. XVII в. в шурфах на Псковской ул.

В данной связи большой интерес представляет список жителей ивангородского посада, составленный 23 июня 1640 г. ассессором Тартуского гофгерихта Даниелем Кемпе, хранящийся в Шведском государственном архиве в разряде «Livonica II» и опубликованный Энн Кюнг (2006. С. 147–152). В списке названы 295 лиц мужского пола, из которых 146 были родом из Ивангорода. Для сравнения имеется полный список жителей Нарвского посада, составленный несколькими днями ранее (14 июня) тем же человеком. В это время на посадах Нарвы жили 149 лиц мужского пола, при этом часть из них была русскоязычной. Э. Кюнг определяет и значение королевского указа 1645 г. о слиянии посадов Нарвы и Ивангорода, согласно которому слияние посадов не предполагало физического переноса всех жилых дворов на нарвский берег, а речь шла только об административном объединении жителей двух посадов под управлением нарвского магистрата.

Приложение

Результаты анализа строительных растворов из раскопа № 1 на посаде Ивангорода

М. Ю. Медникова

Для анализа взяты восемь образцов строительного раствора с раскопа № 1 на посаде Ивангорода, заложенного в районе современной Рыбацкой наб. Данные сведены в таблицу.

Из представленных восьми образцов строительных растворов все являются известково-песчано-карбонатными и отличаются высоким содержанием известняка. При этом растворы № 1, 3–6, 8 подобны, в них соотношение разных частей нерастворимого остатка (нерастворимый остаток: песок, глинистые частицы) составляет 1 : 0,70 – 0,90 : 0,30 – 0,10. Некоторый разброс в процентном содержании нерастворимого остатка (от 61,6 % до 92,3 %) и между песком и глинистыми частицами (0,70–0,90 и 0,30–0,10, соответственно) объясняется, вероятно, типом известняка, используемого в качестве наполнителя (более глинистого и содержащего меньший процент мельчайшего песка). Количество песка в более крупных фракциях (0,10–0,15 мм) остается примерно постоянным во всех перечисленных выше растворах.

Образец № 2 по типу подобен предыдущим, отличаясь только тем, что практически весь песок имеет размеры 0,10–0,20 мм и окатан, т. е. речной.

Образец № 7 резко отличается от всех остальных значительным содержанием извести и меньшим количеством известняка, который выделяется по типу (красно-бурый, серый) и практически не содержит мельчайшего песка. В растворе почти нет песка. Соотношение песок – глина в нерастворимом остатке составляет 0,10 : 0,90.

Выполненная аналитическая работа является продолжением многолетнего изучения строительных растворов Ивангородской крепости (Медникова и др., 1989. С. 18, 19), а также других каменных крепостей на северо-западе России.

Анализ строительных растворов проводился по известной методике и включал в себя растворение исследуемого образца в пятипроцентной соляной кислоте с последующим подсчетом компонентов, составляющих нерастворимый остаток. Для наглядности и удобства сравнения процентное содержание наполнителей переводилось в доли, а величина нерастворимого остатка всегда принималась равной единице. Результаты анализа сведены в таблицу.

Из восьми представленных растворов в нерастворимых остатках семи образцов преобладает песок (долевое соотношение песок – глинистые частицы составляет 0,70–0,90), и только в нерастворимом остатке образца строительного раствора № 7 величина песка составляет 0,10 мм, остальное

приходится на так называемые глинистые частицы. Обращает на себя внимание крайне невысокое количество связующего (извести), и с учетом растворяющегося в соляной кислоте известняка, оно не превышает в образцах № 2 и 5 5,9 % и 7,7 %. Отсюда невысокая прочность указанных растворов.

№	Место взятия раствора	Описание строительного раствора	Нерастворимый остаток, % вес.	Нерастворимый остаток	Состав нерастворимого остатка		Описание нерастворимого остатка
					Песок	Глинистые частицы	
1	Каменная постройка, кв. Б3, внутри	Раствор серо-бежевый, по внешнему виду плотный, без пор, но легко разрушается при сдавливании. Наполнители: черный, коричнево-бурый и красно-оранжевый известняк; песок.	74,80	1	0,90	0,10	Остаток светло-бежевый с легким сероватым оттенком, единичные зерна песка 0,10–0,20 мм, много песка 0,014–0,080 мм.
2	Каменная постройка, кв. Б3	Раствор темный серо-бежевый, с зеленоватым отливом. Имеются поры диаметром 0,50 мм, иногда до 1 мм. Наполнители: серо-зеленый известняк, пластины до 5 мм, очень много мелкого песка.	94,10	1	0,95	0,05	Цвет серый, со слегка зеленоватым отливом, песок прозрачный, в основном неокатанный. Основа 0,10–0,14 мм.
3	Каменная постройка	Темный серо-бежевый, плотный, куски извести около 0,50 мм, мелкие поры 0,50 мм.	61,60	1	0,85	0,15	Цвет глины серо-бежевый. Песок неокатанный, прозрачный. Размер 0,08–0,10 мм, зерно 0,20–0,30 мм.
4	Каменная постройка, кв. Е3	Серо-бежевый темный, плотный, поры 0,10–0,50 мм, рассыпается при легком надавливании, куски извести 0,10–0,50 мм. Наполнители: черный и желтый известняк, песок мелкий.	85,50	1	0,70	0,30	Цвет серый с бежевым отливом. Песок 0,30 мм – единичный, основа – мелкий 0,10–0,05 мм.

5	Каменная постройка, кв. Г2	Темно-серый с коричневым отливом, пор мало, раствор однородный, много мелкого песка 0,10 мм.	92,30	1	0,70	0,30	Цвет серо-бежевый, аналог № 4.
6	Кв. А3	Серый с бежевым оттенком, мельчайшие поры 0,10–1,00 мм, их много, раствор непрочный, куски извести 0,10–0,50 мм. Много мелкого песка 0,10–0,05 мм. Включения красно-бурого известняка от 0,30 до 3–5 мм, известняк около 1 мм.	73,20	1	0,70	0,30	Аналогично № 5.
7	Каменная постройка, кв. Д3, второй ряд кладки, кусок раствора	Серо-красно-желтоватый, плотный, твердый, пор немного, размер 0,10–1,00 мм. Наполнитель: серый и красно-буро-коричневый известняк, последний насаен по всему тесту.	18,10	1	0,10	0,90	Цвет светло-бежевый с чуть розоватым оттенком, единичные зерна песка около 0,30 мм, сильно обкатаны.
8	Кв. А4	Серо-бежевый, слоеный, раствор непрочный, поры 0,10–0,30 мм. Наполнитель: желто-кремовый известняк 2–8 мм и мелкий песок.	64,80	1	0,70	0,30	Аналогично № 5.

Источники и литература

- Гжель, 1982. Керамика XVIII–XIX веков. Керамика XX века: альбом / составитель В. М. Логинов. М.
- Косточкин В. В., 1952. Крепость Ивангород // Крепостные сооружения древней Руси. М. (МИА. № 31).
- Косточкин В. В., 1961. Топография Ивангорода в XVI в. // СА. № 3.
- Курбатов А. В., 1991. Отчет о работе Ивангородской экспедиции в 1991 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1991.
- Курбатов А. В., 1993. Отчет о работе Ивангородской экспедиции в 1993 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1993.
- Курбатов А. В., 2002. Итоги изучения посада средневекового Ивангорода // Культурное наследие Российского государства. СПб. Вып. 3.
- Курбатов А. В., 2013а. Неизвестные псковские мастера // *Stratum plus*. Кишинев. № 5.
- Курбатов А. В., 2013б. Псковская школа кожевального ремесла в средневековой Руси // РАЕ. № 3.
- Кюнг Э., 2006. Список жителей Ивангорода 1640 года // *Narva museum toimetised*. Narva ; Tartu. № 6 : Linnas ja linnused. Uurimusi Narva Ajaloost.
- Медникова Е. Ю., Стеценко Н. К., Загрянская М. Ф., 1989. Изучение строительных растворов крепости Ивангород // Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействия культур. История и археология. Нарва.
- НПК. СПб. 1886. Т. IV.
- Петренко В. П., 1991. Исследование Ивангорода // КСИА. № 205.
- Петренко В. П., Кильдюшевский В. И., 1989. Ивангородская керамика конца XV – XVI вв. // Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействия культур. История и археология. Нарва.
- Петренко В. П., Кильдюшевский В. И., Курбатов А. В., 2013. Ивангородская керамика конца XV – XVI вв. // Бюллетень ИИМК РАН. № 3.
- Петренко В. П., Курбатов А. В., 1990. Отчет о работах Ивангородской экспедиции в 1990 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1990.
- Петренко В. П., Стеценко Н. К., 1985. Новые данные об Ивангороде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- Петров А. В., 1901. Город Нарва. СПб.
- Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.
- ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 8: Воскресенская летопись.
- ПСРЛ. М., 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в.
- Soom A., 1937. Ivangorod als selbständige Stadt 1617–1649 // *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft*. 1935. Tartu.
- Vunk A., 2006. Narvast, Suur tänav 22–26, leitud 16.–18. Sajandi ahjupotid ja kahlid // *Narva museum toimetised*. № 6.

Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ в 2012–2013 гг.

Е. Р. Михайлова, Д. Н. Мурзенков, В. Ю. Соболев, И. И. Тарасов,
И. А. Федоров, К. В. Шмелев

В 2012–2013 гг. Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева проводила полевые исследования на территории Санкт-Петербурга, Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Цель настоящей статьи – дать очерк произведенных раскопок и разведок¹.

Основной объем полевых работ составили разведки и раскопки в Кингисеппском районе Ленинградской области. В настоящее время эта территория, возможно, наиболее активно изучается археологами (см., например: Михайлова, Федоров, 2011; Герасимов, 2012; 2015; Стасюк, 2012; Сорокин, Юшкова, 2014; Михайлова, 2015; Федоров, 2015). Проводимые здесь работы связаны как с решением академических исследовательских задач, так и с охранными археологическими работами, соединенными с реализацией ряда крупных строительных проектов и с резко участвовавшими случаями разрушения или повреждения объектов археологического наследия (кладоискательство, неконтролируемые земляные работы и т. д.).

Большая часть территории современного Кингисеппского района приходится на Ижорское плато, круто обрывающееся к северу, к берегу Финского залива. Ижорское плато (Ижорская возвышенность) представляет собой отдельный физико-географический регион – куэстообразную возвышенность с развитыми карстовыми процессами. Возвышенность характеризуется значительными высотными отметками (наивысшая абсолютная отметка 168 м над уровнем Балтийского моря) и близким к поверхности залеганием известняков, перекрытых завалуненными суглинками.

С трех сторон плато окружено болотистыми приречными равнинами; северный край плато обрывается в сторону Финского залива, образуя часть так называемого Балтийско-Ладожского уступа (глинта). Недостаточность поверхностных вод обусловила почти полное отсутствие на Ижорской возвышенности озер и болот, а также крупных рек. Лишь на окраинах плато берут свое начало речные артерии без разработанных в верховьях приводных долин: на севере и северо-западе впадающие в Финский залив р. Систа (с крупным притоком Сумой), Копорка, Воронка, Коваши; на востоке впадающая в Неву Ижора и верхнее течение Оредежи с крупным притоком Суйдой; на юге и юго-западе притоки Луги (Вруда, Лемовжа, Городенка и другие менее крупные реки).

Преобладающие на Ижорском плато почвы составляют его важную природную особенность и сильно отличаются от почв соседних территорий. Это преимущественно тяжелые дерново-карбонатные, а в центральной части плато и перегнойно-карбонатные почвы, отличающиеся значительным содержанием минеральных веществ. По своему природному плодородию эти почвы, по общему мнению почвоведов, сопоставимы только с черноземами, однако их обработка затруднена вследствие значительного содержания в почвенном покрове тяжелого суглинка и многочисленных камней. В настоящее время большую часть территории Ижорской возвышенности занимают пашни, луга и вторичные лиственные леса; в центральной части возвышенности сохранились участки коренных сложных еловых лесов с широколиственным подлеском, а в ее западной части – реликтовые дубовые рощи.

На территории Ижорского плато в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 гг.)» были проведены небольшие раз-

¹ Работам в Петербурге посвящена отдельная публикация (Федоров и др., 2014).

ведочные раскопки двух памятников: каменного могильника Удосолово и многослойного городища Пиллово-2 (Втырка).

Могильник Удосолово стал известен по случайным находкам металлических изделий (Сорокин, Шаров, 2008), а в 2009 г. был обследован М. А. Юшковой. В это время памятник представлял собой низкую плоскую каменную насыпь приблизительно прямоугольной в плане формы, ориентированную своей продольной осью по линии северо-запад – юго-восток. Размеры насыпи составляли 40 × 50 м, ее высота достигала 0,30–0,80 м. Однако в том же году могильник был разрушен, а отвалы грунта с разрушенной части памятника проверили металлодетекторами кладоискатели.

В 2013 г. на сохранившейся части памятника был заложен раскоп площадью 16 кв. м. К началу раскопок могильник представлял собой изрытое низкое возвышение на краю поля, на бровке левого склона долины ручья – притока реки Велькотки, в свою очередь, впадающей в р. Систу. Размеры сохранившейся части составляли 20–30 × 35 м, его высота колебалась от 0,30 м (с южной стороны) до 0,70–0,80 м (с северной стороны), по территории памятника были разбросаны камни от разрушенных конструкций. Несмотря на незначительные размеры раскопа, исследования дали важные результаты. Можно утверждать, что могильник Удосолово представлял собой крупный некрополь с длительной и сложной историей. Можно выделить не менее двух последовательных этапов его функционирования, связанных с двумя разными способами захоронения: ингумацией в каменных ящиках-цистах и кремацией в виде россыпей кремированных останков.

Выбранное для могильника место на бровке карстовой долины было специально подготовлено для размещения захоронений: поверхность будущего могильника была выровнена, имевшаяся здесь яма заложена крупными камнями. На погребенную почву были уложены горизонтально в несколько слоев (чаще всего в три–четыре слоя) рваные куски местного камня-плитняка неправильной формы и разного размера (от крупного щебня до плит длиной 0,50–0,60 м и толщиной 0,08–0,12 м), которые образовали единую ровную вымостку мощностью 0,20–0,30 м. С этой вымосткой и погребенной почвой связаны находки многочисленных мелких фрагментов лепной керамики в основном коричневых тонов, рыхлых, со значительной примесью дресвы, часть из которых покрыта неглубокой штриховкой. Подобная керамика известна в древностях раннего

железного века на территории Эстонии, а также Ленинградской области (в Поволховье, в верхнем и нижнем течении р. Луги). Керамика со штрихованной поверхностью была встречена и при раскопках городища Пиллово-2 (см. ниже).

На плитняковой вымостке размещались погребения по обряду ингумации в ящиках (цистах), составленных из обломков плит. Ящики сохранились лишь частично. Были расчищены крупные фрагменты продольных стенок, также можно отметить оформление поперечных стенок из плоских обломков камня, поставленных на ребро. Над некоторыми погребениями сохранились некрупные горизонтально лежавшие плиты. Всего в пределах раскопа было обнаружено шесть ингумаций, размещенных в ряд, вплотную друг к другу и одинаково ориентированных. Одно из шести погребений (№ 4) несколько выделяется на фоне остальных и, по-видимому, было совершено позднее, для чего были частично разобраны уже существовавшие каменные ящики, а кости погребенного оказались немного выше остальных скелетов. Также нельзя исключать того, что это погребение было помещено в простую яму, вырытую на могильнике, о чем свидетельствует выброс материковой глины.

Скелеты сохранились плохо: почти все кости сильно фрагментированы. По определению научного сотрудника МАЭ РАН И. Г. Широкова², в погребении № 1 был захоронен, предположительно, мужчина 25–35 лет, в погребении № 2 – предположительно, мужчина 30–40 лет, в погребении № 3 – взрослый человек старше 30 лет, в погребении № 4 – мужчина 20–40 лет, в погребении № 5 – предположительно, мужчина 20–40 лет, в погребении № 6 – подросток.

Захоронения в каменных ящиках известны в древностях Эстонии и Финляндии, начиная с эпохи бронзы и вплоть до начала римского времени, но все они располагались поодиночке, а каждая отдельная циста, как правило, была окружена круговой вымосткой или каменной насыпью. В ящике обычно содержались останки нескольких человек. Памятники с погребальным обрядом, аналогичным ингумациям в Удосолово, ранее не исследовались, хотя определенные параллели можно усмотреть в обрядности каменных могильников Валговицы (Кингисепский район Ленинградской области) и Поансе (Эстония, уезд Ляэнемаа) (Рябинин, 1994).

² Авторы выражают глубокую признательность И. Г. Широкову за его участие в работе с материалами могильника.

Находки, связанные с ингумациями, единичны. В погребении № 1 на правом предплечье погребенного был найден узкий гладкий плоско-выпуклый бронзовый браслет (рис. 1: 1). В погребении № 3 в ногах погребенного найден наконечник дротика с коротким листовидным пером (во втулке сохранились следы древесины от древка) (рис. 1: 3), в погребении № 6 в районе левой плюсны – предмет из железной пластины (рис. 1: 2).

Ингумации в каменном могильнике Удосолово следует отнести, учитывая обряд погребения, к концу железного века в Прибалтике, к I в. до н. э. – середине I в., что также подтверждает собранная керамика.

Следующий, второй этап функционирования могильника Удосолово характеризуется россыпями кремированных останков, смешанных с щебнем и серым гумусированным суглинком. Каменные ящики предшествующего этапа к этому времени были уже полуразрушены. Слой серого гумусированного суглинка, перемешанного с известняковым щебнем, начинался сразу же под современным дерном и перекрывал остатки каменных цист с ингумациями. Мощность слоя составляла около 0,20 м, содержащиеся в нем пережженные кости не образовывали выраженных скоплений.

В верхнем слое найден ряд металлических предметов: железная бритва, бронзовые спиральные пронизки, фрагменты узких бронзовых браслетов, бронзовая шарнирная фибула с широкой пластинчатой спинкой, железная овальная пряжка с утолщенной передней частью ромбического сечения и коротким язычком, грубо обрубленный фрагмент гладкой (?) серебряной гривны со следами вытягивания и перекручивания. Некоторые находки носили следы пребывания в огне (рис. 1: 4–9). Фрагменты керамики в этом слое единичны. Находки из слоя с сожжениями находят аналогии в североэстонских тарандах (могильниках с оградками) и позволяют датировать комплекс II–III вв. Однако каменных кладок, подобных оградкам тарандов, в Удосолово не обнаружено.

Вместе с перечисленными выше предметами в верхнем слое были собраны и некоторые артефакты Нового и Новейшего времени: позднесредневековая сережка со стеклянной бусиной, обломок «химического» карандаша, несколько подработанных молотком свинцовых шариков охотничьей картечи. Печальной обыденностью для работ последних лет стало и обнаружение следов грабительских раскопок. У подножия старой черемухи, росшей на краю раскопа, между ее стволами, было найдено

скопление разнообразных металлических предметов, по-видимому, отложенных сюда кладочискателями как не имеющих коммерческой ценности. Среди осколков снарядов Великой Отечественной войны и бытовых предметов Новейшего времени (велосипедная цепь, молоток) лежали несколько корродированных железных ножей, явно происходящих из могильника, железная овальная рамка пряжки, крупный фрагмент патинированной уплотненной кованой проволоки из медного сплава и смятый оплавленный фрагмент пластинчатого бронзового предмета (рис. 1: 10–13).

В целом каменный могильник Удосолово представляет собой уникальный по своей обрядности погребальный памятник, исследования которого планируется продолжить. Результаты раскопок 2013 г. подтвердили широкую датировку памятника I–III вв., ранее предложенную М. А. Юшковой³.

Другой памятник, исследовавшийся на Ижорской возвышенности в соответствии с федеральной целевой программой «Культура России (2012–2018 гг.)», – *городище Пиллово-2* (Втырка), расположенное на высоком мысу, образованном слиянием р. Втырки и Кихтолки (притоков р. Луги) и являющемся одним из крайних западных отрогов Ижорского плато. С напольной северной стороны городище защищено валом, на внешней поверхности которого на участках с нарушенным дерном заметна облицовка из обломков местного плитняка. Территория городища, площадью 1400 кв. м (включая поверхность вала), в плане приближается к неправильному удлинённому пятиугольнику и возвышается над уровнем воды на 8 м. Склоны памятника, обращенные к обоим рекам, крутые, эскарпированные. Расстояние от вершины вала до оконечности городища у стрелки Кихтолки и Втырки достигало 60 м, ширина площадки в центральной части составила около 25 м. Почти вся поверхность городища изрыта ямами и траншеями, оставшимися от грабительских раскопок.

Раскоп 2014 г. площадью 64 кв. м был заложен в северной части городища, рядом с валом. Результаты работ позволяют говорить о двух основных этапах истории поселения. Первый из них связан с нижним, предматериковым слоем светлой серо-желтой супеси. Здесь встречена сильно раздробленная, рыхлая керамика различных оттенков коричневого или светло-серого цвета. Поверхность большинства черепков сетчатая, встречено также несколько фрагментов, покрытых внутри и снаружи штриховкой, нанесенной пучком травы.

³ Ср.: Сорокин, Шаров, 2008. С. 170, 171.

Рис. 1. Находки из могильника Удосолово: 1 – погребение № 1; 2 – погребение № 6; 3 – погребение № 3; 4–9 – слой серого суглинка со щебнем и кальцинированными костями; 10–13 – из грабительских сборов (1, 4, 6, 7 – медный сплав; 2, 3, 5, 8, 10–13 – железо; 9 – серебро)

Штрихованная керамика напоминает керамику из нижнего слоя могильника Удосоолово. Кроме керамики, в нижнем слое найдены две бронзовые пронизки, фрагмент железного предмета и осколок шлифованного каменного орудия. Возможно, из этого же слоя происходит шлифованное сланцевое долото, найденное в современном перекопе. Выше лежащие напластования относились к эпохе раннего средневековья и были сильно повреждены позднейшими перекопами. Между тем можно отметить следы нескольких сильных пожаров и не менее двух горизонтов камней, образовавшихся, по видимому, в результате нивелировок поверхности.

Вещественные находки из верхних слоев городища представлены предметами, в основном датирующимися в пределах второй половины I – начала II тыс. Некоторые находки (полихромная бусина, железные заклепки, нож в технике трехслойного пакета, броневойная стрела типа 77 по А. Ф. Медведеву) позволяют сузить дату этого стратиграфического комплекса до последней четверти I – начала II тыс. (рис. 2).

Большой интерес представляет керамика из верхних слоев городища Втырка. В коллекции преобладают рыхлые черепки с примесью крупной дресвы от слабо профилированных сосудов, обычных для раннесредневековых памятников северо-запада Восточной Европы и сопредельных территорий (рис. 3: 1, 2). На их фоне выделяются сосуды с высоким цилиндрическим горлом и более или менее оттянутым валиком в месте перехода от горла к плечу, с врезным орнаментом из поясков многорядных горизонтальных и волнистых линий (рис. 3: 3–5), а также посуда (преимущественно ребристые миски; рис. 3: 6) из хорошо промешанной глины с примесью шамота и лощеной или подлощенной поверхностью желтого или коричневого цвета, часто с темными пятнами. Удельный вес лощеных и тщательно заглаженных черепков в составе лепной керамики достигал 30 %.

Аналогии керамическому комплексу Пилловского городища можно найти на городищах Северной Эстонии, относящихся к эпохе викингов. Сходные формы также известны на памятниках эпохи викингов в Юго-Западной Финляндии. Единичные образцы похожих сосудов встречены на памятниках VIII–XI вв. Северо-Западной России (Прость, Рюриково городище, Староладожское земляное городище, Северик и др.) (Плохов, 2010; 2014). Самыми поздними находками являются разрозненные фрагменты круговой древнерусской керамики XI–XII вв. в верхних горизонтах культурного слоя. Есть ли на городище культурный

слой этого времени, пока неясно. К северо-востоку от городища, всего в 150 м от него, располагается селище с материалами XII–XVIII вв., поэтому немногочисленные фрагменты древнерусской круговой керамики могут быть связаны с его функционированием.

В настоящее время поселения на территории Ижорской возвышенности все еще недостаточно изучены, основной объем имеющейся информации получен при раскопках курганных и курганно-жальничных могильников XII–XV вв.⁴ В этой ситуации результаты раскопок на городище Пиллово-2 обретают особую важность. Материалы раннесредневекового этапа жизни на городище демонстрируют процесс постепенного распространения древнерусской культуры в среде населения, тесно связанного с территорией Эстонии и, шире, всем побережьем Финского залива.

Западная часть Кингисеппского района расположена в пределах сильно заболоченной Нарвско-Лужской низины, соответствующей бассейнам нижнего течения р. Луги и Нарвы (Наровы). Устье р. Луги открывается в протяженную мелководную Лужскую губу Финского залива, где в настоящее время продолжается строительство Усть-Лужского морского порта и связанных с ним коммуникаций и инфраструктурных объектов. Проведенные на территории Кингисеппского района археологические разведки были связаны в основном с обследованием участков, предназначенных для размещения объектов инфраструктуры порта и подъездных путей к нему. Часть работ проводилась совместно с сотрудниками Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН. Сходный характер носили разведочные работы на территории Лужского района, проводившиеся, в частности, в связи с прокладкой волоконно-оптических линий связи. Разведочные обследования в зонах планируемого хозяйственного освоения, проведенные на различных территориях, имеют много общих черт. Важной особенностью предпроектных разведочных обследований последних лет является необходимость учета и включения в проект мероприятий по сохранению объектов культурного наследия не только памятников археологии, но и иных объектов, ранее традиционно остававшихся за рамками полевых археологических работ: усадебно-парковых комплексов, церковных зданий Нового времени, братских воинских захоронений, мемориальных объектов Великой Отечественной войны и др. Такой подход соответствует поднятой ныне для объектов архео-

⁴ См., в частности: Спицын, 1896; Рябинин, 2001.

Рис. 2. Находки из средневековых напластований городища Пиллово-2: (1, 2, 10–13, 16–20 – железо; 3, 6–9, 15 – медный сплав; 4, 5, 14 – стекло)

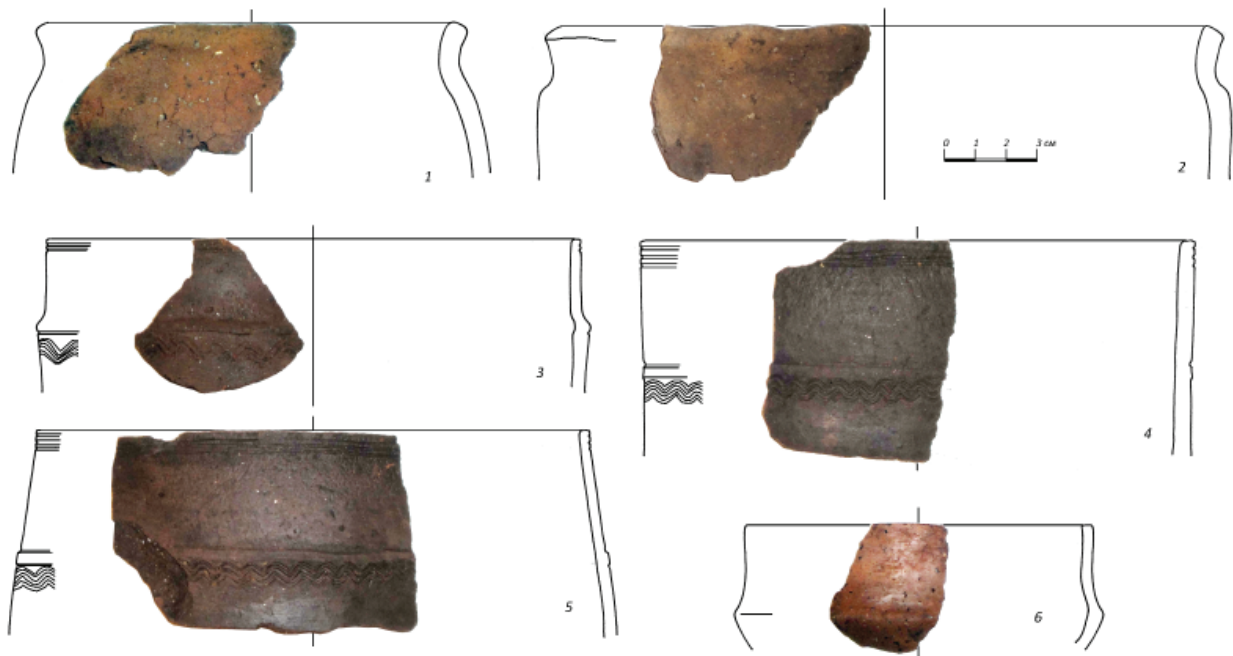

Рис. 3. Керамика из средневековых напластований городища Пиллово-2

логического наследия верхней хронологической границе, а также позволяет разработать единый комплекс мер по сохранению культурного наследия в рамках конкретного проекта.

Так, в процессе разведок в Лужском районе нами были обследованы объекты Лужского оборонительного рубежа 1941 г. (в том числе мемориальные) и выявлены остатки ранее не отмечавшейся деревоземляной огневой точки на берегу р. Вревки. Интереснейший комплекс военных сооружений был осмотрен на территории Кингисеппского района в районе Лужской губы, где в 1930-е гг. велось интенсивное строительство маневренной базы Балтийского флота «Ручьи» со всей сопутствующей инфраструктурой, включавшей железнодорожные пути, мощные дороги, жилые и служебные здания, склады и оборонительные позиции. 1 сентября 1941 г. не достроенная база «Ручьи» была расформирована, а в годы оккупации использовалась как военно-морская база немецкими войсками. После освобождения территории Кингисеппского района в 1944 г. в «Ручьях» вновь была создана советская военно-морская база (Лужская военно-морская база), просуществовавшая до 1945 г. Часть построек, гидротехнических сооружений и остатки инфраструктуры сохранились по сей день, некоторые из них до сих пор используются. Ряд сооружений, в том числе несколько позиций для бронепоездов с бетонными основаниями для опор при стрельбе, оказались под застройкой станции Лужская-Сортировочная.

Несмотря на активную деятельность археологов, начиная с конца XIX в., полное археологическое обследование территории Ленинградской области, как и всей Северо-Западной России, пока не выполнено. Масштабные планомерные разведки на многих территориях проводились 30–40 лет тому назад, и современные полевые исследования проходят в совершенно иной ситуации. За прошедшие годы изменилась система землепользования, дорожная сеть, сместились границы поселений, территория многих археологических памятников оказалась застроена. Актуальной задачей полевых археологических исследований является новый этап разведок и мониторинга состояния памятников в современных топографических и хозяйственных условиях, с применением современных методик фиксации и одновременным определением границ территорий памятников, составлением учетной документации по ним. Особой недостаточно изученной категорией объектов историко-культурного наследия является культурный слой на территории современных деревень. Подавляющее большинство деревень на территории Северо-

Запада упоминается писцовыми книгами XVI–XVII вв., для некоторых из них известны и более ранние упоминания письменных источников. Все они могут рассматриваться как исторические поселения. Вне всякого сомнения, требуется, с одной стороны, подробное археологическое обследование позднесредневековых сельских поселений, с другой – разработка таких мер по охране исторических сельских поселений, которые не нарушили бы ход жизни в них.

Разведки, связанные с научными программами Лаборатории, в 2013–2014 гг. были невелики по своему объему, но результативны. Их основной целью являлся мониторинг современного состояния известных археологических памятников, поиск и выявление памятников, известных по архивным данным, но не обследованных на протяжении длительного времени, а также выявление неизвестных памятников археологии. Начаты работы по обследованию укрепленных поселений эпохи раннего средневековья в бассейне р. Луги и их подробной археолого-географической характеристике.

В Плюсском районе Псковской области продолжают исследования средневекового *Которского погоста*. Работы направлены на изучение топографии местности и создание ее компьютерной модели, отражающей динамику развития ландшафта и размещения в нем объектов. Одновременно проводится пополнение материалов о работах на территории Которского погоста исследователями прошлых лет. Локализация средневекового Никольского Которского погоста на месте современного села Которско/Которск Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии была предложена А. М. Андрияшевым (1914).

Информация о наличии археологических памятников у с. Которского впервые была получена Л. Н. Целепи при сборе данных к археологической карте Санкт-Петербургской губернии в начале XX в. Сведения были занесены в его полевой дневник со слов крестьян Лужского уезда, рассказавших о располагающихся к югу от села двух сопках и группе курганов. Упомянутые крестьянами сопки можно соотнести с группой из трех высоких насыпей, стоявших на правом берегу р. Городоньки, тогда как курганная группа сейчас вряд ли может быть надежно локализована. В картотеке А. А. Спицына, на протяжении многих лет собиравшего сведения об археологических памятниках России, зафиксирована информация о наличии «городка» у с. Которско (Спицын. Л. 277, 895), однако эти данные не вошли в материалы для составления археологической карты

под руководством Н. К. Рериха, поскольку, возможно, они были получены позднее.

Во второй половине 1920-х гг. в Ленинградской губернии (Ленинградской области после административно-территориальной реформы 1 августа 1927 г.) были развернуты масштабные работы по учету и обследованию археологических памятников (Белова, 1985), основой при проведении которых, очевидно, стали списки памятников и материалы, собранные для археологической карты в начале XX в. При обследовании территории Лужского уезда⁵ в 1927 г. П. Н. Шульцем и Г. П. Гроздиловым к югу от д. Которск были зафиксированы две группы курганов (Гроздилов, Шульц, 1927. Л. 26 об. – 27), еще две курганные группы Которского комплекса памятников нанесены ими на карту со слов местных жителей. Кроме погребальных памятников, имеется информация о находившемся за околицей деревни культовом камне. Как объект народного почитания он был сброшен в реку комсомольцами и в настоящее время не локализуется.

Следующее по времени обследование Которского погоста было проведено лишь спустя 30 лет, в конце 1950-х – начале 1960-х гг., экспедицией по уточнению места Ледового побоища (Потресов, Шолохова, 1966). Тогда впервые была осмотрена единственная сохранившаяся сопка из группы, состоявшей из трех или четырех насыпей, зафиксированных в дневнике Л. Н. Целепи, а также открыты группы культуры длинных курганов Которск V⁶, VI и, вероятно, IV, одно из курганных кладбищ древнерусского времени, группа из двух насыпей Которск X и сопки в д. Полосы (Потресов, Шолохова, 1966. С. 89).

В начале 1970-х гг. комплекс был обследован Л. А. Царьковой, обнаружившей неукрепленное поселение. На вновь выявленном памятнике, в его южной части, был заложен разведочный шурф. На основании находок лепной керамики исследовательница связала поселение с культурой псковских длинных курганов (Царькова, 1971; 1972). В 1972 г. Н. В. Хвоцинская открыла прилегающее к селищу городище, а также зафиксировала несколько погребальных памятников второй половины I – начала II тыс.: группу из четырех высоких сопковидных насыпей (Которск IV), две группы культуры длинных курганов (Которск V и VI) и древнерусское

курганное кладбище (Которск III) (Хвоцинская, Прусакова, 1973).

В 1986 г. к изучению памятников Которского погоста приступил С. Л. Кузьмин, позднее подключились Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев и другие сотрудники Северо-Западной экспедиции⁷. В течение нескольких полевых сезонов были открыты неизвестные ранее погребальные памятники конца I – начала II тыс., проведены раскопки селища и ряда разнотипных некрополей. Важным моментом в оценке археологических объектов региона стало их понимание как единого комплекса памятников, состоявшего из небольшого «городка», связанного с ним поселения, непрерывно существовавшего на протяжении 150–200 лет, и нескольких разновременных кладбищ жителей поселения⁸.

В 2012 г. начат новый цикл исследований. В ходе работ велась инструментальная съемка не только отдельных памятников комплекса, но и пространства между ними (рис. 4). Путем комплексного анализа топографической ситуации предпринята попытка локализации утраченных к настоящему времени объектов; важным направлением исследования явилась реконструкция средневекового ландшафта и этапов его освоения в раннем средневековье и в древнерусское время. Отдельной темой стала судьба территории Которского погоста в эпоху позднего средневековья и Новое время⁹.

Находящийся к 0,75 км к западу – юго-западу от Которского селища объект культурного наследия «Усадьба Дюбеса Крачки “Уткина Мыза”»¹⁰ (рис. 5) состоит из остатков усадебного дома, подъездной аллеи и пейзажного парка. Исторические карты показывают, что на месте усадьбы до середины XIX в. находилась небольшая деревня Уткина Нива. В более поздних изданиях, в том числе

⁷ Работы были начаты Плюским отрядом в составе Ленинградской областной экспедиции ЛОИА РАН, позднее преобразованной в Северо-Западную археологическую экспедицию Санкт-Петербургского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. В настоящее время – Северо-Западная археологическая экспедиция Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета.

⁸ Подробнее см.: Кузьмин, 1991; Соболев, 2010; Кузьмин и др., 2011; Михайлова, 2014.

⁹ См. также: Селин, 1993.

¹⁰ Принят на охрану на основании постановления Псковского областного Собрания депутатов № 542 от 30.01.1998 г.

⁵ Лужского округа после указанной реформы административно-территориального деления.

⁶ Здесь и далее указаны индексы памятников, присвоенные им в процессе работ нашей экспедиции.

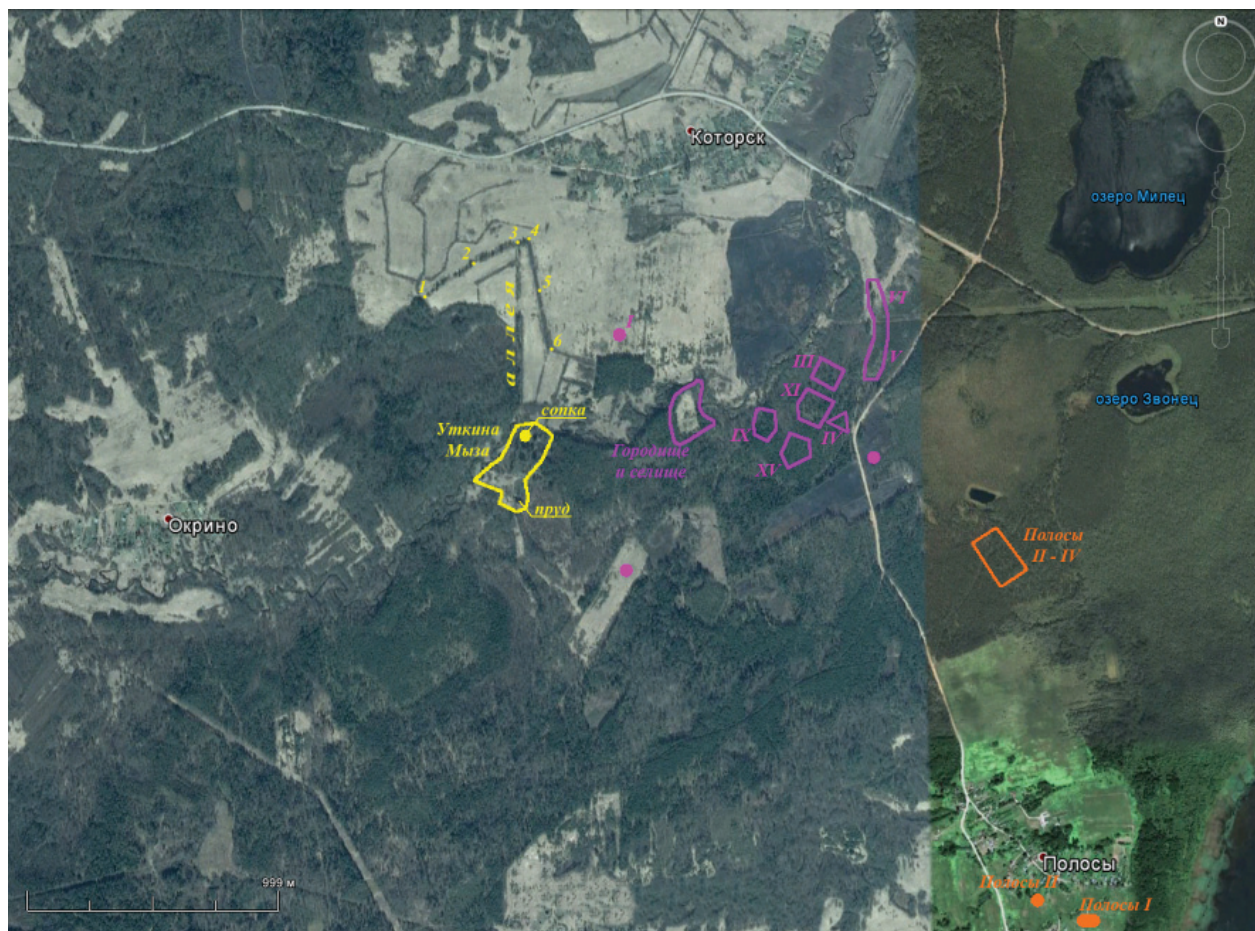

Рис. 4. Которской погост и памятники археологии вблизи него. Снимок из космоса

на трехверстной военной топографической карте Российской империи, усадьба и населенный пункт отсутствуют. На немецкой карте, составленной на основе советских довоенных карт и изданной в 1942 г., в этом месте обозначена школа, которая, по воспоминаниям местных жителей, была организована в усадебном доме еще до войны и продолжала работать с 1944 г. по 1972 г.

Усадебный дом деревянный, двухэтажный, оштукатуренный снаружи, располагался в южной части территории усадьбы, на мысу, образованном коренным берегом р. Городоньки и впадающего в нее безымянного ручья. Вокруг дома был разбит небольшой парк, в котором росли деревья как характерные для Северо-Запада (ель, береза, липа), так и экзотические (тополь серебристый, лиственница). В русле ручья устроена запруда, образовавшая пруд диаметром около 35 м и глубиной до 1 м; вдоль пруда с запада проходит обсаженная липами и березами дорога, ведущая в д. Дуплево. На площадке к северу от дома были

высажены липы, серебристые тополя, лиственницы. В настоящее время многие деревья погибли или уничтожены. От западной окраины д. Которск к дому ведет подъездная аллея, обсаженная елями и березами, с мостом на каменных опорах через р. Городоньку. Границы парка на правом берегу реки отчетливо видны до сих пор и представляют собой заплывшую траншею шириной около 2 м и глубиной до 1 м, обсаженную деревьями тех же пород, что и подъездная аллея. Летом 1999 г. усадебный дом сгорел по неосторожности одного из местных жителей, парк состарился, зарос, одичал и находится в аварийном состоянии, усугубляющемся регулярными бесконтрольными рубками исторических деревьев.

Территория усадьбы также была включена в зону полевого обследования (рис. 6). Часть комплекса, располагающаяся на левом берегу р. Городоньки, включающая остатки каменного моста, подъездную аллею и часть парка с находящейся в нем сопкой, попала в зону подробной тахеометрической съемки.

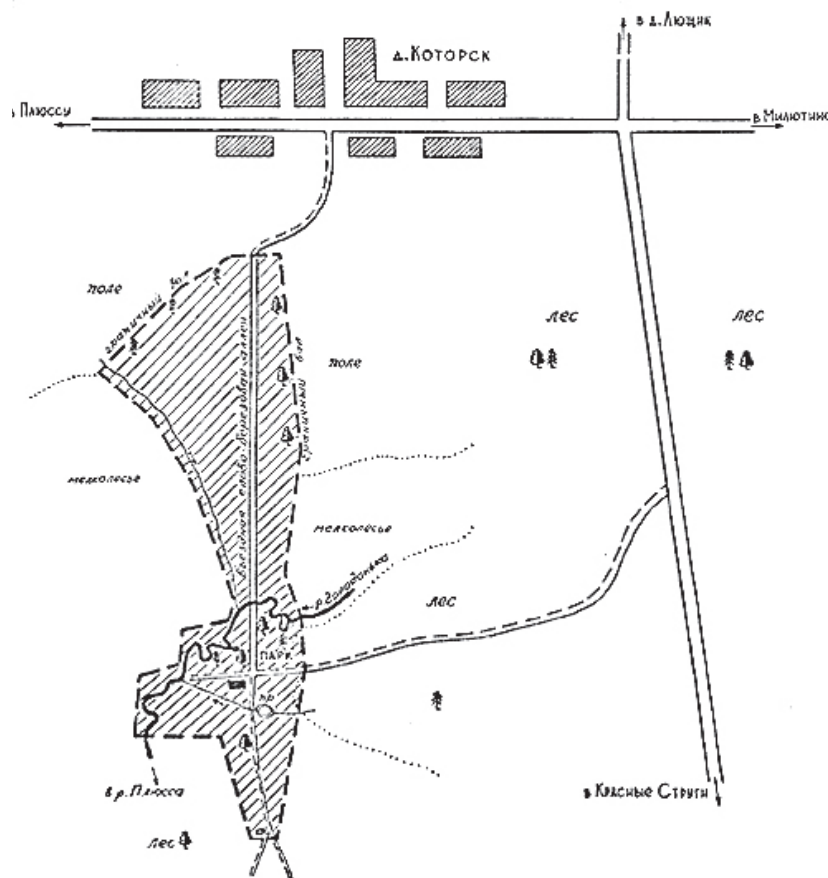

Рис. 5. Уткина Мыза. Схема усадебного комплекса. URL: <http://kulturnoe-nasledie.ru/monuments.php?id=6001254000>

Территория и северные границы парка на правом берегу Городоньки осмотрены, с помощью GPS-приемника определены координаты поворотных точек.

В той же местной системе координат сняты планы еще нескольких археологических памятников: курганной группы, одиночного кургана КДК и группы сопки у д. Полосы, нескольких одиночных курганов к востоку от озера Милец. Обследованием зафиксированы новые нарушения культурного слоя поселения и дневной поверхности на погребальных памятниках в результате незаконной поисковой деятельности с применением металлодетекторов.

В Струго-Красненском районе Псковской области проведены работы по обследованию средневекового *Логовещенского погоста*. Локализация Покровского Логовещенского погоста на месте с. Логовеще/Логовещенье была предложена А. М. Андрияшевым (1914). Археологические памятники в окрестностях села впервые были осмотрены в 1900 г.

Н. Ф. Арепьевым, зафиксировавшим три группы погребальных насыпей и каменный крест в часовне. В своем отчете он писал, что «эти земляные памятники накануне исчезновения, так как на месте их расположения будут строить» (Арепьев, 1900. Л. 15–18). Десять лет спустя учитель Л. А. Васильев передал в Кунсткамеру находки, приобретенные им у крестьян, а летом 1911 г. он получил открытый лист и исследовал 17 погребальных сооружений древнерусского времени, в том же сезоне им были изучены несколько средневековых погребальных сооружений у д. Селище (Соболев, 2006). В 1927 г. эти памятники были осмотрены сотрудниками Палеоэтнологического отряда Г. П. Гроздиловым и Н. Н. Чернягиным (Лужский округ, 1931. Л. 8–13), снят план курганной группы за церковью (Лужский округ, 1931. Л. 11) (рис. 7), выполнены зарисовки курганов (Лужский округ, 1931. Л. 12) (рис. 8).

В конце 1950-х гг. территория Струго-Красненского артиллерийского полигона, существующего на месте прежнего артиллерийского полигона и

Рис. 6. Уткина Мыза. Южная часть усадебного комплекса. Снимок из космоса

летнего лагеря для частей 24-й пехотной дивизии и двух артиллерийских бригад 18-го армейского корпуса русской армии, была расширена к северу, население нескольких деревень, включая д. Логовеще, было переселено.

В ходе работ по подготовке обследования археологических памятников у несуществующей д. Логовеще и среднего и нижнего течения р. Курей проведен анализ картографического материала, совмещение исторических карт с современной топоосновой, проведены рекогносцировочные полевые выезды. Территории всех расселенных деревень несут следы неоднократных посещений «любителями металлопоиска».

В Батецком районе Новгородской области проводился мониторинг состояния объектов археологического наследия в районе бывших д. Раглицы и д. Белая. Впервые информация о средневековых курганах в *окрестностях д. Раглицы* была зафиксирована Л. Н. Целепи при работе над архео-

логической картой Санкт-Петербургской губернии в начале XX в. В сводке И. С. Романцева кроме курганов отмечена сопка, расположенная на крестьянской земле (Романцев, 1911. С. 63, 116). В 1929 г. от Г. Семенова в МАЭ РАН была принята на хранение случайная находка, сделанная в «конце села»: шлифованный каменный топор со сквозным сверленным отверстием посередине¹¹. В 1959 г. С. Н. Орлов составил паспорт памятника археологии, подробно описав сохранившиеся погребальные памятники как единую группу: «К северо-востоку от деревни Раглицы справа от дороги на Вольную Горку, в 500 м от левого берега р. Луги и в 150 м от деревни есть три сопки, две разрушены, а одна целая. Тут же курганный могильник между и около двух сопок»¹². В середине 1970-х гг. при составлении свода археологических памятников Г. Н. Прониным

¹¹ МАЭ им. Петра Великого. Фонд археологии. Колл. № 3907.

¹² Паспорта на памятники археологии Батецкого района хранятся в Архиве НГОМЗ.

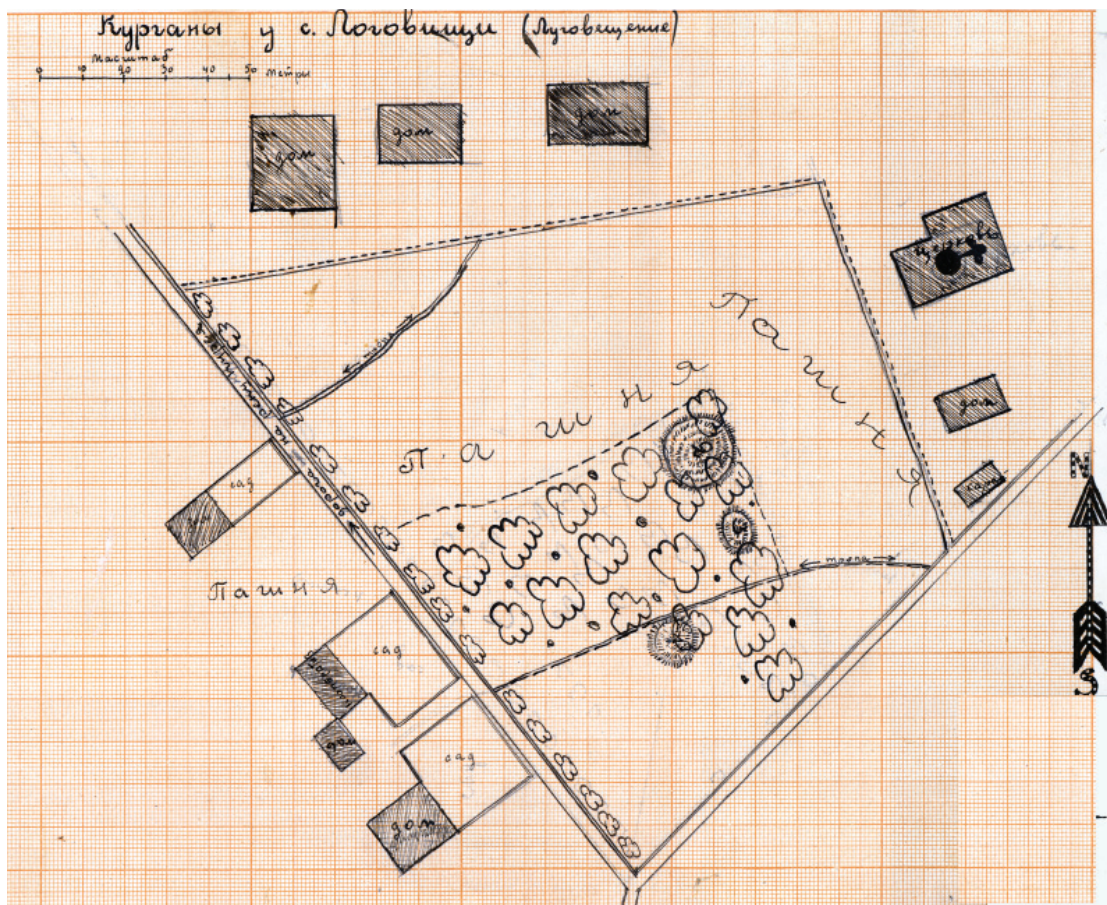

Рис. 7. Курганная группа в д. Логовец. План 1927 г. (Лужский округ, 1931. Л. 11)

Рис. 8. Курган в д. Логовец. Рисунок Н. Н. Черныгина (?) (Лужский округ, 1931. Л. 12)

у д. Раглицы были учтены: группа из двух сопок, два кургана и большой жальничный могильник (Пронин, 1975).

Археологическое изучение комплекса началось в 1981–1983 гг. Т. Л. Верхорубовой, которая исследовала в общей сложности 11 курганов и 15 жальничных погребений (Верхорубова, 1981; 1982; 1983; 1985), датированных от начала – первой половины XII в. до начала XIII в. В 1988–1991 гг. М. В. Шорин раскопал сопку № 1 с впускными захоронениями в насыпи и жальничные погребения в примыкавшей к сопке части могильника. В общей сложности было изучено 138 погребальных комплексов, давших богатый и интересный вещевой материал XIII–XIV вв. В результате активного хозяйственного освоения комплекс памятников получил значительные повреждения и в настоящее время находится в аварийном состоянии (Соболев, Торопов, 2014). Применение аэрофотосъемки с

небольших беспилотных летательных аппаратов позволило не только зафиксировать разрушения, но и выявить не известный ранее объект: округлую в плане плоскую насыпь диаметром около 40 м и высотой до 1 м, служившую, по всей вероятности, основанием сопки (рис. 9: 3).

В д. Белая осмотрены сохранившиеся амбары и хозяйственные постройки, сложенные из гранитных валунов, и зафиксирован мощный булыжник участок старой дороги из Новгорода в Лугу. К западу от деревни осмотрено городище, занимающее вершину высокого останца на левом берегу р. Городоньки, к западу от деревни. На площадке городища зафиксированы многочисленные нарушения дневной поверхности, включая установку опорного пункта государственной геодезической сети. Далее к северо-западу от городища, в небольшом островке соснового леса, обследован курганный могильник, насчитывающий в настоящее

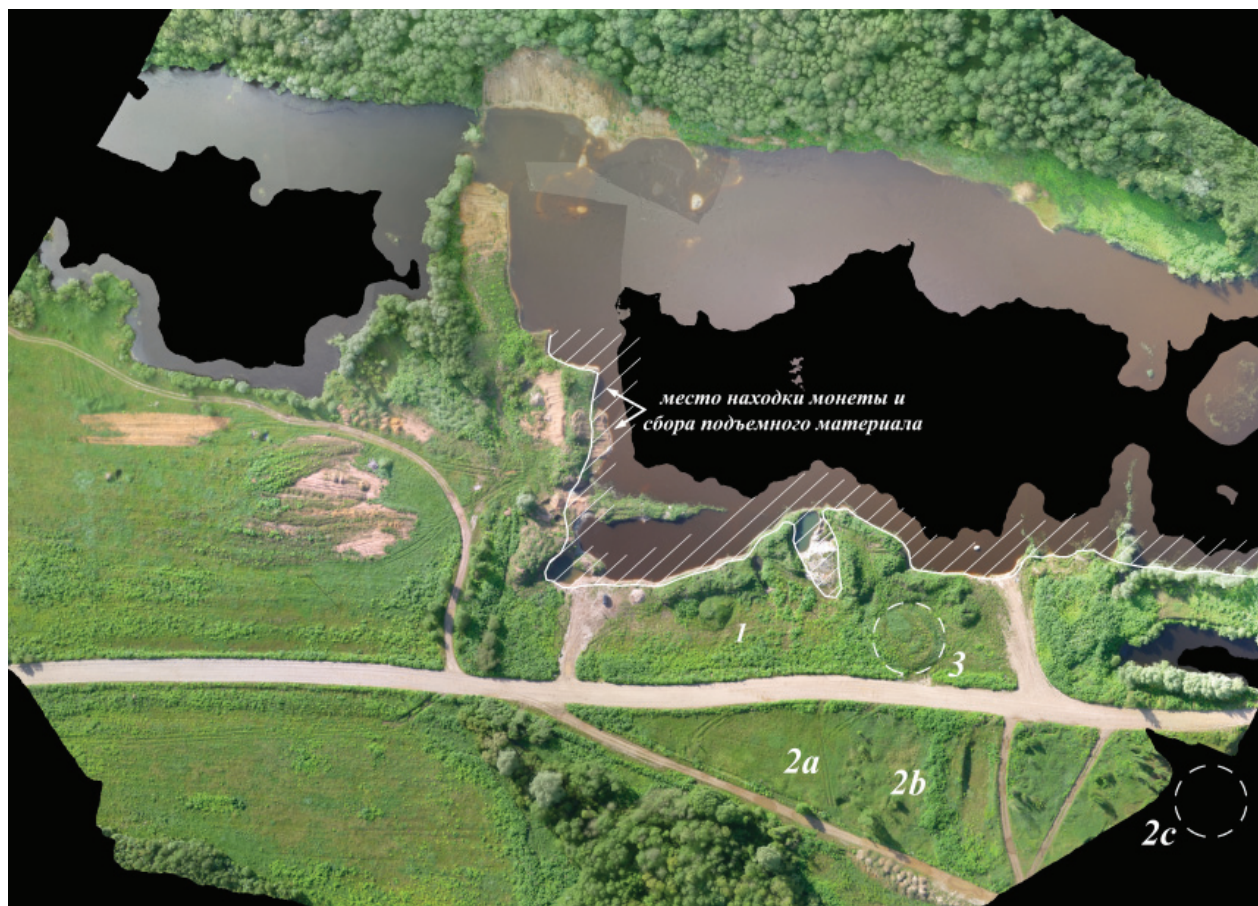

Рис. 9. Комплекс памятников у бывшей д. Раглицы. Аэрофотография (1 – сохранившаяся сопка; 2 – курганножальничный могильник: а – участок разрушенных надмогильных сооружений, б – сохранившийся участок могильника, с – место исследованной сопки; 3 – выявленное основание насыпи)

время семь насыпей курганов высотой от 0,50–0,60 м до 0,80 м, диаметром 6–12 м. Группа была обнаружена в 1910 г., тогда же под руководством А. А. Спицына были раскопаны три насыпи; еще одна насыпь, по сообщению В. В. Милькова, раскопана С. Н. Орловым. Данная курганная группа представляет значительный интерес как свидетельство освоения пространства населением культуры длинных курганов.

В *Крестецком районе* Новгородской области совместно с сотрудником Новгородского государственного объединенного музея-заповедника и Старорусской археологической экспедиции С. Е. Тороповым проведено рекогносцировочное обследование местности к западу от д. Ветренка, в междуречье р. Ветренки и Холовы. Целью работ было изучение микрорегиона, ландшафтно-топографические условия которого позволяли предполагать выявление неизвестных памятников культуры длинных курганов. К сожалению, высокая степень хозяйственного освоения территории препятствовала обнаружению археологических объектов.

Проведенные исследования дали новые сведения о древностях Северо-Запада и поставили ряд новых проблем, разрешить которые мы предполагаем в следующие полевые сезоны.

Источники и литература

- Андряшев А. М., 1914. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. М. Т. 1 : Списки селений.
- Арепьев Н. Ф., 1900. О раскопках г. статского сов. Н. Ф. Арепьева в Лужском уезде СПб губернии // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1900 г. Д. 119.
- Белова Н. А., 1985. Из работ ГАИМК по изучению археологических памятников Ленинградской области // Новое в археологии Северо-Запада. Л.
- Верхорубова Т. Л., 1981. Отчет о раскопках жальника у д. Раглицы Батецкого района Новгородской области в 1981 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 8860.
- Верхорубова Т. Л., 1982. Отчет о раскопках жальника у д. Раглицы Батецкого района Новгородской области в 1982 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9008.
- Верхорубова Т. Л., 1983. Отчет о раскопках жальника у д. Раглицы Батецкого района Новгородской области в 1983 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9817.
- Верхорубова Т. Л., 1985. Работы Новгородского музея // Археологические открытия 1983 г. М.
- Герасимов Д. В., 2012. Археологические местонахождения на реке Россонь: свидетельства интеграционных процессов на рубеже каменного века – эпохи раннего металла в регионе Финского залива // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб.
- Герасимов Д. В., 2015. «Мал золотник, да дорог!»: об опорных комплексах каменного века – эпохи раннего металла юго-восточной части региона Финского залива // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. СПб. (Замятинский сборник. Вып. 4).
- Гроздилов Г. П., Шульц П. Н., 1927. Дневник палеоэтнологических исследований в Лужском уезде, произведенных сотрудниками Северо-Западной экспедиции КИПСа Академии Наук Шульцем П. Н. и Гроздиловым Г. П. от 23 июня по 17 июля 1927 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 106.
- Кузьмин С. Л., 1991. Которский погост – локальный центр конца I – начала II тыс. н.э. в верховьях Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М.
- Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., 2011. Которской погост – раннесредневековый локальный центр на западе Новгородской земли // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород. Т. II.
- Лужский округ Ленинградской обл., 1931. Материалы по учету археологических памятников (сведения, чертеж и рисунки) в дд. Кириково, Костылево, Котяши, Луговещенье (Луговищи), Мал. Заречье, Мал. Захонье, Мал. Замошье (чертеж сопки), Марьино Струго-Красненского района. Обследования Г. Гроздилова, Н. Черныгина и А. Иессена в 1927 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 105.
- Михайлова Е. Р., 2014. Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место сре-

- ди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. М.; Вологда.
- Михайлова Е. Р., 2015. Полевые исследования на территории Ленинградской и Псковской областей в 2010–2013 гг. // Археологические открытия 2010–2013 гг. М.
- Михайлова Е. Р., Федоров И. А., 2011. Случайные находки у пос. Коммунар Ленинградской области – предполагаемый могильник I тыс. н.э. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Материалы 56-го заседания, посвященного 130-летию Псковского археологического общества (Псков, 7–9 апреля 2010 г.). М. ; Псков.
- Плохов А. В., 2010. Контакты населения Старой Ладогы с финно-угорскими племенами в VIII–X вв. (по керамическим материалам) // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается. М. Т. 2.
- Плохов А. В. 2014. К вопросу о связях прибалтийских финнов с населением Верхнего Поволжья в последней четверти I тыс. н.э. (по керамическим материалам) // *Ajast ja ruumist. Uurimusi Mare Aupa auks.* Tallinn ; Tartu. (Muinasaja teadus, 25).
- Потресов А. С., Шолохова Е. В., 1966. Древние водные пути новгородцев // Ледовое побоище 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М. ; Л.
- Пронин Г. Н., 1975. Отчет о работе Новгородского отряда ИА АН СССР в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 5911.
- Романцев И. С., 1911. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии [Текст]: алфавитный указатель селений, при которых находятся археологические памятники, с кратким описанием последних. Новгород.
- Рябинин Е. А., 1994. К проблеме этногенеза води // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов: сб. научных трудов памяти Д. В. Бубриха. СПб.
- Рябинин Е. А., 2001. Водская земля Великого Новгорода (Результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб.
- Селин А. А., 1993. Которской погост Шелонской пятины: сюжет средневековой сельской истории // Археология и история Пскова и Псковской земли: тез. докл. Псков.
- Соболев В. Ю., 2006. Материалы раскопок у деревень Логовеще и Селище в собрании фонда археологии МАЭ // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб. Вып. 1.
- Соболев В. Ю., 2010. Погребения с южной ориентировкой в курганной группе Которск XI (Плюсский район Псковской области) // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.
- Соболев В. Ю., Торопов С. Е., 2014. Комплекс памятников у деревни Раглицы в Верхнем Полужье: история и перспективы изучения // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 28.
- Сорокин П. Е., Шаров О. В., 2008. О новых находках римской эпохи на Северо-Западе // Археологическое наследия Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 2 : Древности Ижорской земли.
- Сорокин П. Е., Юшкова М. А., 2014. Новые находки древностей культуры каменных могильников с оградками на северо-западе Ижорской возвышенности // Археология и история Пскова и Псковской земли. семинар им. академика В. В. Седова: Материалы 59-го заседания (Вып. 29). М.; Псков; СПб.
- Спицын А. А., 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб. (МАР. № 20).
- Спицын А. А. «Корочки» // Архив ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 459.
- Стасюк И. В., 2012. Население Ижорской возвышенности в I – начале II тыс. н. э. // *Stratum plus.* Кишинев. № 5.
- Федоров И. А., 2015. Разведки в Кингисеппском районе Ленинградской области // Археологические открытия 2010–2013 гг. М.
- Федоров И. А., Мурзенков Д. Н., Соболев В. Ю., Шмелев К. В., Михайлова Е. Р., 2014. Работы Лаборатории имени проф. Г. С. Лебедева СПбГУ на территории Санкт-Петербурга в 2012–2013 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. № 4.

Хвощинская Н. В., Прусакова З. В., 1973. Разведка в верховьях р. Плюсы // Археологические открытия 1972 г. М.

Царькова Л. А., 1971. Отчет об археологической разведке в Плюсском районе Псковской области // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 4445.

Царькова Л. А., 1972. Разведка в Плюсском районе Псковской области // Археологические открытия 1971 г. М.

Археологические исследования в регионах России

Охранные работы Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Иджим в 2014 г.

С. В. Александров, Н. А. Боковенко, А. Ю. Городилов, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков

В 2014 г. Саянская экспедиция ИИМК РАН (руководитель А. В. Поляков) продолжала активные археологические исследования в зоне проектируемого строительства железнодорожной линии Элегест–Кызыл–Курагино. Это уже шестой полевой сезон экспедиции в рамках большого инфраструктурного проекта, нацеленного на строительство новой магистрали, которая призвана связать территорию Республики Тыва с действующей железнодорожной сетью (Александров и др., 2012; 2013а; 2013б; 2014).

Саянская экспедиция проводила раскопки 17 памятников археологии различных типов в долине р. Иджим, левого притока р. Ус (Ермаковский район Красноярского края). Объекты исследований были разбросаны практически на всем протяжении долины реки (около 35 км) и относились к различным типам и хронологическим эпохам (рис. 1). В отличие от предыдущих сезонов, в 2014 г. были проведены масштабные раскопки погребальных памятников, большая часть которых находилась в верховьях р. Иджим. Все они расположены на древней тропе, связывавшей долины Верхнего и Среднего Енисея.

В составе экспедиции было сформировано четыре отряда (руководители С. В. Александров, Н. А. Боковенко, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков) и размещено несколько полевых лагерей вдоль р. Иджим. В течение сезона каждый отряд проводил исследования на нескольких памятниках археологии (от двух до девяти). Как и в предыдущие годы, огромную помощь и поддержку в проведении научных исследований оказало Русское географическое общество (РГО). На берегу р. Ус был установлен летний полевой лагерь РГО «Ермак», из которого каждый день в течение всего полевого сезона в помощь отрядам Саянской экспедиции приезжало до 80 волонтеров,

оказавших значительную поддержку в раскопках археологических памятников.

Первый отряд Саянской экспедиции под руководством А. В. Полякова проводил раскопки трех объектов археологического наследия: курганных могильников Саяны-Пограничное-3 и Саяны-Пограничное-4, а также одиночного кургана Саяны-Пограничное-5. Все три памятника расположены на небольшом участке, протяженностью около 1 км, у подножия одного из отрогов Куртушибинского хребта. Фактически объекты Саяны-Пограничное-3 и Саяны-Пограничное-4 представляют собой единое могильное поле, разделенное скальной осыпью на две части (рис. 2). Одиночный курган Саяны-Пограничное-5 расположен несколько обособленно, ближе к курганному могильнику Саяны-Пограничное-6, который исследовался И. П. Лазаретовым. В работах отряда принимали участие археологи: П. Б. Амзараков (Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории) и С. В. Морозов (Государственный Эрмитаж).

Всего было раскопано 17 курганов различных хронологических эпох: девять курганов Саяны-Пограничное-3, семь курганов Саяны-Пограничное-4 и одиночный курган Саяны-Пограничное-5. Для изучения пространства вокруг курганов были заложены два больших раскопа площадью около 2000 кв. м каждый, объединявших группы компактно расположенных курганов. Первый из них, на могильнике Саяны-Пограничное-3, включал курганы № 1, 14–16, 18 и позволил выявить два сопроводительных объекта: каменную выкладку и сожжение. Второй большой раскоп объединял курганы № 1–6 могильника Саяны-Пограничное-4. Остальные курганы исследовались отдельными раскопами.

К сожалению, большинство курганов носили следы неоднократных ограблений, и совершенные

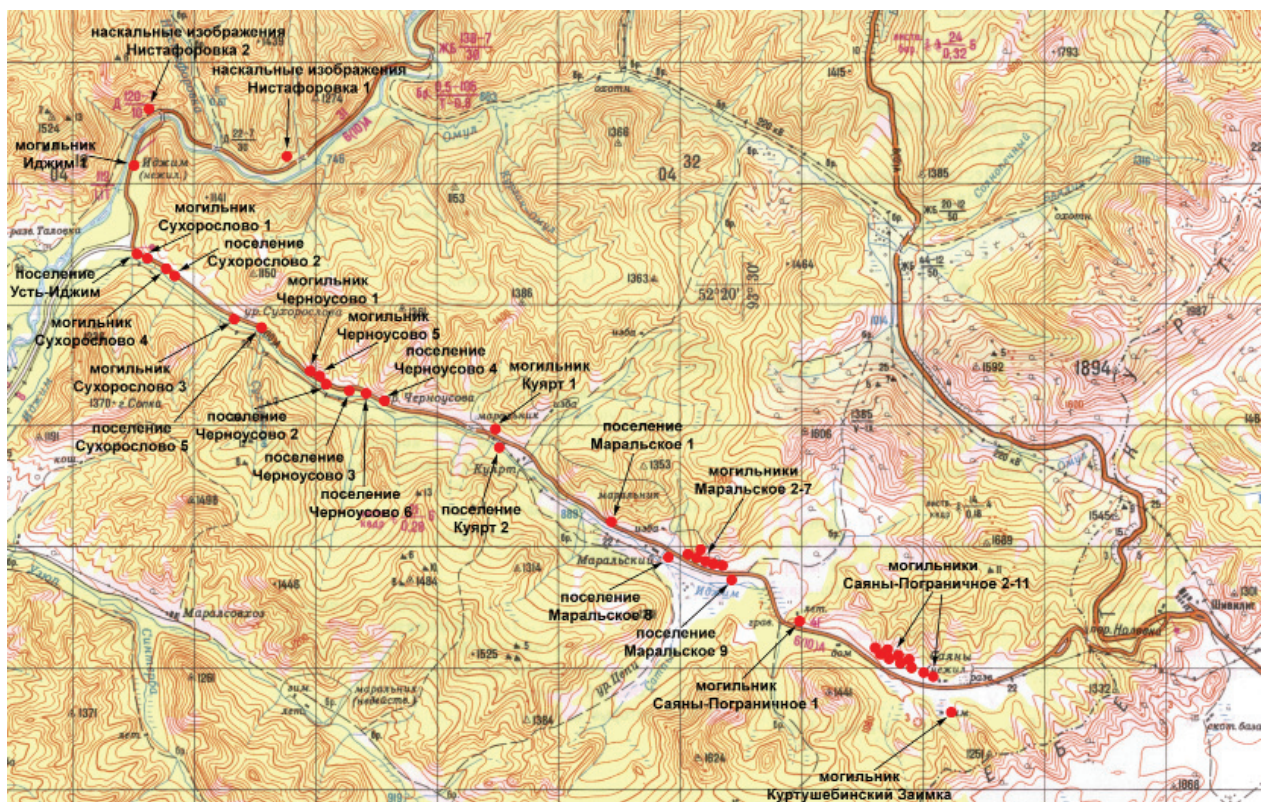

Рис. 1. Карта расположения археологических памятников в долине р. Иджим (Ермаковский район Красноярского края)

Рис. 2. Могильники Саяны-Пограничное-3 и Саяны-Пограничное-4. Вид с севера

в них захоронения были уничтожены практически полностью. Однако наряду с этим были изучены два непогребенных захоронения и серия курганов, где даже после ограбления отчасти сохранились артефакты. С учетом того, что все эти объекты можно рассматривать как единое могильное поле, функционировавшее очень продолжительный период, их краткая характеристика будет дана суммарно по хронологическим горизонтам.

Эпоха ранней бронзы представлена случайной находкой, не связанной с самими погребениями. При исследовании кургана № 12 могильника Саяны-Пограничное-3 были обнаружены многочисленные фрагменты сосуда окуневской культуры (рис. 3), орнаментированного горизонтальными рядами вертикальных оттисков зубчатого штампа с изогнутым рабочим краем (отпечаталось пять–семь зубцов). Судя по придонным фрагментам, сосуд имел округлое дно. Собрать его полностью не удалось, так как большая часть фрагментов, и в том числе венчик, отсутствовали. Фрагменты располагались компактно на уровне скального материка. Как из-

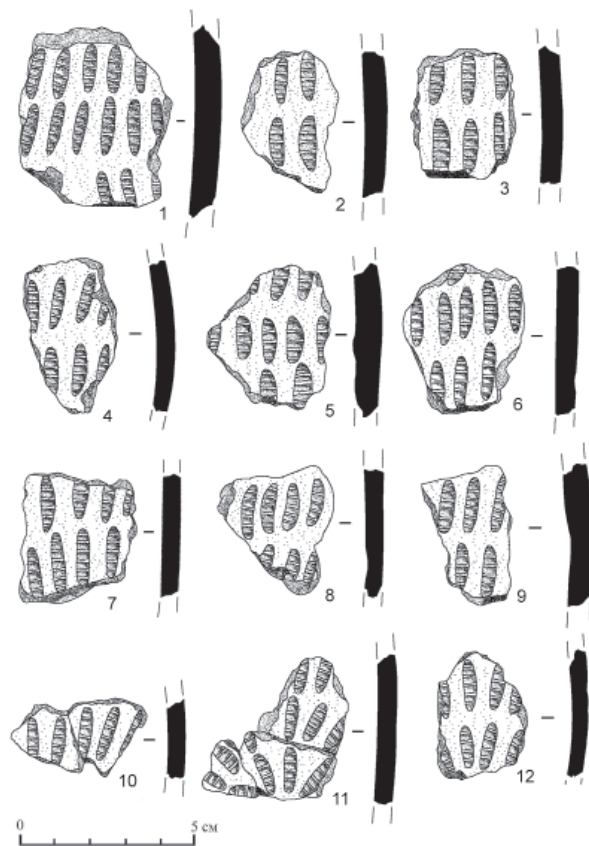

Рис. 3. Могильник Саяны-Пограничное-3. Курган № 12. Керамика эпохи ранней бронзы

вестно, материалы эпохи ранней бронзы широко представлены на большинстве стоянок и поселений, исследованных в долине р. Иджим.

К эпохе поздней бронзы следует относить большую серию курганов могильника Саяны-Пограничное-3 (№ 13, 13А, 14, 17) и два кургана могильника Саяны-Пограничное-4 (№ 1 и 7). Они представляют собой сооружения с выделенной круглой оградой из крупных каменных блоков и погребением на уровне древней погребенной почвы (рис. 4). Все они, за исключением одного, подверглись неоднократным ограблениям, и захоронения в них полностью уничтожены. Единственное непогребенное захоронение – курган № 7 могильника Саяны-Пограничное-4, несколько отличавшийся от остальных объектов эпохи поздней бронзы. Он не имел выделенной ограды, а погребение было совершено в неглубокой яме ниже уровня древней погребенной почвы. Возможно, именно эта особенность и уберегла его от ограбления.

Наземные сооружения представлены круглой крепидой диаметром 8,50 м, составленной из крупных блоков скальной породы, уложенных в один-два слоя (рис. 5). После того как в центре кольца была выкопана неглубокая (0,30–0,35 м от уровня древней погребенной почвы), вытянутая по линии северо-запад – юго-восток могильная яма размерами 2,00 × 0,60 м, остальная площадь внутри крепиды была вымощена одним слоем мелких камней. Такими же камнями была выложена «дорожка» шириной 1,50 м вокруг ограды. С юго-восточной стороны к крепиде примыкала небольшая каменная выкладка размерами 1 × 1 м, сооруженная на уровне древнего погребального горизонта. Вероятно, она имела ритуальное значение, так как располагалась точно на оси могилы «в ногах» у погребенного. Надмогильное сооружение представляло собой каменную выкладку прямоугольной формы, составленную из плоских крупных плит, уложенных в один слой поперек могильной ямы на уровне древней погребенной почвы.

Погребенный мужчина 30–40 лет лежал на дне могильной ямы на левом боку, вполоборота, головой на северо-запад (рис. 6). Под его правое плечо, вероятно, была положена подушка из органических материалов. Такое положение тела характерно как для части памятников карасукской культуры Минусинских котловин, так и для некоторых погребений монгун-тайгинской культуры Верхнего Енисея (Поляков, 2009). В кисти левой руки были найдены два необработанных астрагала барана, вероятно,

Рис. 4. Могильник Саяны-Пограничное-4. Курган № 1 после расчистки каменной насыпи. Вид с северо-запада

Рис. 5. Могильник Саяны-Пограничное-4. Курган № 7 после снятия каменной насыпи и расчистки перекрытия могилы. Вид с востока

зажатые в кулаке. С правой стороны под тазом лежал бронзовый слабоизогнутый пластинчатый нож без навершия. Слева от покойного обнаружены два роговых трехдырчатых псаля. В заполнении могилы в районе левой руки найден бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы. Еще один костяной втульчатый наконечник стрелы обнаружен у левого бедра. Весь комплекс материалов позволяет датировать курган № 7 IX в. до н.э.

Скифская эпоха представлена курганами № 12 и 15 могильника Саяны-Пограничное-3 и курганом № 6 могильника Саяны-Пограничное-4. Их объединяет отсутствие ограды или крепиды и оформление могилы в виде каменного ящика из массивных прямоугольных блоков, установленных на древнюю погребенную почву. В кургане № 6 отдельные кости погребенного сохранились *in situ*, что позволяет судить о труположении. Погребенный

Рис. 6. Могильник Саяны-Пограничное-4. Курган № 7.
Вид могилы с юго-востока

лежал скорченно на левом боку, головой на северо-запад. В кургане № 12 на перекрытии встречены артефакты, которые могли быть выброшены из могилы: железный пластинчатый нож и фрагменты стенок неорнаментированного сосуда.

Эпоха раннего средневековья представлена наиболее широко. К этому времени относятся курганы № 1, 2, 16 могильника Саяны-Пограничное-3, курганы № 2–5 могильника Саяны-Пограничное-4 и одиночный курган Саяны-Пограничное-5. Некоторые курганы имеют крепиды. Погребения совершались как на горизонте, так и в могильной яме, как по обряду ингумации, так и по обряду кремации. Причем зафиксированы случаи впускных погребений с использованием иных обрядовых признаков. Все это указывает на разнообразие этнокультурного фона в этот исторический период.

Наибольший интерес представляет захоронение в кургане № 4 могильника Саяны-Пограничное-4. Под округлой каменной выкладкой диаметром около 7,50 м было обнаружено две могилы (рис. 7; 8). Основное погребение № 2 находилось в центре кургана, в могильной яме размерами 2,50 × 1,00 м, вытянутой по линии северо-запад – юго-восток, глубиной 0,70 м от уровня древней погребенной почвы. Женщина 20–25 лет лежала вытянуто на спине, головой на северо-запад. Череп найден отдельно в заполнении могилы, но при этом нижняя челюсть обнаружена *in situ*. Правое бедро и правая часть таза скелета смещены, левая голень отсутствует. Сопроводительный инвентарь не обнаружен.

Параллельно и перекрывая наполовину погребение № 2, было совершено впускное погребение женщины около 40 лет с младенцем (рис. 9), помещенных в могильную яму размерами 2,30 × 1,00 м, вытянутую по линии северо-запад – юго-восток, глубиной 0,50 м от уровня древней погребенной почвы. Перекрытие могилы прямоугольной формы сложено из одного слоя камней среднего размера. Первоначально они, вероятно, лежали на деревянном перекрытии могилы, которое не сохранилось. Рядом с перекрытием, также на уровне древней погребенной почвы, найдены смещенные грабителями кости конечностей и череп лошади («шкура»), среди которых обнаружена позолоченная бронзовая бляшка. Женщина лежала вытянуто на спине, головой на северо-запад. Между ее правой рукой и грудной клеткой прослежены останки младенца, положенного на правый бок со слегка подогнутыми ногами, головой на северо-запад. У правого плеча женщины находились кости овцы. Возле ее черепа найдены позолоченные серьги салтовского типа (рис. 10).

Рис. 7. Могильник Саяны-Пограничное-4. Курган № 4 после расчистки каменной насыпи. Вид с севера

Рис. 8. Могильник Саяны-Пограничное-4. Курган № 4 после снятия каменной насыпи и расчистки перекрытия могилы. Вид с юго-запада

Рис.9. Могильник Саяны-Пограничное-4. Курган № 4. Погребение № 2. Вид с юго-запада

Рис. 10. Могильник Саяны-Пограничное-4. Курган № 4. Погребение № 2. Серьга салтовского типа (бронза с позолотой)

К редким находкам следует отнести фрагмент массивного китайского зеркала эпохи Тан из свинцово-оловянистой бронзы с изображениями птиц, гроздей и листьев винограда (рис. 11) и два бронзовых позолоченных фалара с рельефными изображениями кошачьих хищников (рис. 12). Остальные предметы, найденные в ногах погребенной, были деталями сбруи лошади. К ним относились два стремени, железные петлевидные удила, бронзовые позолоченные S-образные палии, оковка луки седла, подпружная пряжка. В большом количестве также найдены бронзовые позолоченные бляшки-накладки, концевики и пряжки ремней оголовья и уздечных ремней, бронзовые фалары с лужением и золочением. Большая часть крупных предметов была намеренно повреждена: либо сломана на несколько частей, либо частично порвана (фалары из тонкого бронзового листа), что связано с традицией ритуальной порчи погребального инвентаря у тюркоязычных кочевников VI–X вв.

Также к эпохе средневековья относится ритуальный клад, обнаруженный в каменной насыпи кургана № 1 могильника Саяны-Пограничное-3. Этот курган представлял собой каменную насыпь диаметром 14,50 м. В результате многочисленных ограблений не сохранилось даже следов совершенного в нем захоронения. Однако на стадии разбора каменной насыпи в ее центральной части, под первым слоем камней, был обнаружен ритуальный клад – набор конской амуниции (рис. 13), состоявший из 49 изделий: железных удили и стремян, а также серии бронзовых бляшек, концевиков, распределителей и ременных накладок, которые лежали *in situ* в виде спекшегося монолита в результате высокотемпературного воздействия (рис. 14). В 12,50 м к северу от кургана № 1, среди камней осыпи скальной породы, прослежены следы прокаленной земли с угольками, а также обнаружено скопление фрагментированных жженных костей, угольков и серия находок (14 предметов) бронзовых декорированных деталей конской узды, подвергшихся высокотемпературному воздействию. Эти предметы, безусловно, составляли единый комплект с ритуальным кладом из кургана № 1 и были связаны с местом непосредственного сожжения, остатки которого позднее были помещены в насыпь кургана.

Второй отряд Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН (начальник отряда Н. А. Боковенко) в 2014 г. проводил исследования трех памятников: поселения Черноусово-3, курганных могильников Маральское-2 и Саяны-Пограничное-8.

Работы на поселении Черноусово-3 велись в 2012–2013 гг. (Боковенко, Городилов, 2014. С. 319–326). В 2014 г. вскрыт культурный слой

на площади 2654,6 кв. м (рис. 15). В ходе работ были открыты следующие археологические комплексы: несколько кострищ, 32 хозяйственные ямы, скопления камней и наковальни, вокруг которых концентрируется большое количество остатков кремневой индустрии (нуклеусы, скребки, наконечники стрел, пластинчатые ножи, пластины), скопления фрагментов орнаментированной и неорнаментированной глиняной посуды разных периодов заселения этой территории, бронзовые и костяные предметы (рис. 16–19). Часть хозяйственных ям круглой формы небольшого диаметра (0,10–0,30 м) и не очень глубоких, видимо, были связаны со столбовыми конструкциями на поселении (заборами, загородками, укрытиями и т. п.). Хозяйственные ямы овальной формы большего диаметра (до 1,00 м) и глубиной до 0,80 м, заполненные древесными углями, камнями, костями животных и фрагментами битой посуды, вероятно, использовались в качестве мусорных.

С целью датировки этих комплексов были взяты образцы угля для радиоуглеродного анализа, выполненного в лаборатории ИИМК РАН. Полученные результаты (радиоуглеродная калиброванная дата кострища № 11 7650 ± 60BP: 95,4 % – 5830 BC–5580 BC) подтвердили сделанное ранее предположение об отнесении начала этого культурного комплекса к эпохе неолита (Боковенко, Городилов, 2014. С. 321). Таким образом, можно предположить, что функционирование поселения приходится на VI тыс. до н. э., остальные радиоуглеродные дата образцов из различных хозяйственных ям приходились на IV–II тыс. до н. э., что также подтверждалось анализом археологического материала.

На поселении обнаружено более 2000 артефактов (1807 ед. описи): 30 каменных орудий, каменное грузило, 568 кремневых орудий (нуклеусы, скребки, наконечники стрел, пластинчатые ножи, пластины) и отщепов, 1475 различных (орнаментированных и неорнаментированных) фрагментов глиняной посуды, три бронзовых предмета, костяное изделие, четыре керамических пряслица, два фрагмента бронзового браслета, две бусины, два железных наконечника стрел, тесло и фрагмент железных удили IX–X вв., различные железные изделия Нового времени (кресало, подковы, гвозди и т. п.) и монета советского времени (1925 г.).

Ассортимент кремневой индустрии представлен следующими категориями: орудия и нуклеусы разных типов, пластины и микропластины, ножи и ножевидные пластины, скребла, скребки разных типов и отщепы с подработкой, наконечники

Рис. 11. Могильник Саяны-Пограничное-4. Курган № 4. Погребение № 2. Фрагмент зеркала (бронза)

Рис. 12. Могильник Саяны-Пограничное-4. Курган № 4. Погребение № 2. Бляшки с изображением кошачьих хищников (бронза с позолотой)

Рис. 13. Могильник Саяны-Пограничное-3. Курган № 1. Клад конского снаряжения в каменной насыпи

Рис. 14. Могильник Саяны-Пограничное-3. Курган № 1. Некоторые бронзовые изделия из составаклада

Рис. 15. Поселение Черноусово-3. Участок раскопок 2014 г. Вид с севера

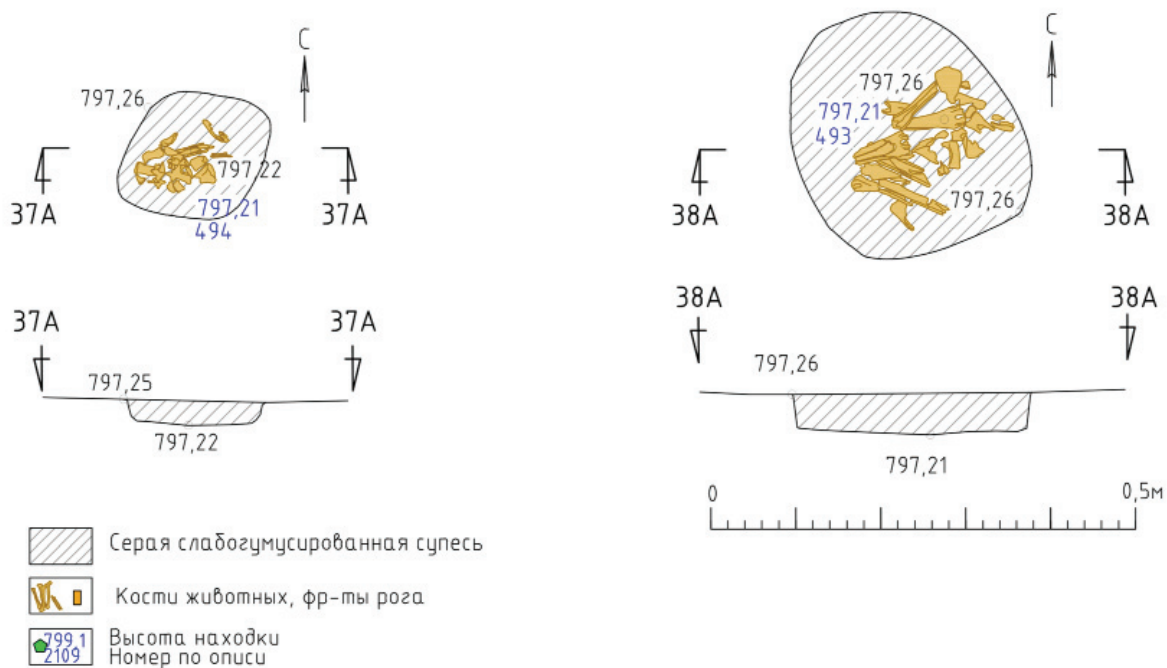

Рис. 16. Поселение Черноусово-3. Планы хозяйственных ям № 37 и 38

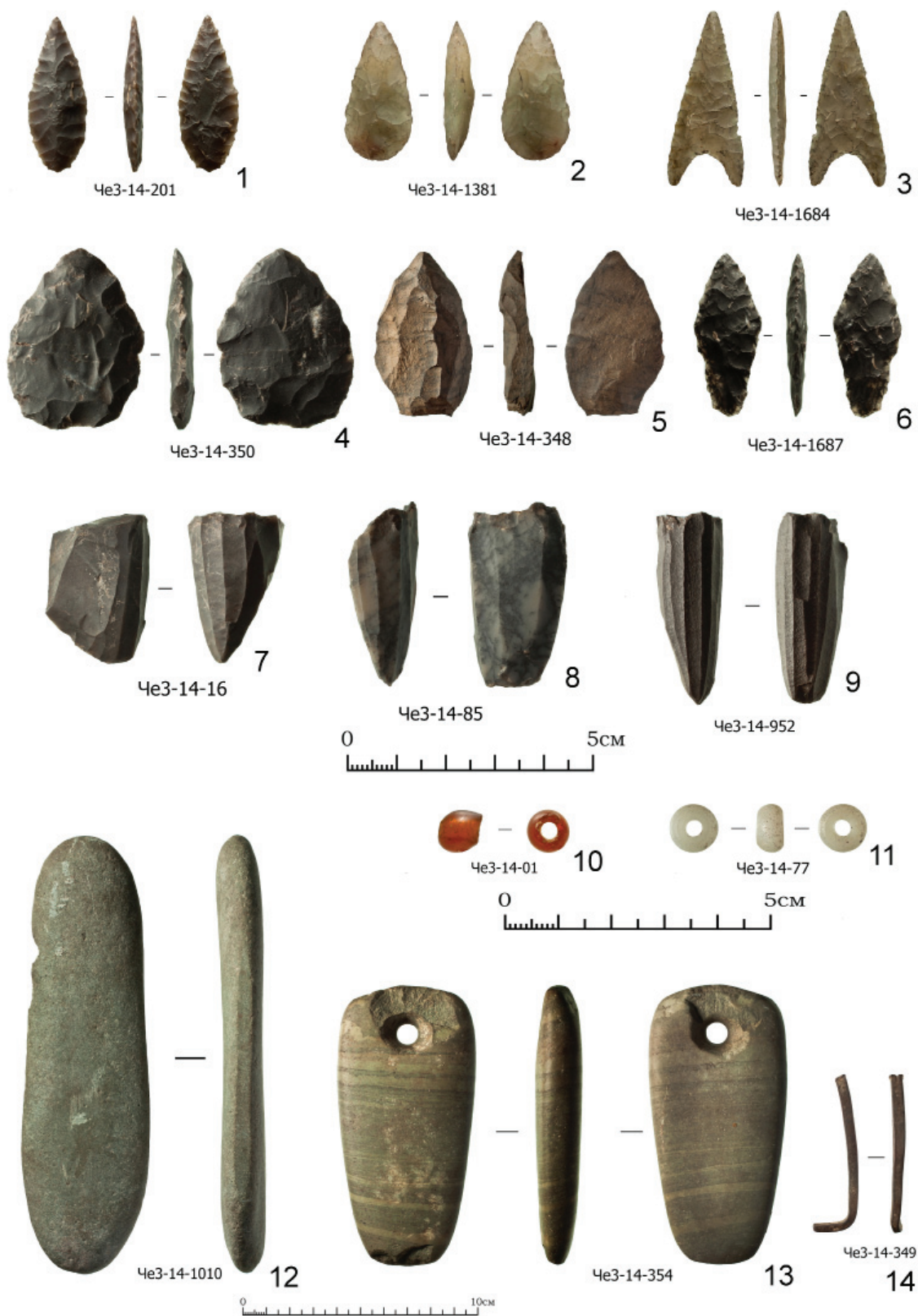

Рис. 17. Поселение Черноусово-3. Находки: 1-6 – наконечники стрел; 7-9 – нуклеусы; 10, 11 – бусины; 12 – отбойник; 13 – оселок; 14 – бронзовый стержень (1-9 – кремь; 10 – сердолик; 11 – кварцит; 12-13 – песчаник; 14 – бронза)

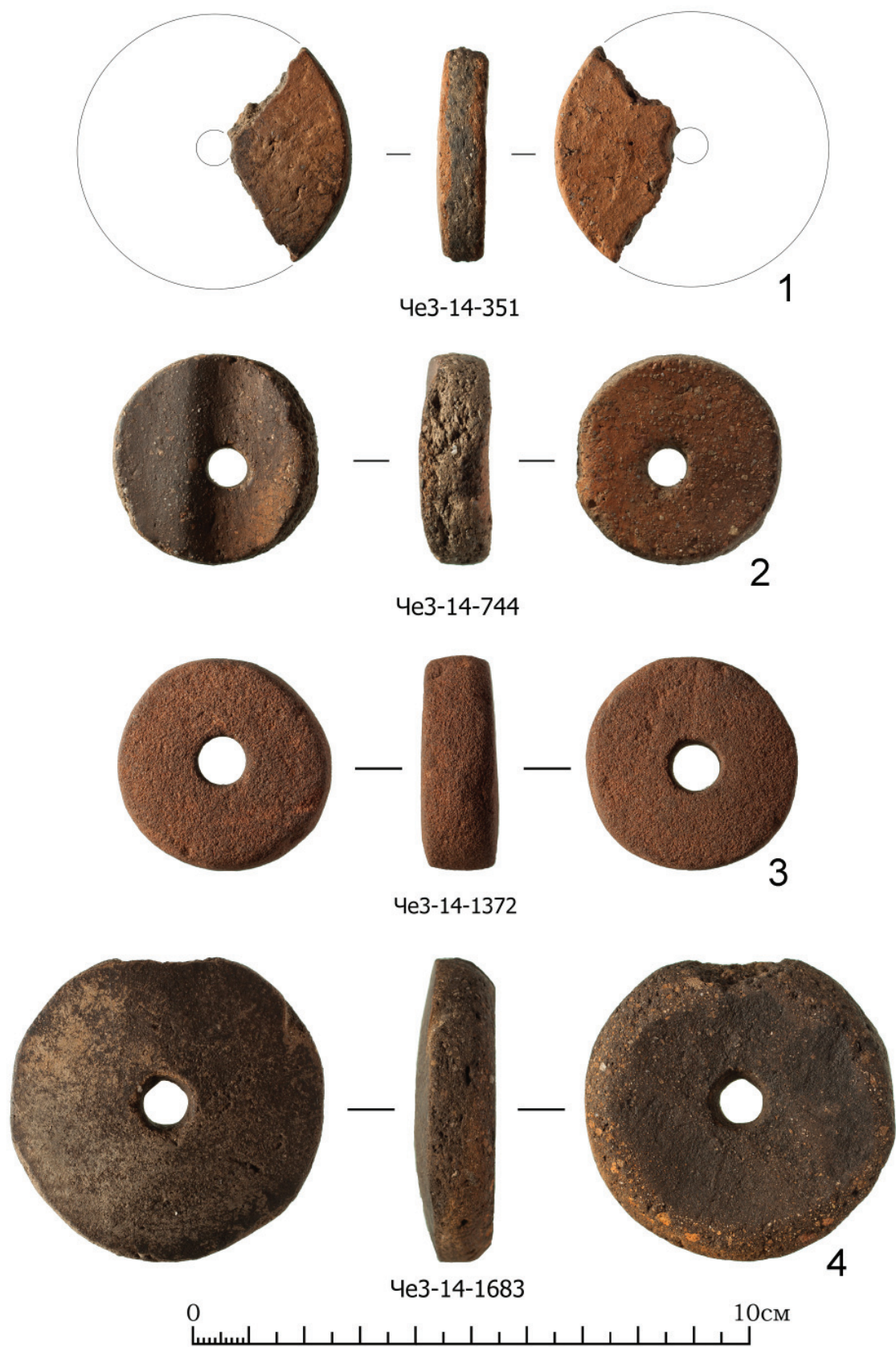

Рис. 18. Поселение Черноусово-3. Пряслица

Рис. 19. Поселение Черноусово-3. Находки из железа: 1, 2 – наконечники стрел; 3 – стержень; 4 – фрагмент удил; 5 – тесло

стрел. Для их изготовления использовался разный материал: кремьен от светло-серого до черного цвета, яшмовидные породы, полевой шпат, силицид, аргиллит, полосчатый крупнозернистый красноцветный песчаник, кварцит. Следует отметить, что значительная часть каменных изделий (определенные типы наконечников стрел, нуклеусов, скребков) аналогичны находкам из ранних слоев стоянки Тоора-Даш в Туве (Семенов, 1992. Рис. 1, 2, 5, 6, 11, 12).

Керамическая посуда представлена баночными плоскодонными и слабопрофилированными формами диаметром 0,18–0,35 м. Поверхность части сосудов полностью орнаментирована различными вариациями отпечатков зубчатых штампов или фигурными оттисками палочки, иногда окрашивалось дно и край венчика сосудов, также отмечен наклепной валиковый орнамент с защипами. Основные орнаментальные мотивы: елочка, выполненная глубокими прорезанными линиями; глубокие прорезанные линии; елочка, выполненная продавленными линиями; параллельные продавленные линии; непараллельные продавленные линии; тычковый орнамент в виде елочки; элементы в виде овсяных зерен; пунктирный редкий гребенчатый орнамент; пунктирный частый гребенчатый орнамент; тычковый серповидный орнамент; трубочный орнамент жемчужинки; мелкий зигзаг; ромбовидная сетка; ромбовидные вдавления; пунктирные линии; тонкая штриховка; серповидный орнамент.

В целом археологический материал относился к различным историческим периодам: к эпохе неолита (VI тыс. до н. э.), эпохе бронзы (IV–II тыс. до н. э.), периоду раннего железа (конец II – начало I тыс. до н. э.), средневековья (I тыс.) и Нового времени. Все это указывает на то, что жизнь на поселении носила сезонный характер. Основное занятие его жителей – заготовка мяса и рыбы. Поселение стало самым крупным исследованным древним населенным пунктом такого типа в Западных Саянах, материалы которого имеют большое значение для реконструкции процессов освоения региона и культурных связей его населения с окружающим миром.

Помимо этого, второй отряд продолжал исследования объекта археологического наследия «Курганный могильник Маральское-2», выявленного в 2009 г. в ходе археологических разведок, проводимых Саянской археологической экспедицией ИИМК РАН в рамках проекта строительства железнодорожной линии Элегест–Кызыл–Курагино. Курганный могильник Маральское-2 находится на правом берегу р. Иджим в 31 км к востоку от с. Верхнеусинское и в 1 км к

северо-востоку от пос. Маральский. Памятник расположен у подножия горного отрога (рис. 20) и включает 25 курганов с каменно-земляными насыпями разного диаметра (2–12 м).

В 2014 г. было исследовано шесть курганов (№ 13–17, 19) и межкурганное пространство общей площадью 1001,46 кв. м. В результате этого были уточнены размеры каменных насыпей курганов № 13 и 19 и обнаружено девять новых археологических объектов (№ 26–34), которые не прослеживались на современной дневной поверхности, выявлено несколько типов памятников, скорее всего, относившихся к разным культурно-хронологическим группам. Наиболее ранние (объекты № 26–28), вероятно эпохи ранней бронзы (III–II тыс. до н. э.), представляли собой каменные сооружения округлой или подпрямоугольной формы (размерами 4,30 × 4,70 м; 3,40 × 3,80 м; 4,00 × 4,00 м), сложенные из вертикальных плиток на уровне древнего горизонта и имевшие сектора, заложенные плитняком (рис. 21–23). Археологические находки и останки погребенных в них не обнаружены.

В одном случае под такой закладкой открыт маленький каменный ящичек, подобный ящичку на объекте № 5а. Такой тип памятников в этом регионе обнаружен впервые. Можно предположить, что они выполняли ритуально-погребальные функции: над ними, вероятно, ставили конические шалаши из шкур и войлока, куда могли помещать усопшего для совершения погребальных обрядов. Отдельные конструктивные особенности этих объектов известны в сооружениях с «апсидой» в могильнике Аргалыкты II (Тува) эпохи бронзы (Длужневская, Савинов, 2007. С. 45–47).

К эпохе поздней бронзы (XIV–X вв. до н. э.) относятся курганы № 14 и 16 (рис. 24). Каменные насыпи имели округлую форму размерами 4,30 × 3,40 м; 4,20 × 5,50 м. Они перекрывали неглубокие грунтовые ямы, вытянутые по линии северо-запад – юго-восток, в которых совершались одиночные человеческие захоронения в вытянутом положении на левом боку (рис. 25; 26). Захоронение в кургане № 14 не содержало археологических находок, тогда как в могиле кургана № 16 имелся погребальный инвентарь: у черепа обнаружена бронзовая височная подвеска, в районе пояса – две бронзовые проволочные серьги и восемь бронзовых восьмеркообразных бляшек, видимо, украшавших какой-то предмет из органических материалов (рис. 27).

К скифской эпохе (I тыс. до н. э.), скорее всего, относятся курганы № 13 и 30, которые представляли собой каменные насыпи круглой

Рис. 20. Могильник Маральское-2. Общий вид

Рис. 21. Могильник Маральское-2. Ограда № 26. Вид с юга

Рис. 22. Могильник Маральское-2. Ограда № 27. Вид с юга

Рис. 23. Могильник Маральское-2. Ограда № 28. Вид с юга

Рис. 24. Могильник Маральское-2. Курган № 16. Каменная насыпь. Вид с юга

Рис. 25. Могильник Маральское-2. Курган № 16. Погребение. Вид с юга

Рис. 26. Могильник Маральское-2. Курган № 14. Погребение. Вид с юга

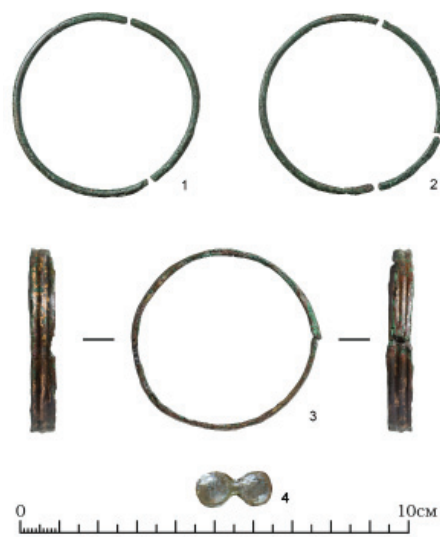

Рис. 27. Могильник Маральское-2. Курган № 16. Находки из бронзы: 1–2 – височные кольца; 3 – браслет; 4 – бляшка

формы (рис. 28), сделанные более аккуратно по сравнению с насыпями эпохи поздней бронзы. Погребенные были помещены в прямоугольные ямы в скорченном положении, обычно головой в восточном направлении (рис. 29). Погребального инвентаря в могилах не найдено, однако некоторые особенности курганов (аккуратно сложенные круглые ограды, поза погребенных) известны в скифских погребальных памятниках, открытых на этом могильнике прежде (Александров и др., 2013а. С. 188). Один из курганов (№ 33) сильно разрушен, каменная насыпь разбросана, среди камней обнаружены бронзовые кольчатые удила скифского типа (рис. 30).

К эпохе средневековья (I тыс.) относится объект № 31 – каменная выкладка размерами 1,20 × 1,40 м, под которой обнаружена небольшая яма округлой формы с остатками кремации и глиняным сосудом (рис. 31; 32).

Датировка остальных курганов затруднена из-за отсутствия четких хронологических признаков. Раскопки могильника Маральское-2 будут продолжены, включая межкурганное пространство.

При исследовании могильника Саяны-Пограничное-8 в 2014 г. было обнаружено три кургана (№ 16–18), расположенных в 15–20 м к северу и северо-западу от объекта № 5 (рис. 33). Раскопки велись на курганах № 7, 16–18.

Курган № 7, диаметром 10 м и высотой 0,60–0,80 м, сложен из крупных камней. После снятия дернового слоя в его центральной части был найден скелет животного, скорее всего барана или козла, без черепа и нижних отделов конечностей. Это указывает на то, что здесь была помещена туша животного без шкуры. В центре кургана на уровне погребенной почвы внутри каменной ограды обнаружена могильная яма размерами 1,50 × 0,80 м и глубиной 0,50 м, в которой находились позвонки козла или барана и керамическое пряслице. К западу от могильной ямы прослежено скопление кальцинированных костей. Под камнем ограды найден железный нож с загнутым обломанным концом (рис. 34).

Курган № 16, диаметром 8,50 м и высотой 0,70 м, сложен из мелких и средних камней. Конструкций внутри кургана не обнаружено, могильная яма отсутствовала. В центре кургана на уровне погребенной почвы найден зуб ребенка старше семи лет, рядом с которым лежали две бронзовые бляшки и изображением барана или кабана и бронзовое кольцо диаметром 1,2 см (рис. 35).

Курган № 17, диаметром 10,50 м и высотой 0,60 м, сложен из мелких и средних камней. Насыпь перекрывала ограждение диаметром 6 м, сложенное из больших камней. Курган оказался ограбленным, в его центральной части найдено несколько обломков длинных костей человека. Могильная яма отсутствовала. Погребение, вероятно, было совершено на уровне древней дневной поверхности, местами обожженной. В разных частях насыпи кургана были обнаружены развалы керамических сосудов – миски и сосуда с валиком под венчиком (рис. 36). Развал еще одного сосуда банкообразной формы, вероятно, был связан с курганом № 18, где обнаружен похожий сосуд. В северной части насыпи под камнем найден бронзовый наконечник стрелы весьма архаичного вида (рис. 37).

Курган № 18, диаметром 4 м и высотой 0,30–0,40 м, сложен из мелких и средних камней. Какие-либо конструкции внутри кургана и могильная яма не зафиксированы. В центре обнаружено нарушенное погребение женщины 25–30 лет, лежавшей скорченно на правом боку, головой на север. Погребальный инвентарь представлен банкообразным сосудом и двумя позолоченными бронзовыми серьгами, найденными возле черепа. К югу от скелета найдены четыре обломка бронзовых удилищ (рис. 38).

О датировке исследованных курганов на могильнике Саяны-Пограничное-8 можно утверждать следующее: к скифскому времени относятся курганы № 16 и 17, к эпохе средневековья, к VIII–IX вв., – курган № 18. Курган № 7, вероятно, также можно датировать средними веками.

При исследовании курганов № 16–18 в межкурганном пространстве встречены находки более раннего времени, возможно, каменного века. Для изучения слоя этого периода раскоп был расширен до 700 кв. м. Коллекция каменных изделий, собранная при раскопках, состоит из полусотни артефактов, среди которых следует отметить большое количество готовых изделий: пластин, микропластин и орудий. Последние представлены скребками, теслом, остроконечником и двумя призматическими нуклеусами (рис. 39; 40). По целому ряду признаков местонахождение напоминает комплексы бескерамического неолита (Васильев, 1995. С. 10–16). На стоянке отсутствует хорошо выраженный культурный слой, основная часть артефактов обнаружена сразу под дерном. Также не найдены какие-либо сооружения поселенческого характера.

Третий отряд Саянской экспедиции под руководством С. В. Александрова проводил исследования

Рис. 28. Могильник Маральское-2. Курган № 13. Каменная насыпь. Вид с юга

Рис. 29. Могильник Маральское-2. Курган № 13. Погребение. Вид с юга

Рис. 30. Могильник Маральское-2. Курган № 33. Бронзовые удила

Рис. 31. Могильник Маральское-2. Курган № 31. Погребение. Вид с юга

0 10см
Ma2-14-к31-7

Рис. 32. Могильник Маральское-2. Курган № 31. Глиняный сосуд

Рис. 33. Могильник Саяны-Пограничное-8. Раскоп 2014 г. Общий вид

Рис. 34. Могильник Саяны-Пограничное-8. Курган № 7. Находки: 1 – керамическое пряслице; 2 – железный нож

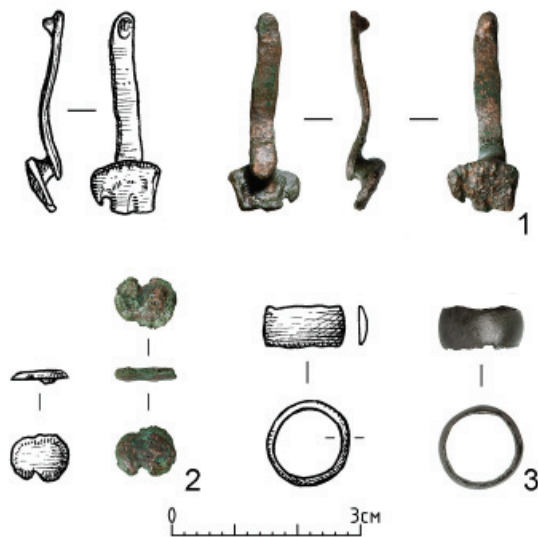

Рис. 35. Могильник Саяны-Пограничное-8. Курган № 16. Находки: 1, 2 – бронзовые бляшки; 3 – бронзовое кольцо

Рис. 36. Могильник Саяны-Пограничное-8. Курган № 17. Керамическая миска

Рис. 37. Могильник Саяны-Пограничное-8. Курган № 17. Бронзовый наконечник стрелы

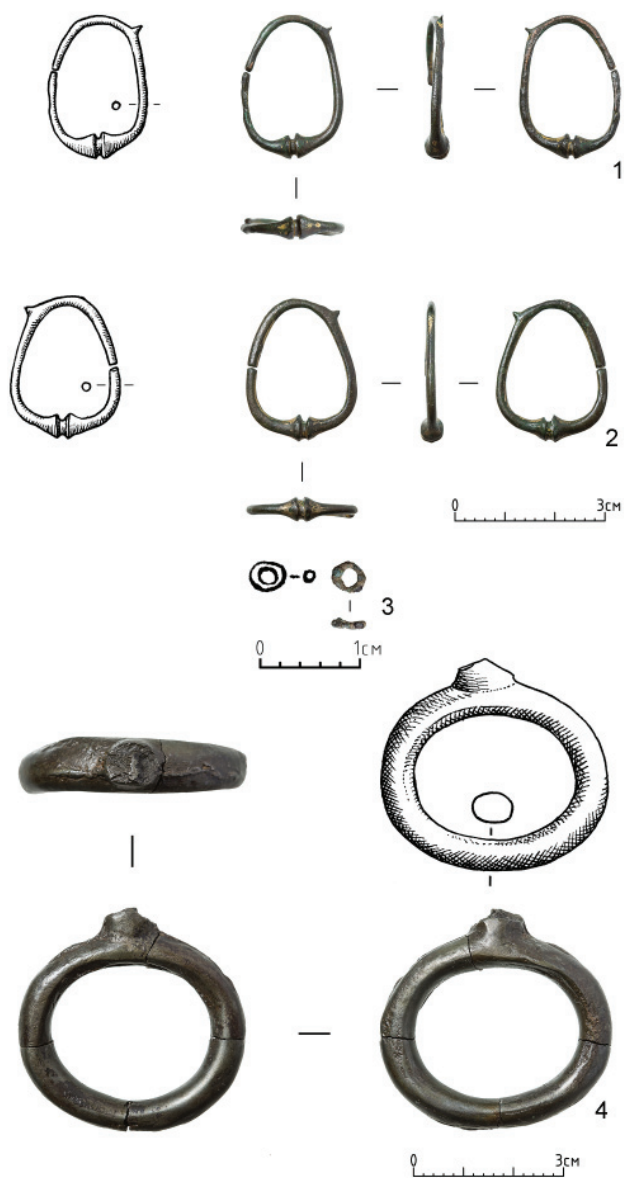

Рис. 38. Могильник Саяны-Пограничное-8. Курган № 18. Находки из бронзы: 1, 2 – позолоченные сережки; 3 – колечко; 4 – фрагменты удил

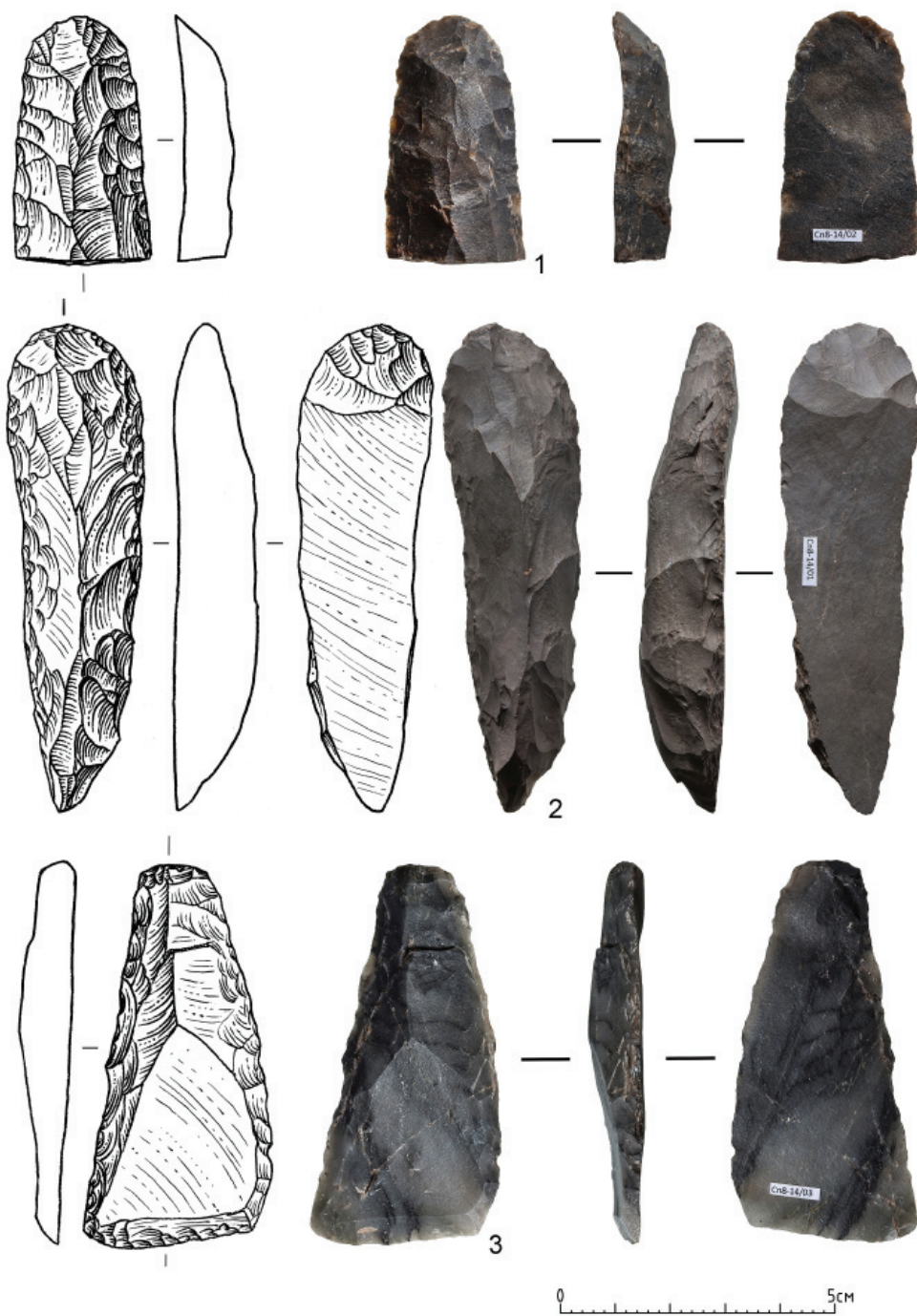

Рис. 39. Могильник Саяны-Пограничное-8. Находки каменного века: 1 – скребок; 2 – остроконечник; 3 – тесло

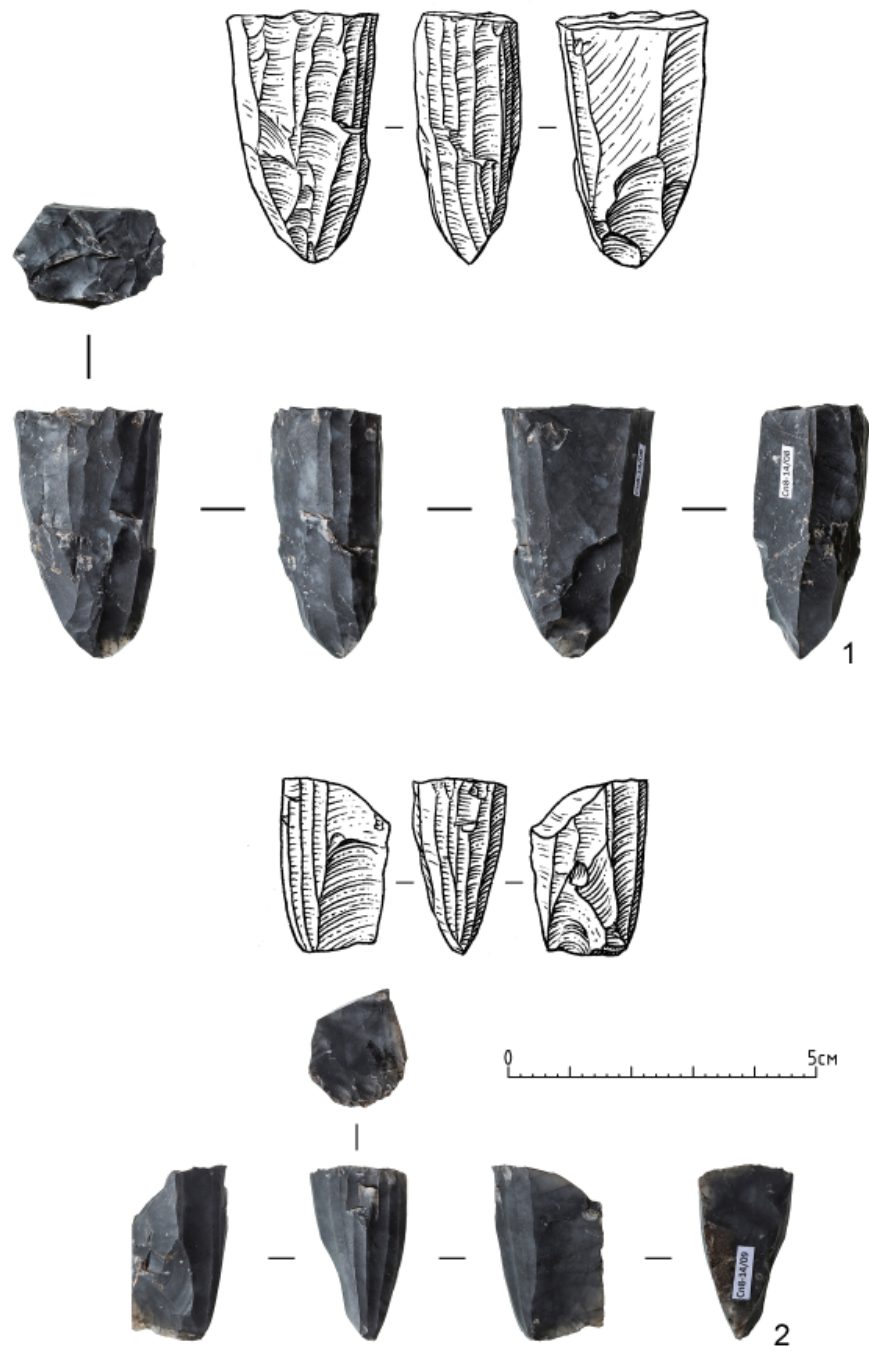

Рис. 40. Могильник Саяны-Пограничное-8. Находки каменного века: 1, 2 – нуклеусы

на девяти памятниках в долине р. Иджим. На курганном могильнике Черноусово-5 раскопан курган № 3. Он представлял собой каменную выкладку округлой формы диаметром 7 м, сооруженную из рваных камней размерами 0,20 × 0,40 м (рис. 41). После разборки верхних каменных конструкций была обнаружена сохранившаяся часть круглой ограды кургана диаметром 6,00 м, сложенной из каменных блоков размерами 0,30 × 0,45 м, которые были уложены на древнюю дневную поверхность. В кургане открыто одно центральное захоронение с остатками кремации и две детские впускные могилы. Все захоронения совершены на уровне древней дневной поверхности. Курган ограблен в древности, в могилах вещей не обнаружено. Судя по центральному погребению, совершенному по обряду кремации, раскопанный курган должен быть отнесен к эпохе средневековья.

На поселении Черноусово-6 полностью исследован северный периферийный участок площадью 840 кв. м (рис. 42). Археологический вещественный материал равномерно распределяется по всей площади стоянки. Заметно некоторое увеличение концентрации находок в южной части раскопа, по мере приближения к берегу реки. Всего найдено 150 артефактов, представленных преимущественно фрагментами керамики. В составе находок следует отметить бронзовый нож скифского времени и венчик керамического сосуда архаичного вида. Большая часть находок представлена обломками керамических сосудов, в основном скифского времени и гунно-сарматского периода. Палеозоологическая коллекция включает 363 кости животных.

На могильнике Куярт-1 раскопано два кургана (рис. 43). Курган № 1 представлял собой каменную выкладку округлой формы диаметром 6 м, сооруженную из крупных каменных блоков размерами 0,40 × 0,60 м (рис. 44). В кургане на уровне древней дневной поверхности было обнаружено одно центральное захоронение, совершенное по обряду кремации (рис. 45), из которого происходит большое количество уникальных находок, относящихся к эпохе средневековья. На уровне древней дневной поверхности найдены два скопления кальцинированных костей человека и лошади. Сожжение производилось на стороне с последующим захоронением праха. Рядом с кальцинированными костями лошади также обнаружены необожженные кости крупного копытного животного. В кургане найден почти полный комплект снаряжения раннесредневекового конного воина: легкий однолезвийный меч типа палаша с обоюдоострым концом, массивный железный кельт-топор,

колчаный набор разнотипных железных стрел, втульчатый железный нож, железный оселок, редкий вид оружия в виде сдвоенного железного крюка с местом для крепления веревки, многочисленные и разнообразные фигурные железные бляшки от боевого пояса. В могиле также обнаружены детали конского снаряжения: стремяна, удила, уздечный набор, бляшки оголовья, железное основание плюмажа «султанчик». Щитки большей части пряжек украшены рельефным орнаментом. Найденный вещественный материал может быть датирован X–XII вв.

В ходе раскопок кургана № 1 в 0,50 м к северу от него был открыт курган № 8, который представлял собой каменную выкладку округлой формы диаметром 3 м, сложенную из рваных камней размерами 0,20 × 0,30 м (рис. 46). В центре кургана обнаружено захоронение в узкой могильной яме, глубиной 0,20 м, вытянутой по линии восток – запад. Могила потревожена в древности, однако, судя по сохранившимся *in situ* костям скелета, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток. В могиле было найдено лезвие бронзового ножа и два бронзовых височных кольца (рис. 47). Курган может быть отнесен к эпохе поздней бронзы и датирован XII–X вв. до н. э.

Могильник Маральское-4 расположен на покатом возвышении горного отрога. В 2014 г. раскопано два кургана, из которых наибольший интерес вызывает курган № 2. Он представлял собой каменную выкладку округлой формы диаметром около 7 м и высотой 0,25 м, сложенную из обломков скальной породы средних размеров (рис. 48). Среди камней в разных местах найдены два обломка одного каменного оселка (рис. 49), представлявшего собой тщательно зашлифованный продолговатый камень твердой породы красно-серого цвета. Его сохранившаяся часть, длиной 0,10 м, на конце оформлена в виде схематичной головы быка: глаза и рот не проработаны, на уплощенных сторонах оселка изображены рога и уши этого животного.

Под каменной выкладкой в центре кургана открыта могильная яма (погребение 1) размерами 0,80 × 0,90 м и глубиной 0,40 м. В ее заполнении, в придонной части, найдены просверленные зубы марала, рог оленя со следами обработки, каменная «пуговица». Там же обнаружен фрагмент черепа. Полученные вещественные материалы имеют ближайшие аналогии на памятниках ранней бронзы этого региона.

Могильник Маральское-5 расположен у подножия горного отрога. Курган № 1 представлял собой каменную выкладку овальной формы, размерами

Рис. 41. Могильник Черноусово-5. Курган № 3. Каменная выкладка. Вид с юга

Рис. 42. Поселение Черноусово-6. Вид с юго-запада

Рис. 43. Могильник Куярт-1. Курганы № 1 и 8. Вид с востока

Рис. 44. Могильник Куярт-1. Курган № 1. Вид с запада

Рис. 45. Могильник Куярт-1. Курган № 1. Погребение

Рис. 46. Могильник Куярт-1. Курган № 8. Вид с севера

Рис. 47. Могильник Куярт-1. Курган № 8. Могила 1.
Находки из бронзы: 1 – лезвие ножа;
2, 3 – височные кольца

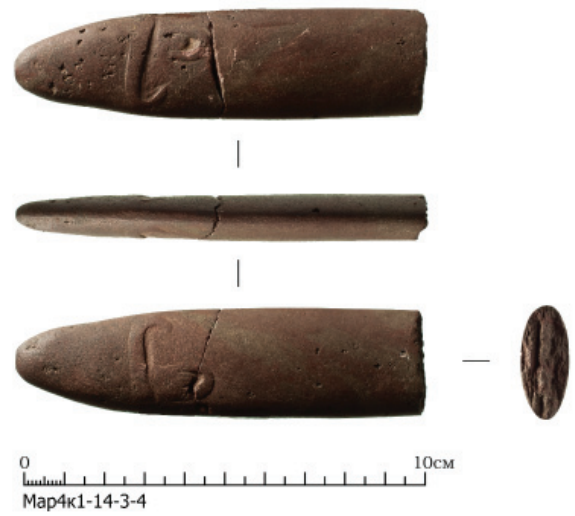

Рис. 49. Могильник Маральское-4. Курган № 2.
Каменный оселок

Рис. 48. Могильник Маральское-4. Курган № 2. Каменная выкладка. Вид с севера

16 × 10 м и высотой 0,35 м, вытянутую по линии север – юг и сложенную из обломков скальной породы среднего размера. После разборки верхнего слоя камней были прослежены две соединенные друг с другом ограда круглой формы. Курган сильно поврежден в древности. В центре круглых оград видны грабительские воронки. Останков погребенных не обнаружено; по-видимому, они полностью уничтожены грабителями. Внутри северной ограды обнаружен скелет марала, захороненного в древности (рис. 50).

С целью уточнения границ памятника и выявления других объектов археологии, к западу от кургана № 1 были заложены разведывательные траншеи. В результате этих работ были обнаружены три кургана (рис. 51).

Курган № 2 – ограда круглой формы диаметром 10–12 м, сооруженная из не крупных обломков скальной породы. На уровне древней дневной поверхности открыто захоронение лошади. Человеческих останков и артефактов не обнаружено.

Курган № 3 – каменно-земляное сооружение округлой в плане формы, диаметром около 12 м, внутри которого обнаружены две могилы. В центре кургана находилось погребение 1, совершенное в могильной яме подпрямоугольной формы, вытянутой по линии восток – запад. Могила ограблена в древности. В верхней части грабительского хода найден скелет марала, захороненный в древности, а в заполнение этого хода встречались отдельные кости взрослого человека. У дна могильной ямы найдена костяная (?) бусина. В юго-западной части кургана на уровне древней дневной поверхности был установлен каменный ящик, сложенный из плитообразных блоков, – погребение 2, детское. Сопроводительный инвентарь не обнаружен.

Курган № 4 имел округлую в плане форму диаметром 13–14 м. В нем обнаружено шесть погребений: два взрослых (погребение 1 и 2), расположенных в центральной части кургана, и четыре детских (погребения 3–6), устроенных в юго-западной поле кургана. Погребение 1 совершено в могильной яме подпрямоугольной формы, вытянутой по линии восток – запад. Могила ограблена в древности. На дне *in situ* сохранились лишь кости ног погребенного, другие части его скелета были найдены в разрозненном состоянии в заполнении грабительского хода. Там же обнаружены фрагменты глиняного сосуда. Погребение 2 совершено к северу от основного погребения 1. На дне могильной ямы найден скелет мужчины около 35 лет, лежавшего на левом боку в

скорченном положении, головой на запад (рис. 52). Возле таза погребенного обнаружены бронзовый нож трапецевидной формы с треугольными прорезами и обломок каменного оселка с круглым отверстием для подвешивания, в ногах – один костяной и пять бронзовых наконечников стрел разных типов. Детские захоронения совершены в могильных ямах прямоугольной формы с каменными конструкциями. Находок в них не обнаружено. Судя по конструкции и деталям погребального обряда, курганы № 2–4 можно датировать скифским временем.

В могильнике Саяны-Пограничное-1 раскопано два кургана. Курган № 1 расположен на высоком выступе горного отрога и представлял собой каменную выкладку округлой формы диаметром около 12 м и высотой 0,25 м, сложенную из скальных блоков (рис. 53). В центре каменной выкладки находилось столбообразное сооружение, высотой 1,50 м и диаметром 0,70 м, сложенное из камней, при разборке которых найдена железная пластина доспеха. Под верхним слоем каменной насыпи кургана обнаружено основание ограды кургана диаметром 7 м. На уровне древней дневной поверхности были найдены отдельные человеческие кости, принадлежавших двум погребенным, а также бронзовый втульчатый наконечник стрелы. После завершения археологических работ внешний вид кургана был восстановлен (рис. 54). Курган № 1 можно датировать средними веками.

Курган № 2 был расположен на плоской вершине невысокого горного отрога и представлял собой каменную выкладку округлой формы диаметром около 5 м и высотой 0,25 м, сложенную из скальных

Рис. 50. Могильник Маральское-5. Курган № 1. Захоронение марала

Рис. 51. Могильник Маральское-5. Расчищенные каменные ограды курганов № 2–4

Рис. 52. Могильник Маральское-5. Курган № 4. Погребение 2

Рис. 53. Могильник Саяны-Пограничное-1. Курган № 1. Каменная выкладка. Вид с севера

Рис. 54. Могильник Саяны-Пограничное-1. Курган № 1. Рекультивация кургана. Вид с юга

блоков (рис. 55). Рядом с каменной насыпью найдены обломки двух сосудов. В центре кургана открыта могильная яма (погребение 1) глубиной 0,25 м. Могила ограблена. В ее заполнении найдены отдельные кости ребенка 7–10 лет. Погребальный инвентарь отсутствовал. Судя по погребальному обряду и обломкам сосудов, курган может быть датирован скифским временем (VII–V вв. до н. э.).

В могильнике Саяны-Пограничное-7 также открыты шесть каменных выкладок округлой формы размерами 2–3 м (рис. 56), сложенные из крупных скальных блоков. Могильные ямы и вещественные находки не обнаружены, поэтому датировка и культурная принадлежность обнаруженных объектов крайне затруднена. Можно лишь предполагать их связь с погребальной практикой населения этого региона в средние века.

Четвертый отряд Саянской экспедиции под руководством И. П. Лазаретова проводил раскопки поселения Сухорослово-2 и курганного могильника Саяны-Пограничное-6.

Поселение Сухорослово-2 расположено в 20 км к северо-востоку от пос. Верхнеусинское и занимает часть ровной площадки надпойменной террасы правого берега р. Иджим, в нижнем ее течении, вблизи от места впадения в р. Ус. По результатам археологической разведки размер этого памятника исчислялся 4500 кв. м. В процессе археологических раскопок было установлено, что площадь поселения составляла не менее 5100 кв. м.

В 2014 г. работы проводились на северной периферии поселения, на площади 869 кв. м, примыкавшей к современной автодороге. Большая часть культурных напластований в этой части памятника уничтожена в ходе строительства автодороги. Основная масса находок оказалась сосредоточена в слое светло-коричневой супеси, залегавшем непосредственно над материком. В их составе преобладали отходы производства каменных орудий: разнообразные нуклеусы, сколы, отщепы и пластины (рис. 57). Здесь же найдено несколько каменных отбойников, целых и фрагментированных. Готовых каменных орудий в слое обнаружено сравнительно немного. Чаще всего

Рис. 55. Могильник Саяны-Пограничное-1. Курган № 2. Каменная выкладка

Рис. 56. Могильник Саяны-Пограничное-7. Общий вид на каменные выкладки

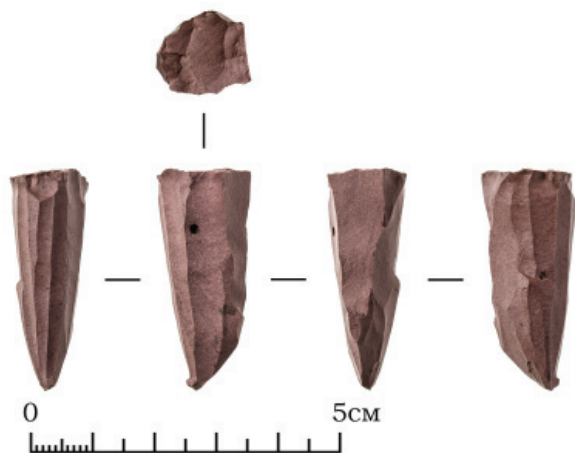

Рис. 57. Поселение Сухорослово-2. Каменный нуклеус

встречались каменные скребки и скребла, предназначенные для обработки шкур животных. В качестве материала для изготовления орудий на поселении Сухорослово-2 использовались не только кремь и кремненные породы, но и другие разновидности камня: кварциты, сланцы, яшма и пр. На площади памятника артефакты распределялись неравномерно, образуя отдельные скопления, по всей видимости, образовавшиеся на местах их производства.

Основным датировующим материалом на поселении Сухорослово-2 является керамика. Посуда представлена баночными плоскодонными и слабопрофилированными формами. Поверхность большинства сосудов полностью орнаментирована различными вариациями отпечатков зубчатых штампов или фигурными оттисками палочки. Иногда украшались дно и верхний срез венчика сосудов. Такая посуда характерна для комплексов эпохи ранней бронзы Саяно-Алтая и имеет множество аналогий в памятниках окуневской и чаа-хольской культур. Часть сосудов декорирована валиками, что больше свойственно посуде эпохи поздней бронзы и раннескифского времени. Изделия из металла, кости и рога представлены единицами и принадлежат к разным историческим периодам. Украшения из клыков диких животных датируются эпохой бронзы. К скифскому времени относятся стеклянные бусы. Эпоха средневековья представлена единичными фрагментами керамики и ременной железной пряжкой.

Могильник Саяны-Пограничное-6 находится в верховьях долины р. Иджим, левого притока р. Ус, в 5 км от административной границы с Республикой Тыва. Погребальные сооружения располагались на подошве и склоне одного из отрогов Куртушибинского хребта, имеющего многочисленные скальные выходы и каменные осыпи. Всего исследовано восемь разновременных каменных курганов, возведенных в период от эпохи бронзы до раннего средневековья.

Курганы скифского времени представляли собой круглые каменные кольца диаметром от 8 до 22 м, сложенные из крупных скальных валунов на уровне древней дневной поверхности. Внутри ограды располагалась крепида меньшего диаметра, заполненная скальными обломками. Захоронения производились на уровне древней дневной поверхности. В одном случае это был каменный ящик, составленный из плоских каменных глыб. Все погребения разграблены. Определить позу погребенных и их ориентировку невозможно. Вещевой материал отсутствует.

Средневековые курганы выглядели как круглая каменная наброска на уровне древней дневной поверхности. Захоронение по обряду кремации производилось в очень неглубоких грунтовых ямах. Все погребения разграблены. В кургане № 13 *in situ* сохранились только две небольшие бронзовые бляшки поясной гарнитуры. Четыре железных черешковых наконечника стрел, шило с кольцевым навершием, пряжка с язычком и миниатюрное долотовидное орудие найдены среди камней насыпи кургана (рис. 58).

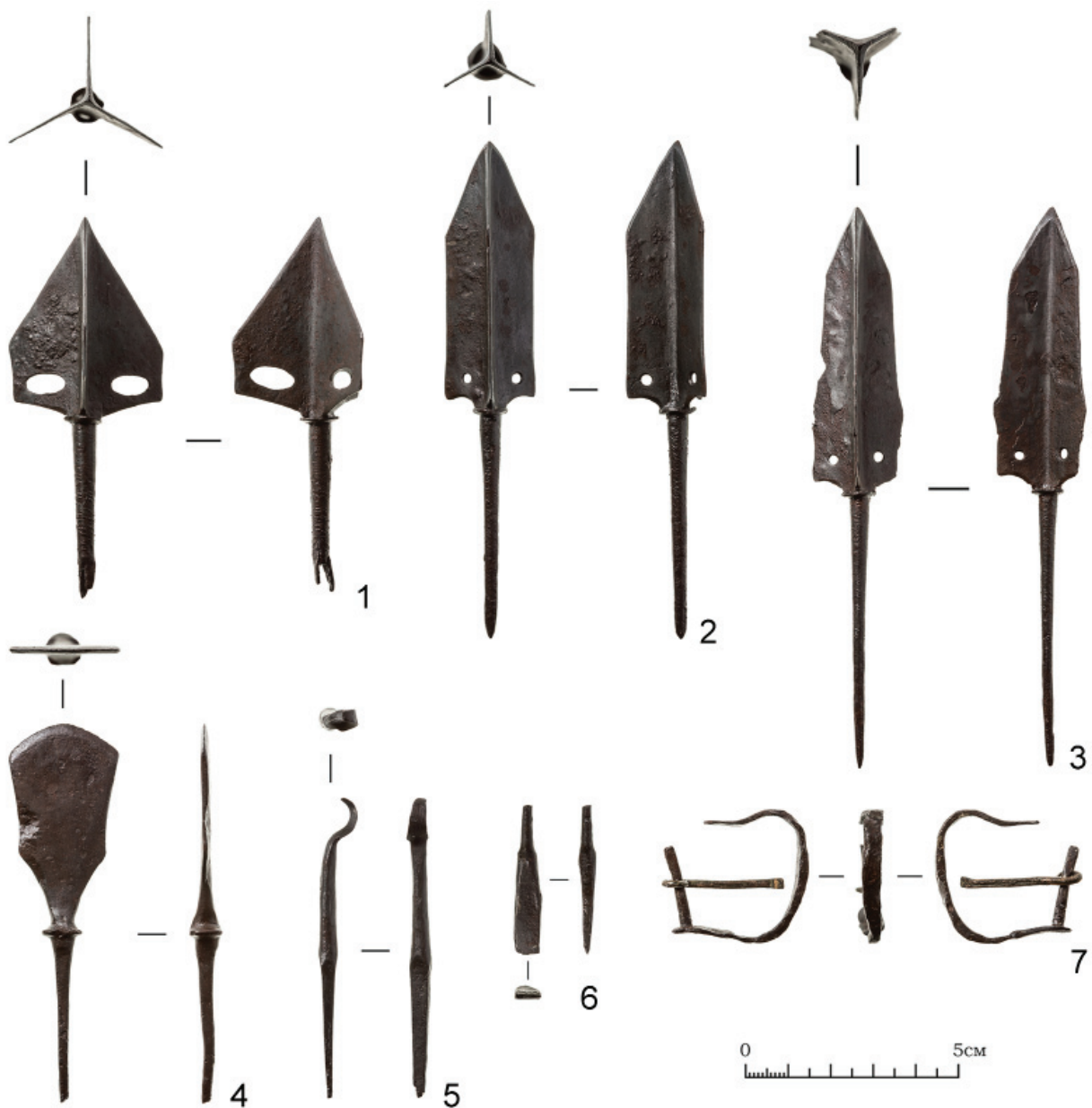

Рис. 58. Могильник Саяны-Пограничное-6. Курган № 13. Находки: 1–4 – наконечники стрел; 5 – шило; 6 – долотовидное орудие; 7 – железная пряжка

Наибольший интерес представляет захоронение в кургане № 46, относящееся к эпохе бронзы. Круглая ограда, диаметром 3 м, располагалась у подошвы горы. Внутри нее обнаружена могильная яма подквадратной формы, глубиной 0,30 м. Могила ограблена. Кости погребенного были перемещены грабителями. Покойник, вероятно, лежал скорченно на левом боку, головой на восток. В заполнении могилы найдена круглая бронзовая литая серьга с двумя конусовидными окончаниями (рис. 59). Подобные серьги с одним конусовидным раструбом известны в комплексах андроновского и постандроновского времени. Захоронение, по-видимому, было совершено в середине – начале второй половины II тыс. до н. э.

Рис. 59. Могильник Саяны-Пограничное-б. Курган № 46. Бронзовая серьга

В заключение отметим, что в 2014 г. археологические исследования долины р. Иджим открыли свыше 5000 кв. м культурного слоя разного рода памятников. Получены представительные серии артефактов, изучены разнообразные сооружения: очаги и хозяйственные ямы. Главным результатом работ 2014 г. стали раскопки большого числа погребальных памятников. На 14 могильниках было изучено 55 курганов разных эпох, в основном относившихся к эпохе бронзы, скифскому времени и раннему средневековью, последние из которых представлены наиболее полно благодаря обнаружению неразграбленных погребений IX–XII вв. с богатым сопроводительным инвентарем. Вновь полученные данные значительно расширяют наши представления о жителях подтаежной зоны эпохи средневековья и их контактах с населением Среднего Енисея.

Большое научное значение имеет впервые выявленная серия курганов эпохи поздней бронзы, демонстрирующих близкие аналогии с археологическими памятниками Среднего Енисея. В это время в долине Верхнего Енисея проживало население, оставившее памятники монгун-тайгинского типа,

для которых характерно отсутствие погребального инвентаря, что крайне затрудняет идентификацию памятников эпохи бронзы этого региона. Вновь полученные археологические материалы дают возможность принципиально нового подхода к изучению археологических памятников Тувы эпохи бронзы.

Источники и литература

- Александров С. В., Боковенко Н. А., Килуновская М. Е., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Семенов Вл. А., Соловьева Н. Ф., 2012. Археологические исследования в зоне строительства железной дороги Кызыл–Курагино // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. Кн. 2.
- Александров С. В., Боковенко Н. А., Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2013а. Краткий обзор работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2012 году // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 3.
- Александров С. В., Боковенко Н. А., Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2013б. Предварительные итоги работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2012 г. // Историко-культурное наследие народов Центральной Азии: перспективы развития и проблемы сохранения. Кызыл.
- Александров С. В., Боковенко Н. А., Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2014. Краткий обзор охранных работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Иджим в 2013 году // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 4.
- Боковенко Н. А., Городилов А. Ю., 2014. Исследование поселения Черноусово-3 в Ермаковском районе Красноярского края // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 4.
- Васильев С. А., 1995. К вопросу о бескерамическом неолите Сибири // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. СПб. Вып. 24.
- Длужневская Г. В., Савинов Д. Г., 2007. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.
- Поляков А. В., 2009. Положение тела погребенного в могилах эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы. Абакан.
- Семенов Вл. А., 1992. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб.

Охранные археологические исследования в Новокубанском и Успенском районах Краснодарского края в 2014 г.

А. А. Иванов, Е. И. Нарожный, С. Л. Соловьев

В октябре – ноябре 2014 г., согласно договору, заключенному между ИИМК РАН и ОАО «Глобал-ЭлектроСервис», археологическими отрядами ИИМК РАН и ОАО «Наследие Кубани» были проведены охранные археологические исследования в Новокубанском и Успенском районах Краснодарского края, в зоне реконструкции трассы ВЛ-330-01 «Невинномысская ГРЭС – Армавир» (рис. 1).

Новокубанский район

Археологические исследования велись на объектах культурного наследия регионального значения «Городище» и «Селище», расположенных на правом берегу р. Кубань, на южной окраине Кизиловой Балки, к юго-востоку от ст. Прочнокопской и к северо-западу от хутора Фортштадт (рис. 2–4). Археологический памятник Кизиловая Балка, площадью около 40 га, обнаруженный в ходе разведок Н. В. Анфимова в 1946 г., был им датирован VIII–IX вв. и определен как селище (Анфимов, 1982. С. 63–64). Позднее, в 60–70-е гг. XX в. памятник, впрочем, как и целая серия синхронных ему раннесредневековых поселений на правом берегу Кубани (район Армавира), а также на Ставропольской возвышенности, был отмечен разведками Н. И. Навротского и А. В. Гадло. Последний допускал возможность включения поселений правого берега Кубани, в том числе и селища у ст. Прочнокопской, в круг памятников локального варианта салтово-маяцкой культуры к западу от Ставропольской возвышенности (Гадло, 1976. С. 158). Как полагал исследователь, этот локальный вариант занимал промежуточное положение между археологическими памятниками болгар степного Приазовья и аланскими памятниками предгорий Предкавказья (Гадло, Найденко, 1973. С. 117, 118). В 1981 г. селище было внесено в государственный список недвижимых памятников истории и культуры под № 2234 (закон Краснодарского края № 313-КЗ от 17 августа 2000 г.).

В 1982 и 1985 гг. Х. Х. Биджиев провел первые археологические раскопки на памятнике, в ходе которых были обнаружены следы фортификационных сооружений (вала и рва), строительные остатки (жилые юртообразные сооружения) и многочисленные вещественные находки VIII–X вв. (Биджиев, 1985. С. 5–11; 1989. С. 24–39; 1993. С. 42, 314. Рис. 4). В полемике с Н. В. Анфимовым и А. В. Гадло по вопросу о характере памятника Х. Х. Биджиев, опираясь на вновь полученные данные, предложил считать его укрепленным городищем, а не селищем. Более того, настаивая на его болгарской этнокультурной принадлежности, исследователь считал это «городище» крупным центром Кавказской Болгарии в среднем течении Кубани (Биджиев, 1985. С. 5–11; 1989. С. 24–39; 1993. С. 43). Позднее (1992 – середина 2000-х гг.), Кизиловая Балка была объектом эпизодического наблюдения и сборов подъемного материала, что позволило характеризовать этот памятник как обширное поселение, возможно, открытого типа, возникшее на высоком правом берегу Кубани и соединявшееся с рекой глубокой балкой естественного происхождения. Подъемный археологический материал давал веские основания для отказа от его болгарской этнокультурной принадлежности и отнесения к кругу салтово-маяцких памятников (Нарожный, Галаган, 1996. С. 18–20; Нарожный, Соков, 2002. С. 25–29; Соков, 2003).

Вероятно, следствием этой полемики, а также слабой археологической изученности самого археологического объекта стало выделение в границах селища археологических памятников иного типа – курганной группы из пяти насыпей, часть из которых была воспринята как «цитадель» городища. Площадь городища была определена в размере почти 5 га, а размещено оно было на западной окраине раннесредневекового селища с последующей постановкой курганной группы и

Рис. 1. Карта Краснодарского края с указанием места проведения работ

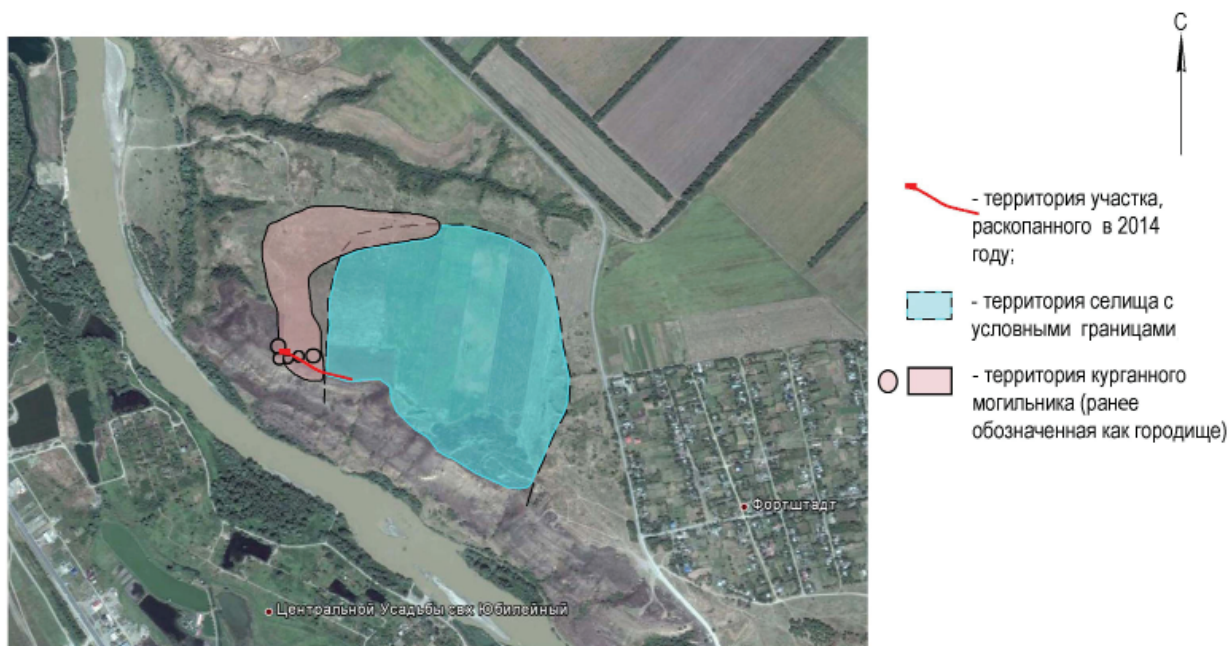

Рис. 2. Расположение участка раскопок 2014 г. на территории объектов культурного наследия регионального значения «Городище» и «Селище»

Рис. 3. Участок «Городище» перед началом работ. Вид с востока

Рис. 4. Участок «Селище» перед началом работ. Вид с запада

городища на государственную охрану приказом № 41 Управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 14 мая 2008 г.

В 2014 г. в связи с намеченной заменой опоры № 15 высоковольтной линии «Невинномысская ГРЭС–Армавир» археологическим раскопкам подверглась территория городища, расположенная непосредственно под опорой и на прилегающем к ней участке, общей площадью 999 кв. м, а также территория селища на отрезке подъездной проселочной дороги площадью 816 кв. м. В соответствии с техническим заданием раскопные работы проводились в несколько этапов. Вся исследуемая территория была поделена на четыре участка – раскопы 1–4 (рис. 5), в конечном итоге объединенные в один большой раскоп.

Раскоп 1, площадью 225 кв. м и глубиной 1,35–2,20 м, состоял из девяти квадратов размерами 5 × 5 м (кв. Б1–3, В1–3, Д1–3). Раскоп 2, площадью 390 кв. м и глубиной 1,00–1,60 м, был поделен на девять квадратов размерами 5 × 5 м и 11 квадратов размерами 3 × 5 м (кв. А4–7, Б4–6, В4–6, Г4–7, Д4–8). Раскоп 3 – участок дороги в охранной зоне городища, площадью 384 кв. м и глубиной 0,70–1,20 м (кв. Г8, Д9–17, Д32–38). Раскоп 4 – участок дороги на территории селища площадью 816 кв. м и глубиной 0,50–1,20 м (кв. Д18–31, Д39–55).

Стратиграфия исследованных участков

Сверху залегал дерновый слой толщиной 0,05–0,11 м, который подстилался слоем гумуса толщиной до 0,35 м, перекрывавшим суглинистый слой желто-серо-коричневого цвета толщиной 0,40–0,60 м. В основании этих отложений залегал слой плотного материкового суглинка светло-серо-желтого цвета с большим количеством известковых включений.

На раскопе 4, на кв. Д54–55, Д22–31, обнаружены слабо выраженные следы культурного слоя ранне-средневекового селища, что подтверждается находками фрагментов керамики, костей животных, угольков, фрагментами глиняной обмазки стен и пр. В ходе работ на раскопах 1–3 местами также выявлен слабо выраженный культурный слой, перемешанный в результате плуговой распашки и, видимо, в процессе установки опоры № 15 и удерживающих ее растяжек. Характер культурного слоя не подтверждает существования здесь городища, но позволяет говорить об активном освоении этой территории в древности. Как выяснилось, аморфные всхолмления, заметные на раскопах 1–3, не являются остатками предполагаемого городища, а представляют собой археологические памятники иного типа,

а именно погребальные сооружения – курганы разных размеров, насыпи которых были деформированы во время прокладки высоковольтной линии и длительной сельскохозяйственной деятельности. В ходе проведенных охранно-спасательных раскопок были открыты характерные для них конструкции: земляные насыпи, каменные кромлехи, а также захоронения людей и домашних животных.

Исследованные площади и объекты *Раскоп 1*

Курган 1, диаметром около 40 м и высотой более 3 м, частично затронут на кв. А4–5, Б1–5, В1–4, раскопан на 15 %. В насыпи обнаружены отдельные фрагменты керамики, вероятно относившиеся к тризнам или к погребению, возможно, разрушенному при установке опоры.

Курган 2, реконструируемый диаметр которого около 20 м, высотой более 1 м, расположен на кв. В1, Г1–2, раскопан на 30 %. В поле кургана на глубине 0,80 м от уровня современной дневной поверхности обнаружено частично сохранившееся погребение лошади (погребение 1), лежавшей на брюхе, головой на восток – юго-восток (рис. 6; 7). Среди костей найдена бронзовая подвеска-бубенчик (рис. 8), многочисленные аналогии которой можно найти в древностях Северного Кавказа VIII–IX вв. (Хайнрих. 1995. С. 216. Табл. XIV: 1; Кантемиров, Дзатиатты, 1995. С. 279. Табл. VII: 1, 4, 5; XXII: 6).

Раскоп 2

Курган 3, реконструируемый диаметр которого около 20 м, высотой более 1 м, расположен на кв. Г4–5, Д4–5, раскопан на 30 %. В поле кургана на глубине 0,90 м от уровня современной дневной поверхности обнаружено погребение человека (погребение 2; рис. 9), положенного вытянуто на спине головой на юго-восток. В районе таза найдены фрагменты металлического предмета плохой сохранности и неясного назначения. Погребение 2, по-видимому, можно датировать эпохой раннего железа.

Курган 4, реконструируемый диаметр которого 15 м, расположен на кв. А5–7, Б5–7, В5–7, раскопан полностью. В центральной части кургана обнаружены два захоронения – погребения 3 и 4 (рис. 10). Погребение лошади, лежавшей на брюхе головой на юго-восток, было устроено на глубине 0,55 м от уровня современной дневной поверхности. Возле черепа найдены фрагменты железных удилов плохой сохранности и три бронзовых детали упряжи неясного назначения (рис. 11), развал керамического сосуда. Далее к востоку на глубине 0,70 м от уровня современной дневной поверхности

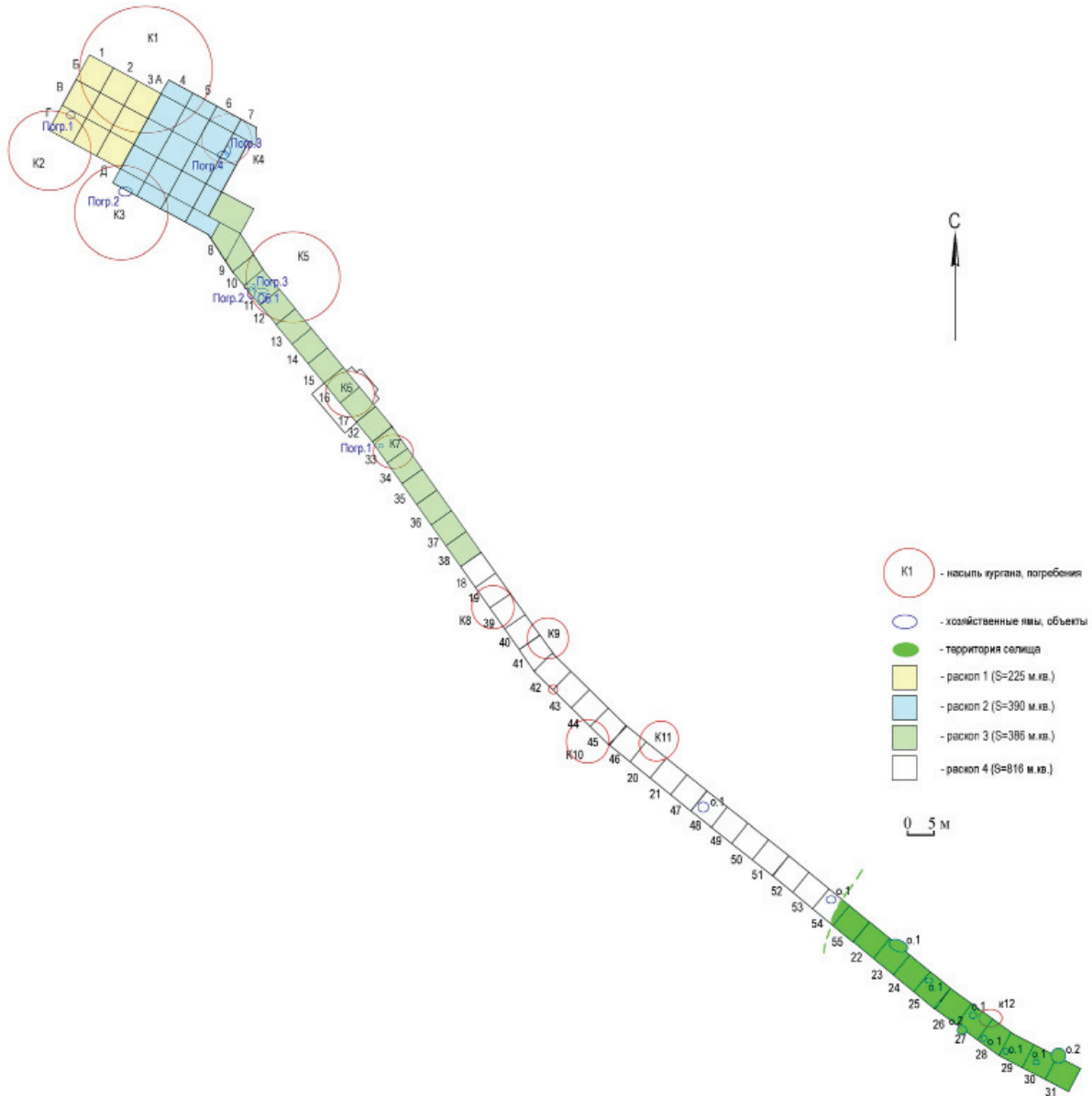

Рис. 5. Новокубанский район. Схема расположения раскопов 1–4 с нанесенными курганами, погребениями и объектами

открыто плохо сохранившееся захоронение чело- века (погребение 4), лежавшего вытянуто на спине, головой на юго-запад. Оба разрушенных скелета, вероятно, являлись одним захоронением, возможно, совершенным, судя по особенностям погребального обряда, в период раннего средневековья.

Раскоп 3

Курган 5, диаметром более 30 м и высотой около 1 м, расположен на кв. Д10–13, раскопан на 30 %. В поле кургана обнаружены два захоронения (рис. 12) и каменная конструкция.

Каменная конструкция (объект 1), размерами 3,88 × 2,03 м, открыта на глубине 2,50 м от R0. Найдены два фрагмента керамики.

Погребение 2 представляет собой катакомбу. Входная яма, размерами 1,03 × 1,12 м, соединялась с погребальной камерой неправильной пятиугольной формы со скругленными углами, размерами 1,50 × 1,40 м. В месте соединения ямы с камерой устроена ступенька. На дне камеры обнаружены плохо сохранившиеся кости человека, по которым сложно судить о труположении. В южной части

Рис. 6. Новокубанский район. Кв. В1. Курган 2. Погребение 1. Вид с северо-востока

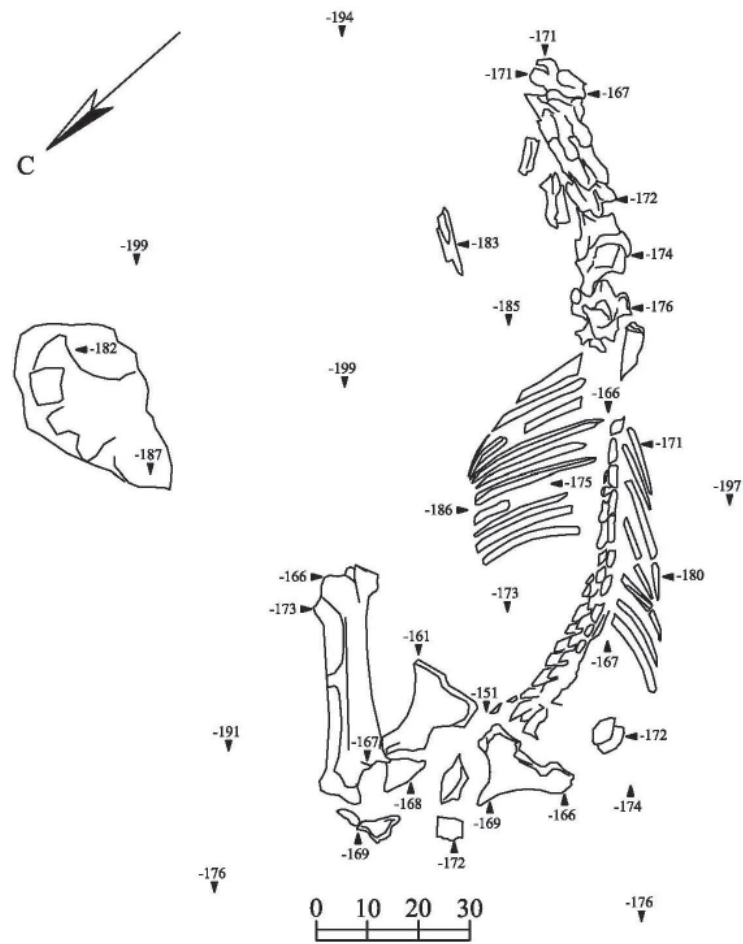

Рис. 7. Новокубанский район. Кв. В1. Курган 2. Погребение 1. План

Рис. 8. Новокубанский район. Кв. В1. Курган 2. Погребение 1. Бронзовая подвеска. Вид с северо-востока

Рис. 9. Новокубанский район. Кв. Д4. Курган 3. Погребение 2. Вид с северо-запада

Рис. 10. Новокубанский район. Кв. Бб. Курган 4. Погребения 3–4. План

Рис. 11. Новокубанский район. Кв. Бб. Курган 4. Находки из погребения 3: 1 – бронзовые изделия; 2 – обломки железного предмета

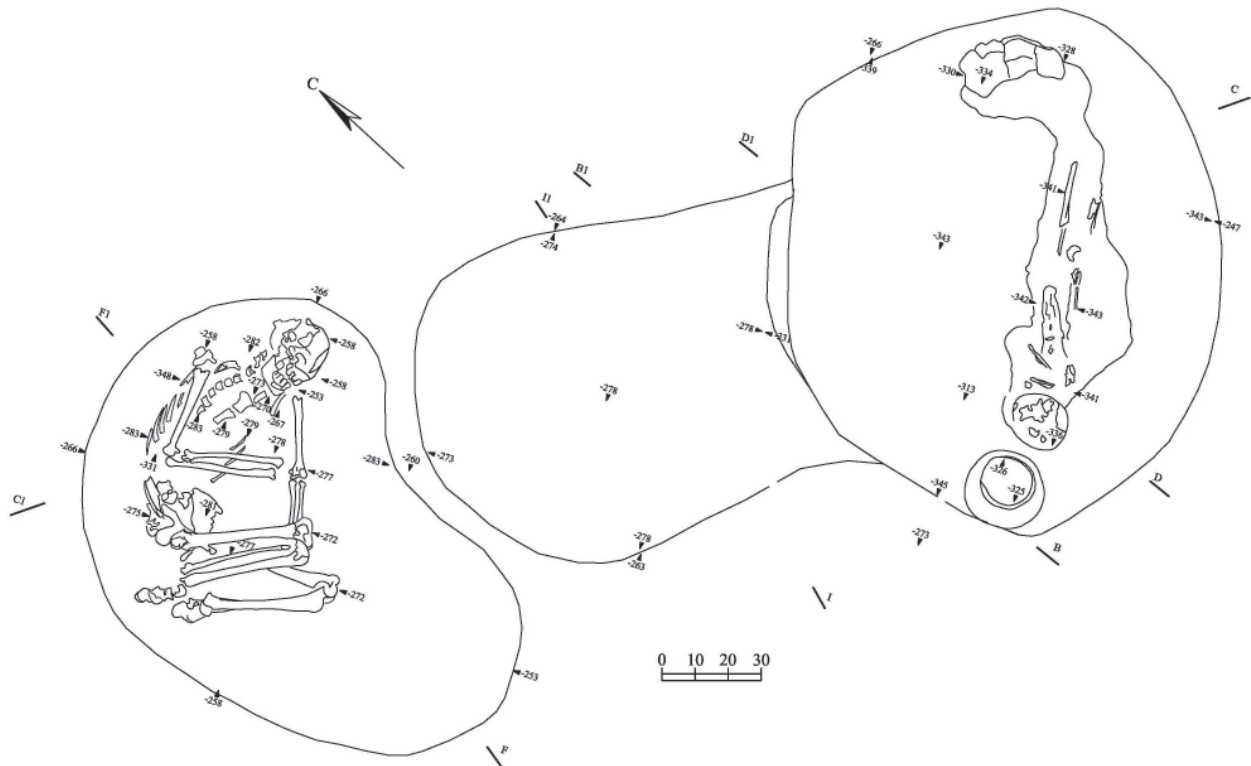

Рис. 12. Новокубанский район. Кв. Д11. Курган 5. Погребения 2, 3. План

погребальной камеры найден раздавленный сосуд (рис. 13), а в ее северной части – жаровня из фрагмента сосуда. Погребение может быть датировано эпохой средней бронзы.

Погребение 3 совершено в могильной яме овальной формы на глубине 2,70 м от R0. Погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на восток, без погребального инвентаря. Погребение может быть датировано эпохой средней бронзы.

Курган 6, диаметром 10 м, расположен на кв. Д16–17, раскопан полностью. Насыпь кургана сильно разрушена плуговой распашкой. На глубине 2,20–2,40 м от R0 открыт каменный кромлех, диаметром 9,30 м (рис. 14), внутри которого обнаружены два захоронения (рис. 15).

Погребение 1 совершено в яме подпрямоугольной формы размерами 2,50 × 1,10 м, на глубине 2,71 м от R0. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. Возле ног и таза найдены железные наконечники стрел, возле черепа –

раздавленный керамический сосуд, под которым обнаружены фрагменты плохо сохранившегося железного ножа (рис. 16). Погребение может быть датировано III–II вв. до н.э.

Погребение 2, нарушенное погребением 1, совершено в яме подпрямоугольной формы размерами 1,56 × 1,26 м, в заполнении которой встречались фрагменты человеческих костей, а в ее северо-западной части найден раздавленный керамический сосуд (рис. 17). Погребение может быть датировано предскифским временем.

Курган 7 расположен на кв. Д33 и раскопан полностью. Насыпь кургана сильно разрушена плуговой распашкой. На глубине 1,88–1,95 м от R0 обнаружена каменная конструкция размерами 1,18 × 2,41 м, и детское захоронение, совершенное в каменном ящике, размерами 0,80 × 1,12 м, ориентированном длинной осью по линии север – юг (рис. 18). Погребальный инвентарь не обнаружен. Погребение, по-видимому, датируется средневековьем.

Рис. 13. Новокубанский район. Кв. Д11. Курган 5. Погребение 2. Лепной горшок

Рис. 14. Новокубанский район. Кв. Д16–17. Курган 6. Каменный кромлех. Вид с юго-востока

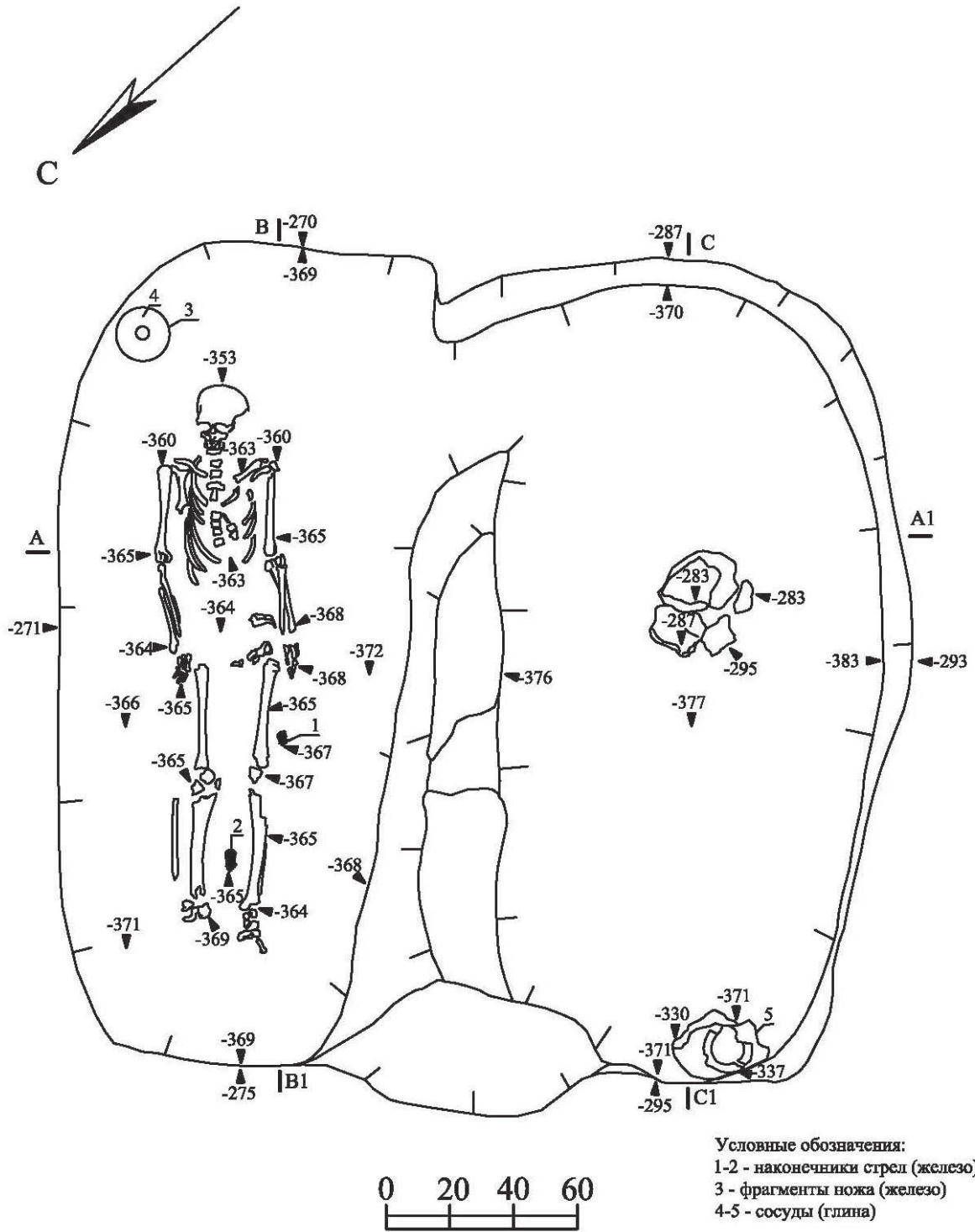

Рис. 15. Новокубанский район. Кв. Д16-17. Курган 6. Погребения 1, 2. План

Рис. 16. Новокубанский район. Кв. Д16–17. Курган 6. Находки из погребения 1: 1 – железные наконечники стрел; 2 – железный нож

Рис. 17. Новокубанский район. Кв. Д16–17. Курган 6. Погребение 2. Лепная корчага

Рис. 18. Новокубанский район. Кв. Д33. Курган 7. Погребение 1. Вид с северо-востока

Раскоп 4

Курган 8, диаметром 7 м, расположен на кв. Д19–39, раскопан полностью. Насыпь кургана сильно разрушена плуговой распашкой. На глубине 1,71–1,85 м от R0 открыт каменный кромлех, диаметром 6,50 м (рис. 19), внутри которого под развалом камней обнаружено погребение, совершенное в яме подпрямоугольной формы, размерами 1,00 × 1,74 м, с небольшим подбоем, устроенным в северной стенке погребальной ямы. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на север (рис. 20; 21). Возле черепа найден керамический сосуд (рис. 22), рядом с которым лежал плохо сохранившийся железный нож. Возле таза обнаружены фрагменты еще одного железного ножа. Погребение может быть датировано меото-сарматским временем.

Курган 9, диаметром более 9 м и высотой около 0,20 м, расположен на кв. Д40–41, раскопан на 40 %. В поле кургана открыты два захоронения.

Погребение 1. Каменные плиты перекрытия обнаружены на глубине 1,70 м от R0, под которыми открыта погребальная яма размерами 0,89 × 2,13 м, ориентированная длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Погребенный лежал вытянуто

на спине, головой на юго-восток (рис. 23). Возле черепа найдены два сосуда: миска и кувшин грубой выделки (рис. 24). Погребение может быть датировано меото-сарматским временем.

Погребение 2 совершено в яме подпрямоугольной формы, размерами 1,40 × 0,36 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад – юго-восток, на глубине 2,03 м от R0. Кости скелета не сохранились. Погребальный инвентарь не обнаружен. Погребение может быть датировано меото-сарматским временем.

Курган 10 обнаружен на кв. Д44–45, на краю обрыва. На кв. Д45 на глубине 1,60–1,78 м от R0 открыта часть каменного кромлеха (объект 1).

Курган 11, реконструируемый диаметр которого около 15 м, высотой 0,20 м, расположен на кв. Д20–46, раскопан на 30 %. Насыпь кургана сильно разрушена плуговой распашкой. На глубине 1,35–1,74 м от R0 открыта каменная конструкция размерами 4,16 × 3,65 м, рядом с которой обнаружено детское захоронение (погребение 1). Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Погребение, вероятно, датируется меото-сарматским временем.

Рис. 19. Новокубанский район. Кв. Д19, 39. Курган 8. Каменный кромлех. Вид с юго-востока

Рис. 20. Новокубанский район. Кв. Д39. Курган 8. Погребение 1. Вид с северо-востока

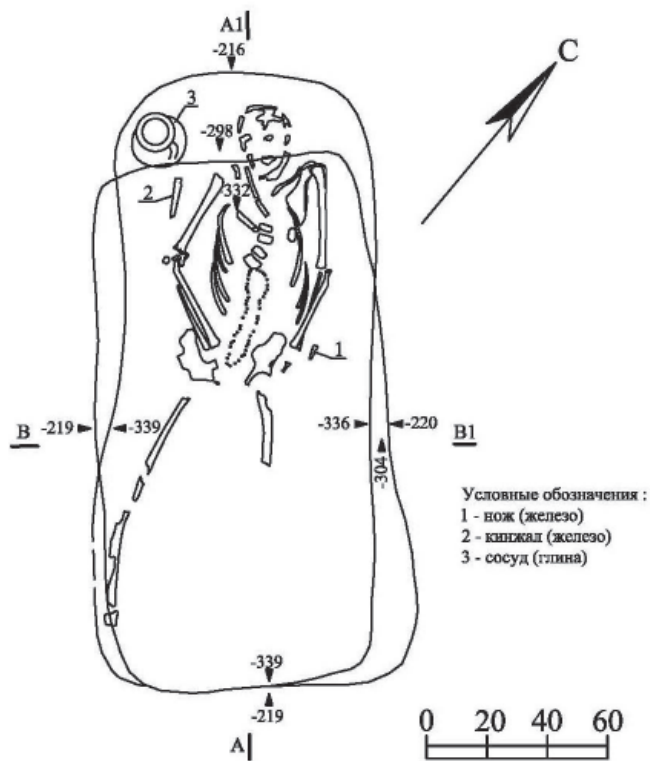

Рис. 21. Новокубанский район. Кв. Д39. Курган 8. Погребение 1. План

Рис. 22. Новокубанский район. Кв. Д39. Курган 8. Погребение 1. Глиняный кувшин

Рис. 23. Новокубанский район. Кв. Д40. Курган 9. Погребение 1. Вид с северо-востока

Рис. 24. Новокубанский район. Кв. Д40. Курган 9. Находки из погребения 1: 1 – глиняный кувшин; 2 – глиняная миска

Погребение 2 совершено в яме, прослеженной в центральной части каменной конструкции. Судя по сохранившимся останкам скелета, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Возле таза найден развал керамического сосуда. Погребение может быть датировано меото-сарматским временем.

После разборки каменной конструкции на глубине 2,06 м от R0 было обнаружено погребение 3, совершенное в яме овальной формы, размерами 2,14 × 1,14 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Погребальный инвентарь отсутствовал. Датировка неясна.

Объект 1 – каменная конструкция, размерами 1,61 × 1,11 м, открытая на кв. Д48 на глубине 1,57–1,84 м от R0. Объект 2 – каменная конструкция длиной 0,88 м, обнаруженная на кв. Д55 на глубине 1,10 м от R0. Объект 3 – каменная конструкция длиной 1,92 м на глубине 1,00–1,11 м от R0, открытая на кв. Д23, с четырьмя ямками диаметром 0,28–0,38 м и глубиной 0,17–0,30 м (возможно, для установки столбов), вырытыми по линии северо-запад – юго-восток на равном удалении друг от друга. Каменная конструкция и ямки, вероятно, связаны с устройством стены жилища. Объект 4 – небольшое скопление камней, открытое на кв. Д26 на глубине 1,09 м от R0. Объект № 5 – небольшое скопление камней, обломков керамики и костей животных, открытых на кв. Д29 на глубине 0,83 м от R0.

Курган 12 расположен в южной части раскопа, на кв. Д27, раскопан на 30 %. Насыпь кургана сильно разрушена плуговой распашкой. В южной поле кургана на глубине 1,00–1,11 м от R0 открыта каменная конструкция (объект 3), перекрывавшая детское захоронение (объект 4). Погребение совершено в каменном ящике размерами 1,02 × 0,72 м и может быть датировано ранним средневековьем.

Объект 1 – скопление камней, немногочисленных костей животных и фрагментов керамики, обнаруженных на кв. Д30 на глубине 0,95–1,20 м от R0. Объект 2 – каменная конструкция, размерами 1,48 × 0,86 м, открытая на кв. Д27 на глубине 0,85–1,03 м от R0.

Яма 1 открыта на кв. Д27 на глубине 1 м от R0. Яма имела овальную форму и вертикальные стенки, была заполнена суглинком серого цвета с тонкой прослойкой черного золистого грунта (толщиной 0,01–0,02 м).

Яма 2, глубиной 1,80–1,87 м от R0, открыта на кв. Д30–31 (рис. 25). Она имела овальную в плане

и грушевидную в сечении форму с уступом на уровне 2,13 м от R0. Размеры ее устья составили 1,87 × 2,00 м. Яма имела сложное заполнение из чередующихся прослоек суглинка разного цвета с примесью золы (рис. 26). У дна залегала мощная прослойка пережженной глины, перекрывавшая слой рассыпчатого черного золистого грунта. Дно ямы покрыто слоем плотного серо-коричневого золистого суглинка. В заполнении ямы найдены более 100 фрагментов керамики (рис. 27; 28), разрубленные и расколотые кости домашних и диких животных, кости рыб, фрагменты глиняной обмазки – турлука с отпечатками плетеных прутьев и столбовых конструкций, три куса бронзовой проволоки, три поделки из костей животных и керамических стенок сосудов, включая пряслица, астрагал с граффити, каменная зернотерка (рис. 29), тип которой хорошо известен по материалам Горькобалковского археологического комплекса VIII–IX вв. (Доценко и др., 2008. С. 31. Рис. 7, 10), и более 10 камней со следами обработки. Состав археологических находок из ямы 2 вполне характерен для памятников салтово-маяцкой культуры, в том числе для ее кубанского варианта (Флерова, 1997. С. 118–121. Табл. VII; Малахов, Соков, 2008. С. 60–64). Судя по большому размеру, яма 2 могла служить погребом.

Результаты выполненных археологических исследований на территории зарегистрированного объекта культурного наследия регионального значения «Городище» не подтвердили наличия стратифицированного культурного слоя археологического памятника поселенческого типа. В процессе охранных раскопок были обнаружены 12 курганных насыпей, частично или полностью исследованные. Культурный слой памятника археологии регионального значения «Селище» (в действительности обширное поселение хазарского времени), прослежен лишь в пределах кв. Д54–55, Д22–31 (рис. 5). Учитывая данные, полученные в ходе археологических исследований, необходимо завершить исследования курганов, уже затронутых раскопками на всех участках, до начала работ по реконструкции опоры № 15.

Успенский район

Археологические исследования велись на выявленном объекте культурного наследия «Селище Успенское III», расположенном в 500 м к юго-востоку от ст. Успенской (Успенского района Краснодарского края) на левом берегу р. Кубань. Селище было обнаружено в 2012 г. в ходе археологических разведок, проведенных ООО «Археологическое общество Кубани» в зоне реконструкции трассы ВЛ-330-01 «Невинномысская ГРЭС–Армавир».

Рис. 25. Новокубанский район. Кв. Д30–31. Яма 2. Вид с юго-запада

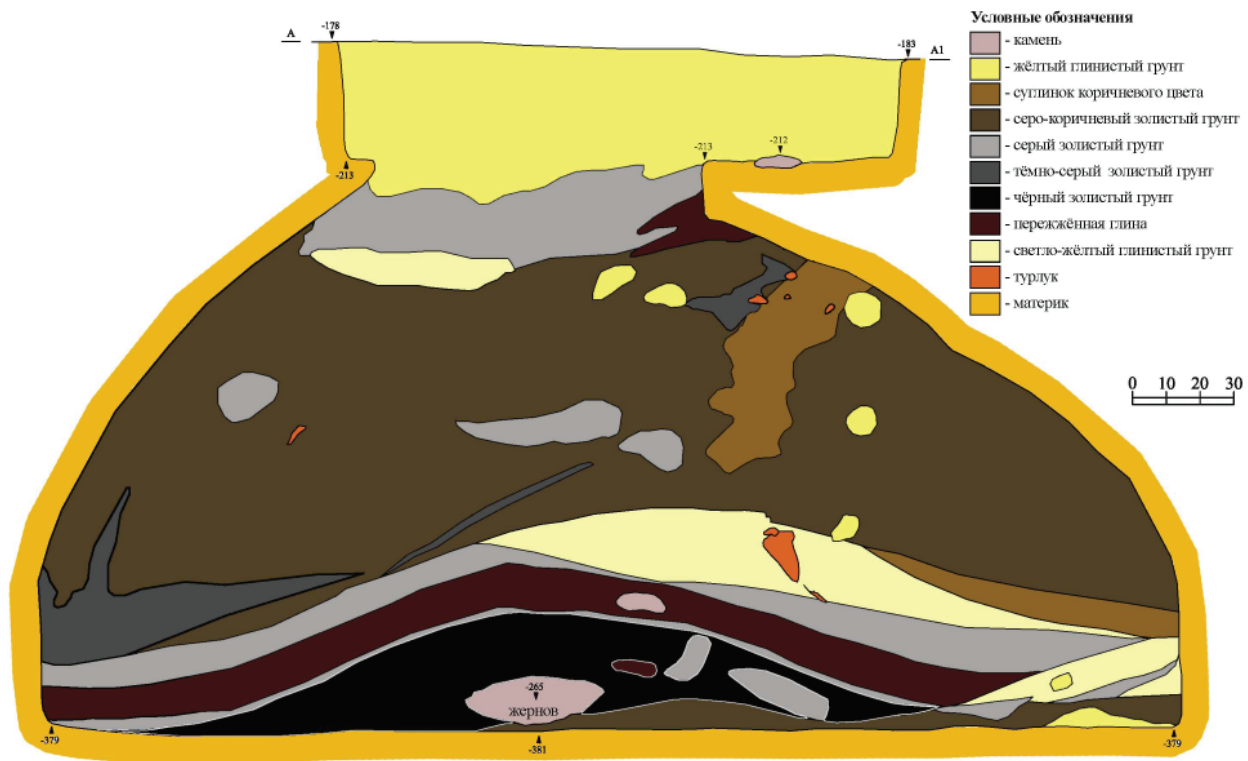

Рис. 26. Новокубанский район. Кв. Д30–31. Яма 2. Разрез

Рис. 27. Новокубанский район. Кв. Д30–31. Яма 2. Фрагмент красноглиняной амфоры

Рис. 28. Новокубанский район. Кв. Д30–31. Яма 2. Глиняный кубок

Рис. 29. Новокубанский район. Кв. Д30–31. Яма 2. Каменный жернов зернотерки

Селище Успенское III занимает северную оконечность мыса, образованного изгибом русла р. Кубань, с запада и востока ограниченного небольшими лощинами (рис. 30; 31). Протяженность селища с севера на юг составила 70 м, с запада на восток – 90 м, его общая площадь достигает 6300 кв. м. К югу от селища заметно повышение рельефа местности, переходящее в насыпь кургана 5 в составе курганной группы, расположенной к северо-западу от МТФ 1. Поверхность памятника задернована.

На территории памятника установлена опора № 109 высоковольтной линии «Невинномысская ГРЭС–Армавир», а также устроена развилка грунтовой дороги от ст. Успенской в сторону берега р. Кубань и МТФ 1. Кроме того, через территорию селища ранее были проложены трассы нефтепровода и водопровода.

В 2014 г. в связи с намеченной заменой опоры № 109 высоковольтной линии «Невинномысская ГРЭС–Армавир» археологическим раскопкам подверглась территория селища, расположенная непосредственно под опорой площадью 150 кв. м и на прилегающем к ней участке проселочной дороги площадью 200 кв. м, которая была разбита на квадраты размерами, близкими 5 × 5 м, с оставлением контрольных стратиграфических бровок между ними (рис. 32; 33).

Стратиграфия исследованных участков

Как было установлено, стратиграфия культурных напластований выглядит следующим образом: сверху лежит дерновый слой толщиной до 0,40 м, под которым залегает слой слабогумусированного суглинка темно-коричневого цвета, на глубине 0,70–0,80 м постепенно переходящий в слой материкового суглинка желтого цвета с известковыми включениями (т. н. белоглазка). Местами, на кв. 1, 2, 4, 5 под слоем суглинка темно-коричневого цвета прослежены остатки древней погребенной почвы. На всей исследуемой территории селища заметно общее понижение уровня современной дневной поверхности в сторону берега реки – с юга на север.

Дерновый слой толщиной до 0,40 м представлен гумусированным суглинком темного цвета с включением гальки. При разборке дернового слоя на исследуемой площади археологические находки не обнаружены.

Толщина слоя слабогумусированного суглинка темно-коричневого цвета колебалась в пределах 0,40–0,80 м (последнее значение зафиксировано на кв. 1). При его разборке был найден малочисленный вещественный материал – всего лишь 31 обломок

керамики, в составе которых представлено семь обломков амфор, в основном стенок, четыре обломка круговых красноглиняных и сероглиняных сосудов, 13 обломков круговых и семь обломков лепных кухонных сосудов. Среди других категорий находок из этого слоя следует отметить железный трехлопастной втульчатый наконечник стрелы IV–III вв. до н. э. (рис. 34) (Лимберис, Марченко, 2005. С. 289, рис. 17: 19; 292, рис. 20: 8), обломок медной проволоки (современной?). Кроме того, в слое найдены кости домашних животных. В пространственном отношении вещественные находки в слое распределялись неравномерно: их концентрация возрастала в западном–юго-западном направлении. Они изредка встречались в восточной части исследованного участка селища.

Древняя погребенная почва представлена слоем суглинка темно-коричневого цвета с примесью органики – очевидно остатки древней погребенной почвы, обнаруженные на кв. 1, 2, 4 и 5. Толщина этого слоя местами достигала 0,30 м. С уровня древней погребенной почвы были устроены древние грунтовые сооружения – ямы 1–3. Археологических находок в слое не обнаружено.

Исследованные площади и объекты

Участок 1 квадратной в плане формы, площадью 150 кв. м, поделен на четыре квадрата – кв. 1–4, каждый площадью 37,50 кв. м; участок 2, площадью 200 кв. м, повторяющий направление проселочной дороги, был поделен на восемь квадратов – кв. 5–12, каждый площадью около 25 кв. м (рис. 35; 36).

Участок 1. Кв. 1–4

Кв. 1–4 расположены непосредственно под опорой № 109 (рис. 37), бетонные основания которой нарушили культурный слой селища. Прослойки перетолженного материкового суглинка желтого цвета отчетливо заметны на стратиграфических разрезах на кв. 1 и 3. После снятия дернового слоя и слоя слабогумусированного коричневого суглинка на кв. 3 и большей части кв. 1 был прослежен слой материкового суглинка с известковыми включениями (т. н. белоглазка), который на кв. 2, 4 и в юго-западной части кв. 1 был перекрыт слоем древней погребенной почвы, представленной гумусированным суглинком коричневого цвета с включением органики.

При разборке слоя коричневого суглинка были найдены четыре стенки круговых кухонных горшков, одна стенка лепного сосуда и ручка сероглиняного кувшина (рис. 38).

После снятия культурных напластований до уровня материкового суглинка в центральной части

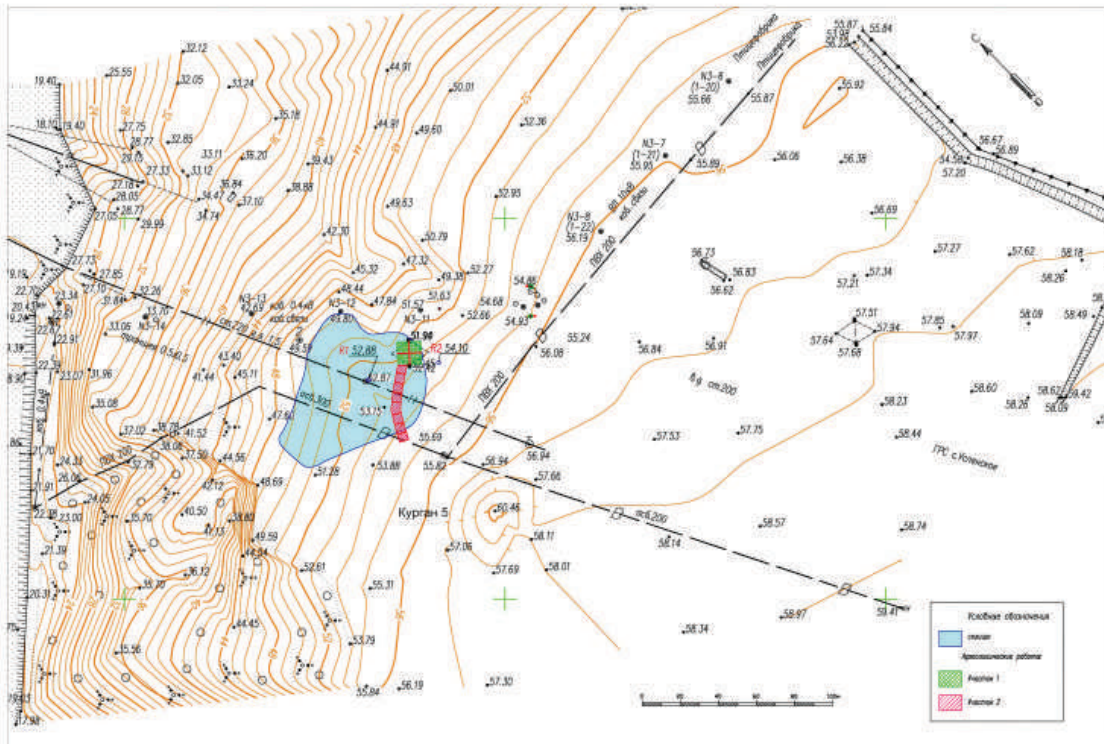

Рис. 30. Топографический план селища Успенское III и его окрестностей с указанием места археологических раскопок в зоне реконструкции опоры № 109

Рис. 31. Местоположение селища Успенское III относительно ст. Успенской с указанием места археологических раскопок в зоне реконструкции опоры № 109 (Google Earth)

Рис. 32. Селище Успенское III. Участки исследования перед началом работ. Вид с севера

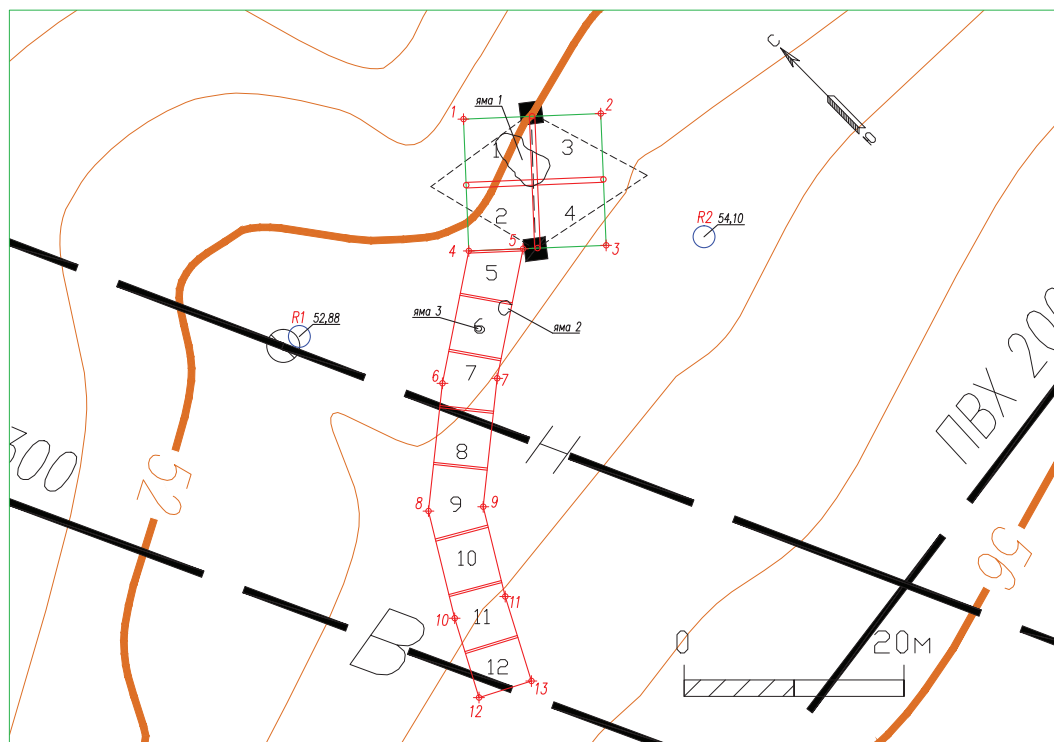

Рис. 33. Селище Успенское III. Участки 1 и 2. Схема кв. 1–12

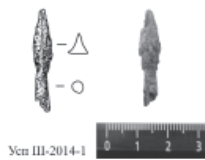

Рис. 34. Селище Успенское III. Железный наконечник стрелы IV–III вв. до н. э. (слой темно-коричневого суглинка)

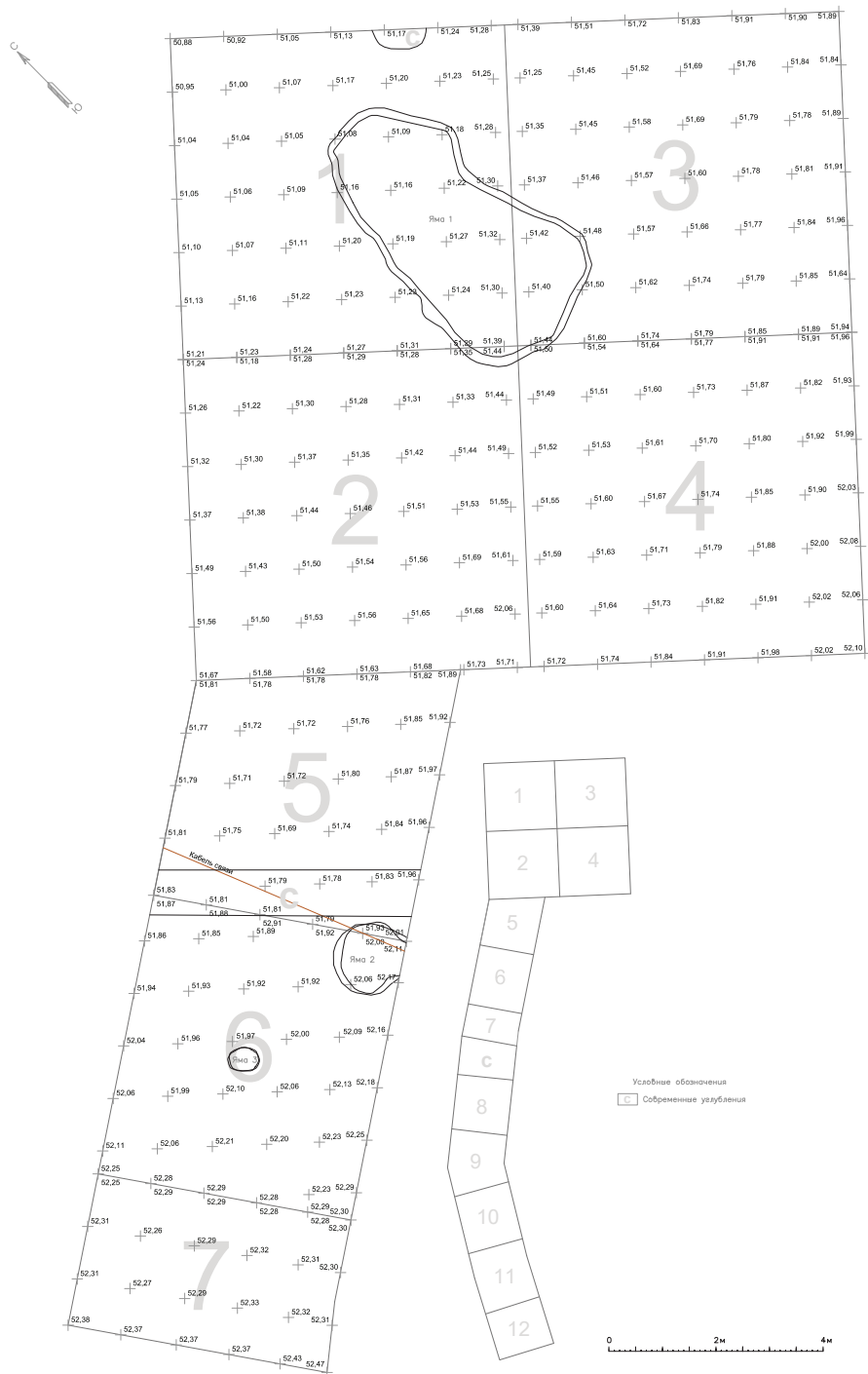

Рис. 35. Селище Успенское III. Кв. 1–7. План на уровне материкового слоя

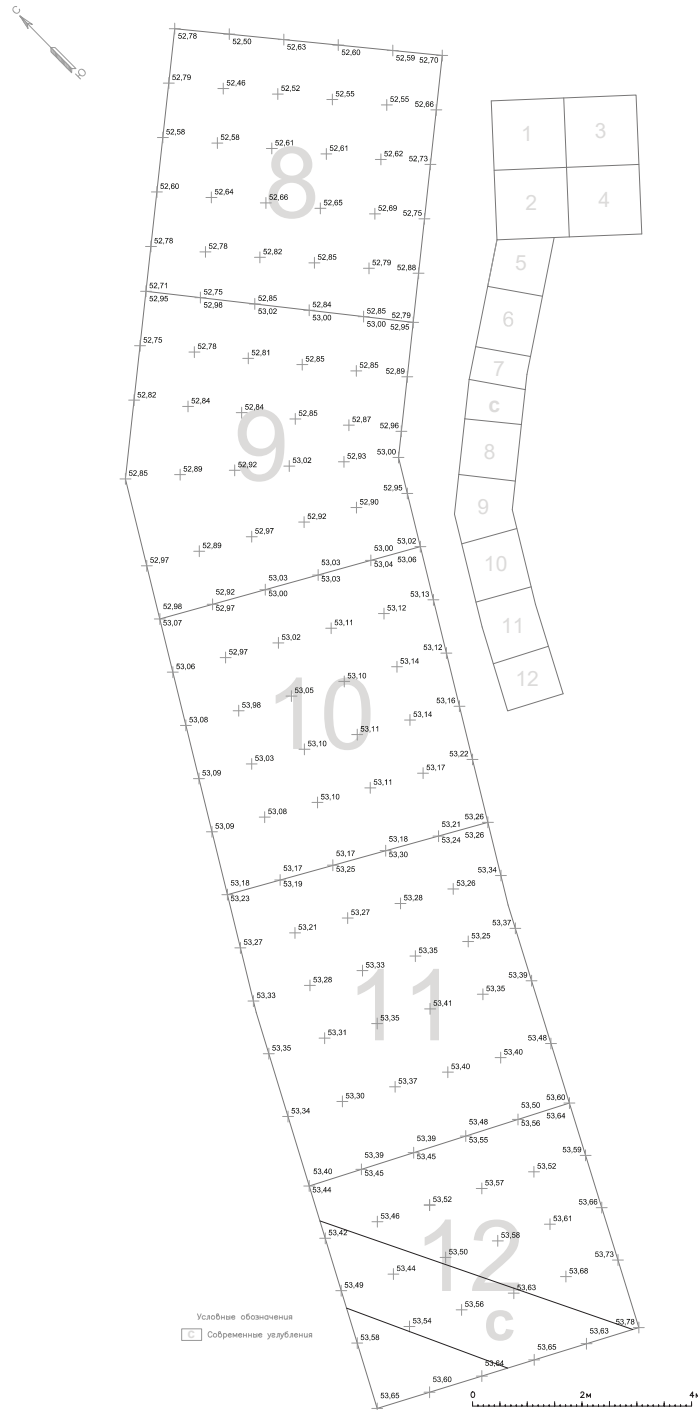

Рис. 36. Селище Успенское III. Кв. 8–12. План на уровне материкового слоя

Рис. 37. Селище Успенское III. Участок 1. Снятие слоя слабогумусированного суглинка темно-коричневого цвета. Вид с юго-востока

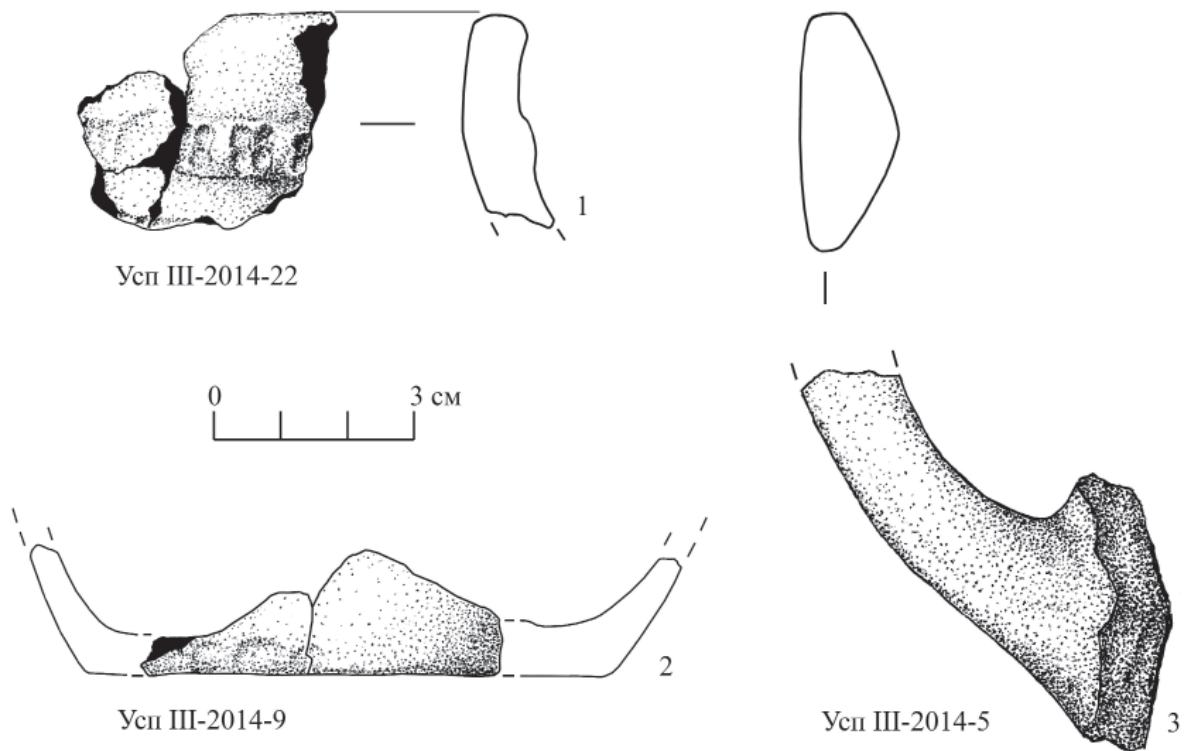

Рис. 38. Селище Успенское III. Находки: 1 – край лепного горшка; 2 – донце сероглиняного сосуда; 3 – ручка сероглиняного кувшина

участка 1, в основном на кв. 1 были прослежены контуры ямы 1 неправильной, подовальной формы, длиной 5,60 м и шириной 2,90 м, ориентированной длинной осью по линии север – юг, вырытой с уровня древней погребенной почвы на глубину 0,58 м (рис. 39; 40). Заполнение ямы состояло из гумусированного суглинка темно-коричневого цвета; археологических находок в нем не обнаружено.

Участок 2. Кв. 5–12

Кв. 5–12 расположены на подъездной проселочной дороге, пересекавшей территорию селища с юго-запада на северо-восток (рис. 41; 42), колеи которой отчетливо видны на стратиграфических разрезах. Современные нарушения культурного слоя селища прослежены (рис. 35; 36): на стыке кв. 5 и 6 (траншея под нефтепровод шириной 1 м и кабель связи, пересекавшие раскоп с севера на юг), на кв. 7 (траншея под нефтепровод, шириной около 1,00 м, по соображениям безопасности оставленная не раскопанной), на кв. 12 (траншея под водопровод шириной 1,50 м). Все каналы заполнены переотложенным материковым суглинком с примесью суглинка коричневого цвета.

После снятия дернового слоя и слоя слабогумусированного суглинка темно-коричневого цвета на всей площади участка 2, за исключением кв. 5, где были обнаружены остатки погребенной почвы, прослежен слой материкового суглинка желтого цвета с известковыми включениями. В ходе разборки культурных напластований найдено всего лишь 26 обломков керамики, в составе которых семь стенок красноглиняных амфор (рис. 43), девять стенок круговых кухонных горшков, четыре стенки красно- и сероглиняных сосудов и шесть стенок лепных горшков, один из которых был орнаментирован по краю наlepным валиком с пальцевыми вдавлениями (рис. 38: 1).

На уровне слоя материкового суглинка открыты два грунтовых сооружения – ямы 2 и 3 (рис. 40). Яма 2, усеченно-конической формы с диаметром устья 1,20 м, диаметром дна 1,50 м, глубиной 0,52 м, обнаружена на стыке кв. 5 и 6. Она заполнена глинисто-золистым грунтом, ее дно обожжено. В заполнении ямы, в верхней части нарушенного при прокладке вышеупомянутого кабеля связи, найдена стенка красноглиняной амфоры, донце сероглиняного

Рис. 39. Селище Успенское III. Яма 1. Вид с юга

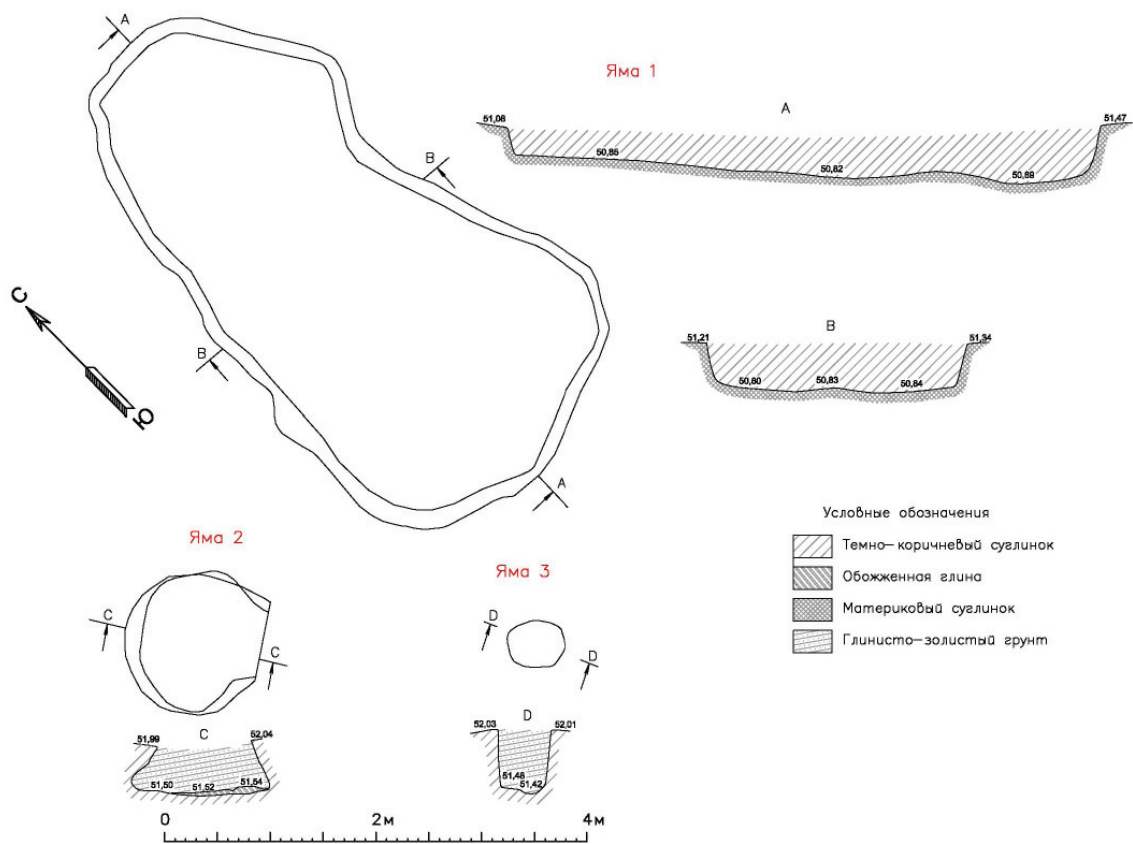

Рис. 40. Селище Успенское III. Ямы 1–3. Планы и разрезы

Рис. 41. Селище Успенское III. Кв. 8–12 на уровне материкового суглинка. Вид с юго-запада

Рис. 42. Селище Успенское III. Кв. 8–12 на уровне материкового суглинки. Вид с севера

Рис. 43. Селище Успенское III. Стенки красноглиняных амфор (слой темно-коричневого суглинки)

сосуда, стенка лепного горшка и обломок железного предмета, а также кости домашних животных. Яма могла служить в качестве очага для приготовления пищи. Яма 3, цилиндрической формы, диаметром 0,50 м и глубиной 0,60 м, обнаружена в центре кв. 6, заполнена глинисто-золистым грунтом, при разборке которого археологические находки не обнаружены. Яма, скорее всего, служила для установки деревянного столба (опоры?).

Полученные в ходе раскопок данные в первом приближении позволяют определить функцию памятника как места для выпаса домашнего скота в непосредственной близости от реки – источника питьевой воды (кстати, заметим, что изучаемый участок и в настоящее время используется местным населением для выпаса крупного рогатого скота). Следов недолговременных пастушьих построек не сохранилось, хотя материальные свидетельства жизнедеятельности на этой территории вполне очевидны. Сюда относятся обломки керамической посуды, хозяйственные ямы, кости домашних животных, употреблявшихся в пищу, яма-очаг для ее приготовления. Судя по формам и орнаментации круговой и лепной посуды, а также по типу наконечника стрелы, памятник может быть датирован IV–III вв. до н. э.

Источники и литература

- Анфимов Н. В., 1982. Средневековые селища Правобережья р. Кубани (Ставропольское плато) // XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М.
- Биджиев Х. Х., 1985. Исследование болгарских поселений степного Предкавказья в 1982–1983 гг. (итоги археологических раскопок) // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Биджиев Х. Х., 1989. Исследование средневековых поселений Карачаево-Черкесии и степного Предкавказья в 1985–1988 годах // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Биджиев Х. Х., 1993. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск.
- Гадло А. В., 1976: Археолого-этнографические исследования 1972 года в западных районах Ставропольского края // Материалы по истории Ставропольского края. Ставрополь. Вып. 14.
- Гадло А. В., Найдено А. В., 1973. Разведка по Егорлыку // АО 1972 года. М.
- Доценко И. В., Нарожный Е. И., Соков П. В., 2008. Охранно-спасательные археологические работы в Горькой Балке (Новокубанский район Краснодарского края) // Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета. Отчет по итогам научно-исследовательских работ за 2008 год. Армавир.
- Кантемиров Э. С., Дзатиатты Р. Г., 1995. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. // Аланы: история и культура. Владикавказ. Вып. 3.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005: Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников Правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 5.
- Малахов С. Н., Соков П. В., 2008. Знаки на астрагалах и изделиях из кости с раннесредневековых поселений Средней Кубани (VIII–IX вв.) // Археологический журнал. Армавир. № 2.
- Нарожный Е. И., Галаган (Лихошерстова) Н. А., 1996. Тарная керамика Средней Кубани эпохи раннего средневековья // Третьи чтения по археологии Средней Кубани : тез. докл. Армавир.
- Нарожный Е. И., Соков П. В., 2002. Об основных типах поселенческого керамического материала со Средней Кубани (по материалам Кизиловой и Горькой Балки) // Девятые чтения по археологии Средней Кубани : тез. докл. Армавир.
- Соков П. В., 2003. Раннесредневековые памятники VIII–IX вв. Средней Кубани : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж.
- Хайнрих А., 1995. Раннесредневековые катакомбные могильники у сед. Чми и Кубан // Аланы: история и культура. Владикавказ. Вып. 3.
- Флерова В. Е., 1997. Граффити Хазарии. М.

Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Эрбек в 2014 г.

М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, Т. Р. Садыков, Вл. А. Семенов

В 2014 г. Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН (ТАЭ) продолжала исследования по трассе строящейся железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино. Работы проводились в долине р. Эрбек – непересыхающему правому притоку Улуг-Хема. Низовья р. Эрбек, вырываясь из теснины Уюкского хребта, образуют обширную террасированную долину. Верхняя часть более узкая и суровая, но именно здесь сконцентрированы десятки могильников эпохи бронзы (монгун-тайгинская культура), скифского времени и эпохи средневековья, открыты городища и стоянки разных эпох. Этот участок Эрбека был наиболее благоприятным для обитания людей, живущих в условиях крайне архаичной экономики. Раскопки в долине р. Эрбек ТАЭ проводит с 2011 г. совместно с Русским географическим обществом, организовавшим экспедицию «Кызыл–Курагино», в которой участвуют сотни волонтеров, которые приехали в Туву из разных стран и городов. В настоящее время на эрбекском участке раскопано более 100 курганов различных исторических эпох. В 2014 г. раскопки проводились на девяти могильниках (Саускен 2, 3, 7, Эки-Оттуг 2, Кара-Чоога 3 и 4, Бай-Даг 5, 6 и 10), а также на уникальном городище гунно-сарматского времени Катылыг 5 (рис. 1).

Могильник Бай-Даг 6 расположен на неширокой надпойменной террасе на выходе р. Эрбек из горной теснины (руководитель работ Н. А. Лазаревская). В период с 2011 по 2014 г. на нем были исследованы все объекты – 20 курганов (Килуновская, Семенов, 2013. С. 199–205) (рис. 2; 3). Большая часть курганов (14 курганов) датируется эпохой поздней бронзы и относится к монгун-тайгинская культуре IX–VIII вв. до н. э. Отличительной особенностью монгун-тайгинских курганов является то, что в них нет инвентаря. На базе этой культуры сформировались культуры скифского типа в Туве.

К монгун-тайгинской культуре относятся курганы 7, 8а, 9, 10, 11, 19, раскопанные в 2014 г. Курган 7 имел поквadratную ограду, внутри которой находилось кольцо-крепида, в центре которого обнаружена циста овальной формы, ориентированная длинной осью по линии северо-запад – юго-восток и сложенная из крупных камней. В ее юго-восточной части сохранились кости ног погребенного, по которым можно предположить, что он лежал в вытянутом положении головой на северо-запад. Курган 8а – подквадратная выкладка, ограниченная крупными камнями и тщательно забутованная мелкими обломками скал. В ее центре открыта небольшая циста, ориентированная длинной осью по линии запад – восток и перекрытая плитой, внутри которой остатков погребения не было обнаружено. В основании курганов 9 и 10 сооружено каменное кольцо из крупных обломков скал, внутри которого устроена погребальная камера, сложенная из очень крупных вертикально поставленных глыб, ориентированная длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Внутри камеры сохранились останки погребенных, положенных на бок в скорченной позе, головой на северо-запад, т. е. по обряду, характерному для скифских культур Тувы. В кургане 9 был найден выплеск бронзы (рис. 4), а в кургане 10 – фрагмент керамики раннескифского облика (рис. 5). Данные памятники относятся ко времени кургана Аржан, к памятникам шанчигского типа, т. е. ко времени формирования культур скифского типа (IX–VIII вв. до н. э.) (Чугунов, 1992. С. 78, 79; 1994. С. 51; 2009. С. 347–349).

Еще один объект, который относится к этой же эпохе, – это курган-керексур 20 (руководитель работ Н. Ю. Смирнов) (рис. 6), открытый из-под метровой толщи наносного со склонов горы песка. Он представляет собой сложное архитектурное сооружение. Как выяснилось, первоначально было сделано каменное кольцо диаметром 17 м, внутри

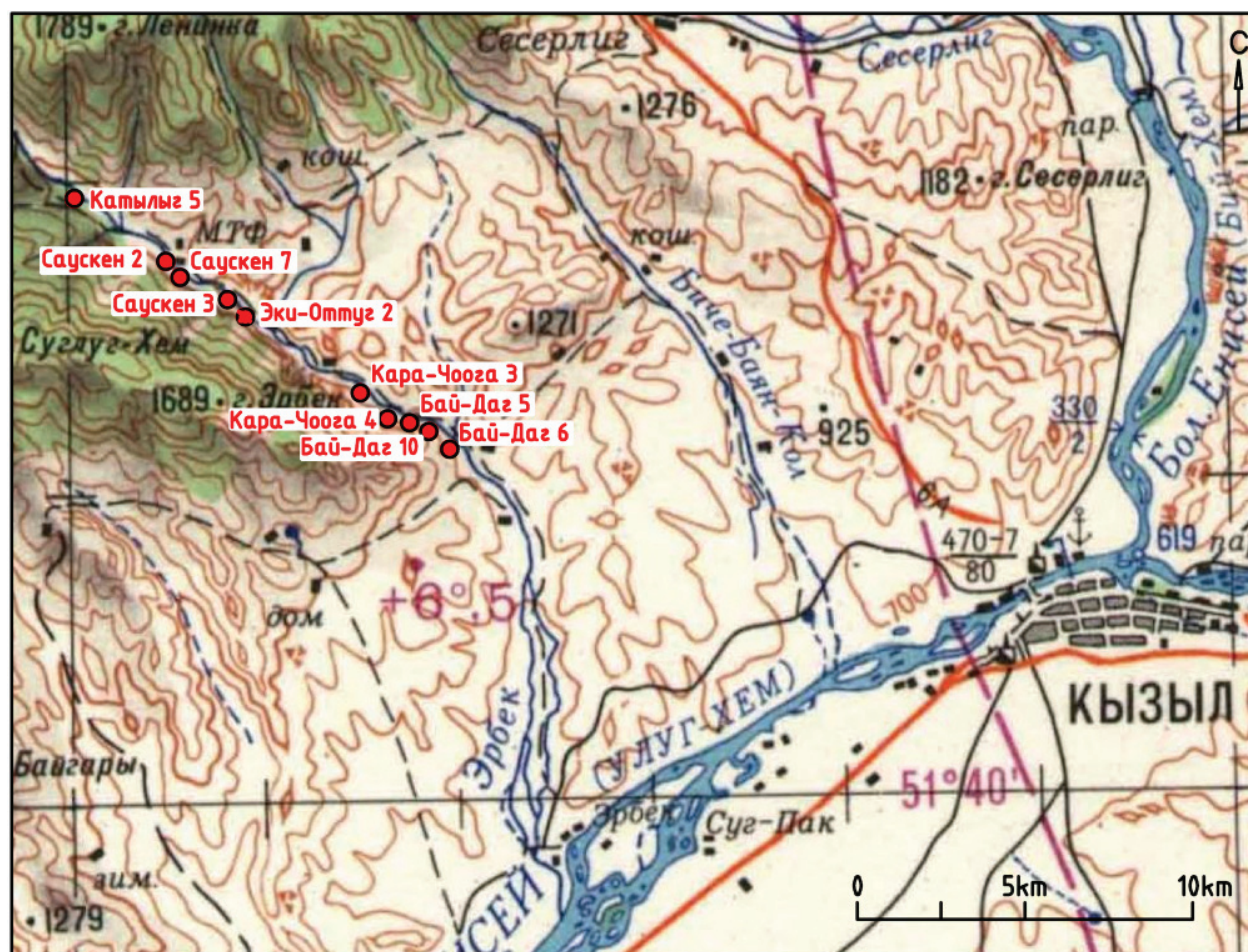

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников, раскопанных ТАЭ ИИМК РАН в 2014 г.

которого на уровне древней дневной поверхности сооружена погребальная камера – циста из больших камней, перекрытая массивными блоками в несколько слоев и обложенная вокруг камнями, огражденными вертикально поставленными каменными глыбами высотой около 1 м (рис. 7). Сверху были набросаны обломки скал. Вокруг всего сооружения найдены скопления костей животных с углями – остатками поминальных ритуалов. Такие памятники характерны для Монголии, где они достигают более 100 м в диаметре.

Другой тип памятников – это курганы-кладбища раннескифского времени алды-бельской культуры (конец VIII – VII в. до н. э.). Курганы окружены оградой из крупных камней, внутри которых совершались захоронения в неглубоких ямах, в каменных ящиках. В 2014 г. раскопаны курганы 15 и 16. Курган 15 содержал семь могил. Внутри ограды вокруг центральной могилы 1 размещались остальные погребения, за исключением могилы 4,

которую поместили между западной стеной ограды и дугообразной пристройкой. Все захоронения были совершены в каменных ящиках, перекрытых плоскими плитами. Центральная могила 1 была ограблена, в ней среди камней обнаружены обломки двух красноглиняных сосудов, а также бронзовые шило и круглая бляха от конской узды (рис. 8). В неограбленной могиле 2 найден скелет молодой женщины, под тазовыми костями которой в кожаных чехлах и остатках одежды найдены бронзовые зеркало и крупное шило с кольчатым навершием. В могилах 3–6 были захоронены дети. В могиле 6 прослежены остатки деревянной колоды. Могила 7 не была ограблена. Над перекрытием найдены бронзовые предметы конской упряжи: две подпружные бляшки, три бронзовые обоймы, налобник, двухдырчатые псалии и стремечковидные удила, бронзовый черешковый наконечник стрелы (рис. 9). На дне ящика лежал скелет взрослого человека на левом боку, в скорченном положении головой на северо-запад. Возле скелета найдены

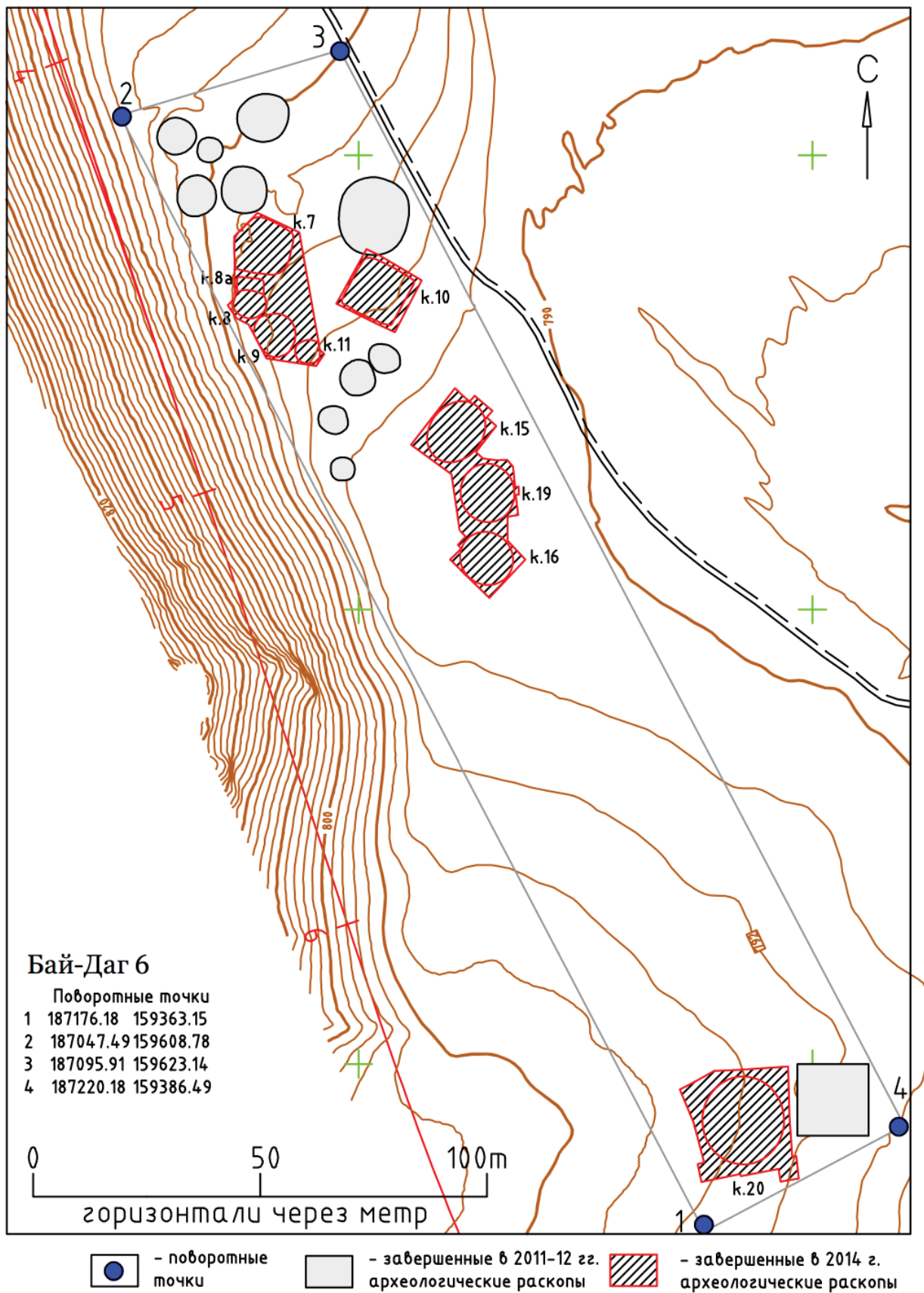

Рис. 2. Могильник Бай-Даг 6. План

Рис. 3. Могильник Бай-Даг 6. Вид с юга

Рис. 4. Могильник Бай-Даг 6. Курган 9.
Бронзовый выплеск

Рис. 5. Могильник Бай-Даг 6. Курган 10.
Фрагмент керамики

Рис. 6. Могильник Бай-Даг 6. Курган 20. Вид сверху

Рис. 7. Могильник Бай-Даг 6. Курган 20. Циста. Вид с востока

Рис. 8. Могильник Бай-Даг 6. Курган 15. Могила 1.
Находки: бронзовые шило и конская бляха

четыре бронзовых наконечника стрел, стеклянная и каменная бусины, каменный оселок и бронзовый нож с остатками кожаного чехла, три бронзовые обоймы.

Курган 16 несколько отличался по конструкции – в насыпи открыта квадратная в плане ограда, ориентированная сторонами по странам света и сложенная из горизонтально уложенных камней, к которым снаружи прислонены вертикальные плиты. В центре южной стены ограды под камнями найдены бронзовые удила, характерные для алды-бельской культуры (рис. 10). В центре ограды обнаружена могильная яма, ориентированная длинной осью по линии восток – запад, в которой был установлен каменный ящик. Погребение разграблено, на дне *in situ* сохранились лишь несколько костей стопы, по которым можно предполагать,

что погребенный, очевидно женщина, лежал головой на запад. В могиле найдены остатки ожерелья: бусины белого цвета и сердоликовые, клыки марала и клык кабарги, каменный оселок, два бронзовых тонких колечка и костяная колоколовидная подвеска (рис. 11). По определению А. Д. Грача, подобные подвески распространены в памятниках алды-бельской и уюкско-саглынской культур и служили в качестве женских амулетов (Грач, 1980. С. 68, 69), что позднее подтвердили исследования Д. А. Мачинского и К. В. Чугунова (Мачинский, Чугунов, 1998. С. 183–188).

В кургане 8, расположенном под склоном горы, обнаружено погребение, которое датируется IX–XII вв. В овальной яме, окруженной кольцом-крепидой, лежали останки мужчины с подростком в вытянутом положении головой на восток. С ними найдены железный наконечник копья, железные удила, две костяные пряжки, костяная обойма, роговой предмет (кочедык для развязывания ремней), костяной набалдашник (возможно, жезл), костяной игольник, железный нож в деревянных ножнах, оселок и обломки плохо сохранившихся железных предметов (рис. 12).

К эпохе средневековья также относится могильник Бай-Даг 10 (рис. 13). Один из объектов, сложенный из обломков скальной осыпи вокруг крупных, отколовшихся в древности от скалы фрагментов, оказался поминальным сооружением. При его исследовании обнаружены кости животных, фрагменты керамики и ожерелье из стеклянных бус.

Под насыпью стоявшего рядом кургана совершено погребение знатного воина-всадника, сопровождавшееся оружием и украшениями (рис. 14). Погребальный костюм мужчины был дополнен богатым поясным набором, декорированным железными накладками, плакированными золотом и серебром. Покойный лежал в яме, глубиной около 1 м, на спине, головой на юг. Под голову ему положили конское седло со стременами и седельными подвесками. Справа от тела находился хорошо сохранившийся берестяной колчан, когда-то висевший на портупейном ремне, который был украшен железными накладками, плакированными золотом (рис. 15). У левой руки покойного найден железный нож в кожаных ножнах, украшенных бронзовым кольцом, а на шее – низка крупных каменных бус (рис. 16). В ногах лежала часть туши барана. В настоящее время в реставрационной лаборатории ИИМК РАН ведется сложная работа по расчистке золотой и серебряной плакировки на железных элементах декора воинского пояса и узды и реконструкции облика конского седла.

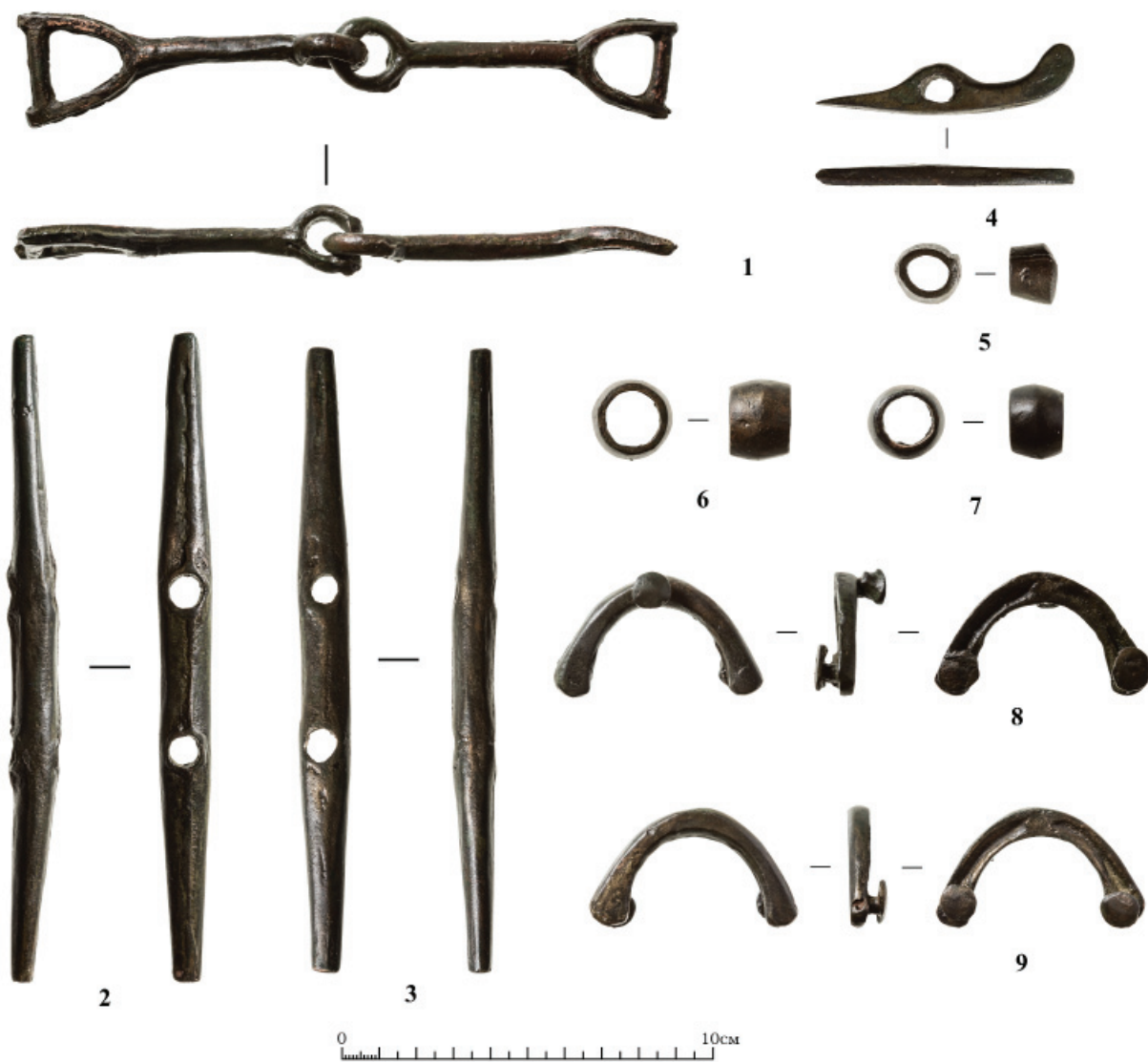

Рис. 9. Могильник Бай-Даг 6. Курган 15. Могила 7. Находки: 1–9 – детали конского снаряжения

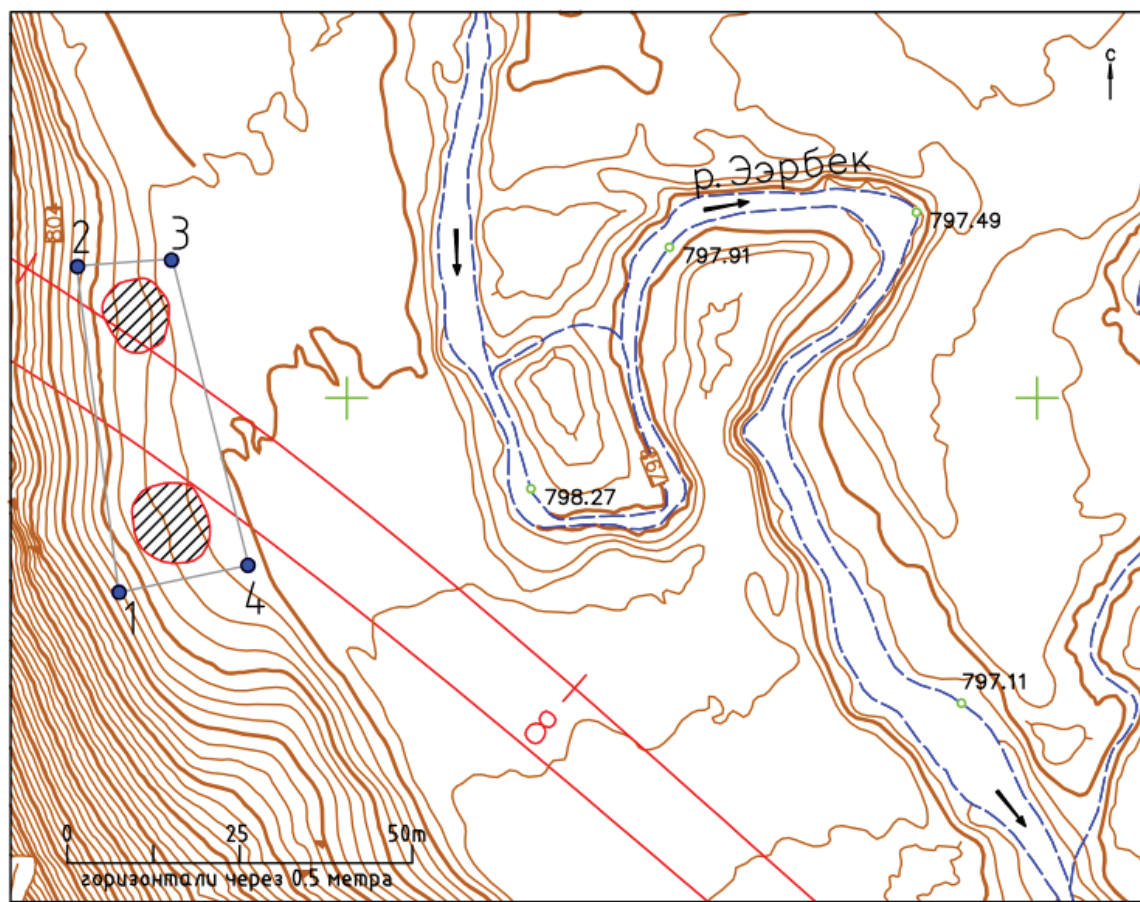
Рис. 10. Могильник Бай-Даг 6. Курган 16. Бронзовые удила в насыпи кургана. Вид с юга

Рис. 11. Могильник Бай-Даг 6. Курган 16. Костяная подвеска

Рис. 12. Могильник Бай-Даг 6. Курган 8. Погребальный инвентарь: 1, 2, 7 – железо; 3–6 – кость

Бай-Даг 10

- поворотные
точки

- завершенные в 2014 г.
археологические раскопы

Рис. 13. Могильник Бай-Даг 10. План

Рис. 14. Могильник Бай-Даг 10. Курган 1. Погребение воина. Вид с востока

Рис. 15. Могильник Бай-Даг 10. Курган 1. Берестяной колчан

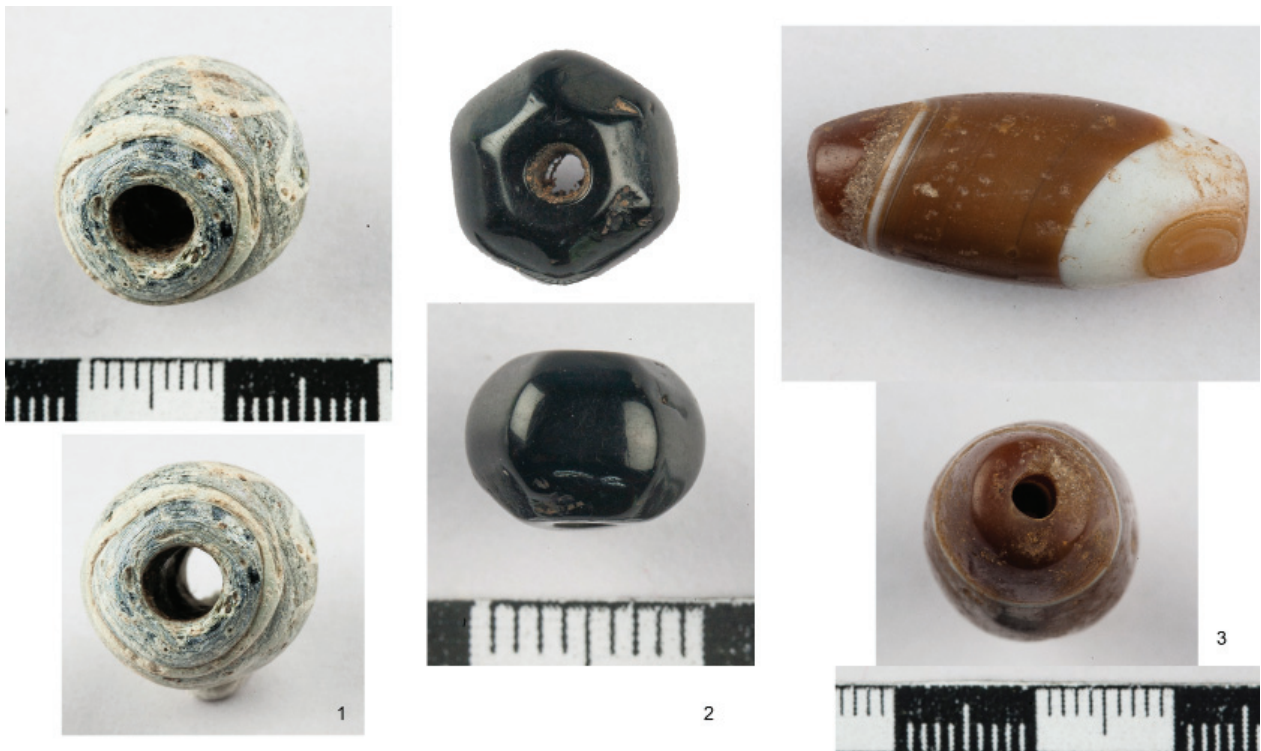

Рис. 16. Могильник Бай-Даг 10. Курган 1. Находки: 1–3 – каменные бусы

Могильники Бай-Даг 5 (рис. 17) и Кара-Чоога 4 находятся на большой поляне у подножия горы Бай-Даг: первый из них состоит из восьми объектов, второй – из двух. Только курган 8 относится к скифскому времени. Он представляет собой разрушенное руслом р. Ээрбек погребение в одновенцовом срубе, в котором найдены золотые украшения в виде нашивок на одежду и обувь, серьги, а также раковины каури, подвески из клыков кабарги, наконечники стрел из бронзы и кости, поясные S-образные бляхи (всего 53 находки) (рис. 18). По типу захоронения и по найденному в нем инвентарю исследованный объект датируется скифским временем – уюкской культурой (VI–V вв. до н. э.). Остальные курганы – это погребения кыргызов с трупосожжением (IX–XI вв.). Курганы 2–4 представляли собой цепочку, вытянутую по линии север – юг. В основе конструкции курганов было кольцо из уложенных плашмя в два ряда плоских обломков скал, такая же конструкция была и в кургане 7. Погребенных вместе с инвентарем сжигали где-то на стороне. В курганах представлены скопления кальцинированных костей и побывавшие в огне вещи – железные ножи, металлические поясные украшения, а также части конского снаряжения – стремяна и скобы от луки седла (рис. 19; 20).

В могильнике Кара-Чоога 4 (рис. 21) открыто средневековое сожжение на горизонте, перекрытое насыпью из речной гальки овальной формы. Среди нетронутых огнем вещей следует отметить каменные и металлические бусы, накладки на пояс и седельные заклепки (рис. 22; 23). Кроме того, в костер была положена часть туши коровы, вероятно, в качестве напутственной пищи.

На могильнике Кара-Чоога 3 открыты четыре кургана (рис. 24). Два из них относились к алды-бельской культуре и были сильно разрушены грабителями. В одном кургане найдены бронзовые удила, портупейная бляха, обойма и бронзовые наконечники стрел (рис. 25). Погребение было совершено в прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии северо-запад – юго-восток и с деревянной рамой по дну. Третий курган относился к кыргызскому периоду и имел наземную конструкцию типа ограды, сделанную из вкопанных деревянных столбиков, от которых сохранилось 18 ямок. В могилу был положен прах человека, кремированного на стороне. Второе захоронение, более позднего времени, относилось к монгольскому периоду, к XIII–XV вв.

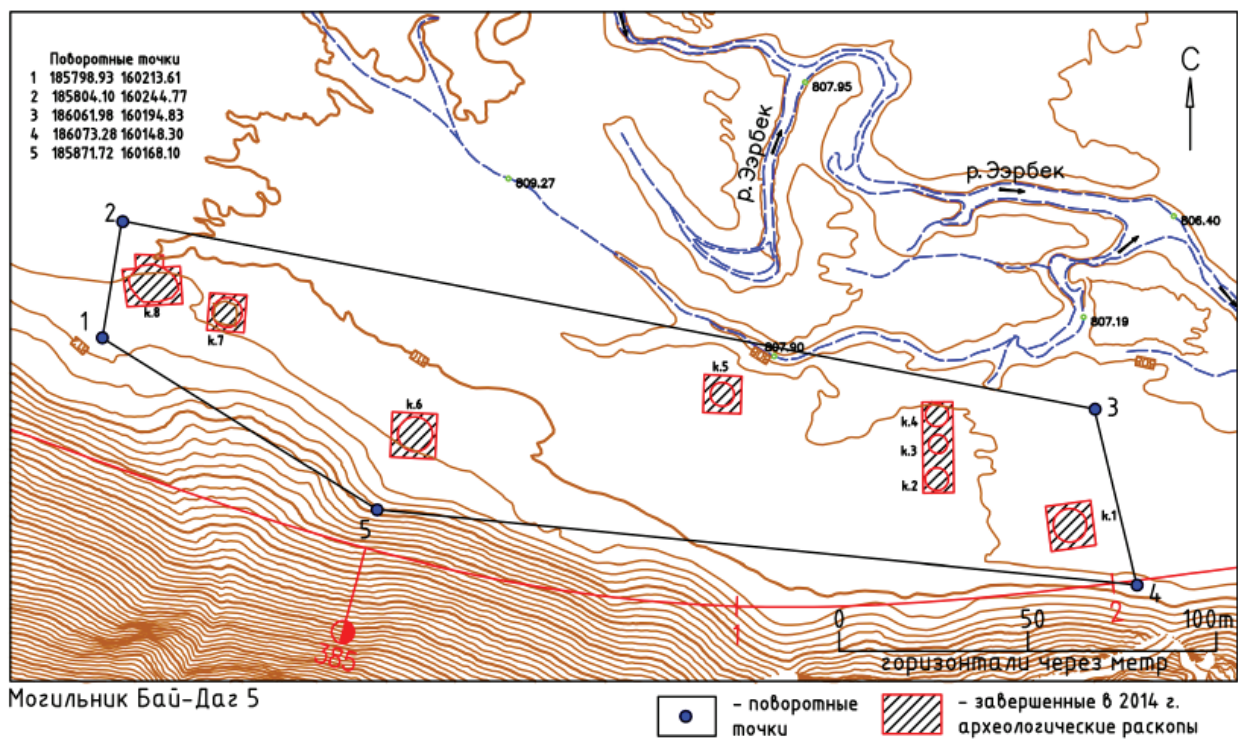
В 2014 г. продолжались исследования в устье ручья Эки-Оттуг, где находится комплекс курганов

скифского времени – могильник Эки-Оттуг 2 (руководитель работ Е. Л. Кириллов). Он состоял из восьми объектов, два из которых раскопаны в 2012 г. (рис. 26). В кургане 5 обнаружены четыре могилы, в кургане 6 – три погребения, глубиной 2–3 м. В погребальных ямах вместо срубов устроены деревянные рамы из небольших бревен. В кургане 5 частично сохранились перекрытие и пол из тонких досок, уложенных параллельно друг другу. Вокруг центральных могил было совершенно пять детских захоронений в грунтовых ямах. В кургане 5 найден олений камень.

Все эти детали очень важны для датировки памятников раннескифским временем – VII – началом VI в. до н. э., что также подтверждается находками золотых серег с конусовидными подвесками (могилы 1 и 3) (рис. 27), одна из которых (из могилы 3) украшена псевдозернью. Обе серьги имеют припаянный снизу щиток с отверстиями для подвешивания бусинок. Подобные серьги известны в курганах алды-бельской культуры Тувы (Аржан-2, Сарыг-Булун и др.), а также в курганах раннескифского времени Алтая. Такие украшения, появившиеся еще в эпоху поздней бронзы, отражают продвижение носителей раннескифской культуры с востока на запад (Семенов, 1999. С. 168; Чугунов, 2003. С. 386–395).

Курганы 3 и 4 расположены в центральной части могильника в 25 м на запад от р. Ээрбек, непосредственно под склоном горы. В кургане 3 остатки наземного сооружения не прослежены. Между тем в кургане 4 вокруг каменной наброски было сделано кольцо-крепида, а на специальной подсыпке выложена каменная вымостка из плоских камней. В центральных могилах, глубиной около 3,50 м, на дне были сооружены одновенцовые срубы, в которых сохранился пол из тонких досок. Перекрытия не зафиксировано. В обоих курганах к югу от центральных погребений были обнаружены сопроводительные захоронения: кенотаф в кургане 3 и захоронение младенца в колоде, помещенной в овальную яму, в кургане 4. Следует отметить, что крышка колоды лежала рядом, а не на ней.

Все захоронения коллективные, включавшие от трех до девяти человек, в их составе преобладали дети и подростки. Кости погребенных были перемешаны с погребальным инвентарем. В курганах найдены многочисленные наконечники стрел из бронзы и кости (более 110 ед.), бронзовые обоймы от поясов разных типов, ножи, шилья, зеркала, ворворки, колчаные крюки, каменные оселки, золотые гривны и нашивки на одежду и др. Особо следует отметить бляшки с изображением

Могильник Бай-Даг 5

Рис. 17. Могильник Бай-Даг 5. План

Рис. 18. Могильник Бай-Даг 5. Курган 8. Погребальный инвентарь: 1–6 – золото; 7–10 – бронза

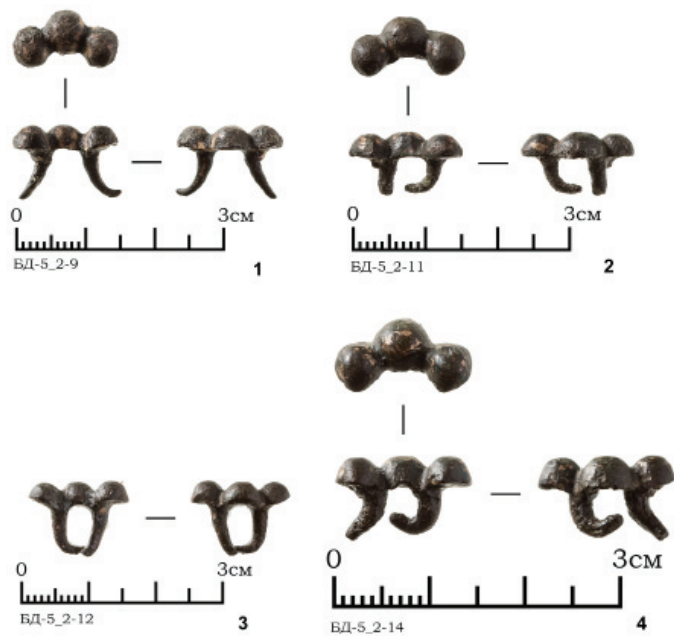

Рис. 19. Могильник Бай-Даг 5. Курган 2. Находки: 1–4 – железные поясные заклепки

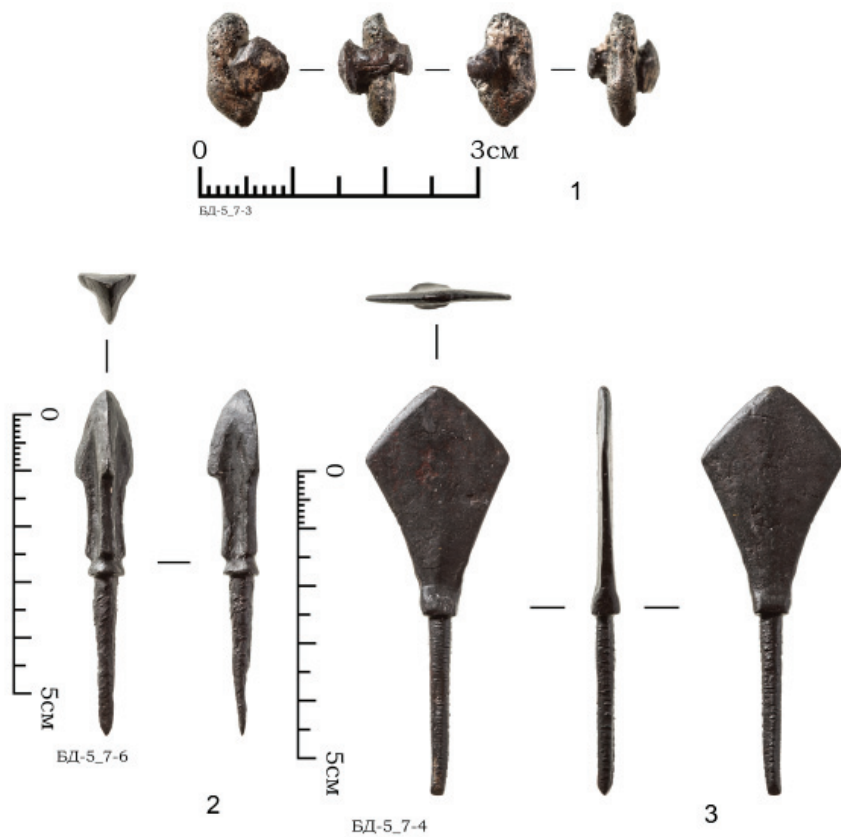
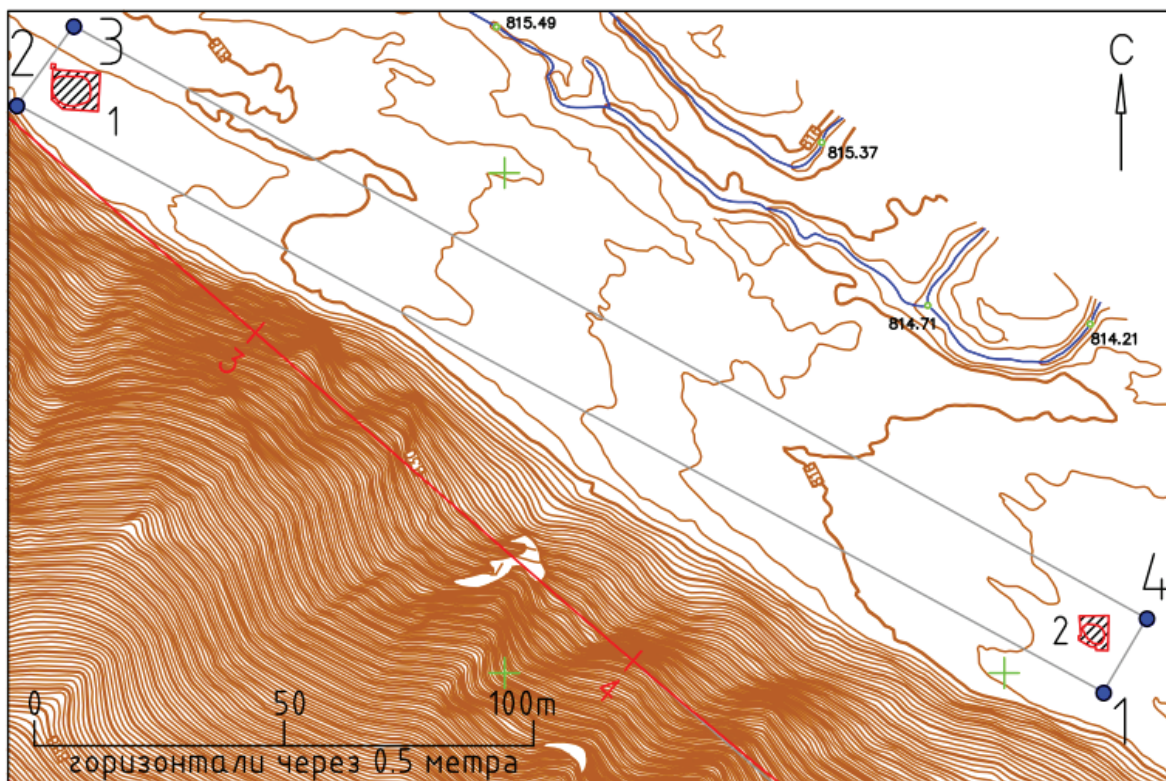

Рис. 20. Могильник Бай-Даг 5. Курган 7. Находки: 1 – железная заклепка; 2, 3 – наконечники стрел

Кара-Чоога 4

 - поворотные точки

 - завершенные в 2014 г. археологические раскопы

Рис. 21. Могильник Кара-Чоога 4. План

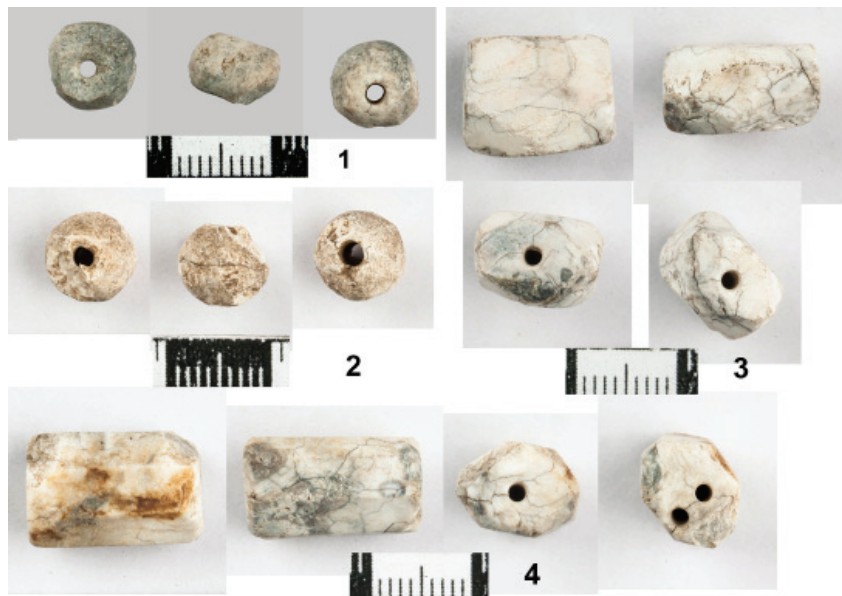

Рис. 22. Могильник Кара-Чоога 4. Курган 1. Находки: 1–4 – пастовые бусы

Рис. 23. Могильник Кара-Чоога 4. Курган 1. Находки: 1–3 – железные поясные пряжки

свернувшегося кошачьего хищника, в виде при-
мыкавших друг к другу полусфер, S-образные
со стилизованными головками грифонов, в виде
фигуры козла и др. Также найдены костяные коло-
коловидные подвески, уже известные по материалам
могильника Бай-Даг 6 (рис. 28–30).

В могиле 2 кургана 5 найден не потревоженный
грабителями скелет мужчины в возрасте от 25 до
30 лет, положенного со слегка согнутыми нога-
ми, головой на запад, на подушке в виде плоского
камня. При нем был найден богатый погребальный
инвентарь: под головой лежала золотая серьга
с пламевидной подвеской; на шее – гривна, свернутая
из золотой фольги, и полусферическая бляшка
из золотой фольги; на груди – втульчатый чекан

с остатками деревянной рукояти и втоком; рядом
с тазом – бронзовый крюк в виде стилизованной
птичьей головы с длинным изогнутым клювом
(рис. 29), а также многочисленные бронзовые пред-
меты – детали наборного пояса (бабочковидные и
S-образные бляшки, ворворки, орнаментированная
портупейная бляха, каменный оселок, бронзовый
кинжал с ножом в одних ножнах, обернутых по-
лосками из караганника и украшенных бляшкой
в виде кабана). Кинжал с бабочковидным перекрестием
и навершием с изображением оскаленных волчьих
голов представляет собой высокохудожественное
произведение скифского звериного стиля (рис. 31).
В ногах погребенного лежали остатки колчана с
31 стрелой, от которых сохранились дровки, костяные
и бронзовые наконечники.

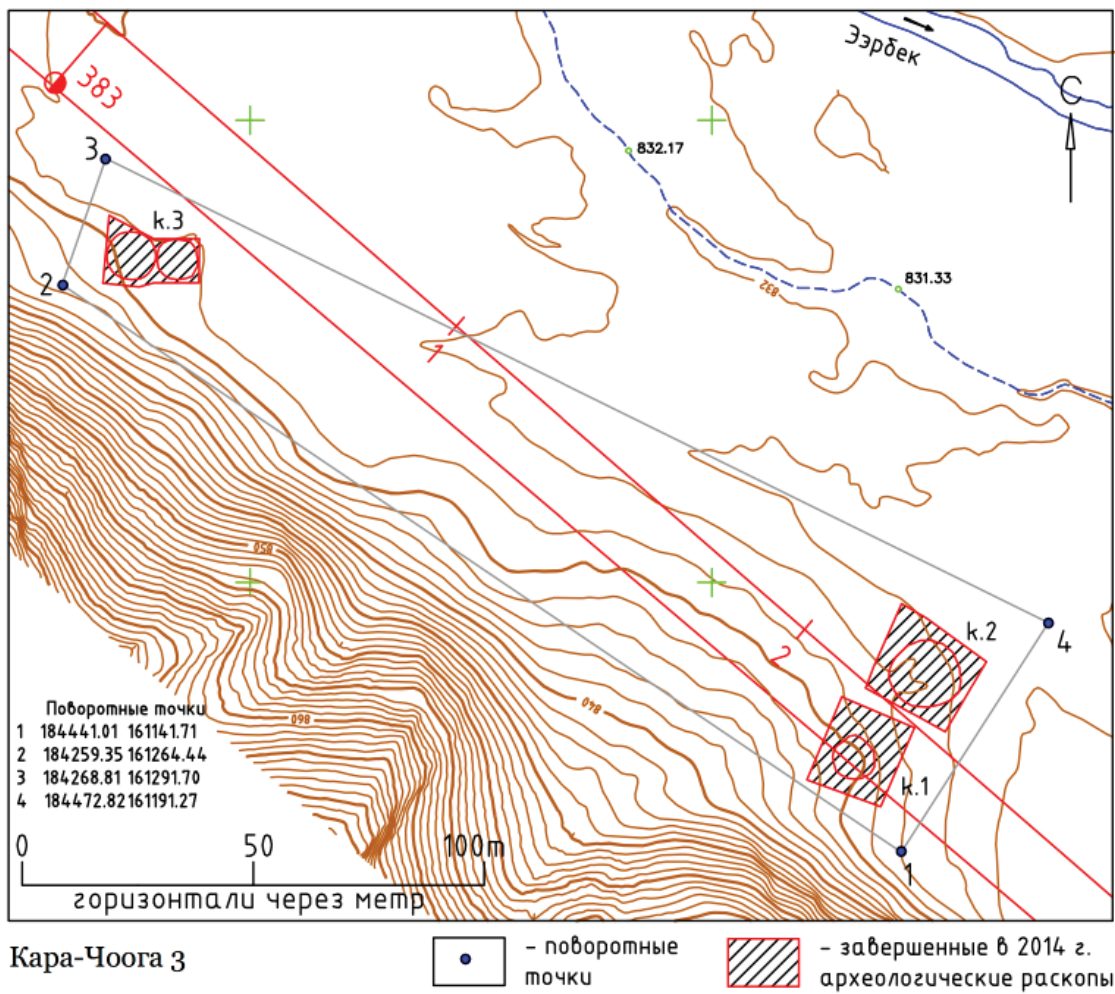

Рис. 24. Могильник Кара-Чоога 3. План

Рис. 25. Могильник Кара-Чоога 3. Курган 1. Погребальный инвентарь (бронза)

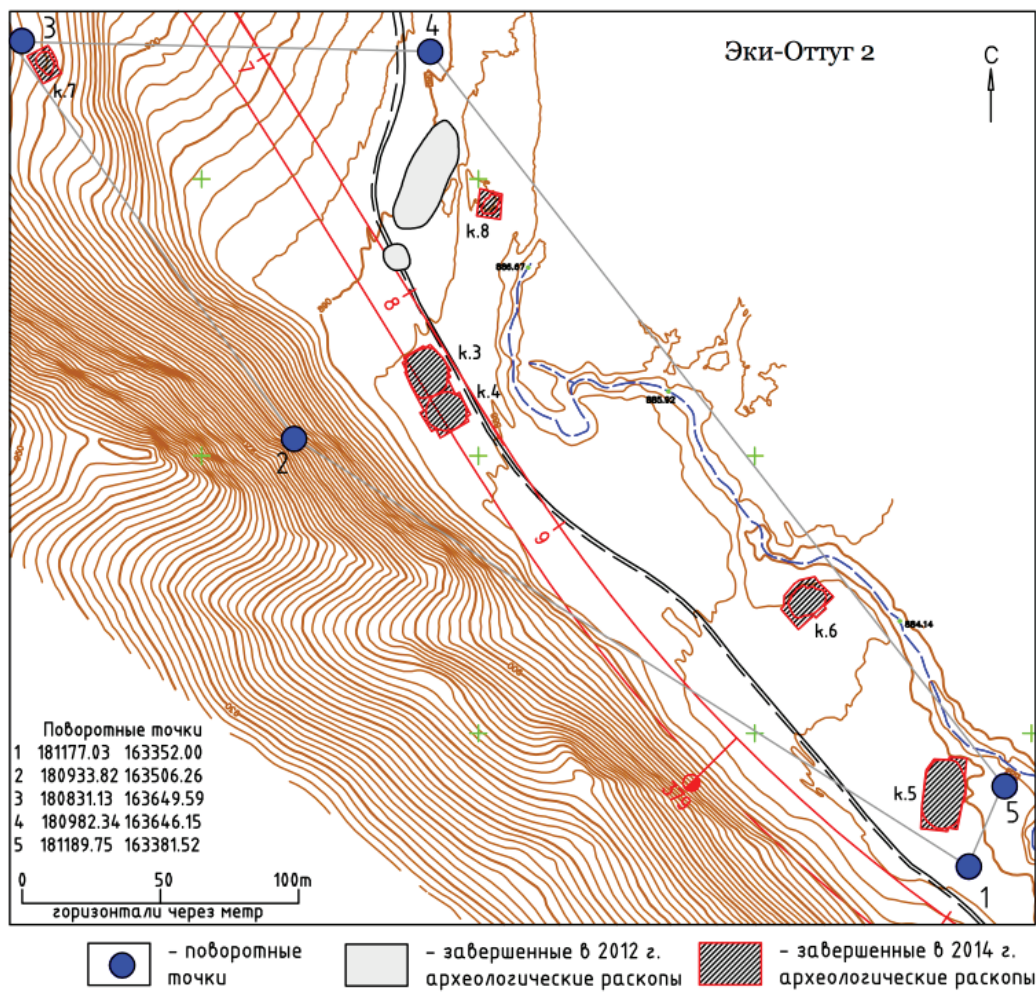

Рис. 26. Могильник Эки-Оттуг 2. План

Рис. 27. Могильник Эки-Оттуг 2. Курган 5. Золотые серьги: 1 – могила 1; 2 – могила 3

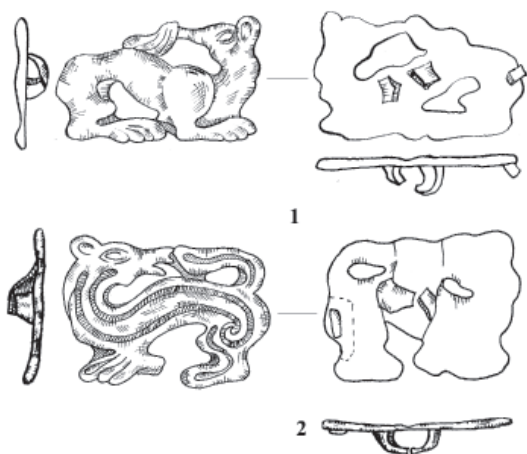

Рис. 28. Могильник Эки-Оттуг 2. Курган 3.
Находки: 1, 2 – бронзовые поясные бляшки

Рис. 30. Могильник Эки-Оттуг 2. Курган 6.
Находки: 1–3 бронзовые поясные бляшки

Рис. 29. Могильник Эки-Оттуг 2. Находки из бронзы:
1 – курган 5, могила 4; 2 – курган 6;
3 – курган 5, могила 2

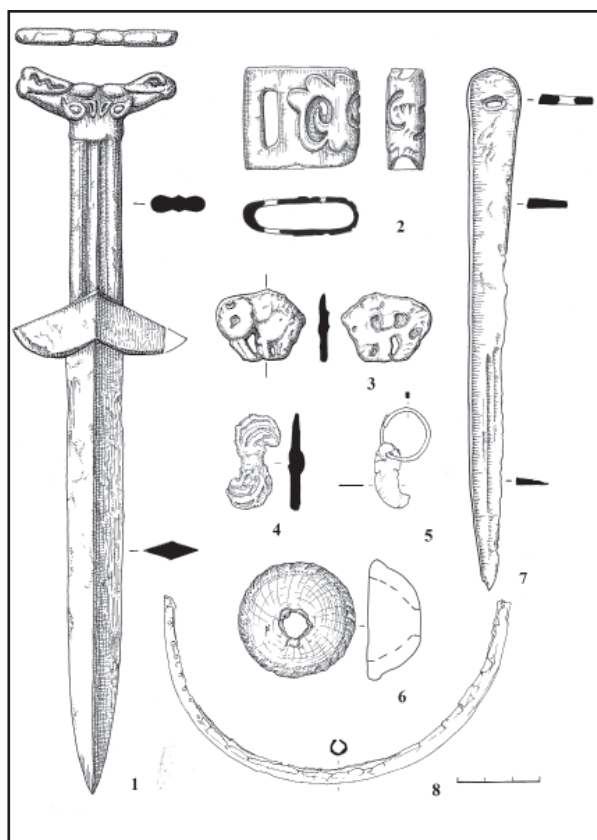

Рис. 31. Могильник Эки-Оттуг 2. Курган 5, могила 2.
Находки: 1–7 – бронза; 8 – золото

Курган 7 – захоронение в каменном ящике, датировка которого неясна. Объект 8 – ритуальная выкладка в кургане 1, раскопанном в 2012 г. Внутри нее найдено много обломков баночных сосудов раннескифского времени.

В 1 км к югу от Эки-Оттуга раскопан могильник Саускен 3, исследовавшийся в 2011 и 2014 гг. и состоящий из 18 объектов (рис. 32): трех ритуальных выкладок и 15 курганов скифского времени (Килуновская, Семенов, 2014. С. 393–423). В 2014 г. раскопаны объекты 10–18. Объекты 10, 11 и 16 расположены на юго-восточной окраине могильника, обособленно от основной группы курганов на мысовидной надпойменной террасе правого берега р. Ээрбек. Объект 10 не имел наземного сооружения, а над центральными захоронениями в курганах 10 и 16 были открыты каменные сооружения: два-три слоя скальных обломков, ограниченных крепидой из крупных камней. В кургане 16, кроме крепиды, подпиравшей каменно-земляное сооружение, также была открыта сложная кольцеобразная конструкция (рис. 33). В противоположных частях кольца прослежены проемы шириной более 1 м, оформленные крупными обломками песчаника и, вероятно, служившие своего рода входами в курган. В каменной конструкции были использованы речные валуны, конгломераты и плиты песчаника. Открытые погребения имеют много общих черт: глубина ям превышала 3 м; перекрытие состояло из бревен, уложенных в три наката; пол сделан из досок, которые вставлены в пазы, вырубленные в нижних опорных лагах сруба; каменные плиты («каменные подушки») найдены в области головы. Между тем в кургане 10 пол был уложен перпендикулярно перекрытию, а позади западной стенки сруба установлена колода.

В кургане 10 найден лишь череп ребенка, тогда как в курганах 11 и 16 обнаружены кости четырех человек, как мужчин, так и детей. Среди костей найдены вещи разной степени сохранности: бронзовые изделия (ворворки, обоймы и скобки), фрагмент деревянного изделия с циркульным орнаментом, кусочки золотой фольги, деревянные чаши, деревянные, костяные и бронзовые наконечники стрел, а также обрывки ткани и кожи плохой сохранности. В кургане 11 у южной стенки лежало бронзовое зеркало с остатками кожаного чехла, а у северной – скопление костяных и бронзовых изделий: две костяные копытовидные подвески, две бронзовые S-образные бляшки, костяная подвеска с петелькой и наконечники стрел из кости и дерева (рис. 34). В кургане 16 обнаружены обломки деревянного наборного гребня, в кургане 10 найдена орнаментированная бляшка с петлей, к которой крепились бронзовые рифленые подвески

(рис. 35). Все объекты относятся к памятникам уюкско-саглынской культуры V–III вв. до н. э.

В центре кургана 11 открыто впускное захоронение мужчины, положенного в узкую яму в вытянутом положении головой на восток. В районе его таза найдена костяная ложечка и миниатюрный железный нож, а рядом с коленом правой ноги – железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы (рис. 36). Погребение относится к эпохе раннего средневековья, к VII–IX вв.

Объекты 12, 14 и 15 расположены в северной части могильника Саускен 3. В кургане 12 открыто наземное каменное сооружение, окруженное кольцом из речных валунов, лежавших на подсыпке, нивелировавшей древнюю дневную поверхность. К северо-западу от центрального погребения открыто впускное захоронение в яме, ориентированной длинной осью по линии запад – восток, перекрытой плитами и жердями. На каменной вымостке лежал скелет пожилой женщины в скорченном положении на боку, головой на запад. Рядом с ее черепом найдена железная шпилька с бронзовым шаровидным навершием, а у правой руки стояло деревянное блюдо, наполненное кедровыми орешками.

Юго-восточный угол центральной ямы прорезан грабительским ходом, в заполнении которого встречались многочисленные скальные обломки, фрагменты бревен, а также человеческие кости с остатками мумифицированной кожи и следами окислов бронзы. Ограбление произошло до разрушения перекрытия, через отверстие в котором южная часть сруба постепенно заполнилась грунтом. Под остатками перекрытия найдены кости женщины 20–25 лет, двух мужчин 19–20 лет, одного мужчины 35–40 лет и двух детей в перемешанном состоянии со следами окислов бронзы и с остатками кожи, войлока, меха, шерстяных материй, тканей, бересты. Все это указывает на то, что ограбление могилы произошло вскоре после совершения захоронения. В могиле также обнаружены многочисленные фрагменты бронзовых изделий (бляшек, ворворок, обойм и др.), бронзовый втульчатый четырехгранный наконечник стрелы, семь черешковых костяных наконечников стрел, фрагмент деревянного резного изделия, три костяные миниатюрные подвески (рис. 37). У западной стенки найдены фрагменты деревянной посуды – ковш с копытовидной ручкой и блюда с продольным ребром на внутренней поверхности.

Объекты 14 и 15 не имели наземных сооружений. Они могут быть отнесены к саглынской культуре IV–II вв. до н. э. Глубина могильных ям достигала

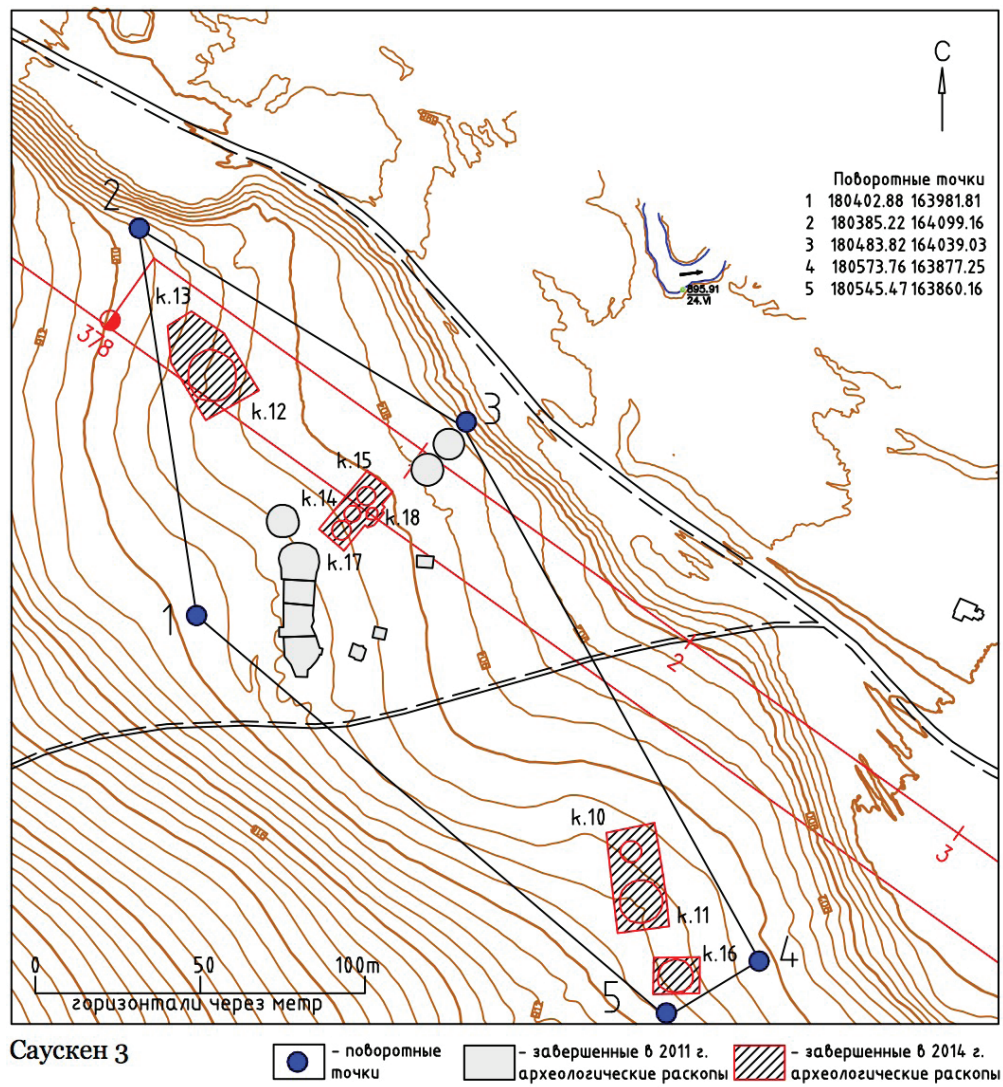

Рис. 32. Могильник Саускен 3. План

Рис. 33. Могильник Саускен 3. Курган 16. Каменная конструкция. Вид с востока

Рис. 34. Могильник Саускен 3. Курган 11. Находки: 1, 2 – бронзовые бабочковидные бляшки

Рис. 36. Могильник Саускен 3. Курган 11. Впускное захоронение. Находки: 1 – кость; 2, 3 – железо

Рис. 35. Могильник Саускен 3. Курган 10. Погребальный инвентарь (бронза)

Рис. 37. Могильник Саускен 3. Курган 12. Находки: 1-3 – кость; 4-6 – бронза

2 м. В могильной яме 14 за пределами сруба найдена колода с крышкой без остатков погребения. На полу у западной стенки лежали каменные плитки («каменные подушки»). В срубе были захоронены мужчина, женщина и два ребенка, вместе с которыми найдены бронзовый кинжал и зеркало с вихревым орнаментом.

Конструкция сруба 15, ограбленного в древности, была более сложной. Перекрытие сделано в два наката: поверх массивных бревен лежали тонкие жерди. Жерди и бревна в восточной части пере-

крытия разделены прослойкой грунта. За срубом около южной и северной стенок ямы установлены столбы – так называемые коновязи, характерные для погребений саглынской культуры. Изначально эти столбики поднимались выше древней дневной поверхности и отмечали место захоронения. Сруб был сложен в обло из пяти массивных бревен, концы которых обтесаны, вырубывались с двух сторон. Пол уложен из полубревен на специальную подсыпку. В северо-восточной части сруба сразу под перекрытием обнаружено впускное захоронение мужчины в возрасте 35–45 лет, лежавшего на подсыпке скорченно на правом боку, головой на запад, на «каменной подушке» (рис. 38). Под ним найдены перемешанные кости трех женщин, двух мужчин, двух новорожденных младенцев, двух детей и одного подростка. В углах сруба лежали черепа и кости козы или овцы (остатки мясной пищи). У южной стенки сруба обнаружены два керамических сосуда с высоким горлом, по тулову украшенные каннелюрами и наклепными ушками (рис. 39). В срубе также найдены многочисленные фрагменты железных изделий, бронзовая пряжка с неподвижным язычком, костяная пряжка, железная шпилька с навершием из фаланги, раковины каури, два ожерелья из белого бисера и клыков кабарги, бронзовое зеркало. Все эти предметы характерны для озен-ала-белигского этапа саглынской культуры III–II вв. до н. э. Ближайшие им аналогии известны в археологических материалах могильника Суглуг-Хем (Семенов, 2003).

В составе находок особо отметим костяной полый цилиндр, на поверхности которого вырезана голова оскалившегося кошачьего хищника (рис. 40). Цилиндр служил горлышком кожного сосуда (потувински когэржика), по его краю просверлены отверстия для пришивания, а внутри имела деревянная пробка. Еще одно произведение древнего искусства – это костяной наконечник ремня в виде головки лани.

Могильник Саускен 7 раскопан полностью, включая межкурганное пространство, и представляет собой сложный поминально-погребальный комплекс уюкской культуры скифского времени VI–IV вв. до н. э. (руководитель работ В. О. Глухов). Всего исследовано семь курганов, вытянувшихся цепочкой по линии северо-запад – юго-восток (рис. 41; 42). Между курганами были обнаружены поминальные выкладки, очаги, разбитая керамическая посуда и кости животных, оставшихся после поминальных тризн. Могильные холмы состояли из грунта, выброшенного при рытье могильной ямы, перекрытого одним-двумя слоями камней. Погребение 9 вообще не

имело наземных признаков и было найдено в результате снятия дерна на широкой площади. Насыпь кургана в большинстве случаев окружало кольцо из крупных валунов. Выброшенный при рытье могилы грунт также укреплялся камнями, которые образовывали внутреннее кольцо-крепиду. Пространство между внутренним и внешним кольцом, по всей видимости, служило площадкой для ритуальных действий, на что указывают найденные здесь в большом количестве кости животных, обломки керамики и каменные треугольники. Многие каменные треугольники на могильнике Саускен 7 перекрыты небольшими обработанными камнями, напоминающими бифасы. На объектах 2 и 3 с южной и юго-восточной стороны, вплотную к крепиде, были пристроены небольшие прямоугольные выкладки ритуального назначения, сложенные из одного ряда камней средних размеров. Среди камней попадались скопления мелкодробленых кальцинированных косточек.

В большинстве случаев выкопанный грунт располагался вокруг центрального погребения на уровне материковой поверхности или насыпной платформе в виде двух дуг высотой 0,20–0,50 м, разделенных с северной и южной сторон перемычками, заполненных серой супесью и, вероятно, символизировавших «вход» и «выход» в курган. В курганах 3 и 6 имелись сопроводительные захоронения. Одно из них было перекрыто несколькими слоями каменных плит, под которыми найдены кости лошади. Глубже в овальной яме на каменной вымостке лежали останки трех человек: мужчины 40–45 лет и двух детей 10–12 и 7–8 лет. Все они были положены на правом боку с подогнутыми ногами головой на восток. В остальных случаях могилы представляли собой каменные цисты с остатками колод из лиственницы с детскими захоронениями без сопроводительного инвентаря.

Под каменно-земляными насыпями курганов прослежены очертания могильных ям центральных захоронений (в кургане 5 было две ямы), имевших квадратную или прямоугольную форму с закругленными углами, со стороной 2,00–3,00 м и глубиной 2,60–3,50 м, ориентированных сторонами или углами по странам света. Могильные ямы были заполнены темно-серой гумусированной супесью, в одном случае мешаной материковой супесью. На дне обнаружены деревянные срубные конструкции, сложенные в лапу с остатком, высотой два-четыре венца (0,30–0,60 м). Верхняя часть сруба перекрыта тесаными досками шириной 0,30 м и толщиной 0,05 м. В одном случае (объект 4) перекрытие сделано из бревен диаметром

Рис. 38. Могильник Саускен 3. Курган 15. Захоронение в срубе. Вид с востока

C-3_15-6

C-3_15-12

Рис. 39. Могильник Саускен 3. Курган 15. Керамический сосуд

Рис. 40. Могильник Саускен 3. Курган 15. Костяное навершие сосуда и деревянная пробка

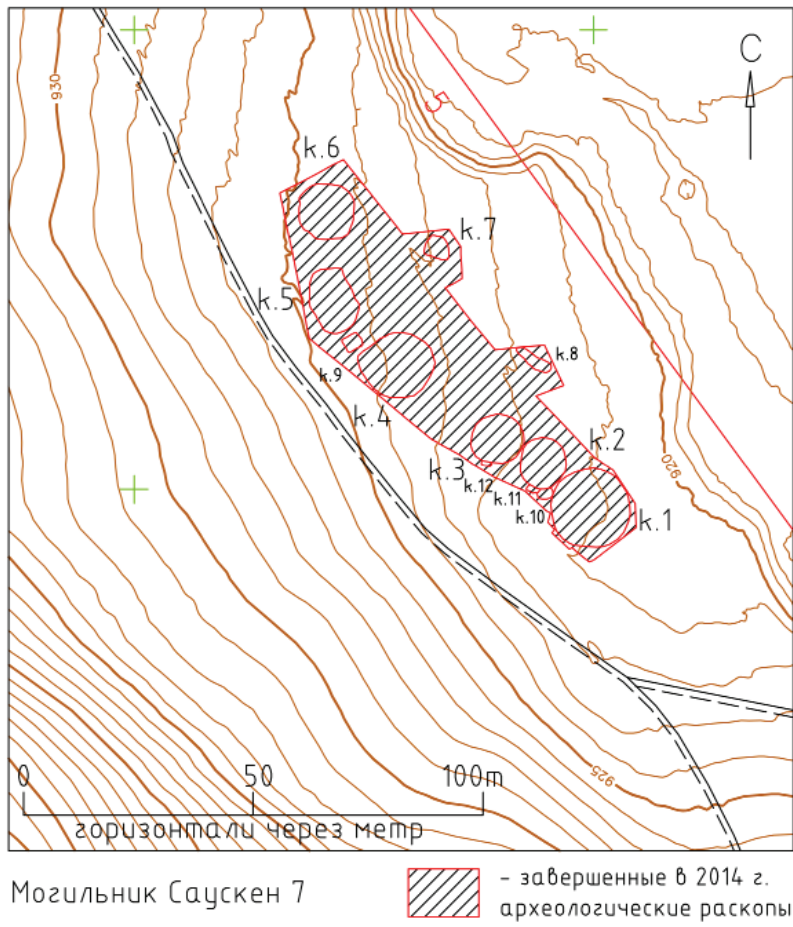

Рис. 41. Могильник Саускен 7. План

Рис. 42. Могильник Саускен 7. Вид сверху

0,20 м. Пол также сделан из досок. В кургане 6 между стенками сруба и могильной ямы устроена кладка из двух рядов камней шириной 0,50 м и высотой 0,25 м. У западных стенок срубов лежали «каменные подушки». Количество погребенных колебалось от двух до пяти человек.

Все могилы разграблены. Погребальный инвентарь включал бронзовые зеркала и ножи, ворворки, обоймы, железные головные шпильки со сферическим навершием (железным, позолоченным, деревянным), костяные и бронзовые наконечники стрел, оселки, бронзовые бабочковидные пряжки, бронзовую пряжку из пяти спаянных полусфер (аналог пятикольчатой «саглынской» пряжки), портупейные пряжки, бронзовую гривну, обернутую золотой фольгой, золотую пектораль, золотую серьгу из проволоки. В кургане 5 найдено много изделий из кожи и шерсти, а также круглая пряжка в виде вписанных друг в друга головок грифонов (рис. 43).

В кургане 2 сохранился лишь один неповрежденный скелет (рис. 44) и разнообразный погребальный инвентарь: деревянное блюдо, роговой сосуд с отверстиями для подвешивания, каменный сосуд (рис. 45), кинжал с ножом в деревянных ножнах (рис. 46), колчан с бронзовыми и костяными наконечниками стрел, два колчаных крюка, пряжки с застежкой от портупеи, нашивки и украшения из золотой фольги и др. В головах погребенных найдено деревянное блюдо размерами 0,30 × 0,15 м, на котором лежали бронзовые колчаный крюк, обойма, портупейная бляха, распределитель ремней в виде колеса, железная ворворка и второй бронзовый колчаный крюк с остатками кожаного ремня и меховой одежды. У юго-западной стенки обнаружены остатки берестяного колчана длиной 0,80 м с большим количеством древков, бронзовыми, костяными и деревянными стрелами, который, возможно, висел на крюке над головами погребенных, как это было в могильниках Саускен 3 и Догээ-Баары (Килуновская, Семенов, 2014. С. 404–407, 415, 416; Чугунов, 2007. С. 129, 130). Рядом стояла небольшая каменная чаша, а среди костей у северо-восточной стенки сруба найдены кости ног ребенка, окрашенные охрой, и небольшой пластинчатый бронзовый нож с ножнами, украшенный циркульным орнаментом. Всего в могиле было обнаружено 102 предмета.

На могильнике Саускен 2 из 17 объектов раскопано четыре (рис. 47; 48). В двух курганах озен-ала-белигского этапа саглынской культуры позднескифского времени III–II вв. до н. э. открыты могильные ямы глубиной около 2 м, со срубами, сложенными из бревен в обло в четыре

венца (высота сруба превышала 1 м). Перекрытие состояло из толстых бревен. Следует отметить, что с древней дневной поверхности в сруб вел вход-дромос, длиной 2,00 м и шириной 0,80 м, обложенный и перекрытый большими плитами (рис. 49), в котором найдены кости мужчины. Вход в могилу перекрывала вертикальная плита.

В целом погребальный обряд (захоронение в высоком срубе, помещенном в яму глубиной менее 2 м; перекрытие сруба уложено поперечно доскам пола; под головами погребенных – «каменные подушки»; кости животных на полу) и инвентарь (красноглиняные вазы с налпным орнаментом, поставленные в углу сруба и в головах погребенных, костяные и бронзовые пряжки с неподвижным язычком, бронзовые пятикольчатые пряжки и ажурные колоколовидные подвески, костяные втульчатые наконечники стрел, железные шпильки с навершием из фаланги; рис. 50; 51) находят прямые аналогии в археологических материалах могильника Суглуг-Хем III–II вв. до н. э. (Семенов, 2003). Однако, в отличие от последнего, где погребения не имели наземных конструкций и дромосов, на могильнике Саускен открыты надмогильные каменные сооружения: выкладки и кольца-крепиды, а также вход-дромос. Кроме того, в черепах некоторых погребенных видны отверстия, сделанные оружием. По всей видимости, в конце скифского времени в долине р. Ээрбек, как и на Саяно-Алтае в целом, происходили столкновения местного населения с пришельцами с востока и юго-востока (Забайкалья, Монголии и Внутренней Монголии), которые были связаны с культурой сюнну. Позднее, в I в. до н. э., в Туве распространилась кокэльская культура. На могильнике Саускен 2 открыто два поминальника, один из которых с керамикой с арочным орнаментом относился к кокэльской культуре гунно-сарматского времени, другой со стремениами – к эпохе кыргызов. Исследования на могильном поле Саускен будут продолжены.

Городище Катылыг 5 находится в таежной зоне в верхнем течении р. Ээрбек (рис. 52; 53). С севера оно ограничено крутым речным склоном, с других сторон – двумя рвами и валами. Городище было обнаружено в ходе разведок Тувинской экспедиции (Килуновская, Семенов, 2013; Садыков, 2013). Тогда же было высказано предположение о датировке поселения гунно-сарматским периодом. Такого рода памятники в Туве до сих пор не исследовались.

Городище занимало небольшую площадь, из которой в 2014 г. раскопано 2000 кв. м, однако жилищ пока не обнаружено. На памятнике

Рис. 43. Могильник Саускен 7. Находки: 1–3 – курган 5; 4, 6 – курган 4; 5 – курган 3; 1, 3–6 – бронза; 2 – золото

Рис. 44. Могильник Саускен 7. Курган 2. Остатки захоронения в срубе. Вид с северо-востока

Рис. 45. Могильник Саускен 7. Курган 2.
Каменная чаша

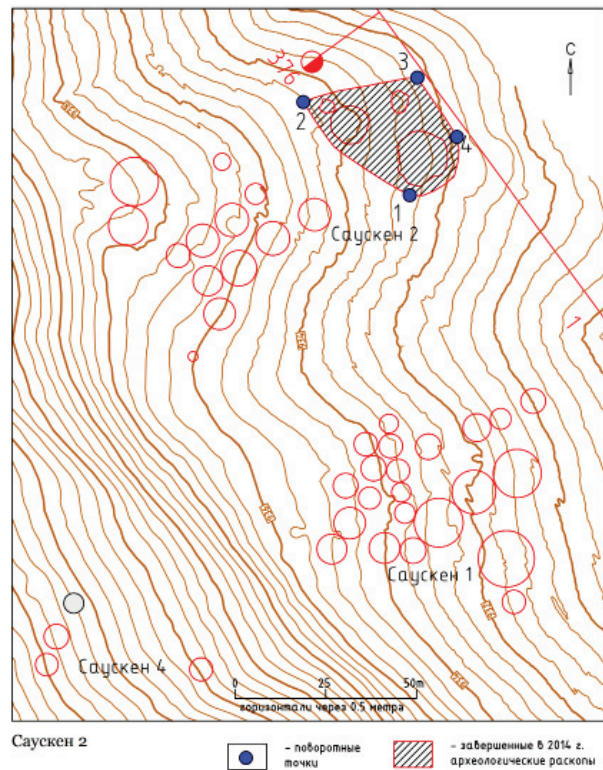

Рис. 47. Могильник Саускен 2. План

Рис. 46. Могильник Саускен 7. Курган 2.
Бронзовые предметы

открыты многочисленные ямы, а также остатки железодельного производства: горны (рис. 54), фрагменты шлака, что позволяет предполагать наличие местной сырьевой базы. Кроме того, на территории городища обнаружены погребения той же кокельской культуры (рис. 55), что прежде для нее не было характерно (Савинов и др., 2010).

В ходе анализа археологических вещественных материалов с городища Катыйлыг 5 было установлено, что основной массив керамических находок связан с кокельской керамической традицией (рис. 56). Между тем около 18 % фрагментов принадлежали сосудам «с косым горлом», аналогии которым в Туве неизвестны. Подобного рода сосуды найдены в Приамурье (Алкин, Гребенчиков, 1994), но их назначение остается не вполне ясным.

Косторезное ремесло хорошо представлено в материалах городища как готовыми изделиями (накладками на лук, свистульками на стрелы, гребнями; рис. 57), так и заготовками. Кроме костей домашних животных (мелкого и крупного рогатого скота, лошадей) найдены кости косули и благородного оленя.

Открытие памятника нового типа вызывает у исследователей множество новых вопросов, касаю-

Рис. 48. Могильник Саускен 2. Вид сверху

Рис. 49. Могильник Саускен 2. Курган 1. Погребение с дромосом. Вид с запада

Рис. 50. Могильник Саускен 2. Курган 1.
Керамический сосуд

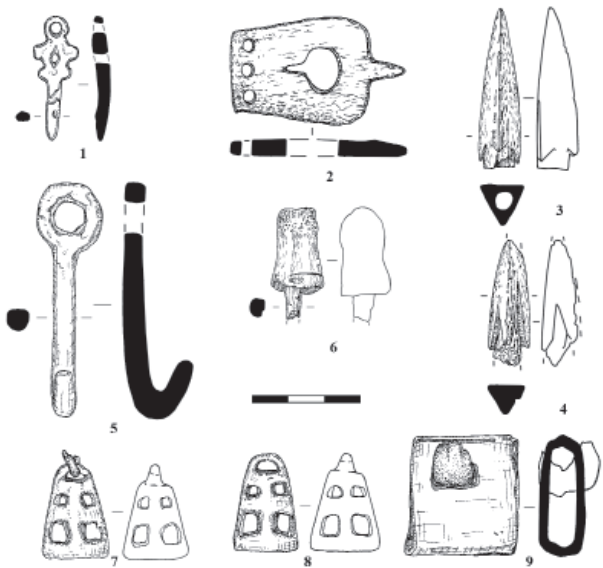
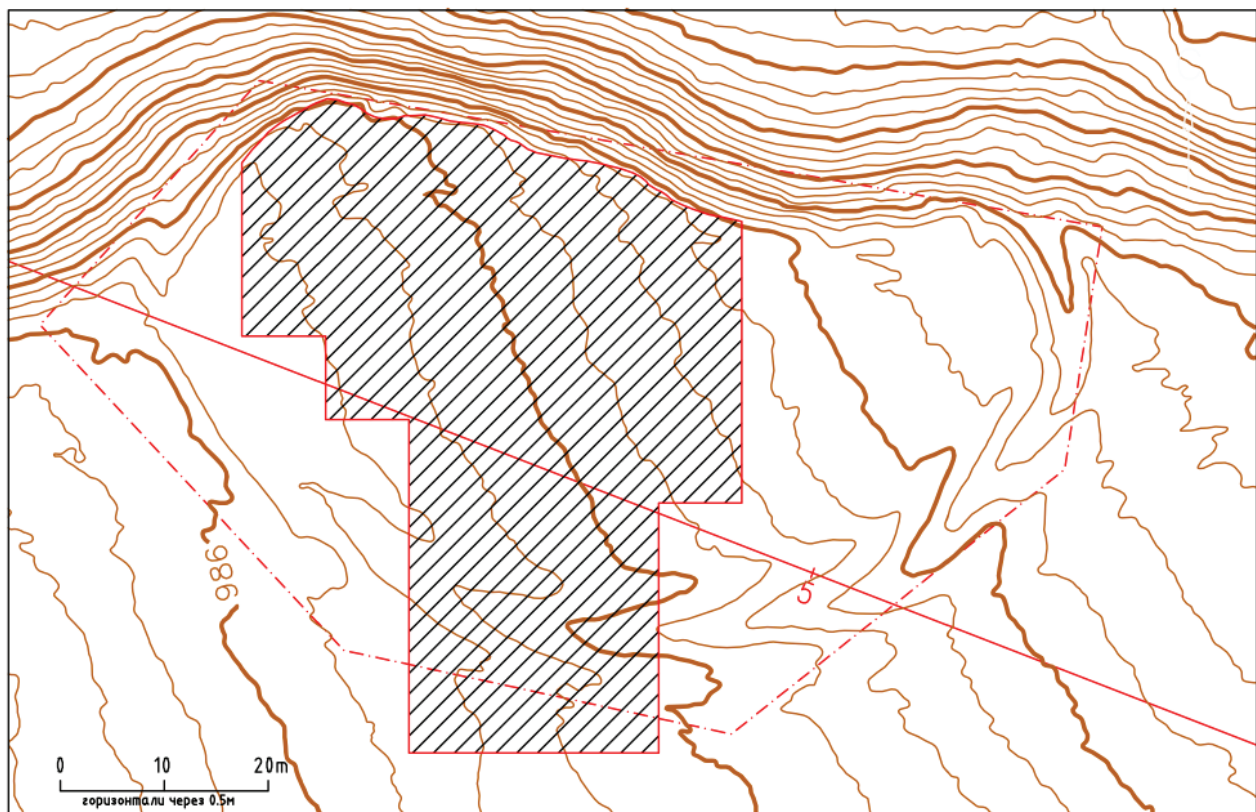

Рис. 51. Могильник Саускен 2. Находки:
1, 6–9 – курган 1; 7, 8 – курган 2;
1, 5, 7–9 – бронза; 2–4 – кость;
6 – железная шпилька с фалангой

Катылыг 5

 – завершенные в 2014 г. археологические раскопы

Рис. 52. Городище Катылыг 5. План

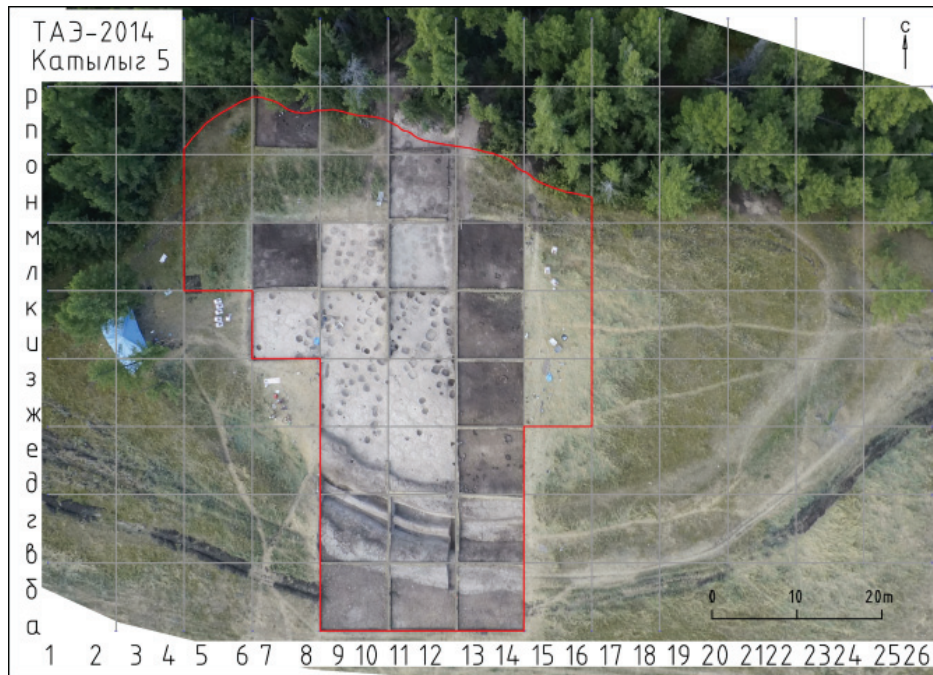

Рис. 53. Городище Катлыг 5. Вид сверху

Рис. 54. Городище Катлыг 5. Железодельная печь. Вид с северо-востока

Рис. 55. Городище Катылыг 5. Погребение 3. Вид с севера

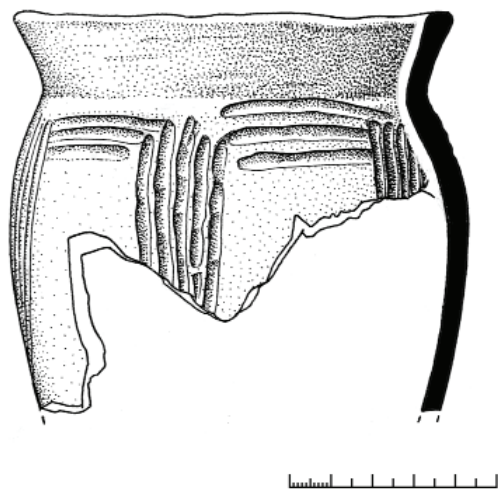

Рис. 56. Городище Катылыг 5. Кокэльская ваза

Рис. 57. Городище Катылыг 5. Костяной гребень

щихся его местоположения, системы укреплений, планировки, ремесла, керамических форм и погребальных комплексов, требующих специального исследования (Садыков, 2015).

Источники и литература

- Алкин С. В., Гребенщиков А. В., 1994. Об одном уникальном сосуде из коллекции мохэской керамики Приамурья // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск.
- Грач А. Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.
- Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., 2013. Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл–Курагино // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб. № 3.
- Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., 2014. Могильник скифского времени Саускен 3 в долине р. Эербек (Республика Тыва) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб.
- Мачинский Д. А., Чугунов К. В., 1998. Атрибуты женского культа в древних культурах Саяно-Алтая (пути генезиса, археологический и семантический аспекты) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.
- Савинов Д. Г., Длужневская Г. В., Овчинникова Б. Б., Грач А. Д., Самбу И. У., Трифонов Ю. И., Дэвлет М. А., Васильева Н. А., 2010. Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб.
- Садыков Т. Р., 2013. Предварительные итоги археологической разведки в зоне строительства железной дороги Кызыл–Курагино в 2012 году // Историко-культурное наследие народов Центральной Азии: перспективы развития и проблемы сохранения: материалы междунар. научно-практич. конференции (Кызыл, 14–15 сентября 2012 г.). Кызыл.
- Садыков Т. Р., 2015. Катылыг 5 – городище кокзельской культуры // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Улан-Удэ. (В печати).
- Семенов Вл. А., 1999. Синхронизация и хронология памятников алды-бельского типа в Туве // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Семенов Вл. А., 2003. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб.
- Чугунов К. В., 2003. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Барнаул. Кн. 1.
- Чугунов К. В., 1992. Выделение погребальных памятников аржанского этапа в Туве // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск. Ч. 2.
- Чугунов К. В., 1994. Монгун-тайгинская культура поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. СПб. Вып. 8.
- Чугунов К. В., 2007. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // Сборник науч. трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.
- Чугунов К. В., 2009. Саяно-Алтай в начале эпохи ранних кочевников: перспектива комплексного анализа // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул.

Междисциплинарные исследования

Обувь первых строителей Петербурга (по материалам раскопок на ул. Сытнинской в 2013–2014 гг.)

А. В. Курбатов

Введение

В раскопках широкой площадью на ул. Сытнинской, проводимых экспедицией ИИМК РАН в 2013–2014 гг., были обнаружены коллективные захоронения людей, вероятно бывших одной из групп первых строителей города в начале XVIII в. Несколько десятков погребенных найдены обутыми. Сотни деталей этой обуви сохранились. Кроме того, обувные изделия также обнаружены в городском культурном слое XVIII–XIX вв.

Первые сведения об истории заселения участка на Сытнинской ул. были получены в ходе охранных археологических исследований 2013 г. (Еремеев, Соловьев, 2014. С. 65 сл.). Всего было открыто три участка с коллективными погребениями в ямах и два индивидуальных захоронения. Коллективное погребение № 1 (раскоп № 3) включало 111 костяков, уложенных в три слоя. Погребенные лежали вытянуто на спине, головами на запад. С ними найдены 19 медных крестов-тельников, на ногах – лапти или кожаная обувь. Одному из погребенных принадлежали два перстня-печатки и кожаные ботинки с наборными каблуками. На дне могильной ямы найдены 11 серебряных монет – копеек Петра I (годы чеканки не читаются) и три креста-тельника. Коллективное погребение № 2 (раскоп № 1) включало 104 костяка, уложенных в два ряда и в три слоя. Погребенные лежали головами на запад, вытянуто на спине, со скрещенными на груди руками. С ними найдены нательные кресты, лапти или сапоги, а рядом с одним из погребенных лежала деревянная лопата. Коллективное погребение № 4 (раскоп № 2) включало 31 костяк, в три слоя, и отдельные кости еще трех человек. С ними найдены кресты-тельники, лапти, реже кожаная обувь, а также плетеная лыковая циновка. В двух индивидуальных погребениях вещей не обнаружено.

В данной статье исследованы детали обуви из трех коллективных погребений, в составе которых 42 предмета из погребения № 2 (кожаные изделия при костяках № 8, 15, 23, 27, 28, а также два куска ткани при костяке № 28 и фрагмент берестяного лаптя), 32 предмета из погребения № 4 (28 изделий из кожи и четыре берестяных лаптя при костяках № 8, 12, 13, 24, 25, 28, а также в культурном слое), 33 предмета из погребения № 1 (детали кожаной обуви при костяках № 1, 4–7, 10, 11, 29).

Описание находок *Плетеная обувь*

Изделия представлены обувью двух видов.

1. Берестяные лапти – рабочая обувь, заменявшая кожаные башмаки. Лапти одевали с ткаными (холщовыми) обертками при работе вне помещений в теплое и сухое время года. На раскопе № 2, в погребении № 4, при костяках № 24 и 25 найдены две пары лаптей (полевые № 810 и 811). Размеры лаптей: длина 25,0 см, длина носка 12,0 см, ширина 11,5 см, высота в пятке 4,5–5,0 см (рис. 1). Особенности плетения (в два слоя бересты с плотным сбиванием лент бересты шириной 2,3–2,4 см) относятся к варианту «косого плетения», известного по археологическим и этнографическим материалам Северо-Западной и Центральной России. Носки таких лаптей имеют характерный скос, делающий обувь асимметричной. На плантарной поверхности лаптей заметен незначительный износ (рис. 2). Внутри лаптей, найденных при костяке № 25, лежали кожаные «заплаты» или накладки неправильной овальной формы, размерами 12,0 × 9,5 и 12,0 × 11,5 см, с обметочным швом по краю деталей (рис. 3). Накладки, толщиной 1,0–1,2 мм, вырезаны из эластичной кожи таннидного дубления, сырьем для которой послужили шкуры мелкого рогатого скота (козы).

Рис. 1. Ул. Сытнинская. Раскоп № 2. Погребение № 4. Костяк № 24. Берестяной лапоть (полевой № 811).
Вид сверху

Рис. 2. Ул. Сытнинская. Раскоп № 2. Погребение № 4. Костяк № 24. Берестяной лапоть (полевой № 811).
Вид плантарной поверхности

*Рис. 3. Ул. Сытнинская. Раскоп № 2. Погребение № 4. Костяк № 25. Берестяной лапоть (полевой № 812).
Кожаные накладки, найденные внутри лаптей*

2. Обувь, сплетенная из лыка, с очень низкими или отсутствующими бортами, с серией лыковых петель вдоль боков. Лыковые полосы, шириной 1,0 см, неплотно сплетены в два слоя. Такая обувь, длиной 29,0 см, шириной в носке 12,0 см и в пятке 8,5 см, найдена при костяке № 13 в погребении № 4 (полевой № 803; рис. 4). Имеются веские основания называть подобную обувь предохранительной, надеваемой поверх кожаной для ее защиты от воздействия атмосферы и истирания на почве. Существование предохранительной обуви в XVIII в. подтверждается синхронными археологическими материалами, полученными при раскопках в городах России, в том числе и в Санкт-Петербурге, а также Западной Европы и Азии (Курбатов, 2011. С. 241 сл.). Плантарная поверхность найденных изделий заметно истерта.

Кожаная обувь

Согласно полевой документации, наборы деталей обуви принадлежали определенным погребенным. Изучение кожаных изделий позволило выделить наборы обуви для правой и левой ноги. В графических реконструкциях кожаной обуви они помечены как R и L соответственно. Методические принципы графического воссоздания кожаных изделий и определения особенностей ношения обуви уже были обоснованы (Курбатов, 2004. С. 19–20).

В погребениях найдены разные виды обуви. Простейшими по конструкции были поршневидные модели, различавшиеся по принципу раскроя и сшивания. При костяке № 11 (раскоп № 3) была пара поршней (полевые № 375 и 376), кроенных из одного куска вторично использованной кожи (рис. 5: 2, 3), сохранились необрезанными участки длинных боковых швов. Форма и размеры кусков кожи, а также характерные швы позволяют видеть в заготовках части повторно использованных голенищ. Раскройка поршня представляет собой вытянутый кусок кожи неправильной формы, размерами 29 × 17 см. Вдоль краев раскройки сделаны поперечные прорезы длиной 1,0–1,2 см на одной детали и 2,0–2,2 см на другой, неравномерно расположенные по периметру. Сквозь прорезы протягивалась оборка, стягивавшая обувь на стопе. Из-за отсутствия следов от кожаных ремней-обор можно предположить использование в этом случае растительной нити. Неаккуратность размещения и разные размеры прорезов для обор на двух деталях одной пары обуви позволяет видеть в поршнях обувь непрофессионального изготовления. Поршни выкроены из кожи таннидного (растительного) дубления, выделанной из шкур крупного и мелкого рогатого скота. Наружная поверхность кожи черная, а внутренняя темно-коричневая.

Рис. 4. Ул. Сытнинская. Раскоп № 2. Погребение № 4. Костяк № 13. Обувь, сплетенная из лыка (полевой № 803)

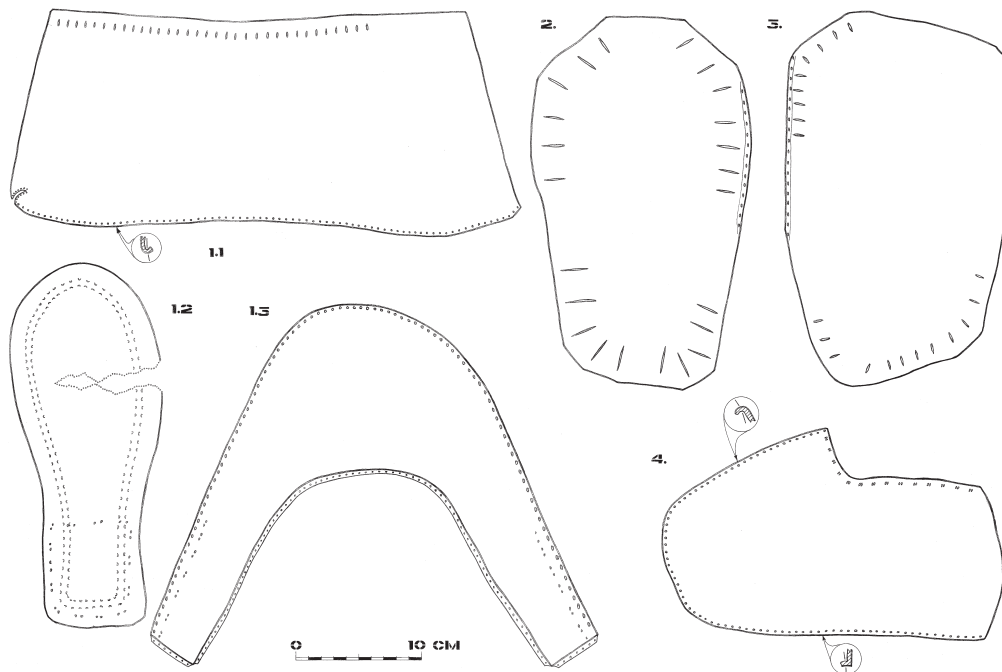

Рис. 5. Ул. Сытнинская. Раскоп № 3. Набор деталей обуви: 1.1 – голенище (полевой № 373; костяк № 6); 1.2 – подошва (полевой № 374; костяк № 6); 1.3 – головка (полевой № 374; костяк № 6); 2 – поршень (полевой № 375; костяк № 11); 3 – поршень (полевой № 376; костяк № 11); 4 – деталь голенища (полевой № 379; костяк № 1)

Другой вариант поршневидной обуви найден при костяке № 29 (рис. 6). Основой служила вытянутая раскройка длиной 33 см, максимально широкая в носке (19,0–19,5 см) и сужающаяся к пятке (до 15,0 см). Носок сделан скругленным и приостренным на конце, а пятка обрезана поперек раскройки. На обресе пятки видны два надреза длиной 3 см, делившие край на три полуотрезных участка. При сшивании пятки края полуотрезнов сгибаются и накладываются друг на друга, после чего прошиваются насквозь, образуя задник обуви.

В конструкцию также входила дополнительная деталь полуовальной формы, закрывавшая пальцы стопы сверху. Она сшивалась с носком основной детали, вывернутой наружу, одной нитью швом «змейка». В качестве нитей использованы высушенные, размятые и расщепленные сухожилия животных (оленья?). Кроме того, обувь при костяке № 29 имела подметки из двух кусков кожи, отдельно пришитые под пальцы и пятку. Для фиксации обуви на стопе к заднику пришивалась специальная кожаная петля, также сохранившаяся на обуви (рис. 6: 2.5). Все детали этой пары обуви кроены из сыромятной оленьей шкуры, специально обра-

ботанной методом северных народов и известной в русском языке как ровдуга.

Другой формой обуви были детальнокроенные башмаки, имевшие части своеобразного кроя. Две основные детали представляли собой однослойную подошву и цельнокроенный верх. Примером может служить пара обуви при костяке № 4 на раскопе № 3 (полевые № 370–372). Подошва длиной 27,5 см, кроенная из дубленой кожи толщиной 2,0–2,3 мм, имеет широкий округлый носок (максимальное расширение 11,2 см) и плавное сужение к пятке (до 7,2 см) (рис. 7). На внутренней верхней стороне подошвы (для структуры кож это бахгарма) на расстоянии 1,3–2,0 см от края детали по всему периметру проходит потайной шов, захватывающий толщину кожи только на внутренней стороне подошвы, не выходя на ее внешнюю (нижнюю) сторону. Верх обуви состоит из головки с длинными боковыми обрезами – «крыльями», концы которых сшиты между собой «встык» на заднике. Такая конструкция имеет дополнительные подшивные куски кожи на «крыльях» и внутреннюю деталь верха – поднаряд, имевший аналогичную форму. Кроме того, на подошве пришивались подметки, отдельные куски кожи под носок и пятку. На деталях подметок под пятку

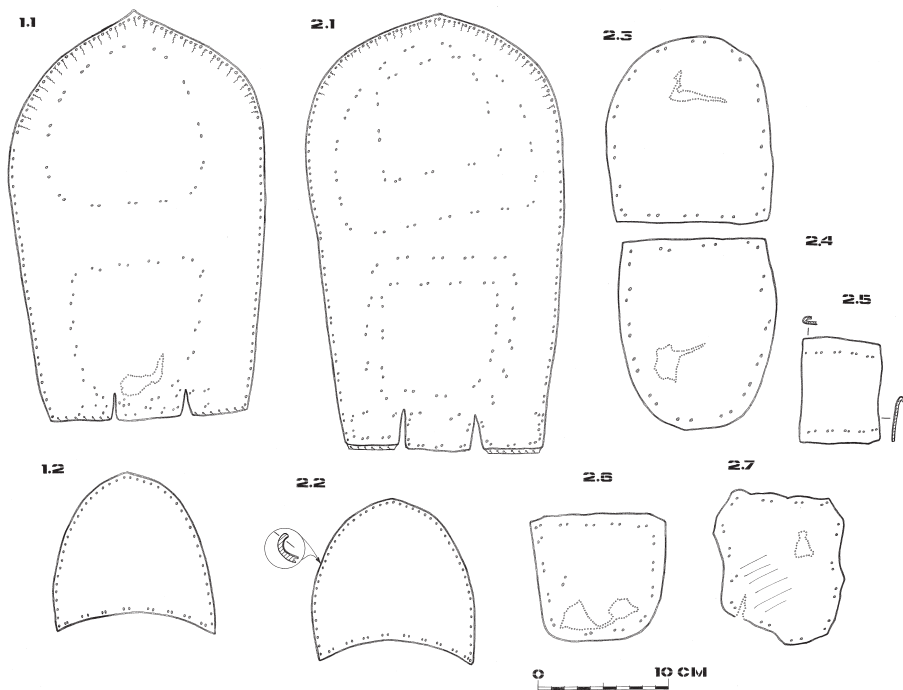

Рис. 6. Ул. Сытнинская. Раскоп № 3. Погребение № 1. Костяк № 29. Наборы деталей обуви:
 1.1 – основа двухчастного поршня (полевой № 381); 1.2 – носок поршня (полевой № 381);
 2.1 – основа двухчастного поршня (полевой № 380); 2.2 – носок поршня (полевой № 380);
 2.3, 2.4, 2.6, 2.7 – подметки (полевой № 380); 2.5 – петля (полевой № 380)

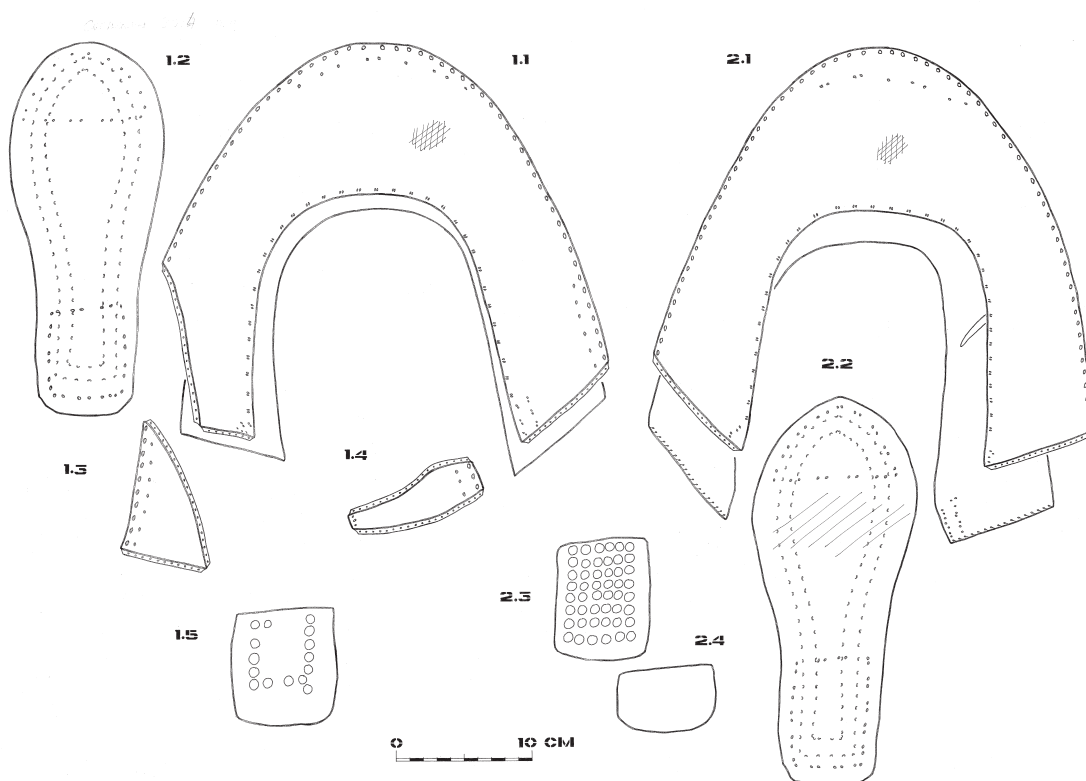

Рис. 7. Ул. Сытинская. Раскоп № 3. Погребение № 1. Костяк № 4. Наборы деталей: 1.1 – головка с поднарядом (полевой № 371); 1.2 – подошва (полевой № 371); 1.3–1.5 – две подошвные детали головки и подметка на пятку (полевой № 370); 2.1 – головка с поднарядом (полевой № 370); 2.2 – подошва (полевой № 370); 2.3, 2.4 – две подметки под пятку (полевой № 372)

сохранились набитые железные гвозди с шляпками диаметром 8 мм.

Крепление обуви на стопе обеспечивалось двумя способами. На пятке сверху пришивалась кожаная петля, через которую продевался ремешок-обора, обертывавший голень. Сохранились отверстия на заднике – следы пришивания такой петли. Кроме того, вдоль верхнего края головки делались парные мелкие прорезы для шва «змейка», стягивавшего край обуви. Материалом нити этого шва были сухожилия животных, вероятнее всего оленя. Подобная конструкция обуви и манера ее сшивания отмечены на раскопе № 1, в погребении № 2 при костяке № 15 (рис. 8: 3, 7, 8), а также при костяке № 10 на раскопе № 3 (рис. 9: 1, 2). Вместе с тем в конструкции некоторых моделей обуви заметны признаки развития форм обуви, имевших головку с длинными «крыльями». Образцы при костяке № 6 на раскопе № 3 (рис. 5: 1), а также и другие близкие им модели имели дополнительные невысокие голенища (рис. 8; 10). В коллекции

обуви из погребений также представлена модель многочастной конструкции верха, куда входили головка, задник и голенище, а также внутренние детали – поднаряд и карман задника при костяке № 27 из погребения № 2 на раскопе № 1 (рис. 11).

Кожаные изделия были найдены вне погребений в перемешанном культурном слое на раскопе № 2. К ним относились три целых башмака на жесткой подошве, к которой детали верха крепились деревянными шпеньками, а низкий каблук (высотой 0,5 см) – мелкими железными гвоздями (рис. 12: 1, 3–5). Башмаки кроились и сшивались с заметной асимметрией. На одном башмаке, кроме того, имеется железная пластина на заднике и тисненый знак мастерской на нижней (плантарной) стороне подошвы в области свода стопы (рис. 12: 5.2). На раскопе № 2 также найден набор из шести деталей рукавицы с отдельно кроеным большим пальцем (рис. 12: 2). Рукавица выполнена из сыромятной козлиной кожи толщиной 2,0–2,2 мм, пропитанной дегтем с двух сторон (полевой № 413).

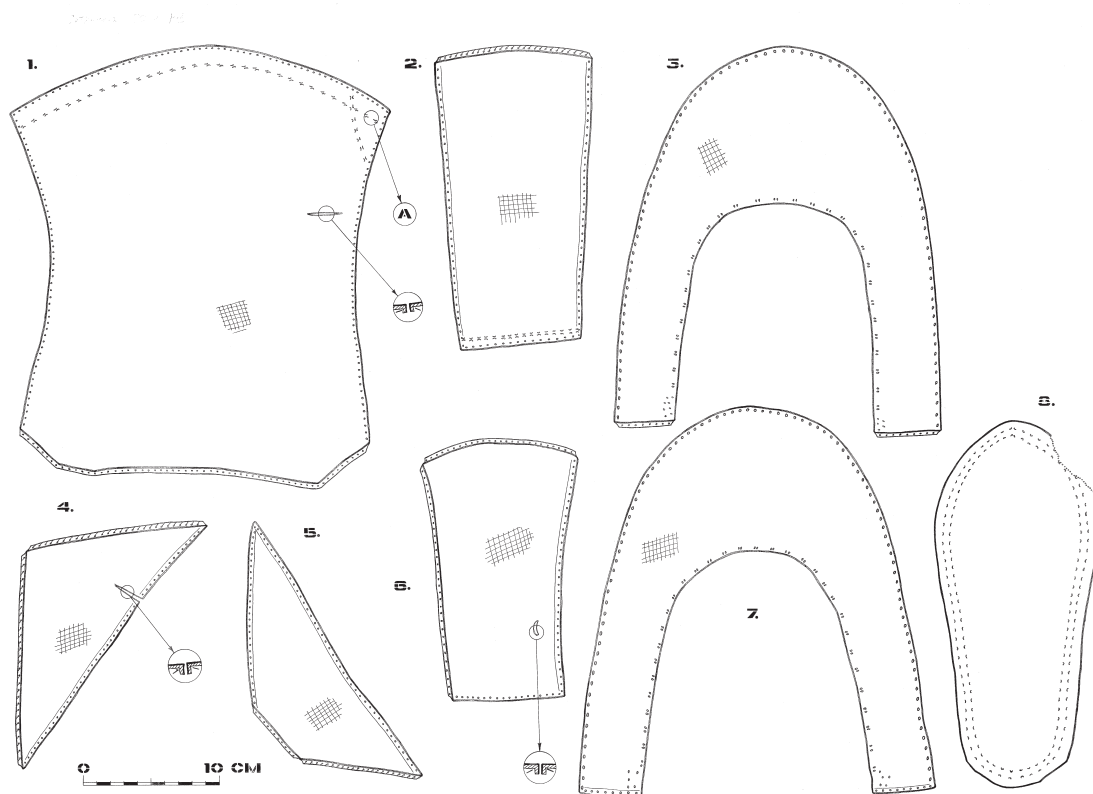

Рис. 8. Ул. Сытнинская. Раскоп № 1. Погребение № 2. Костяк № 27. Набор деталей обуви:
 1 – деталь голенища, А – шов с бахтармы (полевой № 1340); 2 – деталь голенища (полевой № 1336);
 4 – деталь голенища (полевой № 1338); 5 – деталь голенища (полевой № 1337); 6 – деталь голенища (полевой № 1331).
 Костяк № 15. Набор деталей обуви: 3 – головка (полевой № 1324); 7 – головка (полевой № 1323);
 8 – подошва (полевой № 1325)

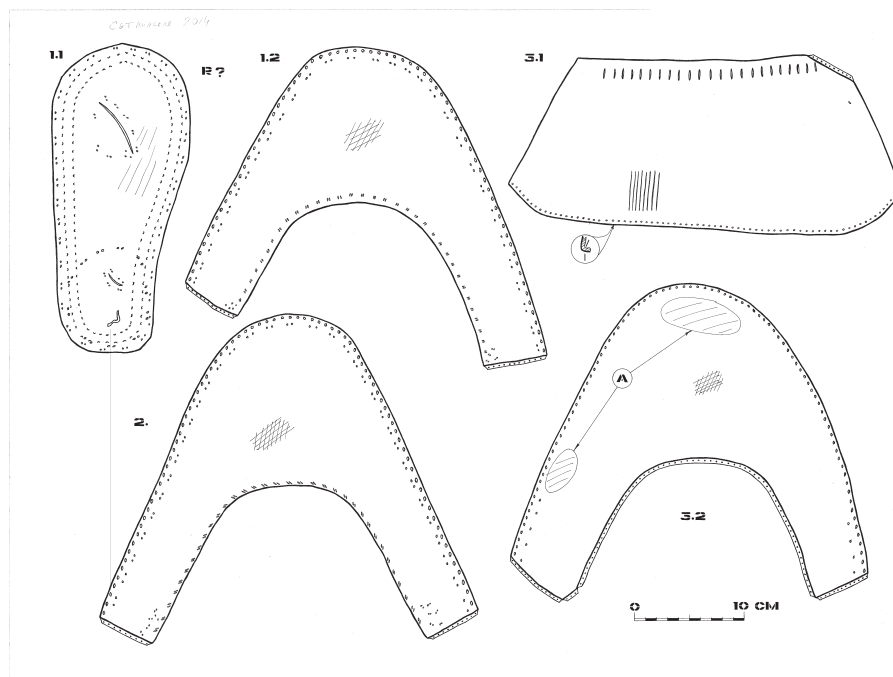

Рис. 9. Ул. Сытнинская. Раскоп № 3. Погребение № 1. Костяк № 10. Набор деталей обуви:
 1.1 – подошва (полевой № 378); 1.2 – головка (полевой № 378); 2 – голенище (полевой № 377).
 Костяк № 7. Набор деталей обуви: 3.1 – голенище (полевой № 383); 3.2 – головка, А – следы клея (полевой № 384)

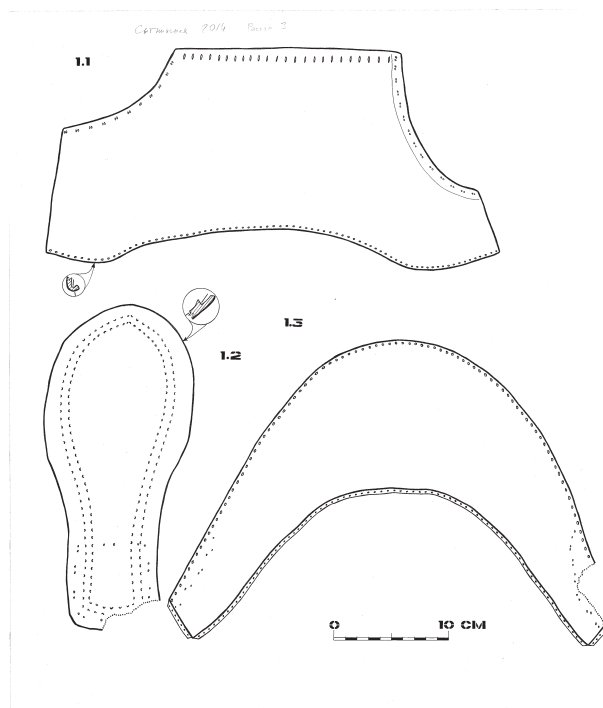

Рис. 10. Ул. Сытнинская. Раскоп № 3. Погребение № 1. Костяк № 5. Набор деталей обуви: 1.1 – голенище (полевой № 386); 1.2 – подошва (полевой № 385); 1.3 – головка (полевой № 385)

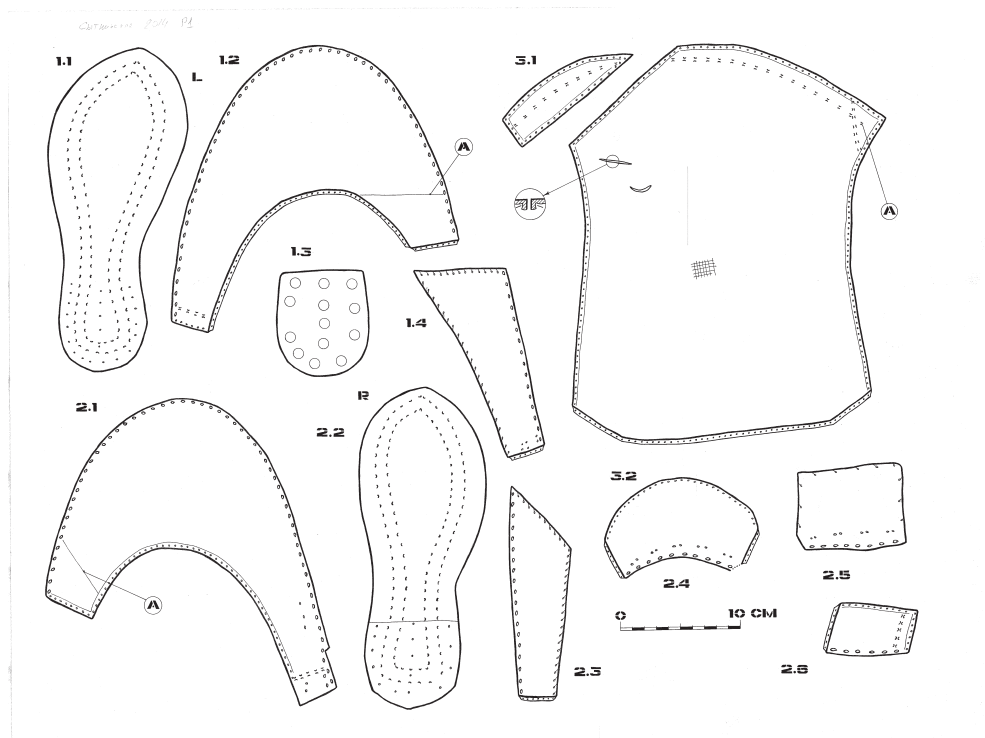

Рис. 11. Ул. Сытнинская. Раскоп № 1. Погребение № 2. Костяк № 27. Наборы деталей обуви: 1.1 – подошва (полевой № 1332); 1.2 – головка с поднарядом, А – край поднаряда (полевой № 1333); 1.3 – подметка под пятку (полевой № 1334); 1.4 – часть поднаряда (полевой № 1339); 2.1 – головка с поднарядом, А – край поднаряда (полевой № 1329); 2.2 – подошва (полевой № 1330).

Дополнительные детали модели (полевой № 1330): 2.3 – деталь поднаряда; 2.4 – задник; 2.5 – карман задника; 2.6 – пришивное крыло головки.

Набор голенища: 3.1 – пришивная деталь (полевой № 1335); 3.2 – основа голенища, А – шов с бахтармы (полевой № 1328)

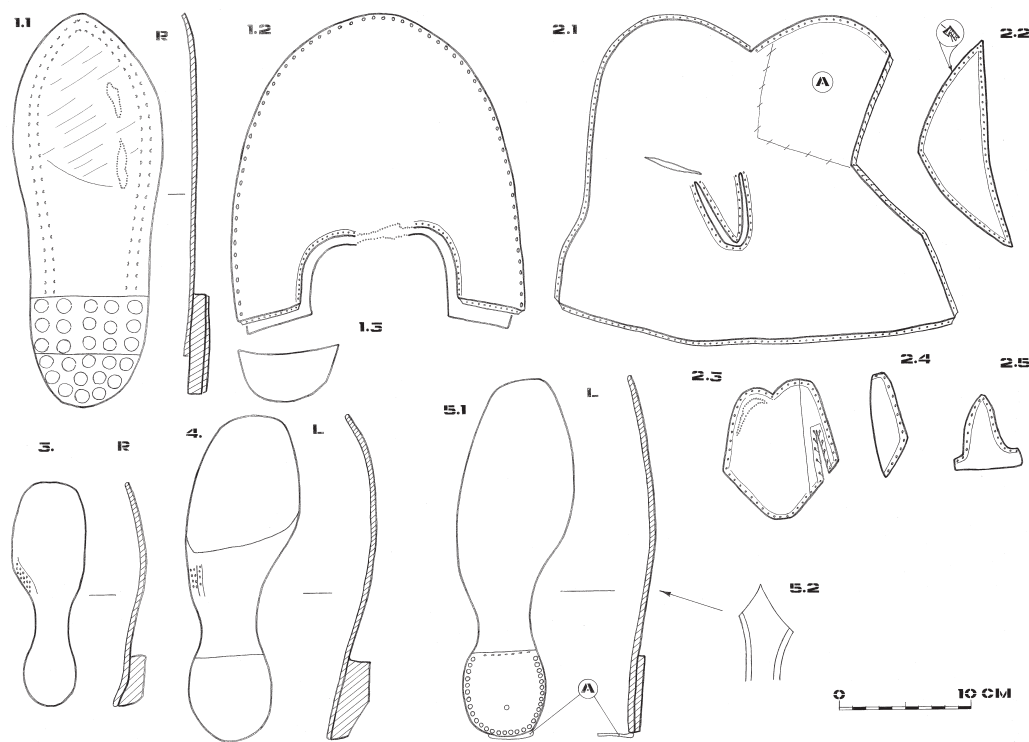

Рис. 12. Ул. Сытинская. Раскоп № 2. Культурный слой. Набор деталей обуви (полевой № 421): 1.1 – подошва; 1.2 – головка с поднарядом; 1.3 – деталь подошвы с пятки; 3 – подошва башмака (полевой № 514); 4 – подошва башмака (полевой № 729); 5.1 – подошва башмака, А – железная накладка на заднике (полевой № 730); 5.2 – знак мастерской на подошве. Набор деталей рукавицы (полевой № 413): 2.1 – основа раскройки, А – заплата, пришитая с бахтармы; 2.2 – подшитая деталь основы; 2.3 – основа детали большого пальца; 2.4 – прокладка в большой палец; 2.5 – прокладка в большой палец

Анализ находок

Лыковые лапти в литературе часто называют древнейшей обувью русских, преимущественно сельского населения, в основном его беднейших слоев. Лыковые лапти XIX – первой половины XX в. описаны этнографами (Маслова, 1956). Археологические находки берестяной обуви в городах редкие, встречены преимущественно в слоях и комплексах XVII–XIX вв. в Москве (Осипов, 2006. С. 68–71), Владимире-на-Клязьме (Курбатов, 2008. С. 181), в Старой Ладого в слоях конца XVI – XVII в. Находки обуви, плетеной из лыка, также известны в более ранних слоях. Одной из таких, пожалуй, наиболее достоверной, является находка лыкового лаптя в комплексе погребенных жителей Ярославля, убитых при штурме города в 1238 г. (Энговатова и др., 2012. Рис. 2: 10). Между тем известные на сегодняшний день находки берестяной обуви свидетельствуют о том, что широкое распространение лыковой и берестяной обуви в России относится к периоду не ранее XVI в., что было связано, с одной стороны, с ростом стои-

мости выделки кож и пошива кожаной обуви на протяжении этого столетия и более дешевым изготовлением берестяной обуви (несмотря на то, что срок ее ношения составлял всего 5–7 дней), с другой стороны, с обнищанием широких слоев населения во второй половине XVI в., в период Ливонской войны и опричнины (Курбатов, 2001. С. 230, 231).

Изучение товарной продукции и цен в Московском государстве XVI–XVII вв. (Маньков, 1951) показало, что на протяжении этого периода цены на кожу и кожаную обувь стабильно росли, что делало невыгодным ее покупку. Это хорошо прослеживается в хозяйственных документах монастырей, где отражены массовые закупки необходимых годовых припасов. Монастыри старались закупать не готовую обувь, а кожи и полуфабрикаты для последующего самостоятельного пошива изделий, особенно сапог – самой дорогой обувной продукции (Маньков, 1951. С. 94). Отсюда понятно и стремление основной массы населения к использованию более дешевой обуви.

Уже для второй половины XVI – XVII в. ношение лаптей стало более распространенным (Вахрос, 1959). Вместо одной пары сапог можно было купить до 48 пар берестяных лаптей. В связи с этим следует отметить, что начало массового изготовления лаптей на продажу в русских городах приходилось на вторую половину XVI в. К примеру, в псковской писцовой книге приводится описание торговых рядов: «[1587] На другой стороне Новые улицы лав(ка)... Иванка Иванова сына вершаника, торгует в ней хлебами, и колачи, и солью, и сеном, и лаптеми, оброку 5 алтын» (СлРЯ, 1975. С. 106). В первой половине XIX в. на нижегородской ярмарке можно было купить лапти за 3 копейки, тогда как пара грубых крестьянских сапог стоила в том же году 5–6 рублей (Вахрос, 1959. С. 20).

В коллекции обуви из раскопок на ул. Сытнинской особо следует отметить конструкции поршневидной обуви из сыромятной оленьей кожи с дополнительной деталью, покрывающей пальцы стопы сверху (рис. 6: 1.2, 2.2). Сама форма основной детали для поршней является необычной для средневековья европейской части России. В период позднего средневековья в Москве, Новгороде, Пскове, Ивангороде и Твери были широко распространены кожаные поршни с раскройкой правильной трапециевидной формы, не имевшие дополнительных деталей (Курбатов, 2012. С. 326. Рис. 11: 2, 3; 13: 1–6). У поршней из раскопок на ул. Сытнинской носок имеет закругление и небольшое приострение на конце. Равномерные складки между отверстиями по всему носку предполагают подшивание сверху дополнительной детали, закрывавшей пальцы и подъем стопы. Отличается и оформление задника рассматриваемых поршней. Задний край раскройки делится двумя надрезами на три участка, которые при сгибании кожи накладываются друг на друга и прошиваются насквозь одной нитью. Такой способ сшивания пятки преобладает в коллекции обуви из заполярной Мангазеи (Визгалов и др., 2011. С. 38–40). Следует отметить, что единичные находки особого кроя региональной обуви народов Севера ранее встречались в городах северо-запада России в слоях и комплексах конца XV–XVII вв., что связывается с присутствием коренных жителей Севера в русских городах средней полосы (Курбатов, 2007. С. 157 сл.).

Различие кож сыромятной выделки и жирового дубления (к последнему относится ровдуга) основано на органолептическом сравнении разных деталей при их изучении в камеральной обстановке. Ровдужные кожи имеют сравнительно большую толщину: обычно 4–6 мм, против 1,5–2,0 мм для красnodубной кожи. При разминании пальцами ощущается особая эластичность ровдуги, ее заметная растяжимость и уплотнение при сжимании.

На бахтарме (внутренней стороне шкуры) заметна бугристость, получившаяся в результате скобления сырой мездры. Срез кожного листа и поверхность бахтармы имеют светло-серый оттенок, отличный от кож таннидного дубления. Внешняя поверхность также более светлая, чем при таннидном дублении, но часто окрашивается или дымится, приобретая черный цвет. Кроме того, при длительном нахождении в культурном слое городов сыромятная и жированная кожа, имеющая значительную толщину, как правило, расслаивается. Все указанные признаки отмечены на деталях обуви из ровдуги из раскопа на ул. Сытнинской.

Ровдуга, ролдуга – название оленьих кож жирового (?) дубления, близких к замше, первоначально использовавшихся народами Сибири и жителями Русского Севера. Название происходит от саамского *rovva* – «одеяло из шкуры» (Фасмер, 1996. Т. 3. С. 488) – и в этом значении сохраняется на Русском Севере до XX в. (Словарь русских народных говоров, 2001. С. 111). Представляется необоснованным связывать название «ровдужный» с окраской кож ровгой – краской из коры ольхи, которой окрашивают нитки и рыболовные сети (Куликовский, 1898. С. 100). В XIX–XX вв. понятие ровдуги расширяется, так называют выделанную светлую кожу, оленью, лосиную и иную замшу. Однако известна и дымленая ровдуга – выделанная и продыmlенная над тлеющим огнем оленья кожа (Словарь русских народных говоров, 2001. С. 112), а также специально выделанная баранья или козлиная шкура: «Овчины складешь в квасило, шерсть начинает выходить – убираешь, сушишь; отомнешь рогдугу, кожу-то, сделается мягкая, и шубу сошьешь» (Словарь русских народных говоров, 2001. С. 124).

Кожи из оленьих шкур получили распространение в Русском государстве в период широкого освоения Русского Севера и Сибири. Наиболее раннее упоминание оленьих кож как товара, получаемого у народов Севера, относится к XV в.: «А ядь их рыба и мясо, а торг их соболи и песцы, и пыжи, и оленин кожи» (СлРЯ, 1975. С. 81). Упоминается оленин и в берестяных грамотах, но значение этого слова остается неясным. Его широкое употребление начинается лишь в XVII в., когда неоднократно упоминаются покупки кож у самоедов: «[1662] У самоедцов у Давыдка с товарищи куплено 15 оленин сырых» (СлРЯ, 1975. С. 39). Также упоминаются кожи сырые, белые, пимы, кисы, камысы, ровдуги, торбосы. По времени забоя животных кожи делят на зимние и весенние (СлРЯ, 1975. С. 313; 1980. С. 51, 221). Оленьими шкурами аборигены выплачивали ясак русским властям.

Русское население Севера, а затем остальной России восприняло у аборигенов Севера способ жирового дубления и распространило название «ровдуга», «ролдуга» на замшевые кожи, выделанные из шкур животных разных пород (Курбатов, 2010в. С. 202). Их самое раннее упоминание относится к 1491 г.: «Да ещо, душа моя, на сей стороне салтан Баязыт, отец ми названой, к нему послати доброго поминка не долбыли емя, одинъ будет у тебя доброй кречет, да портищо добрых черных соболей, да добраа рыба зубу, да добрых ролдуг добудешь пришли, у тебя прошу» (Памятники, 1884. С. 109. № 28). Кожи служили для книжных переплетов, сумок (мошон), одежды (шуб, рукавиц, штанов), а в Сибири использовались для чумов (СлРЯ, 1987. С. 274; 1996. С. 170, 171, 177; Панин, 1991. С. 132–134).

Поршни хорошо представлены в коллекции кожаной обуви XVII в., преимущественно первой половиной столетия, из заполярного города Мангазеи в Западной Сибири (Визгалов и др., 2011; Курбатов, Овсянников, 1999; Курбатов, 2010а) и отнесены к категории поршней третьей группы (рис. 13; Курбатов, 2010а. Рис. 5). Обувь,

напоминающая мангазейские детальнокроенные поршни, изредка встречается в городах северо-запада России в слоях XVI–XVII вв. и признана характерной для северных жителей европейской России или Сибири (Курбатов, 2007). Похожие образцы поршней также найдены в Тобольске, известны у саамов Норвегии (Балюнов, 2007. С. 222, 223; Визгалов и др., 2011. С. 41).

Обувь с головками, имеющими длинные «крылья», с основным выворотным швом «в подтай», подобная найденной при костяке № 4 на раскопе № 3 (рис. 7), также имеет многочисленные аналогии в Мангазее и в ряде ранних городов Сибири, например, в Нерчинске (Визгалов и др., 2011. С. 42–43), и на поселении Бергамак I на р. Наре в погребениях XVIII в. (Богомолов, 1999. С. 97 сл.).

Еще одним характерным признаком сибирской обуви XVII–XVIII вв. можно назвать тиснение поверхности кожи мелкими квадратами или ромбами, которое применялось для сорта кожи «булгари» (Курбатов, 2010б. С. 447 сл.). Такая отделка поверхности встречается у большинства кожаных деталей обуви из погребений на ул. Сытнинской.

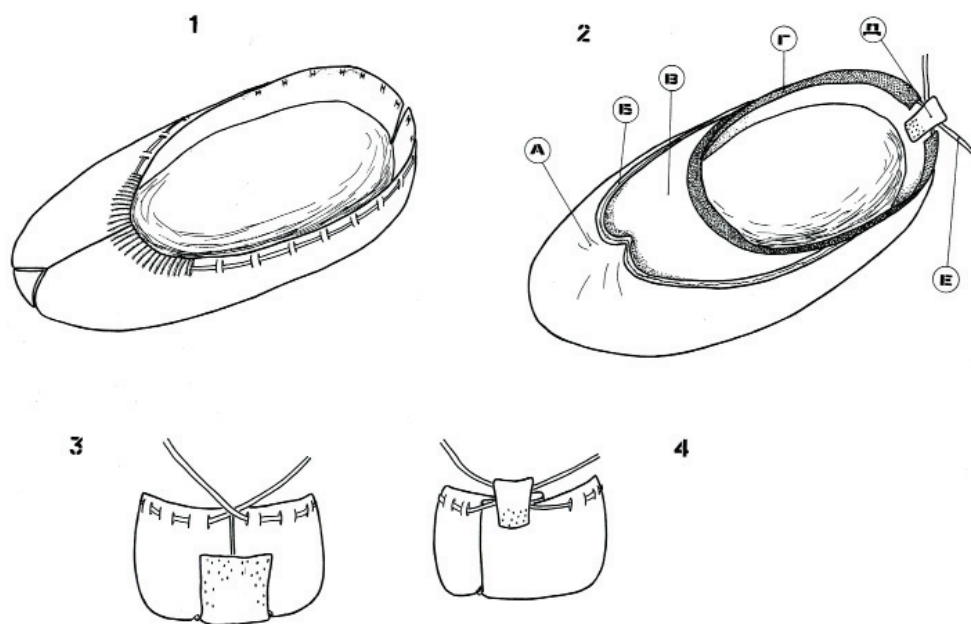

Рис. 13. Реконструкции поршневидной обуви: 1 – общий вид поршня первой группы; 2 – общий вид и конструктивные элементы поршня третьей группы: А – основа раскройки, Б – кожаные прокладки; В – носок, Г – тканая обшивка верха, Д – петля пяточная, Е – ремешок-обора; 3 – конструкция пятки с полуотрезным клапаном; 4 – пятка, оформленная «вклад»

Согласно современным исследованиям, сорт кожи «булгари» признан краснотаннидным материалом, т. е. выделанным способом таннидного дубления из шкур крупного и мелкого рогатого скота. Дубление могло проводиться настоями, придающими коже ярко-красный цвет, который, однако, также мог быть получен крашением, что известно по этнографическим и письменным источникам XIX–XX вв. Характерным признаком кожи «булгари» следует считать особое тиснение внешней поверхности кожи – мереи, что подтверждают археологические материалы Булгара, где отмечена отделка поверхности «сеточкой» из «неправильных четырехугольников», а также городов Северо-Западной и Центральной Руси XIII–XV вв. и Западной Сибири XVII–XVIII вв.

Высказанное предположение также подтверждают данные о развитии торговли и промышленности сибирских городов в XVII в., в частности о региональной специализации товаров, поступавших на тобольский рынок, в составе которых были и кожи из Казани (Вилков, 1967. С. 127). По мнению В. Н. Курилова (1978. С. 99, 100), в 1660-е гг. происходит принципиальное изменение роли «русского» и сибирского купечества в торговле русскими товарами. В абсолютных цифрах доля первого сократилась в десять раз, а второго выросла в два раза. С развитием местного кожевенного производства связывают упадок торговли татар и бухарцев, ранее специализировавшихся на доставке кож из Казани. Сорт кож «бухара» упоминается в смоленском документе XVII в.: «[1676] Явил... вязмитин...20 кож яловичьих бухар» (Словарь, 2004. С. 311).

Обувь из культурного слоя на раскопе № 2 (рис. 12) по конструктивным особенностям, сортам использованной кожи, формам раскроя и сшивания сходна с обувью конца XVIII – XIX в., найденной в Москве (Осипов, 2006. Ил. 185–190), на что указывает выраженная асимметрия кроя подошвы, построенная на пропорциях стопы.

Набор деталей рукавицы с отдельно кроенным большим пальцем, найденный на ул. Сытнинской (рис. 12: 2), указывает на использование принципов пошива кожаных рукавиц эпохи средневековья и в Новое время. Хронологически наиболее близкими им являются находки с Затьмацкого посада в Твери (Курбатов, Мирецкий, 2011. С. 273 сл.).

Выводы

В коллективных захоронениях на ул. Сытнинской встречены формы обуви, имевшие длительную традицию развития в Западной Сибири, берущую

начало в культуре аборигенных жителей. В русских городах Сибири эти формы обуви получили дальнейшее развитие благодаря технике кожевенного дела русских переселенцев, включавшей обработку кожи таннидным дублением, тиснение «сеточка» в сорте кожи «булгари», сшивание растительными нитями швами тачным, выворотным, «в подтай» в две нити. Вместе с тем в коллекции обуви с ул. Сытнинской есть образцы, сохранившие признаки местного северного пошива – использование сыромятной оленьей кожи, раскрой детальнокроенных поршней с заостренным вверх носком, близких саамской обуви – комагерам, сшивание обуви нитями из сухожилий оленей. Особо следует отметить, что *ровдуга* использована в целой серии наборов обуви. Для предохранения кожи от гниения ее поверхность натерли дегтем, который придавал коже черный цвет, что выяснилось после изучения найденной рукавицы, сохранившей пропитку дегтем.

Таким образом, в коллективных захоронениях, открытых на территории Санкт-Петербурга, датированных началом XVIII в., хорошо представлены модели обуви, которая изготовлена по технологии, характерной для населения Сибири, в особенности проживавшего в районе среднего и нижнего течения Оби. Прослежены традиции пошива обуви русского и аборигенного населения Западной Сибири. Учитывая особенности ношения региональной обуви и недолговечность срока ее службы, можно предположить, что в открытых коллективных погребениях на ул. Сытнинской были захоронены представители русского и аборигенного населения северных регионов Западной Сибири, привлеченные на строительство Петербурга.

Источники и литература

- Балюнов И. В., 2007. Типология кожаной обуви г. Тобольска XVII в. // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург ; Сургут.
- Богомолов В. Б., 1999. Домашние занятия русского населения XVII – первой половины XIX в. (по материалам поселения Бергамак I) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск. Т. 4.
- Вахрос И. С., 1959. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до петровской эпохи // Ежегодник Института по изучению СССР и Финляндии. Хельсинки. Приложение к № 6/10.

- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В., 2011. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург.
- Вилков О. Н., 1967. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.
- Еремеев И. И., Соловьев С. Л., 2014. Охранные археологические исследования близ лютеранской церкви Св. Марии в ур. Козье Болото на Петроградской стороне // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 4.
- Куликовский Г. И., 1898. Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.
- Курбатов А. В., 2001. К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // ТАС. Вып. 4. Т. 2.
- Курбатов А. В., 2004. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.
- Курбатов А. В., 2007. Этапы освоения Севера в связи с развитием кожевенного ремесла средневековой России // АВ. № 14.
- Курбатов А. В., 2008. Археологические данные о кожевенно-обувном ремесле в древнем Владимире // АВСЗ. Вып. 2.
- Курбатов А. В., 2010а. Культура и ремесло русского заполярного города: кожаные изделия Мангазеи по раскопкам 2001–2007 гг. // Записки ИИМК РАН. СПб. № 5.
- Курбатов А. В., 2010б. О городе Болгар и сорте кожи «булгари» // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.
- Курбатов А. В., 2010в. Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // Stratum plus. Кишинев. № 5.
- Курбатов А. В., 2011. Предохранительная обувь в средневековье и Новое время: европейские традиции и русская действительность // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 2.
- Курбатов А. В., 2012. Кожевенное ремесло в городах средневековой Руси: современное состояние изучения // Stratum plus. Кишинев. № 5.
- Курбатов А. В., Мирецкий А. В., 2011. Мастерская рукавичника XVIII в. на б. Затьмацком посаде г. Твери (по раскопкам 2000 г. на ул. Революционная, 15) // ТАС. Вып. 8. Т. 2.
- Курбатов А. В., Овсянников О. В., 1999. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // АВ. № 6.
- Курилов В. Н., 1978. Этапы экономического развития сибирского города в XVII в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск.
- Маньков А. Г., 1951. Цены и их движение в Русском государстве в XVI в. М. ; Л.
- Маслова Г. С., 1956. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. // Восточнославянский сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М. (ТИЭ. Новая серия. Т. 31).
- Осипов Д. О., 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. М. Т. 7.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайской ордами и с Турцией. Т. 1.
- Панин Л. Г., 1991. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск.
- Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII веков / под ред. О. С. Мжельской. СПб., 2004. Вып. 1.
- Словарь русских народных говоров. СПб. 2001. Вып. 35.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1975. Вып. 2.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1980. Вып. 7.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1987. Вып. 12.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1995. Вып. 21.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1996. Вып. 22.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1996. Вып. 23.

Фасмер М., 1996. Этимологический словарь русского языка. СПб. Т. 1–4 (издание 3-е).

Энговатова А. В., Антипина Е. Е., Власов Д. В., Добровольская М. В., Карпухин А. А., Осипов Д. О., 2012. Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле (результаты комплексного исследования) // Археология: история и перспективы. Пятая межрегиональная конференция. Ярославль.

Первые строители Петербурга: некоторые результаты изучения скелетных останков из коллективных захоронений в районе ул. Сытнинской

И. Г. Ширококов, Е. Н. Учанева

Введение

Настоящая публикация посвящена результатам антропологического исследования группы погребений, обнаруженных в 2014 г. археологической экспедицией ИИМК РАН в районе пересечения Сытнинской и Кронверской ул. и датирующихся началом XVIII в. Два из шести исследованных погребений представляли собой индивидуальные захоронения: останки из погребения 3 принадлежали мужчине 50–60 лет, в погребении 5 был захоронен мужчина 25–35 лет. Остальные погребения носят коллективный характер: в погребении 1 найдены скелеты 114 человек, в погребении 2 – 104 человек, в погребении 4 – 31 человека, в погребении 6 – четырех человек. Всего в ходе проведения археологических работ были выявлены останки 255 человек. Поскольку останки из погребений 3, 5 и частично 6 отличаются плохой степенью сохранности, антропологический анализ основан исключительно на материалах коллективных погребений. Последние представляют собой захоронения без гробов, предположительно, совершенные одновременно. Сопровождавшие их археологические артефакты представлены в основном фрагментами лыковой и кожаной обуви, а также нательными крестами.

Совокупность перечисленных данных позволяет предположить, что в погребениях захоронены останки людей, использовавшихся в качестве неквалифицированной рабочей силы на строительстве нового города. Однако это предположение в одинаковой степени является как наиболее вероятным, так и крайне расплывчатым. Известно, что в строительных работах на Городовом и Заячьем островах в первые десятилетия XVIII в. принимали участие солдаты, крестьяне, мастеровые, каторжники и военнопленные, и ни одна из перечисленных групп не являлась моноэтнической по составу.

По своему местоположению выявленные погребения не входят в число официально известных кладбищ петровского времени. В XVII в. районы в глубине Городового острова оставались незаселенными и были покрыты лесом вплоть до 1705 г.,

когда территория перед строящимся кронверком была расчищена для обеспечения зоны обстрела. В петровское время приблизительно в районе современной Сытнинской ул. находились торговые и складские ряды (Семенцов и др., 2004. С. 111; Беспятых, 1991. С. 113). К западу от них располагалось место публичных казней, а к востоку – Татарская слобода, возникшая на месте, где первоначально размещались на постой вспомогательные войска российской армии, набиравшейся из калмыков, башкир и татар. Позднее здесь стали селиться работные крестьяне из Поволжья, пригнанные для проведения строительных работ, а также купцы из Азии; население Татарской слободы отличалось пестрым этническим составом (Анисимов, 2003. С. 309). Кроме того, на Городовом острове располагались солдатские слободы (Луппов, 1957. С. 31), а непосредственно за кронверком находился один из Каторжных дворов, в котором на зиму селили галерных арестантов (Анисимов, 2003. С. 316, 317; Беспятых, 1991. С. 52).

Коллективные и индивидуальные захоронения, относящиеся к периоду основания Петербурга и не отмеченные на исторических картах города, фиксировались в центральной части Петербурга и ранее (Сорокин, 2005; Кузьмин и др., 2005; Лапшин, Городилов, 2013). Однако впервые обстоятельства раскопок и сохранность скелетных останков позволили провести их антропологическое изучение по целому комплексу методик. Программа исследований включала в себя анализ половозрастного состава выборки, изучение метрических и дискретно-варьирующих признаков черепа и определение антропологического состава погребенных, диагностику травм, полученных при жизни, оценку развития рельефа мест крепления мышц на длинных костях, измерение метрических показателей посткраниального скелета и реконструкцию особенностей телосложения. Всего к настоящему времени в базу данных входит около 20 тысяч метрических, балловых и дискретных признаков. Поскольку объем публикации не позволяет остановиться на всех аспектах исследования, в ней представлены лишь те ре-

зультаты, которые позволили выбрать наиболее вероятную гипотезу о происхождении погребенных и наполнить ее реальным содержанием.

Половозрастной состав погребенных

Пол и возраст устанавливался в соответствии с методами, которые широко применяются в современной антропологической практике (Алексеев, 1966; Алексеев, Дебец, 1964; White, Folkens, 2005; Schaefer et al., 2009). Половая принадлежность индивидов определялась преимущественно по тазовым костям, возраст – по комплексу признаков, включающих в себя: 1) степень облитерации швов черепа; 2) состояние зубной системы; 3) степень сращения эпифизов и состояние суставных поверхностей длинных костей; 4) состояние лобкового симфиза. В ряде случаев были отмечены заметные расхождения в определениях возраста, полученных по результатам оценки стертости зубов в сравнении с другими системами признаков. В таких случаях определения, сделанные на основании оценки последних, принимались в качестве более надежных показателей.

Скелетные останки всех индивидов с установленным полом принадлежали мужчинам. Определение половой принадлежности взрослых погребенных не вызвало затруднений, однако установление пола наиболее молодых индивидов оказалось невозможным из-за возрастных особенностей морфологии костей. Однако, поскольку ни на одном из скелетов не были выявлены признаки, указывающие на возможную принадлежность останков женщине, вполне корректным представляется заключение, что погребенные всех возрастов были мужчинами.

Средний возраст погребенных составляет около 36 лет. Более 6 % имели возраст старше 55 лет, а самому молодому индивиду на момент смерти исполнилось около 10–12 лет. Кроме того, в погребении 6 зафиксирована изолированная головка бедренной кости, диаметр которой говорит, что она принадлежала ребенку приблизительно 7–10 лет. При этом другие кости скелета, которые могли бы быть отнесены к останкам ребенка, в погребении отсутствовали. Для получения общего представления о возрастном составе погребенных все исходные определения, установленные для разных индивидов в интервалах разной величины, были разбиты на пятилетние когорты с учетом равной статистической вероятности (рис. 1).

Первое, что обращает на себя внимание в полученной картине, – это то, что кривая возраста смерти характеризуется выраженным двухпиковым распределением. Несмотря на то, что

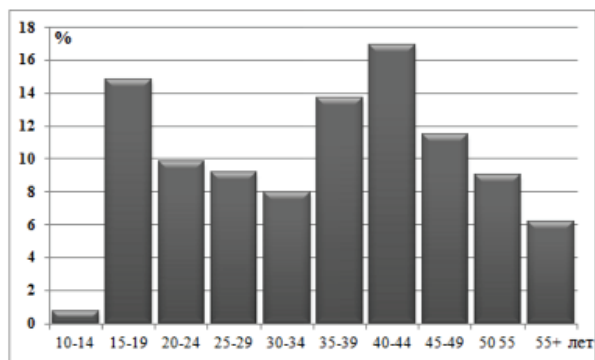

Рис. 1. Распределение относительного числа погребенных по пятилетним возрастным интервалам

средний возраст погребенных составляет 36 лет, он не входит в наиболее часто встречающуюся среди погребенных возрастные когорты. Две наиболее часто встречающиеся возрастные группы представлены юношами 15–19 лет (15 %) и зрелыми мужчинами 40–44 лет (16 %). При этом аналогичные когорты выделяются не только при суммарном анализе выборки, но и при раздельном рассмотрении индивидов из коллективных погребений 1, 2 и 4.

Исключительно мужской состав погребенных и двухпиковое распределение смертности в наибольшей степени согласуются с предположением о том, что погребенные (или их большая часть) являлись крестьянами. Из документов начала XVIII в. известно, что крестьяне старались уклоняться от выполнения повинности и нередко высылали вместо себя младших братьев или стариков, чтобы самим остаться дома и обеспечивать жизнь семьи. Подмены и побегі работных людей происходили при смотрах, переключках, в дороге и в самом Петербурге, что вынуждало правительство прибегать к различным охранным и карательным мерам как по отношению к крестьянам, так и по отношению к несущим за них ответственность приказчикам (Луппов, 1957. С. 81, 82).

Если допустить, что погребенные являлись каторжниками, солдатами или военнопленными, то, как нам представляется, двухпиковое распределение возрастных интервалов нельзя было бы объяснить, не прибегая к предположению о случайности наблюдаемой картины (повторение которой в каждом из трех коллективных захоронений крайне маловероятно). Кроме того, маловероятно, хотя и не может быть полностью исключено предположение, что относительно небольшой процент 20–35-летних людей связан с более высокой устойчивостью организмов молодых людей к физиологическому стрессу

(тяжелому труду, недоеданию, болезням). Этот тезис требует отдельного обоснования, к тому же учитывая, что выявленное распределение смертности не характеризуется плавным изменением относительной доли индивидов, причисленных к смежным возрастным интервалам. Наиболее вероятным представляется, что полученная картина отражает реальную специфику возрастного состава первых строителей Петербурга. Кроме того, предположение о принадлежности останков крестьянам находит подтверждение и в результатах исследования других систем антропологических признаков.

Результаты краниометрического анализа

Всего по стандартной краниометрической программе, принятой в практике российских антропологов (Алексеев, Дебец, 1964), было измерено 209 черепов взрослых мужчин и 25 человек 15–20 лет (краниометрическая характеристика последних в данной публикации не рассматривается). Черепа остальных погребенных оказались непригодными для измерения либо отсутствовали.

Измеренная краниологическая серия характеризуется короткой и широкой, брахикранной и гипсикранной по указателям черепной коробкой со сводом средней высоты и среднешироким лбом. Лицевой скелет в горизонтальном плане резко профилирован как на уровне орбит, так и на уровне альвеолярного отростка, имеет средние размеры и ортогнатен по указателю. Орбиты низкие, средней ширины, хамеконхные по указателю. Грушевидное отверстие низкое и узкое, носовые кости широкие и высокие, сильно выступающие к линии профиля.

Приведенная характеристика справедлива как усредненное описание для всей серии, а также для отдельно рассмотренных серий из коллективных погребений 1, 2 и 4 (таблица 1). При этом индивиды из коллективного погребения 4 на значимом статистическом уровне ($p < 0,05$) отличаются более широким лицевым скелетом, узким лбом и короткой теменной хордой относительно двух других серий. Этот факт, наряду с результатами приведенного ниже анализа, свидетельствует об антропологической неоднородности выборки. По всей вероятности, среди погребенных представлены крестьяне нескольких территориальных областей, т. е. коллективный характер погребений не предполагал совершения общего захоронения тел уроженцев какой-либо одной местности.

Это заключение основывается на результатах анализа внутригрупповой изменчивости краниометрических признаков: как в выборке в целом, так и в отдельно рассмотренных коллективных

погребениях целый ряд краниометрических параметров характеризуется повышенной изменчивостью. Среднеквадратические отклонения основных диаметров черепа, а также некоторых размеров лицевого скелета превышают верхний предел средних популяционных величин (Алексеев, Дебец, 1964). При этом применение к данным критерия Фишера показало, что повышенная изменчивость параметров мозгового отдела не является случайной ($p < 0,05$). Кроме того, кривая распределения поперечного диаметра, размеров орбит, ширины носа и симотического указателя в общей выборке на значимом уровне отличается от нормального вида (критерий Шапиро-Уилка, $p < 0,01$), а коэффициенты асимметрии приблизительно половины всех полученных краниометрических признаков превышают свою ошибку.

С другой стороны, коэффициенты внутригрупповой корреляции не имеют значимых отклонений от усредненных величин коэффициентов, рассчитанных С. Г. Ефимовой (1991) по результатам обследования большого числа краниологических выборок (таблица 2). Это утверждение справедливо по отношению к корреляциям между признаками как внутри всей выборки, так и в рамках серий из коллективных погребений 1, 2 и 4. Следовательно, предположение о смешении в антропологической характеристике погребенных резко различающихся краниологических типов является маловероятным. По всей видимости, повышенная изменчивость ряда признаков связана с присутствием в составе выборки нескольких морфологических компонентов, формирование которых протекало на исторически связанных между собой и относительно близких в географическом отношении территориях.

Для определения основных антропологических компонентов в составе погребенных был использован метод многомерной статистики, позволяющий учитывать внутригрупповые корреляционные связи между признаками, – вычисление расстояний Махаланобиса. Для выполнения расчетов использовалась программа Б. А. Козинцева CANON. Анализ проводился по комплексу из 14 краниометрических признаков: 1, 8, 17, 9, 45, 48, 51, 52, 54, 55, SS:SC, 77, zm, 75(1) (№ по Мартину и др.).

Подбор круга сравнительных материалов основывался на учете всех возможных с исторической точки зрения (в том числе маловероятных) предположений о происхождении останков. В исследовании были использованы данные по краниологическим сериям русских, украинцев, шведов, финнов, татар, башкир, калмыков, финно-угорских народов Поволжья и Северо-Запада России (см.

Таблица 1. Средние значения краниометрических признаков мужчин из коллективных погребений начала XVIII в., выявленных в районе Сытнинской ул.

№	Погребения 1, 2, 4 и 6			Погребение 1			Погребение 2			Погребение 5		
	n	X	sd	n	X	sd	n	X	sd	n	X	sd
1	208	175.7	6.7	98	176.4	6.8	85	175.2	6.9	24	174.8	5.7
8	208	144.6	5.7	99	145.0	5.8	84	144.3	5.6	24	144.7	6.0
8:1	207	82.4	4.1	98	82.2	3.9	84	82.5	4.4	24	82.9	4.4
17	205	135.4	5.1	97	135.6	5.0	84	135.3	5.1	23	135.3	5.5
9	208	96.4	4.9	98	97.2	5.2	85	96.1	4.7	24	94.8	3.3
45	187	131.8	4.7	90	132.0	4.5	74	130.7	4.9	22	134.6	4.0
48	190	69.8	4.2	92	69.5	4.5	75	70.0	3.9	22	69.8	4.1
51	192	42.4	1.7	94	42.3	1.9	75	42.3	1.6	22	42.5	1.5
52	192	32.0	1.9	94	31.8	1.9	75	32.0	1.9	22	32.7	1.7
52:51	192	75.6	4.8	94	75.2	4.8	75	75.6	5.0	22	76.9	3.8
54	188	24.2	1.7	91	24.3	1.7	74	24.0	1.8	22	24.4	1.7
55	191	49.3	2.8	93	49.2	2.8	75	49.4	2.8	22	49.2	2.6
54:55	188	49.3	4.4	91	49.7	4.2	74	48.8	4.7	22	49.6	4.3
SC	188	9.7	2.0	91	9.9	2.1	74	9.6	1.9	22	9.6	1.9
SS	188	4.5	1.2	91	4.6	1.1	74	4.5	1.3	22	4.4	1.1
SS:SC	188	47.1	11.0	91	47.0	10.2	74	46.9	10.6	22	47.6	14.7
77	186	139.9	4.4	91	139.8	4.0	74	139.7	4.7	20	141.5	4.5
Hzm'	185	126.6	4.6	91	126.8	4.4	72	125.8	4.8	21	127.9	4.6
75(1)	179	30.2	5.0	88	30.5	5.1	71	29.7	4.8	19	30.2	5.7
5	80	98.9	4.3	29	98.6	4.6	31	99.6	3.9	20	98.2	4.5
40	79	94.2	5.1	29	94.2	4.4	30	95.2	5.4	20	92.8	5.5
40:5	79	95.3	3.8	29	95.6	2.9	30	95.4	4.0	20	94.6	4.6
43	78	103.2	3.6	29	102.9	3.8	30	103.6	4.0	19	102.7	2.7
46	75	93.4	5.2	29	92.7	5.0	29	93.4	5.3	17	94.5	5.8
29	80	110.9	4.6	29	111.3	4.3	31	111.4	4.7	20	109.6	5.0
30	77	111.5	6.8	28	113.3	7.0	30	111.8	6.6	19	108.3	6.1
31	77	93.8	4.9	28	94.9	4.2	30	93.3	5.9	19	93.1	4.2
20	80	116.4	4.3	29	116.6	4.5	31	116.7	4.7	20	115.8	3.7

Жирным шрифтом выделены среднеквадратические отклонения, превышающие верхний предел средних величин (Алексеев, Дебец, 1964)

библиографию). В хронологическом отношении датировки большинства групп укладываются в рамки XVII–XIX вв.

Перед проведением анализа нескольких десятков краниологических выборок русских, а также две украинские серии были сгруппированы в рамках восьми территориальных объединений в соответствии с административным делением России в 1708 г. Ниже перечислен состав выделенных объединений, краниометрические характеристики которых были получены среднегрупповым невзвешенным способом: *Азовская губерния*: Липецк (Васильев, Боруцкая, 2011), восточные украинцы (Алексеев, 1969); *Архангелогородская губерния*: Кириллов (Веселовская и др., 2015), Вологодская,

Архангельская губернии (Алексеев, 1969), кладбище в Парковом пер. Вологды (Моисеев и др., 2012); *Ингерманландская губерния*: Тверская, Ярославская, Олонецкая, Псковская, Новгородская, Петербургская губернии (Алексеев, 1969); кладбища Твери (Харламова, 2012); Кашин (Васильев, Боруцкая, 2013); кладбища Старой Ладogi (Алексеев, 1969; неопубликованные данные И. Г. Широбокова), Изборск (Санкина, 2008), кладбища Пскова (Пежемский, 2013), Ярославль (Гончарова, 2011), Старая Русса (Пежемский, 2012); кладбища Великого Новгорода (Евтеев, Олейников, 2015; Пежемский, 2000; неопубликованные данные Д. В. Пежемского), Лезье (неопубликованные данные И. Г. Широбокова), остров КижI (Хартанович, Широбоков, 2014); *Казанская губерния*: христианские кладбища Казани

Таблица 2. Коэффициенты корреляции между краниометрическими признаками (слева от диагонали – стандартные, справа – в изучаемой выборке)

	1	8	17	9	45	48	51	52	54	55	77	zm	75(1)
1	-	0.19	0.43	0.43	0.31	0.18	0.41	0.02	0.17	0.14	-0.26	0.13	0.02
8	0.25	-	0.34	0.44	0.51	0.20	0.38	0.18	0.11	0.22	0.07	0.23	0.00
17	0.31	0.15	-	0.36	0.37	0.16	0.35	-0.05	0.05	0.14	-0.12	0.15	0.14
9	0.33	0.36	0.24	-	0.50	0.18	0.48	0.12	0.42	0.21	-0.22	0.21	-0.03
45	0.41	0.48	0.28	0.37	-	0.20	0.58	0.14	0.28	0.28	0.00	0.28	0.05
48	0.34	0.22	0.21	0.20	0.36	-	0.35	0.41	-0.04	0.75	-0.29	-0.21	0.03
51	0.31	0.20	0.15	0.37	0.45	0.39	-	0.24	0.21	0.32	-0.22	0.02	0.04
52	0.08	0.09	0.06	0.14	0.17	0.41	0.34	-	-0.05	0.47	-0.20	-0.09	-0.07
54	0.20	0.09	0.05	0.17	0.27	0.08	0.27	0.03	-	0.05	0.05	0.17	-0.11
55	0.30	0.20	0.14	0.17	0.39	0.73	0.31	0.46	0.18	-	-0.24	-0.20	0.04
77	-0.31	0.03	-0.12	-0.15	0.02	-0.11	-0.19	0.02	-0.04	-0.05	-	0.29	-0.01
zm	-0.04	0.16	-0.02	0.15	0.12	-0.12	0.07	0.07	0.08	-0.12	0.23	-	-0.18
75(1)	-0.05	0.04	0.05	0.03	0.00	0.01	-0.05	0.01	-0.08	0.01	-0.13	-0.19	-

(Алексеев, 1969; Газимзянов, Макарова, 2012), кладбища Свяжска (Макарова, 2011), Симбирск, Пензенская губерния (Алексеев, 1969), Катунки (Веселовская и др., 2015), Чебоксары (Макарова и др., 2013), Гольяны (неопубликованные данные И. Г. Широкова), Царевококшайск (Макарова, Харламова, 2013), Нижний Новгород (Комаров, Васильев, 2014); *Киевская губерния*: Белгород (Безбородых, Долженко, 2014), Курская, Орловская губернии, центральная группа украинцев (Алексеев, 1969); *Московская губерния*: Переславль-Залесский, Суздаль (Веселовская и др., 2015), Кадаши (Гончарова, 2014), Косино (Евтеев, 2011), Исупово (Васильев, Боруцкая, 2004), кладбища Москвы (Дубов, Дубова, 2000; Веселовская и др., 2015), Московская, Костромская, Рязанская, Тульская, Калужская губернии (Алексеев, 1969), Козельск (Пежемский, Шмытов, 2009); *Сибирская губерния*: Вятская губерния (Алексеев, 1969), Верхотурье, Туринск (неопубликованные данные Е. О. Ражевой); *Смоленская губерния*: Мещовск (Веселовская и др., 2015), Смоленская губерния (Алексеев, 1969).

После построения матрицы расстояний Махаланобиса группы были рассортированы в порядке уменьшения степени общего морфологического сходства с анализируемыми выборками (рис. 2). Распределение минимальных расстояний показывает, что предположение о принадлежности обнаруженных останков военнопленным шведам не находит подтверждения. Даже при перерасчете расстояний Махаланобиса с учетом территориальной антропологической изменчивости шведских и финских групп ни одна из них не входит даже в десятку ближайших к сытинским выборкам серий. Еще менее вероятным является предположение о том,

что в погребениях захоронены башкиры, татары и калмыки, состоявшие на службе в иррегулярной коннице Петра I. Ближайшее сходство с погребенными имеет население Казанской, Ингерманландской и Архангелогородской губерний. На первый взгляд, имеющиеся данные по русскому населению Архангелогородской губернии противоречат такому заключению. Однако к этой же губернии относились коми-зыряне, входящие в тройку ближайших для каждой из сытинских выборок групп. Кроме того, для выборки из погребения 2 близкими оказываются русские Смоленской губернии, а для выборки из погребения 4 – население Сибирской губернии. В 1708 г. в составе последней находилась значительная часть территории Камско-Вятского междуречья, откуда происходит не только выборка русских Вятки, но и коми-пермяков, а также северных удмуртов.

Высокая степень сходства анализируемых выборок с группами ижоры, карел, удмуртов, коми-пермяков и коми-зырян может свидетельствовать о присутствии среди погребенных представителей пермских и прибалтийских финно-угорских народов. Однако она также может быть связана с тем, что останки из коллективных погребений принадлежали выходцам из локальных групп русского населения, частично включившего в свой состав финно-угорский субстрат. Согласуется с историческими источниками и близость части погребенных к казанским татарам. Последние привлекались к работам как в составе военных частей, так и сменных команд работных крестьян и мастеровых «на вечное житье» (Файзрахманов, 2009).

Таким образом, результаты межгруппового сопоставления свидетельствуют о том, что выявлен-

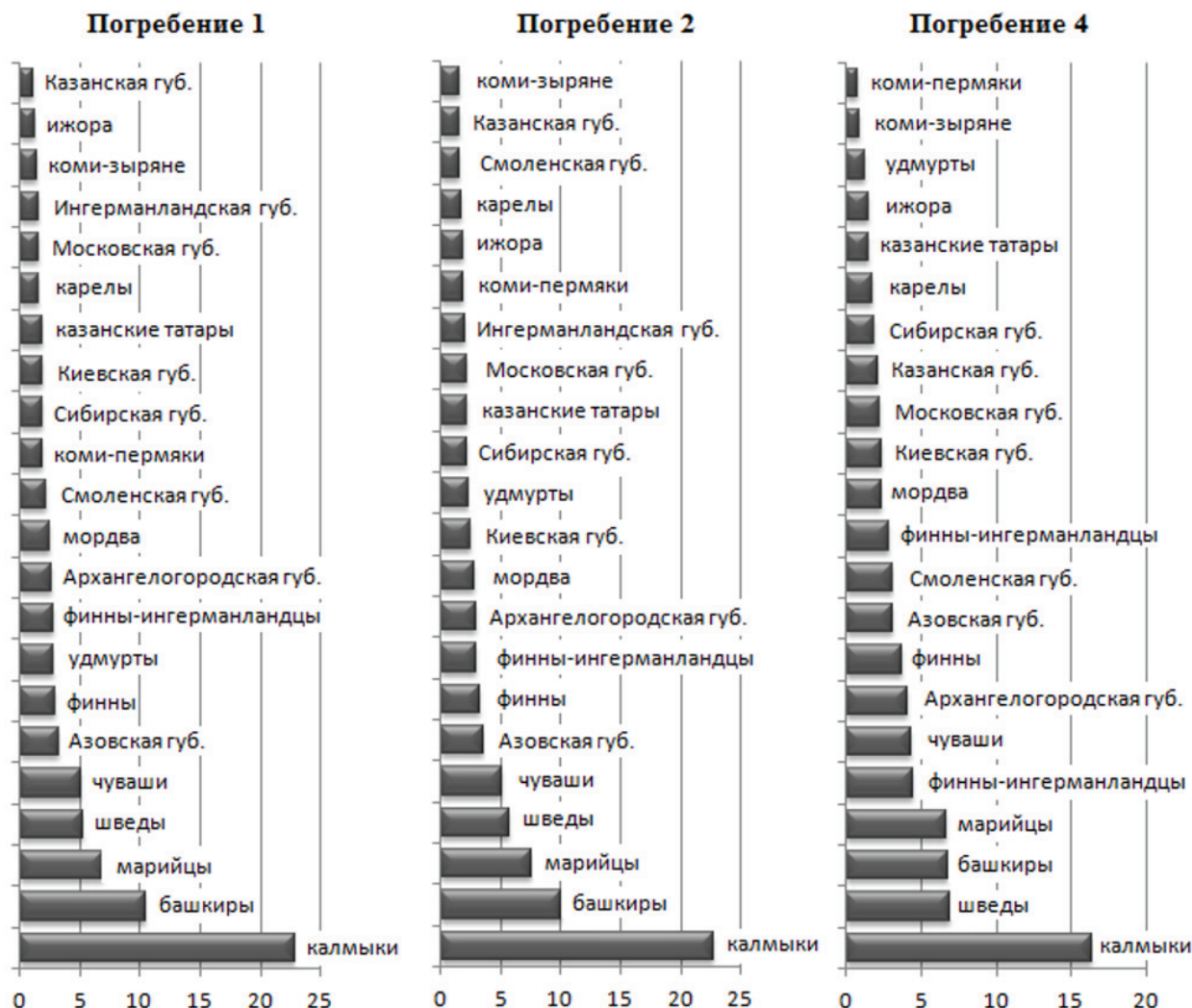

Рис. 2. Расстояния Махаланыбиса между выборками из коллективных погребений 1, 2, 4 и различными этническими группами населения России и сопредельных территорий эпохи Нового времени. Минимальные расстояния соответствуют ближайшему сходству

ные останки принадлежали различным группам населения европейской части России, по своему происхождению связанным преимущественно с ее северными и восточными районами.

Исследование травм и вопрос о смертности среди строителей

Результаты изучения следов прижизненных травм на костях скелета позволяют уверенно отвергнуть предположения о принадлежности останков солдатам российской армии, военнопленным или казненным преступникам. Ни на одном из скелетов не зафиксированы повреждения, которые можно было бы интерпретировать как нанесенные холодным или огнестрельным оружием и/или явившиеся причиной смерти человека. Наиболее часто встречающиеся виды травм приведены в таблице 3. По

всей видимости, большая часть из них связана с причинами хозяйственно-бытового характера.

Ниже приведено краткое описание видов травм, рассмотренных в порядке частоты встречаемости среди погребенных.

Травмы носовых костей – наиболее часто встречающийся в выборке вид прижизненных повреждений скелета. Степень тяжести травм варьируется: зафиксированы как случаи неправильно сросшихся носовых костей, сместившихся в результате удара, так и хорошо зажившие повреждения небольших участков спинки носа. Чаще всего переломы фиксировались на левой или обеих носовых костях одновременно. Причины травм установить достоверно невозможно, но вероятно, в большинстве

Таблица 3. Наиболее часто встречающиеся виды травм в сытинской выборке

Виды травм	Число индивидов	% от общего числа погребенных
Переломы ребер	12	4.7
Переломы ключиц	4	1.6
Травмы носовых костей	19	8.1*
Переломы длинных костей рук	4	1.6
Общее число индивидов с травмами	38	14.9

* Процент рассчитывался от выборки численностью 236 индивидов, поскольку кости черепа у некоторых погребенных отсутствуют или имеют плохую сохранность

случаев они были получены в ходе бытовых конфликтов.

Переломы ребер – второй по частоте встречаемости вид травм. На отдельных скелетах были зафиксированы переломы как единичных, так и нескольких (до семи) ребер. Как правило, число поврежденных костей, установленное для конкретных индивидов, не является надежным, поскольку у большинства погребенных отсутствует полный набор ребер, а индивидуальная принадлежность части последних явно нарушена. Выявленные переломы локализованы преимущественно на истинных ребрах правой стороны грудной клетки. Лишь в двух случаях травмы выявлены на обеих сторонах, и ни в одном – только с левой. Следы повреждений представляют собой единичные костные мозоли разной степени развития, локализованные с дорсальной или вентральной стороны грудной клетки. Как правило, переломы ребер происходят в результате их чрезмерного сгибания в месте приложения травмирующей силы (или в месте наибольшего изгиба кости) и чаще всего связаны с бытовым травматизмом (падением с высоты, падением на человека тяжелых предметов, сильным прямым ударом). Интерпретация абсолютного преобладания переломов костей правой стороны требует привлечения дополнительных источников.

Переломы длинных костей рук выявлены у четырех человек. Вероятно, травмы связаны с производственно-бытовыми причинами. В двух случаях обнаружены переломы правых лучевых костей: хорошо заживший перелом середины диафиза у индивида 39 из погребения 1 и перелом, заживший со смещением частей диафиза в латерально-медиальном направлении у индивида 50 из погребения 2. У индивида 103 из погребения 2 выявлен хорошо заживший перелом дистальной части диафиза правой локтевой, а у молодого индивида 102 из того же коллективного погребения – смещение дисталь-

ного отдела левой плечевой кости относительно линии оси диафиза. При этом латеральный надмыщелок располагается ниже, а медиальный выше естественного положения. Возможно, смещение связано с надмыщелковым переломом плечевой кости и может быть объяснено неудачным падением человека в детском или подростковом возрасте.

Переломы ключиц также зафиксированы у четырех индивидов. В одном случае выявлен хорошо сросшийся перелом средней части (костяк 15 из погребения 1), в другом – заживший перелом со смещением латеральной и медиальной частей (костяк 55 из погребения 2). Еще в двух случаях срастания фрагментов ключицы не произошло (костяки 17 и 51 из погребения 1): вероятно, при наличии подвижности в ключице развился некроз ткани и произошло формирование ложного сустава (псевдоартроз). Следует отметить, что в последних случаях перелом был локализован на левой кости, в случаях срастания – на правой. Эти различия, вероятно, неслучайны и могут быть связаны с большей функциональной нагрузкой, приходящейся на правую руку и препятствовавшей фиксации ключицы в неподвижном положении на период срастания фрагментов. Переломы ключиц чаще всего связаны с падением на вытянутую руку или латеральную поверхность плеча.

Помимо перечисленных травм, в выборке встречаются единичные случаи нарушения целостности других элементов скелета. Так, у костяков 45 и 73 из погребения 1 выявлены единичные травмы в области черепа. У индивида 73 след от предположительной травмы локализован в средней части чешуи лобной кости, у индивида 45 – над левой височной линией лобной кости. Вероятно, в обоих случаях травмы являются результатом удара тупым предметом. В первом случае след представляет собой углубление верхней компакты кости диаметром менее 10 мм, края углубления сглажены по всему периметру, за исключением

переднего края. Во втором случае углубление имеет более вытянутую форму, с неровной в задней части поверхностью и неровными краями. И в том, и в другом случае присутствуют следы заживления кости, т. е. травмы не были смертельными. У костяка 89 из погребения 1 прижизненная травма (возможно, падение тяжелого предмета) первой левой плюсневой кости привела к ее раздроблению на отдельные фрагменты и выраженному воспалительному процессу.

Преимущественно бытовой характер травм в наилучшей степени согласуется с предположением, что погребенные являлись работными людьми, и, учитывая тот факт, что длительность рабочей смены составляла первоначально два, а затем три месяца (Луппов, 1957. С. 78), можно предположить, что выявленные травмы (по крайней мере, часть из них) были получены людьми еще до их прибытия на место проведения строительных работ. Следует отметить, что в абсолютном большинстве случаев выявленные травмы зафиксированы у индивидов старших возрастных когорт (старше 35 лет). У молодых индивидов травмы представлены чаще всего переломами носовых костей, только в двух случаях зафиксированы переломы ребер и в одном – надмыщелковый перелом левой плечевой. У некоторых индивидов встречены травмы сразу нескольких костей. Как правило, эти случаи представлены сочетанием заживших переломов ребра/ребер и одной из костей руки или сочетанием перелома ключицы и перелома носовых костей. В семи случаях из восьми такие случаи также выявлены у индивидов старше 35 лет.

Кроме следов травм, у некоторых погребенных присутствуют следы патологических изменений различных костей скелета, выявление и диагностика которых требует привлечения специалистов-палеопатологов и рентгенографического оборудования. Возможно, что исследование патологий не позволит узнать причину смерти первых строителей Петербурга хотя бы потому, что обстоятельства, приведшие к их смерти, могли не оказать (или не успеть оказать) непосредственного влияния на состояние их скелетной системы. Однако в любом случае такой анализ поможет выяснить, какие конкретные физиологические факторы способствовали тому, что именно эти люди окончили свою жизнь на берегах Невы. Об испытанном физиологическом стрессе свидетельствуют выявленные у погребенных различные заболевания зубной системы (кариес, прижизненная утрата значительной части зубов, эмалевая гипоплазия), периостит трубчатых костей и многочисленные случаи поротических из-

менений наружной поверхности костей свода черепа. По всей видимости, крестьяне, организм которых нередко был ослаблен дефицитом микроэлементов, воспалительными процессами и другими видами физиологического стресса, были плохо подготовлены к неблагоприятным условиям труда и быта в строящемся Петербурге. Тяжесть последних не исчерпывалась ежедневной продолжительной выматывающей работой, сырым климатом и болезнями, но усугублялась злоупотреблениями чиновников и дороговизной продуктов, приводившими к недоеданию и даже голоду (Анисимов, 2003. С. 107–112; Луппов, 1957. С. 94).

Следует также рассмотреть в первом приближении вопрос о численных потерях при строительстве города, неоднократно привлекавший внимание исследователей. Большинство из них сходятся во мнении о том, что сообщения иностранных наблюдателей о 100 тысячах погибших при строительстве крепости сильно преувеличены, но результаты попыток оценить реальные потери сильно разнятся из-за отрывочности сведений в письменных источниках (с историей вопроса можно ознакомиться в: Анисимов, 2003. С. 105–108; Андреева, 2006). К сожалению, накопленные к настоящему времени археологические и антропологические данные не позволяют прояснить этот вопрос. Можно лишь отметить, что сам факт совершения коллективных (и, по всей вероятности, единоразовых) захоронений, не отмечавшихся на картах Петербурга, свидетельствует скорее в пользу предположения о высоком уровне смертности среди строителей.

Заключение

Представленные результаты антропологического исследования позволяют принять в качестве наиболее обоснованной гипотезу о принадлежности скелетных останков из коллективных погребений, выявленных в районе Сытнинской ул., крестьянам, отбывавшим трудовую повинность на строительных работах в Санкт-Петербурге. Предварительные результаты анализа свидетельствуют о том, что своим происхождением рабочие люди связаны с северными и восточными районами европейской части России и являются выходцами преимущественно из Ингерманландской, Казанской и Архангелогородской губерний. Целью дальнейших исследований, основу которых должна составить интеграция антропологических, исторических и археологических данных, может стать точное установление года, в который были совершены захоронения, и более детальный анализ состава погребенных.

Как известно, первые месяцы при возведении дерево-земляных укреплений в 1703 г. использов-

ался труд солдат, затем к работам были привлечены крестьяне Новгородского уезда (Базарова, 2009. С. 237). В 1704 г. в качестве рабочей силы выступили военнопленные и каторжники Анисимов, 2003. С. 93). Тогда же трудовая повинность была распространена на все губернии России. В 1711 г. правительство было вынуждено отказаться от привлечения к работам татар из-за массового распространения практики побегов среди последних (Файзрахманов, 2009. С. 225). С 1712 г. Сибирская губерния была освобождена от работной повинности, с 1713 г. Архангелогородская губерния высылала людей на Котлин (Луппов, 1957. С. 80). В 1718 г. подневольный крестьянский труд был признан неэффективным и строительные работы начали переводить на подряд. Однако продолжали использоваться и силы рабочих крестьян, каторжников и военнопленных, особенно в случае невыгодных для подрядчиков условий (Анисимов, 2003. С. 99–104). Соотнесение этих данных с изложенными выше результатами краниометрического исследования позволяют предположить, что погребения были совершены в промежутке между 1704 и 1710 гг.

Источники и литература

- Алексеев В. П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.
- Алексеев В. П., 1969. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.
- Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.
- Андреева Е. А., 2006. Начало строительства Петербурга: обеспечение работными и мастеровыми людьми в 1703–1712 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Анисимов Е. В., 2003. Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб.
- Базарова Т. А., 2009. Новгородские крестьяне – первые гражданские строители Санкт-Петербурга (1703 год) // Новгородика–2008: Вечевая республика в истории России: материалы Международной научно-практической конференции. Великий Новгород. Ч. 1.
- Безбородых В. И., Долженко Ю. В., 2014. Палеоантропология городских жителей Белгорода XVII–XIX вв. // Физическая антропология: методики, базы данных, научные результаты. СПб.
- Беспятых Ю. Н., 1991. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.
- Васильев С. В., Боруцкая С. Б., 2004. Палеоантропология населения Костромской области XVII в.: по материалам могильника Исупово // Расы и народы. М. Вып. 30.
- Васильев С. В., Боруцкая С. Б., 2011. Палеоантропологическое исследование первопоселенцев г. Липецка (XVIII в.) // Актуальные вопросы антропологии. Минск. Вып. 6.
- Васильев С. В., Боруцкая С. Б., 2013. Палеоантропологический анализ погребений из Кашинского Кремля (Воскресенский 1) // Вестник антропологии. М. № 3(25).
- Веселовская Е. В., Григорьева О. М., Пестряков А. П., Рассказова А. В., 2015. Антропологическая изменчивость населения Восточной и Центральной Европы от средневековья до современности // Вестник МГУ. М. Вып. 1 (Серия XXIII. Антропология).
- Газимзянов И. Р., Макарова Е. М., 2012. К антропологической экспертизе черепов из храма «Во имя святой великомученицы Параскевы Пятницы» // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета. Казань.
- Гончарова Н. Н., 2011. Формирование антропологического разнообразия средневековых городов: Ярославль, Дмитров, Коломна // Вестник антропологии. М. № 19.
- Гончарова Н. Н., 2014. Некрополь у храма Воскресения в Кадашах. Антропологическое исследование костного материала // Кадашевские чтения: сборник докладов конференции. М. Вып. 15.
- Дубов А. И., Дубова Н. А., 2000. Антропологическая характеристика четырех краниологических серий с территории Москвы // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. М. Ч. 2.
- Евтеев А. А., 2011. Краниологические материалы из некрополя с. Козино: предварительные результаты анализа // Актуальные вопросы антропологии. Минск. Вып. 6.

- Евтеев А. А., Олейников О. М., 2015. Археологические и палеоантропологические исследования на Даныславле улице в Великом Новгороде // РА. № 1.
- Ефимова С. Г., 1991. Палеоантропология населения Поволжья и Приуралья. М.
- Комаров С. Г., Васильев С. В., 2014. Краниологическое исследование группы лиц, погребенных в некрополях на территории Нижегородского Кремля // Вестник антропологии. М. № 1 (27).
- Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Тарасов И. И., Шмелев К. В., 2005. Предварительные итоги раскопок на Кронверке Петропавловской крепости в 1998–2003 гг. // Труды Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ. СПб. Т. I: Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг.
- Лапшин В. А., Городилов А. Ю., 2013. Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 году (раскоп 1) // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб. № 3.
- Луппов С. П., 1957. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М. ; Л.
- Макарова Е. М., 2011. Первые поселенцы острова-города Свяжск. К вопросу об антропологическом составе населения // Историко-культурное наследие и современная этнология: материалы конференции молодых ученых (Москва, 16–17 декабря 2010 г.). М.
- Макарова Е. М., Газимзянов И. Р., Михайлов Е. П., 2013. Антропологический состав населения города Чебоксары в XVI–XVII веках: по материалам археологических раскопок 2006 года // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 26 сентября 2013 г.). Чебоксары.
- Макарова Е. М., Харламова Н. В., 2013. Население Царевкокшайска (Йошкар-Олы) конца XVI – середины XVIII вв. по данным антропологии (предварительные результаты исследования) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск.
- Моисеев В. Г., Хартанович В. И., Ширококов И. Г., 2012. Краниология позднесредневекового населения Вологды // Вестник МГУ. М. Серия XXIII. Антропология. Вып. 3.
- Пежемский Д. В., 2000. Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России. Антропология. М. Ч. 2.
- Пежемский Д. В., 2012. Первые палеоантропологические материалы из Старой Руссы // Вестник антропологии. М. № 21.
- Пежемский Д. В., 2013. Новые краниологические материалы по позднесредневековому населению Пскова // Вестник антропологии. М. № 3(25).
- Пежемский Д. В., Шмытов М. А., 2009. Палеоантропологические материалы эпохи средневековья с территории Калужской области // Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований – приоритетное направление археологического изучения Калужской области. Калуга.
- Санкина С. Л., 2008. Два черепа XVI–XVII вв. из Изборска (могильник Скудельня) // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб.
- Семенцов С. В., Красникова О. А., Мазур Т. П., Шрадер Т. А., 2004. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб.
- Сорокин П. Е., 2005. О захоронениях начала XVIII века в центре Петербурга // Петровское время в лицах–2005: материалы научной конференции. СПб.
- Файзрахманов И. З., 2009. Татарский след на берегах Невы: из истории строительства Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII века // Научный Татарстан. Казань. Вып. 2.
- Харламова Н. В., 2012. Тверское население XVI–XX веков по данным краниологии // Вестник антропологии. М. № 21.
- Хартанович В. И., Ширококов И. Г., 2014. Первые материалы по палеоантропологии Кижского архипелага (по результатам охранных раскопок у церкви Преображения Господня в 2006–2009 гг.) // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на Заонежской земле. Петрозаводск.
- Schaefer M., Black S., Scheuer L., 2009. Juvenile osteology: A laboratory and field manual. New York.
- White T. D., Folkens P. A., 2005. The human bone manual. New York.

Список сокращений

АО – Археологические открытия

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

МАР – Материалы по археологии России. СПб.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РА – Российская археология

СА – Советская археология

Список авторов

- С. В. Александров – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. А. Боковенко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Ст. А. Васильев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- И. А. Гарбуз – Санкт-Петербургский государственный университет
- А. Ю. Городилов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- И. И. Еремеев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Д. Д. Ёлшин – Государственный Эрмитаж
- А. А. Иванов – ОАО «Наследие Кубани»
- М. Е. Килуновская – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. В. Курбатов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. А. Лазаревская – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- И. П. Лазаретов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Е. Р. Михайлова – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- Д. Н. Мурзенков – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- Е. И. Нарожный – ОАО «Наследие Кубани»
- А. Е. Носов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. В. Поляков – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Т. Р. Садыков – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Вл. А. Семенов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- С. А. Семенов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. М. Смирнов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- В. Ю. Соболев – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- С. Л. Соловьев – Государственный Эрмитаж
- Н. Ф. Соловьева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- И. И. Тарасов – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- Е. Н. Учанева – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук
- И. А. Федоров – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- Р. В. Филипченко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- И. Г. Ширококов – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук
- К. В. Шмелев – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета

Golfe de Cronstadt

Golfe de Cronstadt

Parade de l'île Ronde

Corps de Garde

Parade de l'île Ronde

Isle de Basile

La

